

НЕВА

ВЫХОДИТ С АПРЕЛЯ 1955 ГОДА

8
2018

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Дарья СТАХАНОВА

Стихи • 3

Наташа ФИЛИМОШКИНА

Русский апокалипсис. *Рассказ* • 7

Нора ЯВОРСКАЯ

Стихи • 15

Елена ЯНГЕ

Старые зеркала. *Роман* • 19

Андрей ЛОГУТЕНКО

Стихи • 159

ВСЕЛЕННАЯ ДЕТСТВА

Вера ХАРЧЕНКО

«Почему ты не хохочешь? Хохотай! Хохочь!»
О детской речи — серьезно! • 163

ПУБЛИЦИСТИКА

Юлия МИХАЙЛОВА

Хренков Дмитрий Терентьевич (1918–2002)
Воспоминания дочери • 169

ПЕТЕРБУРГСКИЙ КНИГОВИК

К 200-летию И. С. Тургенева. *Ирина Чайковская.* Чехов и Тургенев. Типологическое сходство двух персо-

12+

нажей. **Искусство чтения.** *Геннадий Кацов.* Портрет неопознанных пришельцев на фоне молчаливого ушельца. О Викторе Сосноре. **Книжный остров.** Публикация *Елены Зиновьевой* • 195

ПИЛИГРИМ

Архимандрит Августин (НИКИТИН)
О почитании св. великомученика Георгия • 228

Издание журнала осуществляется при финансовой поддержке Министерства культуры и Федерального агентства по печати и массовой коммуникации.

*Перепечатка материалов без разрешения редакции «Невы» запрещена. Электронную распечатку рукописей присылать на почтовый адрес журнала (191186, Санкт-Петербург, а/я 9).
Рукописи не возвращаются и не рецензируются.*

Главный редактор
Наталья ГРАНЦЕВА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Александр Мелихов (зам. главного редактора). **Игорь Сухих** (шеф-редактор гуманитарных проектов). **Ольга Малышкина** (шеф-редактор молодежных проектов). **Елена Зиновьева** (редактор-библиограф). **Наталья Ламонт** (редактор-координатор).

Дизайн обложки **А. Панкевича**
Макет **С. Булачевой**
Корректор **Е. Рогозина**
Компьютерный набор **Л. Жуковой**
Верстка **Д. Зенченко**

Дарья СТАХАНОВА

ПАМЯТЬ

Просто здесь ничего не меняется, кроме названий и интерьера —
Да и мы все те же, сменились только тела.
Те же начальники НКВД, те же беспочвенные дела.
И Москва в тех же кольцах, древесных кольцах Гомера.
Каждое начинание кончается высшей мерой.

Это мы. Это нас кормили прогорклой кашей без молока.
Это мы выросли врагами народа из октябрят.
Это с нас вы сдирали спесь, как кожу ножом с телят.
Это за нами все время смотрят с той стороны замка:
Сначала соседи сквозь скважину, после — каратели у глазка.

Это в нас обратилась Цветаева за петлей,
В нас перешел Гумилев где-то после четвертой пули.
Это нас зачинала в Краслаге при карауле.
В нашу землю не вставить лопаты — артерии под землей,
И не нефть, а кровавая жижа идет струей.

Это мы научились спать стоя, как скот в загоне.
И у нас не мимические морщины — история на лице.
И теперь в выходные мы ходим с семьей в ТЦ,
Обыкновенный районный ТЦ на расстрельном Бутовском полигоне.
И мы так спокойны, будто за нами и нет никакой погони.

Это нас посвятили в зрителей пустоты,
Обязали вариться здесь вечности напролет.
Верные узники прошлого, которое не пройдет,
Полные кавалеры ордена слепоты,
Каждую ночь оживающие кресты.
С безымянных братских могил обугленные кресты.

Дарья Владимировна Стаханова родилась в 1987 году в г. Туле. Получила образование в Российском государственном социальном университете по специальности «переводчик». Начала писать стихи с 10 лет, публиковалась с 13 лет, в том числе в региональных газетах. В возрасте 19 лет выпустила первый сборник стихов «Шаг и мат», тираж которого полностью распродан. В 2013 году вышел второй поэтический сборник «Nota Bene». Лауреат Литературной премии имени В. П. Астафьева в номинации «Поэзия» за 2016 год. Финалист Фестиваля поэзии и драматургии имени Леонида Филатова. Поэтические подборки издавались в журналах «Дальний Восток», «Север», «Слово/Word», «Эмигрантская лира».

ВОЗВРАЩЕНИЕ

А потом я вернусь. И найду вас старой, напуганной и во тьме.
И добуду вам наконец и моржовый клык, и китовый ус.
Между нами снова всего лишь стол — бесполезный дубовый метр.
Между нами снова лишь воздух, нейтральный на цвет и вкус.
Я обрыскал весь мир, ожидая, что кем-нибудь увлекусь.

Но вернулся. В венке из оливы, в льняном пиджаке,
Повидавший все виды, приставший ко всем берегам.
Понимаете, в стае всегда есть нужда в жожаке —
И я был жожаком, беспощадным, гроза всем врагам.
Я сразил целый мир, беспрестанно тоскуя по вам.

Я вернулся. Я вырос в глупца из юнца.
Обо мне ходит слава, дурная, что крымский портвейн.
Я вернулся за правом стоять и курить у крыльца,
А наткнулся на камень в земле, двух ворон и пустой суховой.
И холодное майское солнце, садящееся меж ветвей.

НЕ

Если не веришь, спроси чумного. Времени не воротишь.
От Дамаска остались снимки, Непал в руинах.
Так что лучше трижды подумай на повороте —
Что-то придется выпустить и покинуть.

Не вернуть момента, не высечь искры, не скинуть скорость,
Не взойти меж пшеницы, сквозь камень не просочиться.
Все, что с нами не происходит, — это всего лишь поросль
На фоне того, что уже и не думает приключиться.

НАВСЕГДА

Как кончаешь ты говорить о фактуре моей судьбы,
Так глаза твои обращаются в два колодца на кромке леса.
И ты смотришь в окно, а там пух опустился на город плотной густой
завесой.

Что за сказка с дурным зачином, гнилым замесом?
Все ухабы да рвы. На «авось», «кое-как», «кабы».

Как кончаешь ты говорить и выходишь из комнаты, чтоб сдержаться:
Не трепать мне волос, не пробить кочергою темя.
Я подпиленный винт в самом сердце твоей системы.
Я письмо, что всегда оставляют без подписи и без темы.
Я тот стих, что читатель легко перескажет вкратце.

Как кончаешь ты говорить, и пыльца опадает с лилий со звуком грома.
С этим звуком солдат, марширующих в день парада.
Словно небо в июльский полдень разверзлось градом,
Артострелом над пленным и вымершим Ленинградом.
И в моих перепонках вибрирует гул прибывающих в порт паромов.

Как кончаешь ты говорить, выжигая Помпеи, сдавая Спарту,
Затопляя материки на большой политической карте,
Покрывая торфяники дымом, озимые перегноем.
Так кончаешь ты говорить. Навсегда говорить со мною.

НЕ СМОГ

И потому что надо до снега встретиться, помолчать, проститься,
Посмеяться друг другу в опустошенные злые лица,
Поколоться хребтами, поупираться лбами, помериться ширью ран.
Я с тобой был собой, а теперь — обогащенный взрывной уран.

Я с тобой был глуп, аккуратен, приметлив и терпелив.
Я тебе нужен был на час, как дурак калиф.
А теперь посмотри: у меня между язв проступает вязь,
Я лежу на земле в крови, даже не дерясь.

Посмотри, как меня не щадило лето, застав врасплох.
Я был твой любимый малыш-нарцисс, стал — чертополох.
А ты снишься мне ночью такая же точно, как в феврале —
С этим взглядом впрыток, от которого дрожь, будто ты желе.

Ты была благозвучней песен, наполненной всяких притч.
Ты ложила в меня, словно каменщик клал кирпич.
А теперь в этой кладке дыры чернее самых глубоких шахт.
Где-то там, где, согласно легендам, живет душа.

Я распорот по шву, словно заяц, и лезет вата.
Я тупой или острый угол внутри квадрата.
Я был к месту всегда, а теперь стал не вовремя, недосуг.
Я сухой и трухлявый, спиленный мертвый сук.

И потому что нам надо было встретиться и проститься.
Выпить наспех кофе. Тебе с молоком, корицей?
Я бы справился, сдюжил, выжил и пережил
Разлуку, затянутую бечевкой из моих первоклассных жил.

Только ты порешила оставить сохнуть меня, как мох.
Кстати, если читаешь это, то я не смог.

ЗДЕСЬ ВСЕ ПРОСТО

Либо река, бегущая между нами, мне снится,
Либо и впрямь течет.
Ни берегов, ни уровней, ни границы,
Притоки на пересчет.
Что-то несет еще.

Воды не для рыбалки, камни не для поделок,
Рыба не для сетей.
Лещины полны орехов, только вот не для белок.
Берег не для гостей.
Время не новостей.

Время следить за руслом, жить между нашей глади,
Удерживать берега.
Мы с ней, наверное, сладим.
Смоем с земли снега.
Так ты мне дорога.

Наташа ФИЛИМОШКИНА

РУССКИЙ АПОКАЛИПСИС

Рассказ

Народ, переставший гордиться прошлым, забывший прошлое, не будет понимать и настоящего. Он станет равнодушным ко всему, оупеет и в конце концов превратится в стадо скотов.

Меморандум СНБ 20/1 (США)

Россия — побежденная держава. Она проиграла титаническую борьбу. Она бросила вызов США. Она была побеждена. Россия будет раздробленной и под опекой.

*Бжезинский. Выбор. Мировое господство
или глобальное лидерство*

Бывший город Бердск, а ныне город № 24 просыпался медленно. Муниципальные автобусы (грязные снаружи и вонючие внутри) ездили вразнобой, большая часть предприятий уже была вырезана на металлолом, так что рабочим некуда было спешить, а новые хозяева жизни славились ленью. Модные и дорогие авто заполняли центр города только к полудню.

— Купите жареных колорадов! Купите жареных колорадов! — мальчишка пристал к сонному и хмурому Денису, тыча ему в лицо овощные шашлыки на тонкой острой палочке.

— Отвали! — грубо оскалился Денис.

Мальчишка нехорошо зыркнул.

— Вот скажу сотнику Мыколе, что ты не хочешь жрать колорадов!

— Вали, я сказал!

Мальчишка убежал. Денис решил оставить центральный район и поискать еду и деньги в спальном районе. Все знали: сотник Мыкола — редкостная с...ка. Второй человек национальной полиции города № 24.

По дороге Денис тщательно осматривал мусорные баки, ему нужна была хоть какая-нибудь обувь — кеды или ботинки, тогда существование станет более-менее сносным. В шлепанцах становилось совсем уж холодно. Осень приближалась мягко и ка-

Наташа Филимошкина родилась в г. Печоре, Республика Коми. Окончила Днепропетровский национальный университет, историк и практический психолог. Публиковалась в журналах «Слово/Word» (США), «Новый берег», «Уральский следопыт», «Урал», «Литературная Россия», альманахах «Вайнах» (Чечня), «Новый современник», Litera_Dnepr, New Scientist RU, «Роман-газета», «Родная Ладога», «Балтика», «Литературная учеба». Участник Форума молодых писателей России и зарубежья, Москва, Липки (2009–2012). Живет на Украине, в Днепропетровске.

залась покладистой, но по прошлогоднему горькому опыту Денис знал: все обманчиво. Теперь кругом был обман: в природе, людях, жизни. А заморозки неизбежны. Но ни один богач не выбросил обуви. И это было скверно.

Подойдя к КПП, отделявший центральный район от спального, Денис показал документ, на нем стояла четкая и аккуратная печать, а чуть выше красовалось заветное слово «благонадежный». Это значило — он прошел все государственные проверки, доказал лояльность режиму, солидарность новой власти и, случайно обнаружив советского, а в простонародье рашиста, с радостью сдал бы его в руки правосудия. Раньше, конечно, говорили — русского. Но с 1 июля вступил запрет на слово «Россия» и все от него производные.

Два крепко сбитых латыша презрительно осмотрели Дениса. Один не смог сдержать переполнявшие его чувства и с удовольствием харкнул Денису на ноги. Оба заржали.

— Проходи, быдло. Твой лимит на посещение центрального района исчерпан.

— Какой лимит?

— Вчера приняли постановление. Читать, что пишут на столбах, надо!

— Извините, я обязательно буду читать.

— То-то же! — латыш поучительно поднял палец кверху. — Теперь раз в месяц можно ходить в центр. Усек?

— Усек. Но ведь я истинный гражданин, у меня документы...

— Ты говно второго сорта! — и чтобы поставить жирную точку, латыш замахнулся дубинкой и крепко приложился к худой спине Дениса. Тот упал, но быстро поднявшись, тяжело вздохнул.

— Спасибо.

Латыши опять довольно заржали.

Денис медленно брел по узкому переулку к окраине. Это еще он хорошо отделался. В прошлый раз его пинали ногами и заставляли пить мочу. Ему реально повезло.

На окраине, как всегда, было шумно, движняк здесь стоял в любое время суток. На месте бывшей фабрики раскинулся рынок — торговали всем, чем только можно было, от наркотиков и оружия до спичек и зажигалок. Кто-то умудрился продавать в консервных банках даже совесть Горбачева и последнего рашистского президента. Голь на выдумки хитра! Здесь собирались городская братва, гопники, проститутки, местные, которым некуда было податься, и те, для которых рынок стал средоточием жизни и единственным маяком, которого следовало держаться. Кто-то отводил душу за разговорами, кто-то за халявой, кто-то за воровством или хулиганством, каждому находилось занятие.

Денис сразу увидел кроссовки, но стоили они бешеные деньги — три миллиона рублей! Надо было подумать, где и как их достать. Проще было украсть, но он пока не освоил это ремесло в полной мере, так, чтобы не попадаться.

Денис присел возле какого-то оборванного и грязного старика, шамкавшего губами. Он присматривался к рыночной жизни, к заваленным всяким хламом торговым местам, продавцам и покупателям. Возможно, он увидит то, что ему нужно, раньше конкурентов, круживших между рядами и огромными мусорными кучами, которые месяцами не вывозились и растаскивались по рынку, или, как и он, сидевших в стороне в ожидании очередного лоха.

Рядом старик без устали что-то бубнил себе под нос. Денис не выдержал, наклонился к нему, спросил:

— Чего говоришь, отец?

Старик поднял осунувшееся голодное лицо, в выцветших от слез и безысходности глазах плескалось столько отчаяния, что у Дениса предательски запершило в горле.

— Сынок... как же... как же это все случилось с нами? Почему с нами? Что? Что мы делали не так?

Денис осмотрелся по сторонам. Все знали, что у сотника Мыколы тысячи стукачей, а старик-то явно еще советский. Его, конечно, никто не заставлял отвечать, он поднялся, чтобы пересесть на другое место, подальше от беды, как говорится. Но не сдержался и, наклонившись к уху старика, злобно прошипел:

— На ж... не надо было сидеть! Под партнеров ложиться не надо было, а свое защищать!

Презрительно сплюнув, Денис отошел. Новое место оказалось лучше, да еще под огромным агитационным плакатом: «*Советский народ — народ-порабитель и народ-убийца. В советских тюрьмах сгнили миллиарды честных и свободных людей. На советских заводах и предприятиях, в школах и садиках угнеталось стремление к демократии. Теперь оковы сброшены. Народ-убийца повержен. Ты свободен!*»

— Слышь, мужик, — к Денису подошел долговязый пацан, — талоны на Интернет возьмешь?

— Ух ты, а где достал?

— Где достал, больше нет.

— А у меня бабла нет.

— Так бы сразу и сказал, — обиженно протянул пацан.

— Но я знаю чувака, который может у тебя купить. На сколько хоть талоны?

— Сто гик.

Денис завистливо присвистнул. В прошлой жизни у него были и ноутбук, и айфон, и безлимитный трафик, но с 1 января истинным гражданам Интернет не полагался, а на всякие компьютеры и телефоны уже денег не было. Богачи, конечно, жили по другим законам.

— Запомнишь?

— Ага.

— Угол Пятьдесят Седьмой и Тридцать Восьмой улиц, на третьем этаже, там только две квартиры. Спросишь Олега. Что непонятного?

Пацан шурился, явно пытаясь что-то вспомнить.

— Я не понял, где эти улицы. Помнишь их бывшие названия?

— Твою мать! Может, ты стукачок?

— Да не стукач я! Ну реально не понял, где это Пятьдесят Седьмая и Тридцать Восьмая?

Денис, а вместе с ним и пацан оглянулись по сторонам.

— Угол Большевистской и Парижской Коммуны.

— Точно! — пацан хлопнул себя по лбу. — Замахали своей декоммунизацией! Такого наворотили с названиями. Я в родном городе теперь не пойму где и что.

— Да не ори ты так, — одернул пацана Денис. — Тебя как зовут?

— Тёма.

— Ну, дерзай, Тёма. Хорошего тебе заработка.

Пацан счастливо улыбнулся, лицо его стало добрым и наивным. Он явно еще хотел что-то сказать.

— Ну чего?

Тёма быстро зашептал:

— Ходят слухи, что наши за Кемерово собираются. Скоро сюда придут.

Было видно, что от радости Тёма готов из трусов выпрыгнуть.

— Слушай, пацан, никто никуда не придет, и никто никого не спасет. Все кончилось. Выброси этот бред из своей тупой башки и смотри за такой базар на сотника не нарвись.

Тёма с таким сожалением смотрел на Дениса, словно тот был тяжелобольным и жить ему осталось часа два.

— А я верю. Наши все равно вернутся, даже если я буду их один встречать.

— Ты не видел, как в Екатеринбурге танки людей давили, а в Белгороде администрацию сжигали?

— Все равно верю. Верю!

— Как знаешь, — Денис устало махнул рукой. Такие дурачки казались ему редким вымирающим видом существ, чудом сохранившиеся после катастрофы. Стучать на них было жалко.

На том и расстались.

Наконец-то привезли гуманитарную помощь. Именно на нее Денис и рассчитывал. На кузове фургона гордо развевался американский флаг.

Активно работая локтями, Денис оказался в первых рядах. Упитанный маленький мужичонка не спеша открыл фургон, нацгвардия сдерживала самых нетерпеливых

— Свободные граждане, — обратился к толпе мужичонка, — наш большой и верный друг Америка прислала вам помощь. Американский президент заботится о вас. Он знает о вашей борьбе за демократию и о том, что вы наконец-то сбросили оковы тысячелетнего рабства и тоталитаризма. Рашке конец! — Толпа восторженно взревели. — Кончился советский народ, есть свободные граждане. Убей в себе москаля, — визгливо закричал мужичонка.

— Убей в себе москаля! Убей в себе москаля! — скандировали сотни глоток.

После разъяснения политических нюансов в дело вступила нацгвардия.

— В очередь, быдло!

Денис вырвал из рук мужичонки заветную гуманитарную помощь — покрытое плесенью американское галетное печенье и двенадцать засохших булочек. Он тут же все это продал за три с половиной миллиона рублей и купил себе кроссовки. Но душа вошла в праздник. За восемьсот тысяч он продал и шлепанцы. На руках появились деньги — миллион триста тысяч! Денис решил на хороший обед. Кто знает, что случится с ним в ночлежке и будет ли у него завтра? Что ни ночь, то убийства.

Идя в закусную, Денис внимательно читал красочные яркие плакаты, они были вместо новостей, в ночлежке уже два месяца не работал телевизор. А пропаганда отражала курс властей в туманное будущее. «Помни, гражданин, Америка освободила тебя от тысячелетнего рабства», «Увидел рашиста — сдай в полицию», «Твои родители ведут странные разговоры, они недовольны — звони в полицию и получи награду», «Смерть рашистским оккупантам», «Наша идеология — новая раса».

Завернув за угол, Денис почувствовал, как от страха по спине забегали холодные мурашки. Возле закусной стоял сотник Мыкола со своими ручными отморозками. На асфальте лежали шесть обугленных трупов. Их стали закидывать в только что подъехавший грузовик. Его заприметили сразу, и сворачивать было поздно. Нацепив на лицо глупую улыбочку, Денис как ни в чем не бывало подошел к закусной.

Сотник Мыкола, коренастый мужик с кривыми ногами из Мариуполя, пронзительно буравил его взглядом. Денис, конечно, не верил в свою удачу, но надеялся, что пронесет. Он уже собирался войти в зал с вкусными ароматами, но почувствовал — достанут.

— Стоять, — хрипло приказал Мыкола.

Денис развернулся и тупо уставился на сотника.

— Як обстановка? — ласково протянул сотник. Он не знал ни русского, ни украинского, а вот суржилом владел сносно. Несмотря на сильное гэкание и намеренное перекручивание слов, местные его понимали.

— Все замечательно. Меня все устраивает.

— Ты из двенадцатой ночлежки?

— Да.

— И шо кажуть?

Денис пожал плечами.

— Ничего не говорят. Что пожрать думают и где деньги раздобыть.

— Цэ гарно. Савецкому быдлу нефиг думать.

— Мы больше не советские, мы свободные граждане.

— Та ну! — Мыкола веселился. — Я вас, савецких, чую. Видишь оцых, — сотник указал на обугленные трупы в грузовике, — возмущались чымось. Балакалы, че это мы у них квартиры ришылы реквизиловать. Балакалы, шо при савецкой власти ее получылы и не нам ее реквизиловать. Много чего балакалы, пришлось врозумыты их.

— Вы правильно с ними поступили, — быстро заговорил Денис. — Мы жили в рабстве, нас угнетали с детского садика, даже голодомор заставили устроить великой европейской Украине. Простите нас.

— Молодчина хлопчык, — грязной широкой ладонью сотник схватил Дениса за горло. — Мы теперь хозяева жызни, — говорил он тихо, ласково, убедительно, но во всем его неряшливом виде сквозила смертельная угроза. — Мы победили савецких, живьем в землю врыли. Нэ було ниякого Савецкого Союза. Понял? Кончилась Рашка! Понял?

— Конечно, — прохрипел Денис, — спасибо, что Америка и весь мир помогли нам образумиться.

Никто не мог объяснить, почему демократическое временное правительство называло местное население советским и почему на каждом углу орали о борьбе с Советским Союзом, который благополучно был разрушен уже как десятки лет назад. Все это папахивало шизофренией, и с какого-то момента в Денисе стало развиваться чувство, что он живет в психиатрической больнице, из которой куда ни сбежишь, попадешь в точно такую же.

Сотник заулыбался, отпустил горло.

— А Бандеру уважаешь?

— Он мой герой. У меня даже портрет его есть, только он в ночлежке остался.

— А гимн нашей нэньки знаешь?

— Разучиваю.

— А шо так? Слабо вывчыть за рик?

Денис лихорадочно соображал.

— Понимаете, там такие красивые слова, хочется без акцента их петь.

— Ото ж, з намы увэзь свит, — сотник вытащил из кармана штанов сигареты, добродушно предложил Денису. — Правыльна була вийна проты савецких, як Бандера й завещал. Жаль, шо амерыканський президент так довго тягнув. Мабуть за яйца тягнув.

Сотник заржал.

— Мыкола, ну ты скоро? — из машины высунулась бритая голова.

— Щас. Дай з людыною побалакать. Если че почувешь, мигом ко мне.

— Понял.

— Я ведь не тики Майдан и Донбасс пройшов, я и Белгород и Йкатеренбурх пройшов. У меня чуйка, смекаешь? Якась рашистка гнида тута завелась. Видимо, не усих савецких мы пожгли.

— Понял. В оба буду смотреть.

...Первым делом Денис забежал в туалет, облегчился, отдышался, затем вышел в зал и выбрал дальний столик. Неужто тот пацан прав оказался? Верить в то, что где-то кто-то сопротивляется, он запретил себе сразу. Но надежда уже бросила слабый рюк. Только бы он ни за что не зацепился, только бы не начал набирать силу.

Несмотря на пережитое, аппетит у Дениса был хороший: горячий борщ с мясом, пюре с жареной рыбой, салатик, компот из сухофруктов, три куса свежайшего хлеба. Никакие убийства или обугленные трупы, угрозы сотника не могли заставить его отказаться от наслаждения едой — вкусной, горячей, настоящей! Ночлежная баланда

и рядом не стояла! Он давно понял: выживет тот, кто научится мгновенно забывать любой происходящий вокруг ужас. Не думать, не рефлексировать, не анализировать — вот три его главных правила!

За обед Денис заплатил четыреста пятьдесят тысяч и уже собирался выйти, но тут зафырчал приемник, и все посетители, как по команде, встали, вытянулись, с благостным выражением лица вслушиваясь в слова диктора.

— *«Как ненужный пережиток советской и рашистской эпохи четвертый энергоблок атомной электростанции Пятнадцатого города был взорван. Остальные энергоблоки остановлены и также подлежат ликвидации. Полтора миллиона неблагонадежных уничтожено, все свободные граждане живы и здоровы. Наконец-то наши граждане получили еще один вид долгожданной демократической свободы — от электричества! А сейчас реклама».*

Денис растерянно переглядывался с посетителями. У всех было выражение забитости и страшного отчаяния, которое ни с кем нельзя было разделить. По залу испуганно шелестело:

- Что это за Пятнадцатый город?
- Ростов-на-Дону.

Денис быстро взял себя в руки, натянув на лицо тупое дежурное выражение. Здесь явно были стукачи нацполиции, иначе зачем по радио такое объявление давать, ищут неблагонадежных.

Выйдя из кафе, Денис немного постоял. Не думать, не рефлексировать, не анализировать — это святые правила. Но помимо его воли в душу прорывались воспоминания о светлом, радостном, большом городе, в котором он отдыхал у бабушки.

На улице чувствовалась осенняя прохлада. Заморозки близко.

На следующем перекрестке стояла огромная зеленая палатка. Денис из любопытства решил подойти, к нему радостно подскочила тетка.

— Молодой человек, подпишите требование. За это гречка полагается, — многообещающе заверила она.

— Что за требование?

— О закрытии Института медицинской биотехнологии как совкового и рашистского пережитка. Это советские дебилы пахали, а мы, слава богу, свободные. Нас весь мир поддерживает!

Денис какое-то время смотрел на тетку. У него и слов-то никаких не было. У него вообще уже ничего не было — ни квартиры, реквизированной год назад, ни работы, предприятие давно распилили, ни будущего, ни души, ни сердца.

— Да, наконец-то мы свободные, — устало произнес он, подписывая требование и получая заветный килограмм гречки. Варить ее было негде и не на чем, на рынке гречка легко ушла за полтора миллиона рублей.

Сидя под стеной дома, Денис наблюдал за дневной рыночной жизнью. Вот странно, многие должны уже от голода пухнуть. Но нет! Снуют туда-сюда, туда-сюда. И богачей предостаточно, но они в основном тусовались в центральном районе, там были рестораны, ночные клубы и даже сохранился один кинотеатр. В общей массе народец пообносился, обеднел. Гнилья в народце много оказалось, зассал народец, когда настало время X. Вот теперь пусть и хлебают горькие щи. Только лохи за таких расписываются. Он не такой, он не вступится. Давай росток надежды, вырывайся. Правильно, что взорвали атомку, правильно, что режут заводы, мать их... Денис закашлялся от удушенных слез. И вдруг ему захотелось вывалить всю свою душу, зарать отчаянно, завывать по-звериному...

— Парень, ты чего? — седовласый мужик с большими грустными глазами больно толкнул его в грудь. — Под дурью, что ли?

Денис кивнул.

- Так и мне продай. Боженька завещал делиться с ближним.
- Нет больше, все использовал.
- Эх ты, тютя-матютя, — неожиданно сказал мужик.

Окончательно протрезвев душой, Денис глянул на мир и понял, все, что он может — плыть какашкой по реке, дай бог, не потонет, а может, и к берегу прибьется.

Дело шло к четырем часам. Денис удачно сторговал осеннюю куртку. Несмотря на разного рода волнения, день оказался везучим. Он еще надумал побродить по рынку, авось что приглянется. Денис, конечно, решил так по привычке, он давно был лишен быта, а из собственности — грязный, вонючий матрац в ночлежке, как и у большей части населения в городе. Но уж очень захотелось прикинуться, что та прежняя жизнь никуда не делась.

Все новости теперь узнавались на рынке. Цены на газеты взлетели до небес — они были доступны богачам и политикам. Хотя в принципе и в них скоро надобность отпадет.

- Слыхала, Митрофановна, в школах отменили чтение и счет.
- И как теперь детям?
- Сказали, только четыре класса, а потом сразу на работу.
- На какую? Заводы то тютю.
- Ты чего! А сколько олигархов у нас сейчас, каждому дворец, дачу построить. Всегда работа найдется.
- Так у нас будет Сибирская республика или нет? Слышь, Петрович, будет или нет?
- Та мне откуда знать! Все ж теперь временное демократическое правительство решает.
- Вы еще рубли принимаете? А то, говорят, скоро новые деньги введут.
- Все наши песни запретили. Все. Так что ж нам теперь — и не петь?
- Мужик! Это у тебя чего? Пушкин. Ты что, офонарел! В лагерь захотел? А ну выкинь или сожги. Нет больше Пушкина, понял? И правильно сделали, что запретили, нефиг всякую хрень читать.
- Говорят, отменят теперь ночные поезда, мол, в Европе так не принято.
- И как теперь добираться?
- Днем поезд будет идти, а ночью на станции стоять.
- И чего, теперь неделями добираться?
- Может, и месяцами. Все новые составы на металлолом уже сдали. А на дорогу поставят давно списанные. Да и дороги пока между областными центрами оставят, а остальное разберут. Вот и думай, как теперь ездить. Никак.

Уже на выходе из рынка Денис опять столкнулся с мужиком, который про дурь спрашивал. И вдруг вспомнил, что знает его. Мужик был из неблагонадежных, бывший батюшка. После запрета православия, поджога и отъема церковью в приходы других конфессий он умудрялся какое-то время нести службу в подпольной церкви. За что две недели провел в подвале нацполиции. Вышел оттуда калекой и наркоманом.

Денис пошел вниз по улице. Подойдя к КПП, стоявшему на выезде из города, показал документ о благонадежности. Смена попала почти хорошая, украинская.

- Кто я? — вальяжно спросил дежурный, цыкнув слюной сквозь зубы.
- Хозяин жизни и мой господин, — заученно ответил Денис.
- Ты гляди, — украинец добродушно улыбался, — от хитрые савецкие с...
- Я не советский. Я истинный гражданин.

Из здания вышел второй дежурный, поправив на плече автомат, хмуро посмотрел на документы.

- Имя?

— Денис Хорошев.

— Куда направляешься? — спросил на хорошем русском без всякого акцента и гыкания.

— В деревню Морозово, — Денис осекся, — простите, я забыл ее новое название.

— Ничего, выучишь еще. Цель визита?

— У меня там мама больная. Иду проведать.

Дежурный внимательно осматривал его, изучал столь дотошно, что Денис начал сомневаться, уж не государственный ли он преступник ненароком.

— Смотри не балуй. Если что увидишь или услышишь, обязан заявить в нацполицию. Скроешь информацию — пойдешь в лагерь на десять лет за пособничество.

Денис кивнул.

— Слава демократии!

— Героям слава!

Денис не верил своему счастью — не били, не унижали, не заставляли пить мочу, а просто взяли и пропустили. Вот что значит попасть на хорошую смену!

Как только КПП скрылся из виду, Денис сошел с дороги. Он в последний раз оглянулся на город — окраину и спальные районы съела тьма, свет был только в центральной части, у богатых.

— Свобода от электричества, — прошептал Денис, — молодцы, хорошо придумали, мозговитые вы ребята, ничего не скажешь.

Он расправил плечи, сделал шумный вдох-выдох, избавляясь от того, что за сегодня наслушался, насмотрелся, напереживался. Откашлялся, вспомнив сигарету сотника Мыколы. А затем пошел в лес, который с детства знал как свои пять пальцев. На расвете Денис был уже у тайника: рюкзак, армейские сухпайки, фонарик, нож, пистолет, патроны, сигареты, документы на имя Сергея Олейника, зажигалка. Он сделал этот тайник сразу после начала военной операции европейских партнеров «Усмирение России» и не пожалел. Многие мужики, развесив уши, ждали каких-то действий от последнего президента, но кто ж друзьям и партнерам будет оказывать противодействие! Так многие мужики и сгнули, и себя не спасли, и семьи загубили.

Денис неспешно позавтракал. С наслаждением выкурил сигарету. Оглянулся, осмотрелся, порадовался речной прохладе, идущей от водохранилища, заулыбался рассвету. Слово все было, как и раньше. Слово не случилось беды и геноцида, голода и нищеты, тотального уничтожения.

Идя по лесу, чувствовал, что оживает. Душа распрямлялась, потягивалась. Эх, надежда, пустила все-таки корни.

Взойдя на возвышенность, долго и грустно смотрел на когда-то мощный и уникальный бывший Новосибирск, а теперь серый депрессивный город № 36.

Небо было чистым и звонким, природа раздольной. От огромного пространства и невероятной, почти космической красоты кружилась голова. Сибирь!

На окраине леса Денис увидел большой камень, его явно недавно притащили. Подойдя к нему, обомлел. Кто-то с чувством и толком, со знанием дела выбил текст: *«Мы — русский народ. Народ-победитель. Народ-труженик. Это наша земля. Наши города и заводы. Мы будем драться за Русскую землю. Вставай на борьбу, русский народ!»*

Денис громко рассмеялся, до слез, до боли в душе. Затем внимательно осмотрелся. Вроде тихо. Еще не хватало нарваться на волонтеров, те не задумываясь сдадут в нацполицию.

Чуйка у сотника Мыколы отменная.

Перекинув рюкзак через плечо, Денис пошел в сторону бывшего Кемерова.

Нора ЯВОРСКАЯ

* * *

Не спеши уходить от погони,
во всю силу рвануть погоди.
Дышат в спину храпящие кони, —
это ветер попутный в пути.

Оторвешься, уйдешь, обернешься, —
позади никого. Пустота.
И с хорошего шага собьешься,
и вдвойне удлинится верста.

И не сможешь с расслабленной силой
дотянуть до — к вершинам! — броска,
и окажется недостижимой
цель, что прежде, казалось, близка.

* * *

Мыслей величие затаилось
в камерах книжек.
Планка достоинства опустилась
пояса ниже.

Кто о свободе духа хлопочет?!
Это — не модно.
Тело сказала, что оно хочет, —
вот вам — свобода!

Слова свобода целится хищно, —
это не ново.
Секса свобода — демократична:
всем — и бескровно.

Элеонора Робертовна Яворская — поэт, переводчик, прозаик. Родилась в 1925 году в городе Порхове. В 1947 году окончила Московский институт культуры. Публикации последних лет в журналах: «Звезда», «Нева», «Петербург», «Второй Петербург», «Царское Село», «Аврора» «Вышгород» (Таллин), «Vikerkaag» (Таллин в пер. на эст.), альманахах «Медвежьи песни», «Царскосельский альманах», в коллективных сборниках и др. Автор многочисленных переведенных, в основном с эстонского языка, книг и двенадцати сборников оригинальных стихотворений, первый — «Здесь мое счастье» (Л., 1962), последний — «Капелька человеческого потока» (СПб., 2014). Член Союза писателей с 1963 года. Заслуженный деятель культуры Эстонской ССР (1985). Живет в Пушкине.

ВЫСОКИЙ ВОЗРАСТ-1

Попытаешься снова войти,
позабыв о законах старенья,
к тем, кого растеряла в пути, —
не приемлют. Идет отторжение.

Если кто удостоит опять
добрым жестом, приветливой фразой,
не потянешься робко — обнять,
отторжение почувствуешь сразу.

Пожелтевший осенний листок
так кленовая ветвь отторгает.
И иссохший его черешок
почка новая — сбросить! — толкает.

ЛЮБОВЬ И КОШКА

Он нежностей не одобрял,
считал их бабьей блажью.
Он время даром не терял, —
был занят тем, что важно:
за хлебом в магазин ходил
и, приходя с работы,
с женой по-честному делил
семейные заботы.

Потом, чтоб, отойдя от дел,
расслабиться немножко,
у телевизора сидел
и гладил, гладил кошку.
Ее ласкать не уставал,
пристроив на колени.
Ежевечерний ритуал —
с мурлыкою общенье.

Жена, обычай видя тот,
не подавала вида,
что у нее в душе растет
и зависть, и обида.
Как будто этот «кошкин час»
был у нее украден...
Уж лучше бы ковры не тряс, —
жену бы на ночь гладил.

Муж изо всех старался сил,
чтоб ей жилось полегче...

Конечно, он жену любил,
но кошку все же крепче.

* * *

Звезда взошедшая сказала:
«Страданиям не было конца.
Мне слава матери мешала,
мешал высокий чин отца.

Но я стремилась, я добилась,
сама пробилась, вопреки!
В элите я укоренилась,
теперь победы мне легки».

А у Таланта я спросила,
что разгружает поезда:
«Сломала жизнь какая сила?
Родители мешали?» — «Да!

Признание высшее был вправе
я получить. Но под конец
вмешались: мать Звезды — при славе
и при больших чинах — отец».

* * *

Я застряла на горе,
лишь дойдя до середины.
Вот и вечер на дворе, —
не добраться до вершины.

Поглядела я наверх,
вижу, там такие люди,
для кого судьба успех
преподносит, как на блюде.

И упала сразу духом, —
у меня-то — невезуха.

Посмотрела вниз потом, —
вижу, там идти устали
те, что на гору подъем
и на треть прошли едва ли.

И решила: «Божья милость!
Я удачливой родилась!»

УМЕРЕННЫЙ БУНТАРЬ

Был он пешкой, нынче — в дамках.
Он умеренный бунтарь.
Он всегда в законных рамках,
а не то, что было встарь.

Не берет топор и вилы,
и булыжник — ни к чему.
Он бунтует не по силе,
он бунтует по уму.

В даты носит он плакаты,
чтобы видели — он бдит!
Он пробился в депутаты,
где без дела не сидит.

Строит виллу, чтоб без риска
отсидеться вдалеке, —
вдруг подступит к Думе с иском
тот — с булыжником в руке.

* * *

Сидит на дубе мужичок,
долбит топориком сучок.
Сосед кричит ему: «Э-гей!
Смотри, что рубишь, дуралей!
Сук, на котором сам сидишь, —
иль ты собой не дорожишь?!
С такого дуба упадешь,
так и костей не соберешь!»

Ему в ответ: «А упаду,
не на твою, сосед, беду.
Чем о моих костях тужить,
к Земле ты ухо приложи, —
и днем и ночью — тук да тук! —
всем миром тот же рубим сук.
Не отбояришься, шалишь!
На том суку и ты сидишь».

Елена ЯНГЕ

СТАРЫЕ ЗЕРКАЛА

Роман

Изнутри просияло облако,
Стало вдруг светло и таинственно...
София Парнок

ЧАСТЬ I ПОД КАБЛУКОМ

Глава 1

— Имя — визитная карточка человека, — сказал Александр Владимирович. — Назовем сына Максимилианом, что в переводе с латыни — «величайший из рода Эмилиев».

Связь с родом Эмилиев Людмила Ивановна не уловила. Она поступила проще — стала называть сына Максом. Александр Владимирович не возражал. Полистав книги по детской психологии, он погрузился в составление плана развития Максимилиана. Сюда входило множество дисциплин: знакомство с музыкой, историей, живописью, литературой, приобщение к театру. Отсутствовало одно — физическое воспитание. Причина была очевидной: Александр Владимирович и спорт находились в параллельных мирах.

Выполняя план мужа, Людмила Ивановна водила Макса в цирк, на концерты, в театры; учила мальчика читать и писать. Когда сыну исполнилось пять лет, Александр Владимирович объявил о векторном этапе развития. Начало положил исторический вектор, вслед за ним появились музыкальный, литературный, естественно-научный.

Все бы хорошо, но Макс часто болел. Максимилиана перевели на индивидуальное обучение, и в квартиру профессора Маушевского зачастили учителя. Перевести на индивидуальное обучение было непросто, но Александр Владимирович нажал на нужные «клавиши» и все устроил.

Игра на «клавишах» шла по накатанной схеме. Александр Владимирович звонил нужному человеку и говорил:

- Здравствуйте, это — профессор Маушевский.
- Добрый день, — отвечали ему. — Вы от кого?
- От Павла Петровича.

Кто такой Павел Петрович, ни Людмила Ивановна, ни Макс не знали. Может, декан факультета МГУ, может, партийный босс. Суть не в этом. Александр Владимирович получал то, что хотел.

Елена Янге родилась и живет в Москве. Окончила МГУ им. Ломоносова. Финалист и лауреат нескольких литературных конкурсов, в том числе Международного литературного конкурса «Золотой витязь-2016» в номинации «Проза» за роман «Транс» (Аквилегия-М) и Международной литературной премии «Ясная Поляна-2014» в номинации «Детство. Отрочество. Юность».

НЕВА 8'2018

Невысокий, полный, с аккуратно подстриженной бородкой, профессор Маушевский, по сути, был настоящим артистом. Его голос обволакивал слух, улыбка дарила тепло, костюм радовал взгляд. Александр Владимирович действовал по Карнеги — улыбался собеседнику и многократно повторял его имя. Тактика работала безотказно. Профессор Маушевский очаровывал дам, вызывал симпатию студентов, легко заводил нужные знакомства.

Максимилиан обожал отца и ждал общения с ним как награды. Временами отец предлагал погулять.

— Пойдем обнажим наши души, — говорил Александр Владимирович.

Отец и сын шли к Воробьевым горам, и профессор Маушевский испытывал удовлетворение. В таких прогулках было все, что он любил: серьезные разговоры, словесная игра, обстоятельные рассуждения.

Макс и Александр Владимирович проходили сквер и останавливались на набережной. Глядя на Москву, профессор Маушевский рассуждал о зыбкости будущего, непоколебимости прошлого, призрачности настоящего. Он говорил витиеватыми фразами и молодел на глазах. Максимилиан многого не понимал, но рассуждения отца были интересны. Они будили воображение.

Мальчик начинал фантазировать, и его мысли уносились в неведомые края. Иногда Макс казалось, что он прилетел с далекой планеты. Опасное приземление, важное задание на грани жизни и смерти. Стоит его выполнить, как Макс исчезнет и растворится в Космосе. Эта мысль приносила грусть и радость одновременно. Грусть оттого, что не хотелось умирать, радость — от чувства выполненного долга.

Университетский сквер был вторым местом прогулок. Сквер примыкал к Главному корпусу и тянулся до смотровой площадки. Здесь царил идеальный порядок. Дорожки, посыпанные кирпичом, канадские ели, бассейн с каменными кувшинками. Вокруг бассейна росла сирень и стояли бюсты ученых. Усевшись на лавочку, Макс замирал. В такие минуты он слышал голоса. Ученые старцы обсуждали научные проблемы, птицы выясняли отношения, ветер болтал с кувшинкой.

— Что нового? — спрашивала кувшинка.

— Жизнь удивительна, — отвечал ветер.

— Чушь. Жизнь скучна и однообразна.

— Посмотри вокруг, — шелестел ветер. — Видишь, сирень зацвела.

— Ну и что? Она цветет каждый год.

— Я не о том. Нынче такие цветы...

— Подумаешь, — ворчала кувшинка. — Скоро лепестки упадут и превратятся в труху.

— До этого еще далеко. А сейчас... сейчас они живут полной жизнью. И дарят радость.

Ветер подлетал к кустам и целовал лепестки сирени.

— Какие нежности, — фыркала кувшинка. — «Дарят радость», «жизнь удивительна». Слова, и ничего больше.

Макс знал этот сквер с раннего детства. Слева от бассейна располагались бюсты Павлова, Мичурина, Попова, Докучаева, Чернышевского, Лобачевского; справа стояли бюсты Жуковского, Тимирязева, Менделеева, Чебышева, Герцена, Ломоносова. Время от времени Макс подходил к одному из старцев и пытался завязать разговор.

— Папа говорил, что ты вырастил антоновку, — глядя на Мичурина, заявлял мальчик. Мичурин не отвечал. Макс поворачивался к Павлову.

— Ты был врачом.

Тишина, за ней чуть слышный вопрос: «Что вырастет из тебя, маленький фантазер?»

— Я буду волшебником.

Сжав губы, Макс ждал возражений. Он знал, чудеса существуют, но, к сожалению, взрослые в них не верят. Мальчик обходил бюст Павлова и, спрятавшись за кустом, бормотал:

— Когда стану большим, тебя расколдую.

Взгляд академика теплел. Что и говорить, стоять на постаменте мало радости. Слезть бы с него, пройтись...

Главный корпус смотрел на Макса и качал золотистым шпилем.

«Ох уж, эти мальчишки. Одно беспокойство от них».

Солнечные лучи, усевшись на шпиль, посылали солнечных зайчиков. Те лезли в носы прохожим, прыгали по дорожкам, скакали по ветвям сирени. Макс и профессор Маушевский перемещались в сквер между физфаком и химфаком. Александр Владимирович заводил разговор о силе разума, рациональном восприятии мира, загадках природы. Усадив сына перед памятником Ломоносову, он говорил:

— У меня — важная встреча. Подожди пару часов.

Профессор Маушевский удалялся, и Макс замирал. Он впитывал запахи сквера, слушал разговоры студентов, ворчание Главного корпуса.

— Осень всегда кончается неожиданно. Утром ясно, вечером — дождь. А у студентов ничего не приготовлено. Ни теплых курток, ни перчаток, ни шапок. Что за беспечность? Хотя чему удивляться — молодость всегда беспечна.

Главный корпус вздыхал и, расправив могучие плечи, оглядывал близлежащие окрестности. Внизу красовались физфак, химфак и биофак. Между ними — памятник Ломоносову, скамейки, дорожки, посыпанные кирпичом. Ветер носился по скверам и развлекался с листвой. Листья опускались в фонтаны и падали на скамейки. Ветер был счастлив. Осень — его время. Ветер поднимал жухлые листья и, окунув их в лужи, плевался в университетские окна.

— Вот проныра, — вздыхал Главный корпус.

Ветер веселился от души. Он пронесился в арках, пригибал кусты, раскачивал фонари. Ему было на всех наплевать. И на Главный корпус, и на студентов, и на двадцать девять факультетов.

— Старый дурак, — усевшись на шпиль, кричал ветер.

— Тише-тише, — волновались фонари. — Сколько можно шуметь?

Главный корпус не шевелился. Высоко подняв шпиль, он смотрел на Москву.

«Шпиль — моя гордость. Он связан с солнцем. А может, со Вселенной. Да-да, так и есть. Над Москвой — два светила: одно — на небесах, другое — на шпиле».

На МГУ опустились сумерки, вдоль дорожек зажглись фонари. Ворох опавшей листвы кружился в воздухе и распадался на части.

— Тише-тише, — ворчали фонари.

Макс посмотрел на фонари. Холодно, зябко, сыро. Каково им стоять на ветру?! Днем и ночью, осенью и зимой. Ни развлечений, ни книг, ни свободы.

«Хорошо, что я — не фонарь, — подумал мальчик. — Могу ходить, читать, смотреть телевизор. А у фонарей — только работа. Свети и свети».

Кутаясь в шарфы, мимо бежали студенты. Они напоминали мышей. Макс мысленно бежал с ними, заходил в вестибюль метро, спускался на эскалаторе. В метро — ни мрака, ни сырости, ни порывов ветра. Тепло и уютно. К платформам неслись поезда и, впустив в себя уставших людей, устремлялись в туннель.

— Тук-тук, домой. Тук-тук, быстреей.

Поежившись от холода, Макс перевел взгляд на высотку. В понимании мальчика Главный корпус олицетворял то, о чем говорил отец, — величие и основательность.

У сквера остановилось такси. Из машины вышел Александр Владимирович и помахал Максу рукой. Мальчик сорвался со скамейки.

— Па-а-а! — крикнул он.

— Ну-ну, — улыбнулся Александр Владимирович. — Вижу, заждался.

Прижав сына к груди, он шепнул:

— Маме ни гу-гу. Договорились? Скажешь, что были в цирке.

Хранить секреты Максимилиан умел. Людмила Ивановна так и не узнала, что в ожидании отца он просиживал на скамейке несколько часов подряд. Но Макс не роптал. Для него ждать — не проблема. Вот только холодно.

Макс сел в машину и мысленно помахал рукой Главному корпусу. Дескать, и у меня — два светила. Первое — солнце, второе — отец.

Глава 2

К матери Макс относился как к самому близкому и родному человеку. Мать была для Максимилиана лучом, озаряющим мир. В отличие от Александра Владимировича Людмила Ивановна не вещала, стоя на пьедестале, она растворялась в сыне и дарила ему любовь.

Людмила Ивановна была красивой женщиной. Мягкие черты лица, боттичеллиевский лоб, темные, чуть влажные глаза, высокий бюст, маленькие кисти рук. Словом, воплощение женственности. Для Макса мать была доброй волшебницей. Она появлялась незаметно, говорила без пафоса, не лезла с советами. Интеллигентная, мягкая, доброжелательная, Людмила Ивановна не любила сплетен и трепетно охраняла личную жизнь. О чем она думала? Макс не задавал подобных вопросов. Мама спокойна, и хорошо. Если возникнет необходимость, она решит любую проблемы. Что еще надо ребенку?

Макс знал, мать родилась в семье работника МИДа. Его дед — отец Людмилы Ивановны — в тридцатых годах работал в Англии в советском посольстве. В Лондоне Мила и родилась. Как говорил Александр Владимирович, Людмила Ивановна должна получить английское гражданство по праву рождения. Однако этим вопросом Людмила Ивановна не занималась. Ее родители умерли, контакты в МИДе потеряны, да и зачем второе гражданство? Александр Владимирович не одобрял подобной позиции, однако не распространялся на эту тему. Главный акцент в политическом воспитании сына сводился к светлому будущему СССР.

Макс верил отцу. Тот был профессором политэкономии и хорошо разбирался в общественно-политических вопросах. С пятого класса в обязанности Макса входила покупка газет и журналов. Мальчик спускался к киоску «Союзпечать» и покупал для отца «Правду», для матери — «Литературную газету». Толстые журналы приходили по почте.

После седьмого класса Макса отправили за границу. Эту поездку устроил отец. Узнав об обмене школьными делегациями между Москвой и Прагой, профессор Маушевский нажал на нужные клавиши и добился того, чтобы в вожденный список включили его сына.

Советскую делегацию разместили в одной из школ Праги. Девочки жили в классных комнатах, мальчики — в спортзале. Скромная обстановка не вызывала дискомфорта. Завтрак и ужин — в школьной столовой, обед — в кафе, досуг — на спортплощадке. Первую неделю заполнили экскурсии, соревнования, встречи в Союзе советско-чехословацкой дружбы. Завершающая часть программы — знакомство с чешской семьей. По плану, утвержденному в высших инстанциях, каждый член советской делегации должен был прожить три дня в семье чешского сверстника.

Максимилиан попал в гости к Ярке. Тот не раз принимал участие в совместных экскурсиях, и Макс симпатизировал этому парню. Однако общение в коллективе — это одно, проживание в чужой семье — совсем другое. Для Макса последние два дня были испытанием. Родители Ярки плохо говорили по-русски, к тому же другой быт, чужие привычки, иная среда. Макс нервничал и мечтал об одном — вернуться в спортзал. Там, по крайней мере, свои. Друзья Ярки тоже не вызывали восторга. Подростки курили, пили пиво, прилюдно целовались. Первая прогулка провалилась по всем статьям. Макс хмурился, Яркины друзья отпускали непонятные шутки. На второй день Макс заметил гитару. Он уселся в сторонке и начал перебирать струны. Вскоре Макс оказался в живом кольце. Чешские ребята одобрительно кивали в такт музыке и даже аплодировали. Дескать, все хорошо — продолжай. Максимилиан вспоминал то, чему учился в музыкальной школе. Он сыграл польку, вальс, мелодии популярных песен. Конечно, он волновался. От напряжения у него затекли ноги, щеки полыхали огнем. И тут Макс ощутил нежное прикосновение. Он поднял глаза и увидел симпатичную девушку.

— Мартина, — улыбнулась девушка.

Макс покраснел и чуть слышно представился:

— Максимилиан.

— Сыграй «Подмосковные вечера». А я спою.

Макс кивнул. Он взял нужные аккорды, и Мартина запела:

— Не слышны в саду даже шорохи...

Мартина пела чисто, с чуть уловимым акцентом.

— Ей отец — русский, — пояснил Ярка.

То ли Мартина «виновата», то ли родная мелодия, но Макс сразу расслабился. По просьбе ребят он подобрал аккорды к чешским песням, и тут началось настоящее веселье. Одну из песен пришлось сыграть много раз — так она всем нравилась. Ее смысла Макс не понял, но слова зацепились в памяти.

Мы дамэ руку сэма, а покидамэ вэма,
А покидамэ сэма, а паксни затрэсэма.
Уделама гокки-хокки ротацы,
Ать мамэ леграци!

Расставаясь, Мартина приподнялась на цыпочки и поцеловала Макса в щеку.

— А ты — красивый.

Максимилиан был ошеломлен. Первый поцелуй, к нему — комплимент. Необыкновенно сильное ощущение.

На следующий день Ярка решил познакомить Макса со своей бабушкой. Вернее, так решила бабушка Ярки. Узнав, что у внука гостит московский школьник, она попросила привезти его в гости. С утра пораньше Ярка и Максимилиан поехали на другой конец города. Макс вошел в маленькую квартиру и увидел старушку, сидевшую на диване в окружении плюшевых подушек.

— О, русский хлопец, — радостно приветствовала старушка.

— Бабочка баловэ ноги, — пояснил Ярка.

— Да-да. Ноги совсем не ходят.

Максимилиан вскинул брови. Он не ожидал, что бабушка Ярки говорит по-русски.

— Сядь рядом, — попросила старушка. — Посмотрю на тебя.

Усевшись на диван, Макс улыбнулся.

— Красивый, чернобровый. И глаза — ясные.

«Второй комплимент», — подумал Макс.

— Ярка, принеси пиво.

Ярка сбегал на кухню и принес две бутылки. Бабушка наклонилась к вставленной в ручку дивана скобе и ловко открыла бутылку. Утолив жажду, она вытерла губы и подмигнула Максу:

— Странно — да? Бабушка и пиво. А я вот привыкла.

Макс скупно улыбнулся. Допив бутылку, старушка предложила Ярке сходить в магазин. Она написала список покупок и принялась за вторую бутылку. Максимилиан отвел взгляд. Бабуля пила пиво, как воду.

— Вот что скажу, — закончив с пивом, сказала старушка. — Русские мне как братья.

Начало разговора Макс понравилось. Шел 1968 год, и Макс уже успел устать от косых взглядов в сторону русских. По словам Вацлава Ярославовича, директора школы, «косяки» бросала левая прозападная молодежь. В чем заключалась левизна, Макс не понимал, но во время экскурсий старался не отрываться от группы.

— Когда советские войска освобождали Прагу, я работала в госпитале, — сказала старушка. — Там и познакомилась с русским офицером. Пока за ним ухаживала, выучила русский язык.

— Здорово.

— Молодой была, быстро слова запоминала. К тому же любила советских солдат.

Макс улыбнулся.

— Да-да. Как их не любить? Прагу освободили, жизни своей не щадили. Разве этого мало?

Вытерев губы, старушка продолжила:

— Гагарина люблю особо. Какой обаятельный. Смотрит с экрана и улыбается. Кажется, именно тебе. Дескать, привет, бабуля. Не хочешь в космос?

— А офицер, за которым вы ухаживали, где он сейчас?

— Поцеловал на прощание и уехал на родину. Когда попрощался, подарил брошь. Смотри.

Старушка распахнула вязаную кофту, и на простенькой блузке блеснули красные камни.

— Камни, конечно, не настоящие. Но веришь, брошь — самое дорогое, что у меня есть.

— Брошь — символ любви, — сказал Макс.

Бабушка хлопнула Макса по коленке и, подмигнув, рассмеялась.

— В Ярке есть русская кровь. Я рада этому.

То ли потому, что бабушка была словоохотлива, то ли потому, что действительно любила русских, но пока Ярка ходил в магазин, Максимилиан услышал много интересного. Старушка рассказала о взятии Праги, о подвигах советских солдат и чешских обычаях.

— Всю жизнь мечтаю попасть в Москву. Видимо, не доведется, — сказала она в завершение разговора.

При расставании Макс обнял Яркину бабушку от всего сердца. В ответ та поцеловала Макса в макушку и сказала:

— Храни тебя Дева Мария!

Вечером Максимилиан вернулся в школу и вздохнул с облегчением. Посещение чешской семьи завершилось.

За день до отъезда с Максом произошло неприятное событие: он заболел. Ночью поднялась температура, и доктор посоветовал остаться в школе. Чтобы Макс не скучал,

к нему в гости пришли Ярка и Мартина. В школе никого не было, кроме руководителя делегации. То ли из-за Макса, то ли по другой причине он тоже не поехал на экскурсию.

К обеду Макс почувствовал себя лучше и решил выйти на спортплощадку. Мартина с Яркой начали партию в теннис, Макс выступал в качестве рефери. Послышался скрип калитки, и на садовой дорожке показался элегантно одетый мужчина. Он был одет по-спортивному — в светлые брюки и полосатую тенниску. Мужчина подошел к теннисному столу.

— Хелло, — сказал он.

— Здравствуйте, — ответил Макс.

— Ты — русский?

Макс приветливо улыбнулся. Судя по отсутствию акцента, перед ним стоял соотечественник.

— Есть ли в школе взрослые?

— Руководитель делегации, — ответил Макс.

— Вот и хорошо.

Ярка и Мартина продолжали играть, Максимилиан вызвался проводить гостя.

— Ну как там — в Советском Союзе? — скривив губы, спросил незнакомец.

На Макса повеяло холодом.

«Странное дело. Сказал фразу, будто барьер поставил».

Мужчина остановился.

— Присядем, — предложил он и указал на ближайшую скамью. — Слышал о белоэмигрантах?

— Конечно.

О белой эмиграции Макс читал в энциклопедии. Александр Владимирович подарил сыну подписку на Советскую историческую энциклопедию, и в книжном шкафу уже стояло десять томов. Первые два тома были на буквы «А» и «Б» Макс их уже проштудировал, остальные ждали своего часа.

— Будем знакомы, — сказал мужчина. — Потомственный дворянин, служил в деникинской армии. А потом...

Незнакомец достал сигареты и закурил.

— Потом жизнь на чужбине. Скитания, ностальгия, тоска...

— Хотите вернуться? — спросил Макс.

— Куда — в Советский Союз?

Мужчина презрительно хмыкнул.

— Нет, молодой человек. Увольте. России больше нет и никогда не будет.

— Как это нет? — удивился Макс. — Конечно, Россия — не та, что когда-то. Но это нормально.

У Макса возникло желание рассказать о стране, где он родился и вырос, и неожиданно для себя он разговорился. Вдали от родины такое бывает. К тому же возникает желание приукрасить действительность, опустить недостатки, поведать о достижениях. О них Макс и рассказывал. Он говорил о стройках-пятилетках, бесплатном образовании, больших городах...

— В ваших городах — помойки и бродячие собаки..., — перебил белоэмигрант. — Ни свободы слова, ни выбора. Зарплата инженера — сто рублей в месяц, всюду процветают блат и руководящая роль партии.

Белоэмигрант выпрямился и, сузив глаза, обрушил поток критики. Тонкие губы незнакомца выплевывали ее с нескрываемым наслаждением.

— Сталина развенчали, убрали из мавзолея, а тиранию оставили. Вместе с ней — тотальный надзор. А лозунги — «Коммунизм», «Светлое будущее»... — чем только

пудрят мозги?! Взять, например, тебя. Вроде нормальный парень, а говоришь, будто по бумажке.

Максимилиан вскочил со скамейки.

— Какая бумажка? Я к вам с открытой душой... А вы..., вы только помойки и видите. Разве в СССР нет достижений? Разве исчезли Москва и Ленинград?

— Санкт-Петербург. В этом городе я родился и вырос.

Незнакомец вздохнул.

— Увидеть бы, пройтись вдоль Невы...

И в этот момент показался руководитель делегации. Подойдя к скамейке, он спросил:

— Маушевский, с кем разговариваешь?

— С белоэмигрантом, — ответил Макс.

Лицо руководителя окаменело.

— Иди в кабинет и жди меня там.

Максимилиан направился к школьному корпусу. Последние слова, что он услышал за спиной, были такими:

— Попрошу выйти с территории школы.

— У меня — небольшая просьба. Моя племянница — учитель литературы в московской школе...

— И речи быть не может, — перебил руководитель делегации. — Никаких просьб.

В кабинете Макс задержался надолго. Он ответил на вопросы и по просьбе руководителя делегации написал то, о чем говорил белоэмигрант.

Наконец Макса отпустили. Ярка и Мартина ждали у теннисного стола.

— У тебя проблемы? — спросила девушка.

— Не знаю, — честно ответил Макс.

Белоэмигранта Максимилиан видел еще один раз — в день отъезда. Делегацию советских школьников провожали с большой помпой. На вокзал приехали директор школы Вацлав Ярославович, учителя, официальные лица из комитета советско-чехословацкой дружбы. Белоэмигрант появился за десять минут до отправления поезда. Он остановился у вагона и обратился к руководителю делегации:

— Вас не затруднит передать моему внучатому племяннику гитару?

— Затруднит.

— Почему? Эдуард подойдет к вагону...

— Детский сад, честное слово, — возмутился руководитель. — Не передам, и точка.

— Ну и черт с вами.

Белоэмигрант повернулся и увидел Макса.

— Могу сделать подарок? Вот, например, этому парню.

Максимилиан насторожился. Белоэмигрант подошел к Максусу и протянул красиво упакованную рубашку.

— Держи. В СССР такой не найдешь. Для родственника приготовил.

Усмехнувшись, белоэмигрант добавил:

— Но у вас такие кордоны — ни пройти, ни проехать.

Возникла пауза. На Макса глядели официальные лица, директор Вацлав и руководитель делегации.

— Не нужен ваш подарок, — ответил Макс.

Лицо руководителя прояснилось.

— Слышали?

— Все хуже, чем думал, — проворчал белоэмигрант и отошел от вагона.

И в это время появился Ярка. Он бежал по перрону и размахивал пакетом.

«Вот кого не хватало, — подумал Макс. — То-то смотрю, не пришел проводить».

— Макс! Дарек про тебе! — крикнул Ярка. — Од бабички.

Ярка остановился и раскрыл пакет. В нем лежал вязаный жилет. Макс вытащил подарок Яркиной бабушки и улыбнулся. Жилет был сказочно красив. Сине-фиолетовый, пушистый, на груди — серебряные звезды. Будто на ночном небе.

— Меряй, — сказал Ярка.

Макс натянул жилет.

— Прямо космонавт, — усмехнулся директор Вацлав.

Провожающие рассмеялись, и громче всех Макс.

— Вот это — настоящий подарок, — выпятив живот, заметил руководитель делегации. — А то рубашка... Можно подумать, у нас рубашек не шьют.

Домой Макс вернулся героем. Сколько всего увидел, сколько узнал... К тому же влился в коллектив. Рассказывая о поездке, Макс глядел на отца. Он ждал похвалы. За исторические подробности, за цепкость взгляда... Людмила Ивановна переспрашивала, уточняла, вдавалась в детали. Александр Владимирович едва слушал. Он листал журнал и бросал короткие реплики.

— Да-да, верно. Прагу освободили 9 мая 1945 года. Блестящая операция. Читал о маршале Рыбалко? Он танковой армией командовал.

— Нам рассказывали. И на Ольшанском кладбище мы были. Там похоронены советские солдаты. На некоторых могилах — баночки с родной землей...

— Всю войну прошли, а в День Победы погибли, — вздохнула Людмила Ивановна.

В конце своего рассказа Максимилиан вспомнил встречу с деникинским офицером. Профессор Маушевский насторожился. Он спросил сына о разговоре с белоэмигрантом и потребовал, чтобы Максимилиан вспомнил свои ответы дословно.

— Та-а-акс, — сказал Александр Владимирович. — Только этого не хватало.

«Странная реакция у отца, — подумал Макс. — И что его так взволновало?»

Александр Владимирович оделся и направился к двери.

— Пойду прогуляюсь.

Достав пяльцы, Людмила Ивановна стала вышивать. Макс знал, если у мамы спокойно на душе, она вышивает крестиком.

— Что-то не так?

— Не бери в голову, — ответила Людмила Ивановна. — Все это — пыль.

На следующий день Александр Владимирович повез сына к большому начальнику. Тот сидел в кабинете за массивным столом и крутил ручку с золотым пером. Перед начальником стояли три телефона, стопка папок, стакан с остывшим чаем.

— Присаживайтесь, — кивнул он.

Хозяин кабинета вытер лысину и добавил:

— Ишь, какая жара.

— Середина лета, — подобострастно заметил Александр Владимирович.

Максимилиан взглянул на отца. Тот сидел на краешке стула и будто уменьшился в размерах. А глаза...

«Какие у отца глаза, — удивился Макс. — Тревожные, напряженные и... сладкие одновременно».

Начальник потянулся к стакану и сделал глоток.

— Ну что, молодой человек, поговорим?

Разговор свелся к ответам на вопросы, и все они касались встречи с белоэмигрантом. Когда вопросы закончились, Александр Владимирович расправил грудь и чуть слышно вздохнул.

— Посиди в приемной, — сказал Максимилиану начальник. — Потолкую с твоим отцом.

Макс вышел из кабинета. Он ждал минут двадцать.

«И что всполошились? — размышлял Макс. — Подумаешь, белоэмигрант. Ну, не любит СССР, видит недостатки... И что? Отец не раз повторял: „Собака лает, караван идет“. А перед большим начальником ведет себя как студент... И взгляд такой необычный...»

Выйдя из кабинета, Александр Владимирович улыбнулся и, взяв Макса под руку, шепнул:

— Если есть связи, всегда можно договориться.

Макс пропустил фразу мимо ушей. Он думал о произошедшей с отцом метаморфозе.

— Когда будет ответная делегация? — спросил Александр Владимирович.

— По-моему, в августе, — ответил Макс.

Однако ответной делегации Москва не дождалась. В ночь с 20 на 21 августа 1968 года в Чехословакию были введены войска стран Варшавского договора. Началась операция «Дунай». На вопрос Макса, в чем ее смысл, Александр Владимирович не отвечал. Переписка с Яркой заглохла, московских школьников, бывших в Праге, Макс не видел. От поездки в Чехословакию у него остались записи в дневнике и жилет бабушки Ярки — с серебряными звездами на груди.

Глава 3

Три года пролетели незаметно. Максимилиан вырос и стал настоящим красавцем. Чуть удлинненные темные глаза, высокий лоб, густые, волнистые волосы. Его внешность портил небольшой подбородок. Он диссонировал со лбом и намекал на безвольность.

Несмотря на то, что рядом были родители, Макс пребывал в одиночестве. И это понятно, заменить внешний мир родителям не под силу. В жизни Маушевских не было ни гостей, ни душевных бесед. Каждый член семьи сидел в своей комнате и занимался своими делами. Людмила Ивановна переводила статьи, Максимилиан решал задачи, Александр Владимирович готовился к лекциям. Вроде бы вместе, и в то же время каждый сам по себе.

Семья собиралась за ужином, и Макс с матерью слушали Александра Владимировича. Это был театр одного актера — ни больше ни меньше. В предвкушении еды глава семьи воодушевлялся и охотно балагурил. Бородка вздрагивала от смеха, глаза щурились, руки находились в движении. Александр Владимирович разыгрывал очередную миниатюру. В ней было всего понемногу: к месту рассказанный анекдот, искрометная шутка, короткая зарисовка. Что говорить, профессор Маушевский умел привлекать внимание.

Весной 1971 года покой в семье Маушевских был нарушен. Максимилиан должен был выбрать место дальнейшей учебы. То, что он пойдет в МГУ, не обсуждалось, однако выбор факультета вызывал споры. Для Александра Владимировича любое несогласие — нонсенс. Какой спор, какие обсуждения? Все основные вопросы решал он — и только. А тут брожение. Людмила Ивановна говорила о журналистике, Максимилиан — о психологии, Александр Владимирович настаивал на мехмате.

Наконец произошел решающий разговор.

— Надо подтянуть математику, — сказал Александр Владимирович. — На мехмате по математике два экзамена — устный и письменный.

— Саша, какой мехмат? — в очередной раз удивилась Людмила Ивановна. — У Макса не то здоровье.

— Здоровье у него — в полном порядке, — сухо ответил Александр Владимирович.

— А вегетососудистая дистония?

— Мила, давай не будем. Болезни Макса — у тебя в голове. И на бумаге, конечно.

Александр Владимирович был прав.

— Зачем Максимилиану математика? — робко спросила Людмила Ивановна. — Логарифмы, интегралы, теоремы...

— Ты меня поражаешь. Парень витает в облаках, а впереди у него — жизнь. Сложная, между прочим.

— Все верно. Но связи между жизнью и математикой не вижу.

Александр Владимирович поднял подбородок и окинул жену профессорским взглядом.

— Еще Ломоносов говорил: «Математику уже за то любить стоит, что она ум в порядок приводит».

Пройдясь по комнате, профессор Маушевский добавил:

— Мехмат и физфак МГУ знает весь мир.

Погладив бородку, Александр Владимирович встал в позу мыслителя и устремил взгляд в окно.

— Максимилиан — не логик, — заметила Людмила Ивановна. — Он — интуит. У мальчика — богатое воображение. Ему бы...

Профессор Маушевский перешел в наступление.

— Любое математическое открытие — результат воображения, — перебил он жену. — Как известно, школьная геометрия — тест на наличие воображения. Если хорошо представляешь фигуры в пространстве, значит, имеешь воображение; если не представляешь, мыслишь на плоскости.

Атака Александра Владимировича набирала силу. Однако Людмила Ивановна продолжала оппонировать.

— У Маяковского есть «Гимн ученым». Помнишь эти строчки?

Проходят красноухие, а ему не нудно,
Что растет человек, глуп и покорен,
Ведь зато он может ежесекундно
Извлекать квадратный корень.

— Пошла-поехала, — сморщился Александр Владимирович. — Вспомни Пушкина, Лермонтова... Так нельзя, Мила. Мы живем в другое время. Теперь функция «извлечения корня» передана вычислительным машинам, а современный математик — можно сказать, звезда научного небосклона. Математики мыслят и конкретно, и абстрактно, они находят решения сложнейших задач и пишут хорошие стихи.

— Мне не понятна математика, — продолжала сопротивляться Людмила Ивановна. — Она суха и далека от природы.

— Природа формулирует законы языком математики, — парировал Александр Владимирович. — Это не я сказал — Галилей.

Профессор Маушевский был в родной стихии. Есть зрители, спор, сопротивление. Еще немного, и будет победа. Людмила Ивановна выбросила последний козырь.

— На мехмат трудно поступить. Сам посуди: две математики, физика, сочинение.

— Это — мои заботы, — коротко ответил Александр Владимирович.

— Не хочу на мехмат, — вступил в разговор Макс.

Александр Владимирович вскинул голову.

— Прискорбно слышать, — язвительно сказал он. — Твое утверждение пахнет Митрофанушкой.

При чем тут Митрофанушка, Макс не понял, однако, возразив отцу, почувствовал некоторое освобождение.

— Хочу быть психологом.

— Позвольте спросить, юноша: какая мотивация?

Макс опешил. Так к нему отец не обращался. Профессорские нотки в голосе, «юноша», обращение на «вы»...

— Может, вы увлекаетесь психологией? Может, читаете труды известных ученых, видите варианты дальнейшего трудоустройства? Или я что-то упустил?

Александр Владимирович выглядел спокойным, однако внутренне недоумевал. Раньше проблем с сыном не было. Максимилиан старательно учился, выполнял поставленные перед ним задачи, не дерзил. И вдруг самостоятельность. Откуда?

— Не надо мне математики, — ломающимся голосом ответил Макс. — Психология — это мое.

— Какое громкое заявление, — воскликнул Александр Владимирович.

Он подошел к сыну и, заглянув в глаза, вернулся к обычному обращению.

— Не ты ли говорил, что будешь волшебником?

— Ну, говорил, — буркнул Макс.

Вспомнив ученых старцев и разговор ветра, он ощутил укол в сердце.

«Как быстро уходят мечты. А с ними и детство».

Детства было жаль, но перспектива взрослой, самостоятельной жизни пьянила ум. Немного подумав, Максимилиан сказал:

— Волшебство и психология стоят рядом.

— Неожиданное утверждение, — воодушевился Александр Владимирович. — Оно так же глубоко, как философские споры о бытии и сознании.

Максимилиан уловил издевку. Что происходит с отцом?

— Не надо иронизировать, — сказал он. — У каждого человека есть своя мечта.

— Не обижайся. Я же хочу добра.

Тут-то Макс и попался. Александр Владимирович знал психологию не в теории — на практике. Он произнес фразу-ловушку, и Макс, заглотив слово «добро», поверил отцу в очередной раз.

«Доверься, — шепнул разум. — Отец знает больше тебя».

И Макс доверился. Конечно, поспорил для приличия, однако Александр Владимирович понял: победа за ним. Впрочем, он не сомневался. Профессор Маушевский уже давно все решил. Мало того, предпринял шаги. На днях, например, встретился с деканом учебной части мехмата, неделю назад поговорил с членом приемной комиссии, вчера пригласил на обед секретаря парторганизации мехмата.

Максимилиан был подавлен. Тем не менее восхищался отцом.

«Специализация отца — политэкономия, а рассуждает о математике как профессионал. Все-таки он — удивительный человек».

Александр Владимирович подошел к книжному шкафу и достал небольшую книгу.

— Полистай на досуге.

Взглянув на обложку, Макс поднял брови.

— Теория вероятностей?

Александр Владимирович добродушно усмехнулся.

— Случайные события, случайные величины, — таинственным голосом сказал он. — А среди них ты. Будто волшебник. Управляешь этими событиями, ищешь закономерности...

На Макса повеяло детством. Оно влетело в открытое окно и село на подоконник. А вслед за ним влетела сказка. Выбросив сноп конфетти, она начала свой рассказ — плавно, чуть напевая: «Не лебеди вереницей летят, не утки на болото садятся, а сказка над лугами стелется. Верить ей или нет, твое дело. А послушать надо».

Глава 4

Ни выпускного вечера, ни праздничных речей у Макса не было. Сдав школьные экзамены, он получил аттестат и отнес его в приемную комиссию мехмата.

Знакомый сквер, парадная лестница, десятки молодых лиц. После домашнего затворничества впечатления сыпались одно за другим. Максимилиан чувствовал, начинается новая жизнь. Он уже не думал о психологии, ее место занимали реальные события.

В ожидании расписания экзаменов Максимилиан стоял у деканата мехмата. К нему подошла невысокая девушка.

— Ты откуда? — спросила она.

— Из Москвы, — смущенно ответил Макс.

— Я — из Редкино. Слышал о таком?

— Нет.

— Так и думала, — засмеялась девушка. — Редкино мало кто знает.

— Далеко?

Каждое слово давалось Максимилиану с трудом. Он не мог посмотреть в лицо собеседнице, не мог сдерживать волнение, не мог толком соображать.

«Нелепая ситуация. Даже не представился».

Девушка будто услышала.

— Меня зовут Лиза. А тебя?

— Максимилиан. Коротко — Макс.

— Необычное имя. Похоже на закрытый пенал.

— Почему пенал? — спросил Максимилиан.

Взглянув на девушку, он тут же отвел взгляд. Однако первое впечатление получил. Лиза была коренастой девушкой, со светлыми глазами и вьющимися волосами.

— Объясню позже.

Макс расслабился. Как говорят в таких случаях, камень упал с плеч. Или мешок. Да-да, так лучше — большой пыльный мешок. Он долго давил на позвоночник, от него затекала спина, а теперь мешка нет.

— Где же твое Редкино? — спросил Макс.

— Под Калининском.

Лиза взяла Макса за руку и повела к группе абитуриентов, стоящих у стенда.

— Расписание вывесили? — спросила она.

— Только что, — ответила рыжеволосая толстушка.

Девушка ткнула пальцем в листок, прикрепленный к стенду, и добавила:

— Второго июля — письменная математика, шестого — устная, десятого — физика, четырнадцатого — сочинение. Конкурс — восемь человек на место.

Макс слышал и нет. Его рука покоилась в Лизиной руке, и через нее шло тепло.

— Пробьемся, — сказала Лиза.

Девушка улыбнулась. Ее спокойствие пошло дальше. Оно охватило небольшую компанию, и ребята загалдели.

— Действительно, чего паниковать?

- Подумаешь, восемь человек на место.
- В мединституте — двадцать, — сказал худой очкарик. — А в ГИТИСе — сто.
- Да ладно, — улыбнулась Лиза. — Кто в столовку?
- Думаю, все, — сказал очкарик и, взглянув на Максимилиана, спросил Лизу: —

Знакомый?

- Угу. Максом зовут.

Ребята кивнули и потянулись к лифту. Лиза опять взяла Макса за руку.

- Пойдешь с нами?
- Я вообще-то не голоден.

Максимилиан пребывал в новых ощущениях и плохо соображал. Лиза потянула Макса за собой, и молодые люди успели вскочить в закрывающийся лифт. Толпа прижала их к двери, и лифт пошел вниз. Сколько времени продолжался спуск, Макс не знал. Ему казалось, вечность. В лифте было тесно, и, уткнувшись в Лизины волосы, он вдыхал незнакомый запах. До сих пор обоняние Макса волновали другие запахи. Например, сладкие ароматы материнских духов, сирень. А тут что-то сильное, неведомое, бурлящее кровью. Запах, идущий от Лизиных волос, походил на всполохи молний, шум ручья, скрежет тормозящей машины.

«Как странно. Запах связан со светом и звуком. А в голове — шум и яркие вспышки. Разве такое бывает?»

Максимилиан не знал, что так волнуется кровью. Растворив невидимые молекулы, кровью получает сигнал и несет в голову. Яркая вспышка, неведомое возбуждение, и вот уже ревущий поток, вызывающий дрожь и головокружение.

Лифт дернулся, и Лиза прижалась к Максиму. Взглянув в глаза юноши, она чуть слышно спросила:

- Тебе плохо?
- Все нормально.
- Видимо, уши заложило.

Макс кивнул.

- Раньше и у меня голова кружилась. Скоростной лифт, резкие перепады давления...

На табло мелькали цифры: десять, восемь, пять, два... Лифт остановился, и толпа вылетела в холл.

- Постой немного, — сказала Лиза.

Макс прислонился к мраморной стене.

- Лиза, ты идешь? — крикнул очкарик.
- Чуть позже. У Макса голова закружилась.
- Мы в зону Б.
- Поняла.

Лиза взглянула на Макса.

- У тебя странные глаза. Они похожи на обсидиан.

Максимилиан промолчал. У него задрожали ноги.

- Обсидиан — вулканическое стекло. Не видел?
- Нет.

- Я видела. Знаешь где?

Макс судорожно сглотнул.

- На двадцать седьмом этаже.
- Там музей, — с трудом разлепив губы, ответил Макс.
- Ты в нем был?
- Когда-то с отцом.

Лиза взяла Макса за руку.

- По-моему, у тебя все прошло. Идем. Сначала пообедаем, потом погуляем.

— А экзамены?

— Подождут, — засмеялась девушка.

Макс кивнул. Все, что говорила Лиза, было наполнено смыслом. Перепады давления, зона Б, обсидиан... От Лизиних слов веяло чем-то неведомым.

— Я живу в общежитии, — сказала девушка. — Оно — в пристройке к Главному корпусу.

— В музей ходил, на кафедре у отца был, а общежитие не видел.

— Твой отец работает в МГУ?

— На кафедре политэкономии.

— Значит, препод, — улыбнулась девушка и, не отпуская руки Макса, поспешила в столовую.

Такого скопления ребят Макс еще не видел.

— Стол уже заняли, — сказала Лиза. — Я бегу в очередь, а ты возьми пару салатов.

Она махнула рукой и исчезла. Макс растерянно огляделся. Столовая напоминала муравейник. Абитуриенты жевали, смеялись, разговаривали, искали друг друга в змеобразной очереди, кому-то кричали. Максимилиан растерялся.

«Какие салаты? Где их найти?»

Рядом остановилась девушка, в ее глазах что-то блеснуло.

— Такой симпатичный парень, и один. Что-то ищешь?

Максимилиан вспыхнул.

— Карина, — кокетливо представилась девушка.

Поставив поднос на стол, она протянула руку. Макс увидел длинные пальцы, розовые ногти, на запястье — золотой браслет.

— Я ищу стойку с салатами.

— Проводить?

— Спасибо, не надо.

Вежливый вопрос, такой же ответ. Ни один нерв не затрепетал, ни один мускул не дрогнул. Макс кивнул новой знакомой и направился к стойке. Он чувствовал взгляд Карины, но девушка его не волновала.

Стойка напоминала базар. Огромные тазы были наполнены капустой, винегретом, помидорами и огурцами. Макс взял две тарелки и стал продвигаться в толпе. Он накладывал того, другого, третьего, как вдруг на плечо опустилась маленькая рука. Макс ощутил блаженство. Оно пробежало по телу, поднялось к голове и, запутавшись в волосах, улеглось на макушку. Максимилиану не надо было поворачиваться, он знал, на плече — Лизина рука. Странное состояние. Будто третий глаз на затылке.

Лиза проскочила вперед, взяла один из подносов, протолкнула его к кассе и через минуту уже прокладывала путь к столику, где сидела знакомая компания. За столом шел оживленный разговор.

— Пятьдесят процентов абитуриентов срезаются на первом экзамене, — говорила рыжеволосая. — Я это знаю точно.

— Откуда информация? — спросил очкарик.

— Из собственного опыта. Второй раз поступаю.

Ребята придвинулись к толстухе.

— На математике срезалась?

— С математикой все нормально. Пролетела на физике.

— Погоди, — сказал худощавый парень. — Давай закончим с математикой.

— Что о ней говорить. Абитуриентов посадят в аудиториях ноль один и ноль два и выдадут задания. Преподы будут ходить между рядами. Если вытащишь шпору, выгонят. Не напишешь область допустимых значений, задание не засчитают.

- Концлагерь какой-то, — воскликнул очкарик.
 - Ты что думал? Это — не пединститут.
 - Ясно, — худощавый черкнул в блокноте и пододвинул девушке компот. — А результаты когда?
 - Перед устной математикой.
 - Как же тогда готовиться? А вдруг «неуд» за первый экзамен?
 - Значит, второго не будет. Соберешь вещи, и домой.
 - Ни за что.
 - Никуда не денешься. Из общежития попросят, гостиницу тебе не потянуть. Правда, существует вокзальный вариант...
 - У меня есть подстраховка.
 - Какая?
 - Если срежусь, пойду в пединститут.
 - Ну-ну, — сказала рыжеволосая. — А я не сомневаюсь, в этом году обязательно поступлю.
 - Откуда такая уверенная?
 - С Алтая, — засмеялась толстушка.
- Забыв про обед, Макс внимательно слушал. Перед глазами поплыли картины провала. Он уже видел, как хмурился отец, как мама, уткнувшись в вышивку, накладывает крест за крестом, как...
- А ты не боишься? — спросил очкарик, обратившись к Лизе.
 - Чему быть, того не миновать, — улыбнулась девушка.

Глава 5

«Чему быть, того не миновать». Макс вертел фразу туда и сюда. Он по-прежнему сидел за столом, слышал голоса ребят, но ум заклинило на одном предложении. Слова прыгали, менялись местами, лезли в кавычки. Наконец заняли нужные места, и мысли закружились, как вихрь.

«Так говорят в переломные моменты жизни, — рассуждал Макс. — Наверное, переживаю такой момент. И Лиза, и ребята. В чем же смысл фразы? В том, что события предопределены? Где ключевое слово — „быть“ или „не миновать“?»

Погрузившись в размышления, Макс не увидел, как ребята поднялись из-за стола и сложили тарелки на подносы. Перед глазами мелькнула маленькая рука.

— Ку-ку, — послышался Лизин голос.

Максимилиан вскинул голову, провел пятерней по волосам и вернулся в действительность. Лиза стояла перед ним и улыбалась.

— В том, что поступит Макс, я не сомневаюсь, — сказала Лиза.

— Ты что — гадалка? — рассмеялась толстушка.

Тонкие пальчики скользнули по волосам Макса и отбросили их назад.

— Видите лоб мыслителя?

Максимилиан вспыхнул. Прикосновение, комплимент и несколько пар глаз, уставившихся на его лоб. Лиза взяла Макса за руку и повела к выходу. Похоже, она привыкла действовать без оглядки на окружающих.

— Прогуляемся?

Макс кивнул. Лиза направилась к выходу из Главного корпуса. Миновав дверь-вертушку, она отняла руку и побежала по лестнице вниз. Максимилиан стоял у выхода и смотрел на Лизу. Золотые кудряшки, ноги-бутылочки, развевающаяся на ветру юбка. Остановившись на последней ступеньке, Лиза крикнула:

— Спускайся.

Макс ринулся вниз. Казалось, он превратился в ветер. Ни ног, ни рук — сплошная энергия.

— О-го-го-го!

Лиза рассмеялась. Кудри рассыпались по плечам, ладошки плотно закрыли губы. Максимилиан схватил девушку за руку и побежал к знакомому скверу. Он остановился у бюста Менделеева. Лиза с интересом огляделась.

— Красиво, — усевшись на скамейку, сказала она.

Макс откинул волосы. Высокий, стройный, со сверкающими глазами, он стоял перед Лизой, будто хозяин сквера. Макс готов был декламировать стихи, петь, рассказывать о ветре и ученых старцах — о чем угодно, только бы Лиза слушала и смотрела на него светлыми, озорными глазами. Университетский сквер — его место. Оно связано с детством. Теперь Макс здесь не с родителями — с девушкой. И эта девушка — из новой жизни. Она — необычная. Что хочет, то и говорит, что считает нужным, то и делает.

Макс посмотрел на Лизу. Никакой позы. Открытость и искренность.

— Эти дорожки, посыпанные кирпичом, напоминают сказку.

— «Волшебник Изумрудного города», — предположил Макс.

Лиза кивнула.

— Там тоже дорога. Только из желтого кирпича.

«И передо мной — дорога, — подумал Макс. — Вернее, поворот. Вышел за него — и увидел другую жизнь. И краски другие, и ветер, и ощущения. А за поворотом — прошлое».

Лиза не дала додумать. Взглянув на Главный корпус, она воскликнула:

— Посмотри, как красиво. Солнечный луч коснулся шпиля, и тот превратился в огненный шар. Помнишь Трусливого Льва?

Вскочив на скамейку, Лиза сдвинула брови и грозно спросила:

— Ты кто и зачем пришел?

Максимилиан усмехнулся. Лиза как ветер. Быстрая и неожиданная.

— Я — Трусливый Лев, — решил подыграть Макс. — Пришел за смелостью.

Лиза повысила голос.

— Стань собой, и вся смелость, что у меня есть, будет твоей.

Лиза прыгнула со скамейки и, привстав на цыпочки, посмотрела Максиму в глаза и тихо сказала:

— Если не станешь собой, я тебя заколдую.

Максимилиана окатил жар. Ну, разве не сказочное место?! Стоит сюда попасть, хочется стать волшебником. Когда-то он мечтал расколдовать Павлова. Теперь вот Лиза вошла в роль и играет.

— Как заколдуешь?

— Погружу в облако страхов. Тогда и превратишься в Трусливого Льва.

Макс рассмеялся и подхватил Лизу. Он приподнял ее над собой, затем опустил на землю и, поражаясь себе, сказал:

— Ты не оставила ни единой лазейки. Осталось найти себя.

— Как только найдешь, произойдет чудо, — улыбнулась Лиза.

— Какое?

— Перевоплощение.

— Мне это нравится.

Макс взял Лизу за руку и подвел ее к бассейну. Лиза присела у бортики и застыла.

— Тише, — сказала она. — Я слышу голоса.

— Какие?

— Ветра и каменной кувшинки.

Макс облизнул пересохшие губы.

— О чем они говорят? — спросил он охрипшим от волнения голосом.

Присев рядом с Лизой, Макс смотрел на воду. В ней отражались большая и маленькая фигуры. Ветер бежал по воде и оставлял за собой рябь. Макс напряженно прислушивался. И тут Лиза заговорила. Она меняла голос и интонацию, и Макс понял: Лиза передает разговор ветра с кувшинкой.

— Что нового?

— Жизнь удивительна.

— Боже, какая чушь. Жизнь скучна и однообразна.

— Посмотри вокруг. Видишь, шиповник цветет.

— Он цветет каждый год.

— Я не о том. Нынче такие цветы...

— Их лепестки скоро упадут и превратятся в труху.

— До этого далеко. Сейчас они дарят радость...

Макса как молнией пронзило. Как можно услышать то, что слышал он? Этого не может быть.

— Почему ты так на меня смотришь? — спросила Лиза

— Я слышал тот же разговор. Правда, речь шла о сирени.

— Ничего удивительного. Ветер постоянно болтает. То с рекой, то с кувшинкой, то с воробьем...

— Фантастика, — прошептал Макс. — Но другие не слышат.

— Люди разные.

— Ты — волшебница.

— Скажешь тоже, — усмехнулась Лиза. — Просто я выросла на природе и... научилась слушать.

Лиза взяла Макса под руку и повела к набережной. Спустя пару минут она сказала:

— Мы похожи. Не заметил?

— Верно, — ответил Макс.

А про себя подумал:

«Между мной и Лизой есть какая-то связь. Тонкая, по-детски наивная. Будто лучи коснулись друг друга. И переплелись. А ведь могли пролететь мимо».

Взглянув на Макса, Лиза сменила тему:

— Когда попала в Главный корпус, боялась ездить на лифте. Как только закрывалась дверь, я прижималась к стене и замирала.

— Почему?

— Ждала, когда лифт вылетит на крышу.

Лиза прикрылась ладошкой и добавила:

— В такие мгновения я размышляла, что делать. Хвататься за шпиль или лететь с лифтом?

— Куда? — улыбнулся Макс.

— В неизвестность.

— Откуда такие мысли?

— В Редкино — одноэтажные дома, а тут — высотка.

Взглянув на пристройки к Главному корпусу, Лиза продолжила:

— Сдав документы, я получила направление в общежитие. Меня поселили в комнате на восемнадцатом этаже. Теперь боюсь к окну подойти. К тому же ребята пугают.

— Какие ребята?

— С нашего этажа. Придут в гости и начинают нагонять страх. Дескать, Главный корпус строили зэки, и в его стенах замурованы люди. Они стонут, кричат...

В голове Макса все перемешалось. Он не умел перескакивать с темы на тему. Ему бы покрутить мысль, рассмотреть ее со всех сторон, а тут... То лифт, то общежитие, то зэки.

Макс и Лиза вышли на смотровую площадку. Постояв немного, стали спускаться к реке. Теперь уже разоткровенничался Макс.

— Когда я был маленьким, гулял здесь с отцом. Отец рассказывал о прошлом, анализировал настоящее, рассуждал о будущем. Я многого не понимал, но слушал с интересом.

Сорвав ромашку, Макс протянул ее Лизе.

— Спасибо.

Девушка открыла сумку и, достав блокнот, положила ромашку между страницами.

«Странно, — подумал Макс. — Даже не погадала».

— Расскажи об отце, — попросила Лиза.

— Он — удивительный, — начал Макс. — О чем ни спроси, знает. И студенты его любят. И еще отец любит шутить.

— Это хорошо.

Макс пожал плечами.

— Не знаю. Мы с мамой слушаем и молчим.

— Почему? Шутке надо смеяться.

Макс остановился.

«Действительно, почему ни матери, ни мне не смешны отцовские шутки? Что в них не так?»

Лиза не дала времени додумать. В который раз. Она начала рассказ о своих родителях, и вопрос Макса повис в воздухе.

— Мой отец — шофер. Работает на турбазе. Там же, где и мама. Когда крутит баранку, часто поет: «Не страшны тебе ни дождь, ни слякоть. Резкий поворот и косогор...»

Лиза рассмеялась.

— И мама — шофер? — спросил Макс.

— Мама — шеф-повар.

Лиза похлопала себя по бедрам и спросила:

— Видишь, какая пышка. А все почему?

— Совсем не пышка. Очень даже ничего.

Это был первый комплимент, который Макс сказал девушке. Сказал и прикусил язык.

«Очень даже ничего». Надо же так сказать».

Макс покраснел и опустил глаза. А Лизе понравился комплимент.

— Ой, спасибо. Честное слово, приятно.

Макс перевел дыхание.

— Пора по домам, — сказала Лиза и повернула к МГУ.

Максимилиан схватил Лизу за руку.

— Когда увидимся?

— В день первого экзамена.

— Но почему?

— Главное сейчас — поступить на мехмат. Все остальное второстепенно.

— Ты серьезно?

— Пока второстепенно, — чуть мягче ответила Лиза.

Глава 6

Письменный экзамен по математике был первым. Он проходил в Главном корпусе, в аудиториях ноль один и ноль два. Максимилиан справился со своим вариантом за четыре часа и, выйдя из аудитории, прислонился к стене. Мозг по инерции продолжал работу, и в голове прыгали формулы, интегралы, условия задач. Макс прислушался к себе и понял: тревоги нет. Значит, все нормально. Он знал, если бы допустил промах, внутри зародилось бы беспокойство.

Из холла, где стоял Макс, был виден центральный вход. По коридору сновали абитуриенты, сотрудники, преподаватели МГУ. Ни смеха, ни разговоров. Все были сосредоточены и деловиты. Оно и понятно, начались экзамены.

В дверях показался Александр Владимирович. На нем были светлый костюм, кремовая рубашка, на ногах — замшевые туфли. Внешний вид профессора Маушевского как нельзя лучше соответствовал представлению о солидном человеке, работающем в главном вузе страны. Увидев отца, Макс обрадовался. Последние дни он сидел за учебниками, и общение с родителями свелось к минимуму. Александр Владимирович пропадал в МГУ, Людмила Ивановна занималась переводами, а вечерами вышивала. Сосредоточенно глядя на рисунок, она накладывала на канву крестик за крестиком. Как-то зайдя в комнату матери, Макс посмотрел на вышивку и увидел дворец. Он был окрашен в коричнево-желтые цвета, и Максиму показалось, стены дворца блестят на солнце.

— Как настроение? — не отрываясь от работы, спросила Людмила Ивановна.

— Нормальное. Главное — сдать экзамены.

— Не страшно?

— Чуть-чуть.

— А я всегда боялась экзаменов. В ответственный момент забывала все, что знала.

— Тем не менее хорошо училась. Верно?

Людмила Ивановна кивнула.

— Мне повезло. Наши преподаватели оценивали студентов не по ответам на экзамене, а по учебе в целом. Сюда входила работа на семинарах, в лингафонном кабинете, переводы, курсовые...

Макс присел рядом. Ему хотелось отвлечься. Мысли о Лизе не давали покоя, они пульсировали в голове и заслоняли подготовку к экзаменам.

— Давно хотел спросить. Как ты познакомилась с отцом?

Людмила Ивановна улыбнулась и отложила вышивку.

— Мы познакомились на экскурсии. Ты ведь знаешь, что после распределения я попала в Интурист и сопровождала иностранные делегации.

— Интересно, наверное.

— Да как сказать. Порой попадались культурные люди, порой...

Людмила Ивановна нахмурилась.

— Помню группу англичан, приехавших в Москву на медицинский конгресс. Одна из дам не давала покоя. Вечно хмурая, озабоченная, она терзала меня политическими вопросами. Порой казалось, ее цель — не научные доклады, а сбор информации о недостатках страны. А я к тому времени была неоперившимся птенцом. Мало что знала, мало что видела.

Максимилиан вспомнил разговор с белоэмигрантом. Выходит, и у мамы — похожая история.

— Наконец позвонила руководству и призналась. Дескать, есть вопросы, на которые трудно ответить. На следующий день была запланирована обзорная экскурсия по

Москве. В восемь утра я сидела в холле гостиницы и ждала, когда англичане спустятся вниз. И в это время появился Александр Владимирович. Невысокий, с приветливым взглядом, улыбкой на полных губах... Он подошел ко мне и представился: «Александр Маушевский — аспирант исторического факультета МГУ». Взглянув на него, я успокоилась.

— Почему? — спросил Макс.

— От твоего отца веяло такой уверенностью, что я почувствовала себя защищенной. «По поручению руководства прибыл на помощь», — сказал он.

Людмила Ивановна улыбнулась.

— Признаюсь, он произвел впечатление. Я переводила его ответы и наблюдала за проблемной дамой. Никогда не видела столько оттенков на человеческом лице. Пренебрежение, надменность, снобизм сменились интересом и, не побоюсь этого слова, восхищением. И все за короткий промежуток времени. Казалось, дама встретила достойного соперника. Она задавала вопросы и неизменно получала ответы. Саша отвечал не задумываясь. А вопросы были нелегкими. Сам посуди, англичанка спрашивала о только что прошедшем девятнадцатом съезде КПСС, о членах Политбюро, роли Сталина в Великой Отечественной войне. Представляешь? И это в 1952 году. Еще был жив вождь всех народов, в Кремле шла подковерная борьба между Хрущевым, Берией и Маленковым; в структуре Интуриста — масса осведомителей.

— И рядом с тобой?

— Конечно. У меня был помощник. Думаю, он и докладывал о разговорах с иностранцами.

— Но ведь тебя могли уволить за политическую безграмотность.

— В то время был жив мой отец, а он занимал в МИДе высокий пост. Думаю, поэтому мне многое прощалось.

Макс представил молодого Александра Владимировича, его позу, усмешку, его любовь к спору. Казалось, для отца энергия спора что живая вода: поспорил — и преобразился.

Людмила Ивановна оживилась. Ее лицо покрылось румянцем, глаза заблестели.

— Саша произвел впечатление не только на меня, но и на всю группу. Он ездил с нами по Москве, дополнял экскурсовода, отвечал на вопросы, шутил...

— Интересно, а как реагировали англичане на шутки отца? — перебил Макс.

— По-моему, с восторгом. Саша рассказывал светские анекдоты, и я переводила их с удовольствием.

Макс задумался. Он не слышал от отца ни одного светского анекдота. Мало того, не знал, в чем их особенность. Однако уходить от темы не хотелось, и Макс ограничился вопросом:

— И что потом?

— Мы отвезли группу в аэропорт и вместе возвратились в город. Саша проводил меня до дома, а по дороге учинил допрос. — Людмила Ивановна опять улыбнулась. — Сам знаешь, какой он въедливый. Его интересовало, где я живу, что читала, кто родители, какой вуз окончила...

Людмила Ивановна потянулась за вышивкой и взяла в руки иголку.

— На следующий день Саша пришел в гости с цветами, тортом и бутылкой вина. Он обаял моих родителей, и через месяц мы поженились.

— Здорово, — сказал Макс.

Он встал и смущенно спросил:

— Ну, я пошел? Надо заниматься.

— Иди, мой хороший, — сказала Людмила Ивановна.

Макс сел за письменный стол и задумался.

«Может, любовь с первого взгляда передается по наследству? Может, и Лиза возьмет инициативу на себя?»

Другого варианта Макс не допускал. То ли потому, что не имел отцовского обаяния, то ли был слишком нерешителен. С начала знакомства он понимал, все зависит от Лизы.

Вот и сейчас, стоя у дверей аудитории, Макс чувствовал себя рабом. Что Лиза скажет, как посмотрит, какое у нее настроение.

Александр Владимирович пересек холл и подошел к сыну.

— Как написал?

— Нормально, — ответил Макс. — Все задания сделал. Вроде нигде не ошибся.

— Молодец.

Макс смотрел на отца и чувствовал напряжение. Непонятно почему, но встречи отца и Лизы он боялся до дрожи в коленках. Александр Владимирович пожал сыну руку и сказал:

— Все будет хорошо. Вот увидишь.

— Да-да, — поспешно ответил Макс.

— Кого ждешь?

— Приятеля. На консультации познакомились.

Александр Владимирович одернул пиджак и поднял подбородок. Маска «отец» пропала, ее место заняла маска «профессор Маушевский». Раз-два, и другой образ.

«Что и говорить, отец — настоящий артист, — подумал Макс. — Не то что я. Стою, как столб, и робко посматриваю на дверь. Будь на моем месте отец, тут же пошел бы в атаку».

— Скажи маме, буду поздно, — бросил Александр Владимирович. — Заседание кафедры, приемная комиссия... Сам понимаешь — экзамены.

Макс кивнул. Его кольнуло угрызение совести. Вот ведь — соврал. И все же правильно сделал. Кто знает, как бы повел отец. Наверное, всполошился бы. Вступительные экзамены, а тут любовь...

Экзамен заканчивался, и холл заполнялся абитуриентами. Смех, слезы, оживленные разговоры. Напряжение требовало выхода, и каждый расслаблялся по-своему. Наконец вышла и Лиза. Она оглянулась и, увидев Макса, пошла к нему. Лиза была одета в черную юбку и белую блузку. На лице — мертвенная бледность, под глазами — круги.

— Что с тобой? — испугался Макс.

— Устала.

— Не заболела?

— Ночь не спала.

Лиза отвечала односложно. Макс видел, каждое слово давалось с трудом.

— Прогуляемся? Подышишь свежим воздухом, задачки разберем... У тебя какой вариант?

— Четвертый.

— А у меня шестой.

— Извини, но я пойду спать.

Макс понимал, Лиза не врет. Не спала, переволновалась, плохо себя чувствует. Но мысль, что они не увидятся до следующего экзамена, вызывала протест и придавала смелости.

— Хочешь, просмотрю твой вариант? — предложил Макс. — Потом встретимся и сверим ответы.

— Заманчивое предложение. Однако не надо.

— Почему?

— Чему быть, того не миновать.

«Черт знает что. Да она — фаталистка».

Макс пожал Лизину руку и, ощутив холодок, поспешил к выходу.

— Нечего навязываться, — шептал он про себя. — Парень я или тряпка? Не хочет встречаться, не надо.

Мысли били в висок, от них кружилась голова. Макс был растерян. Почему отец может производить впечатление, а он нет? Этот вопрос заставил остановиться. Неужели появилось соперничество? И с кем — с отцом?

Не видя ничего, Макс рванул к выходу и столкнулся с девушкой. В грудь уперлись длинные коготки, пахло духами, на запястье блеснул браслет.

— Привет! Вот так встреча.

Макс очнулся. Перед ним стояла Карина. Да-да, та девушка, с которой он встретился у стойки с салатами.

— Извини, — буркнул Макс. — Задумался.

— Экзамен сдавал? — улыбнулась Карина.

— Да. Математику.

— Куда поступаешь?

— На мехмат.

— А я на географический.

Карина отстранилась и опустила глаза. Длинные ресницы затрепетали, губы сложились в бантик. Макс помрачнел. В позе Карины чувствовалась нарочитая театральность.

— Прогуляемся?

— Не могу, — сухо ответил Макс. — Надо готовиться к экзамену.

Карина улыбнулась.

— Тогда до встречи.

Макс проводил девушку взглядом. Узкие бедра, прямая спина, стройные ноги.

«Что и говорить, симпатичная. Но слишком манерная».

Однако тело рассудило иначе. Оно откликнулось на красоту и... запомнило это ощущение.

Глава 7

К середине июля экзамены закончились. Максимилиан получил две пятерки по математике, четверку по физике, четверку за сочинение и прошел на мехмат. Лиза и толстушка тоже прошли. Увидев себя в списке, рыжеволосая завизжала от радости и бросилась Лизе на шею.

— Я же говорила, что пройду. Вот смотри.

— Настя, ты — умница, — улыбнулась Лиза.

— Все почему? Верила.

Настя отстранилась от Лизы и прошептала:

— Когда в прошлом году вернулась домой, сосед по лестничной площадке сказал: «Попытайся еще раз, но с безусловной верой в победу».

Лиза сложила ладони и поднесла их ко рту. Макс уже знал, этот жест означал крайнюю степень волнения.

- Твой сосед — мудрый человек.
- От его мудрости даже страшно.
- Почему? — удивился Макс.

Он стоял рядом и сиял от удовольствия. Все отлично. Он и Лиза — будущие студенты. Впереди новые встречи, разговоры, новая жизнь. Словом, сплошная радость.

— Сам подумай, — ответила Настя. — Мудрый человек, как рентген. Глянет на тебя, и все ясно.

- Да уж, — рассмеялась Лиза.
- О чем речь? — спросил очкарик.
- О вере в себя, — ответила Настя.
- В моем случае она не сработала.
- Что будешь делать?
- Возьму выписку из деканата и отнесу в пединститут. Шестнадцати баллов хватит.
- Успехов тебе, — сказал Макс.
- Спасибо.

Очкарик пожал Максу руку, обнял Лизу и Настю и, усмехнувшись, добавил:

— Смотрите не напрягайтесь. Студенты мехмата — первые претенденты в Кащенко.

Отвесив очкарику подзатыльник, Настя воскликнула:

— Сам не свихнись.

«Ну и манеры», — подумал Максимилиан.

Очкарик ушел, а Макс пригласил девушек в профессорскую столовую. Те согласились.

Профессорская столовая находилась рядом с актовым залом. Здесь обедали преподаватели, аспиранты и студенты старших курсов. Все остальные ходили в столовую зоны Б или зоны В. И вот почему. В студенческих столовых комплексный обед стоил сорок копеек, а стоимость обеда по выбору не превышала восьмидесяти копеек. В профессорской столовой обед обходился в полтора рубля. К тому же среднестатистическому студенту было приятнее обедать в окружении шума и гама.

По этому показателю Макс не походил на рядового студента. Он тянулся к элитным обедам и не любил шума. Для себя Макс решил, что будет обедать только в профессорской столовой. Это заведение ему понравилось тогда, когда обедал здесь с отцом. Помнится, Максимилиан спросил, почему столовую не назвали рестораном.

— Из экономических соображений, — ответил Александр Владимирович. — Обслуживание и еда — на уровне ресторана, а цены существенно ниже.

Девушки еще не были в профессорской столовой, поэтому держались скованно. Макс усадил Лизу и Настю за стол и взял меню.

- Что будем заказывать?
- Решай сам, — ответила Настя.
- Возьмем суп-пюре, ростбиф с картошкой и вишневое желе.
- Не лопнем? — рассмеялась Лиза.

Макс не ответил и направился к кассе. Он достал пять рублей и, оплатив заказ, вернулся за стол. Наклонившись друг к другу, девушки о чем-то шептались. Макс улыбнулся. Он чувствовал себя джентльменом.

К столу подошла официантка. Она взяла чек и спросила:

- Кутите?
- В некотором роде, — ответил Макс. — Отмечаем поступление в МГУ.
- Поздравляю.

Официантка ушла, и Макс посмотрел на девушек. Пока не принесут первое блюдо, нужно их развлекать. Но как? У отца бы проблем не было. Рассказал бы историю, по-дружески пошутил.

- На какую тему писали сочинение? — начал разговор Макс.
Настя потянулась к хлебу, принесенному официанткой, и с готовностью ответила:
— «Ленин с нами». А ты?
— «Маяковский о времени и о себе».
— А я выбрала «Мысль народная в романе Толстого „Война и мир“», — ответила Лиза.
Макс видел, темы сочинений Лизу не волнуют. Она смотрела на Настю и о чем-то думала. Наконец спросила:
— Скажи, безусловная вера — это что?
— Вера без всяких условий, — ответила Настя.
Лиза поставила локти на стол и сложила ладошки у губ.
— Не поняла.
Оторвавшись от хлеба, Настя задумалась.
— Как бы тебе объяснить... Я просто поверила в себя. Понимаешь? Убрала все сомнения и сказала: пройду, и точка.
Лиза качнула головой.
— По-моему, это — самоуверенность. Впрочем, не знаю.
Поглядев на Макса, Лиза добавила:
— По поводу Маяковского скажу так: он для меня — «человек в футляре». Не понимаю его стихов.
Макс удивился.
— Маяковский играл на публику, — продолжила Лиза. — И франтил не для себя.
— Для кого же?
— Чтобы произвести впечатление. И вообще... Его фобия...
— Какая фобия?
В отличие от Лизы Максимилиану нравилась поэзия Маяковского. И Людмиле Ивановне тоже. Может, потому, что Макс ходил на Маяковского. Такой же высокий, стройный, темноволосый. «И хмуришься так же», — не раз говорила Людмила Ивановна.
— Маяковский страдал бактериофобией, — сказала Лиза.
Настя встрепенулась.
— Да неужели?
— Известный факт. Странно, что Макс не знает.
Лиза потянулась к тарелке и, попробовав суп, продолжила:
— Когда Маяковскому было тринадцать лет, умер его отец. Уколот палец иголкой и заработал столбняк. С тех пор в Маяковском поселился страх. Он даже дверь открывал не по-людски — обернув руку платком.
— Ну и ну, — заметила Настя.
Она с жадностью ела суп, и ее рыжие волосы пылали в свете многочисленных люстр. Макс был в замешательстве. Великий поэт и фобия. И какая-то убогая — страх перед бактериями. Лиза доела суп и подмигнула Максусу. Тот покраснел и чуть не выронил ложку.
— Эх, ты. Любишь Маяковского, а не защищаешь. Я бы на твоём месте...
— Да ладно, — миролюбиво сказала Настя.
Она откинулась на спинку стула и погладила себя по животу.
— Вкусно.
— Суп с лисичками — мой любимый, — сказал Макс.
— Во-во. Лисички я сразу унюхала. У нас на Алтае их море. И маленькие, и большие. Папы-лисички, мамы-лисички, бабушки, дедушки, ребяташки... И все рыженькие. Как и я.

Лиза с Максом рассмеялись. Обстановка за столом разрядилась, и за ростбифом солировала Настя. Лисички потянули за собой рассказ об Алтае.

— Я приехала из столицы Республики Алтай. Так что — не хухры-мухры. Настоящая столичная штучка.

Максимилиан и Лиза переглянулись. Настя — просто прелесть. Озорная, веселая, открытая. Доев желе, троица встала и направилась к зоне Б. У входа в общежитие девушки попрощались.

— Разве не погуляем? — спросил Макс.

— Надо собираться, — ответила Лиза. — Завтра уезжаю домой.

— Может, проводить?

— До вокзала сама доберусь.

Лиза открыла сумку и вытащила лист бумаги.

— Здесь мой адрес. Будет желание, пиши.

— Ты ответишь?

— Обязательно.

Лиза помахала рукой и скрылась в лифтовом холле. Настя приподнялась на цыпочки и чмокнула Макса в щеку.

— Спасибо за обед, — сказала она. — До встречи.

Кивнув, Макс направился к выходу. Несмотря на то, что погулять не удалось, настроение было отличным. Он сдал экзамены, поступил в МГУ, впереди — полтора месяца отдыха. К тому же на щеке горел Настин поцелуй, а в кармане лежал Лизин адрес.

«Все-таки хорошая штука — жизнь, — размышлял Макс по дороге домой. — Просто замечательная».

Глава 8

После отъезда Лизы Максимилиан погрузился в новые ощущения, и они гармонично вписались в буйство природы. Сочная листва, яркие цветы на клумбах — все это нотки одной мелодии, и имя ее — радость. Макс чувствовал радость во всем — в чириканье воробьев, плеске Москвы-реки, улыбках прохожих. Казалось, солнечные лучи затопили весь город, и каждый дом, каждый сквер, каждая подворотня окрасились в золотистый цвет. Максимилиан наслаждался жизнью, он много читал, размышлял, гулял.

Макс не задумывался над маршрутом, для него он с детства знаком — Ломоносовский проспект, улица Лебедева, университетский сквер. Макс подходил к скамейке у бюста Менделеева, садился и ждал. Кого? Лизу, конечно. Время от времени она появлялась и, закрыв ладошкой рот, замирала. Лизины глаза превращались в озера, и в них перетекала небесная синь. За ней летели звезды, солнце, луна. Синь застывала, и в Лизиних глазах отражался мир. Ее мир. С радостью и печалью. Макс тянулся к синему миру, но тот не пускал к себе. Вернее, мир откликнулся, но двери держал на замке.

В один из июльских дней одиночество Макса было нарушено. Он, как всегда, сидел на скамейке и думал о Лизе. И тут послышался кашель.

— Кхе-кхе.

Макс обернулся. Бюст Менделеева ожил, и в каменных глазах появилось некое осмысленное выражение.

— Не трать время, сынок, — сказал Менделеев. — Женщины — актрисы.

— Лиза — не актриса, — возразил Макс.

Менделеев вздохнул.

— Сердцем живешь. Это пройдет.

— Похоже, я влюбился.

Менделеев усмехнулся.

— Я видел твою девушку. Пока вы играли передо мной, вспомнил Агнессу Фойгтман. Не женщина — огонь. Мы познакомились в Гейдельберге. Приехал на стажировку к Бунзену, а тут она. Ну, и пропал. Стоял перед Агнессой на коленях, ножку целовал... А она словно ветер. То в один город умчится, то в другой. За скандалами шли примирения, за слезами — поцелуи. Так и жили. Бунзен ворчал. Дескать, где это видано, чтобы талантливый ученый променял работу на женщину.

— И что — теперь жалеете? — спросил Макс.

— Да как сказать. Я получил год любви и дочку в придачу. Попутно нашел температуру абсолютного кипения. Ха-ха-ха! Видимо, не случайно. Я кипел, плевался жаром, чуть не сгорел с этой Агнессой.

В каменных глазах Менделеева блеснули слезы. А может, показалось?

— Сыну рассказал о своей любви. Предупреждал. Все мимо. Теперь решил поведать тебе.

— Зачем?

— Много мудришь.

Максимилиан не знал, что ответить. Сказать, что не мудрит, было бы неправильно, а приоткрыть душу он был не готов. И кому приоткрывать душу — бюсту?

Менделеев попробовал повернуть голову, но не смог. Каменные глаза уставилась на Макса, и тот увидел в них грусть. Максимилиан встал и подошел к бюсту. На каменных губах сидела пушинка. Ни малейшего движения. Смахнув пушинку, Макс направился к набережной. В голове крутились новые имена: Агнесса Фойгтман и Бунзен. Раньше он их не слышал.

— Знаешь Агнессу Фойгтман и Бунзена? — спросил Макс у отца.

Александр Владимирович поднял брови. Дескать, откуда вопрос? Однако ответил не задумываясь.

— Фойгтман — провинциальная актриса. Во время стажировки Менделеева в Германии была его любовницей. А Бунзен — немецкий химик. К нему Менделеев и приехал.

Просмотрев газету, Александр Владимирович встал с кресла и сделал десять приседаний. Затем направился в кабинет.

— С какой стати этот вопрос?

— Да так, — небрежно ответил Макс. — Познакомился с парнем-химиком, он рассказал о Менделееве.

— Похоже, твой новый знакомый — эрудит, — заметил Александр Владимирович.

— Почему?

— Историю любви Менделеева мало кто знает.

Макс подошел к книжному шкафу и увидел красную папку. На ней было написано: Андре Моруа. «Письма незнакомке».

«Видимо, мамин перевод», — подумал Макс.

Достав рукописные листы, он сел в кресло и приступил к чтению.

«Вы существуете, и вместе с тем вас нет. Когда один мой друг предложил мне писать вам раз в неделю, я мысленно нарисовал себе ваш образ. Я создал вас прекрасной — и лицом, и разумом...»

Содержание писем так увлекло Макса, что он читал не отрываясь. В тексте было все, что волновало душу.

«Вы укоряете меня за сдержанность, за мой неизменный сентиментальный морализм. Но что поделаешь?»

В комнату вошла Людмила Ивановна.

— Можно почитать этот перевод? — спросил Макс.

— Конечно, милый. «Письма незнакомке» — классика.

Макс лег в кровать и читал до глубокой ночи. Выключив свет, он решил завтра написать Лизе письмо.

Однако сразу ничего не получилось. Макс даже не предполагал, какой это труд — написать письмо. Он не собирался изливать чувства, просто хотел напомнить о себе. Но как? Рассказать о прочитанном?

Макс мучился несколько часов. Написав пару предложений, он рвал письмо и бросал в мусорную корзину. Затем погружался в себя и смотрел в окно. Макс хмурился, тербил волосы, грыз ручку. Словом, испытывал адские муки. В таком состоянии Макса увидел Александр Владимирович. Он тихо вошел в комнату и остановился за спиной сына.

— Чем занимаешься?

Максимилиан вздрогнул и лихорадочно осмотрел стол. Стопка учебников по английскому языку, словарь, чистые листы бумаги. Никаких улик. Макс повернулся к отцу.

— Дурью маюсь, — ответил он.

— Маяться дурью опасно, — сказал Александр Владимирович. — Слышал о развитии по спирали?

— Нет.

Максимилиан взглянул на отца и понял, тот настроен на разговор. Свеж, как всегда. Подтянут. И хорошо одет. Светлая тенниска, легкие брюки, запах хорошего одеколona. Александр Владимирович прошелся по комнате и, сложив на груди руки, остановился у стола.

— Человечество переживает особый момент, — начал он. — Можно сказать, несется по восходящей спирали. Она напоминает панцирь египетской улитки.

Александр Владимирович замолчал и посмотрел на сына.

— Представил?

Макс чувствовал, что отец затронул интересную тему, но ему хотелось одного — возвратиться к письму.

— Физические исследования подтверждают, любая спираль имеет моменты вращения, — погладив бородку, продолжил Александр Владимирович. — Они находятся в точках изменения направления движения. Здесь образуется импульс, и тот, кто его проморгал, будет сметен. Понял?

Макс кивнул. Слова отца пробили барьер, и Макса охватила тревога. Перед глазами появилась картинка. Яркое солнце, синее небо, множество железнодорожных путей. Рельсы сверкали на солнце, между ними — пространства земли. Максимилиан чувствовал, как душу сжимает страх. И тут еще ветер. Он выскочил из-за косогора и принес звуки тревожных гудков. На горизонте появились поезда. Сотни поездов. Они неслись прямо на Макса. Некоторое время Макс смотрел на гигантский каток, затем побежал. Он несся на пределе своих возможностей. Поезда оглушительно свистели. Они приближались, с ними летел ветер. Непонятно почему, но Макс чувствовал: ветер — друг. Его энергетика придавала сил. Макс бежал быстрее и быстрее. И вдруг рельсы повернули направо. Макс, подхваченный ветром, поднялся в небо. Он летел

в воздушном потоке и видел блестящую спираль и сотни поездов. Все они неслись в одном направлении. Поезда были как на ладони. Вот они приблизились к последнему витку и, свистнув с надрывом, пропали в черной дыре. Были, и нет. Ни гудков, ни стука колес, ни свиста ветра. Небо и рельсы. А между ними Макс. И вдруг тишину наполнил голос отца:

— Каждый стоит перед выбором — или влиться в поток, или войти с ним в противоречие. В первом случае мы расширяем границы своего мира, во втором — падаем вниз.

Взглянув на часы, Александр Владимирович направился к двери.

— Маяться дурью... — эго какое важное дело.

Макс повернулся к столу и задумался. Он испытывал странное чувство — разговор с отцом не радовал. Такое впечатление, что между ними выросла стена. То, что стену сложил Макс, не вызывало сомнений. Но зачем? Надоел отцовский контроль? Или появилось желание стать самостоятельным? Вероятно, так. В учебнике по зоологии Макс когда-то читал: между взрослыми самцами всегда возникает соперничество. Макс усмехнулся.

«Сложно представить соперничество между мною и отцом. Как говорится, разные весовые категории».

Макс опять подошел к шкафу и отодвинул книги. Вот она — заветная тетрадь в черном переплете. Почему бы не поделиться с Лизой мыслями из дневника? Поиск себя, искренность... — Лизе это понравится.

Максимилиан вернулся к столу и начал писать.

21 июля 1971 г.

Здравствуй, Лиза!

Полистав дневник, я увидел, что чаще всего пишу о событиях. Сокровенные мысли записывать не люблю. Вдруг кто-нибудь прочтет.

И вообще... Зачем обнажаться перед людьми? Человек без тайн не интересен. Стоит, будто голый — открыт всем ветрам. По мне, лучше спрятать чудинки и беречь их от чужого взгляда. Помнишь, Щукаря в «Поднятой целине»? Кем бы он был без чудинок? Просто дедом. А тут — уникам. Энциклопедический словарь читает, петухов слушает, в интересные истории попадает. И у Нагульного есть чудинка. Учит чужой язык, чтобы общаться с мировым пролетариатом. С одной стороны — смешно, с другой — любопытно.

Чувствую, и у меня есть чудинки. Как думаешь?

С приветом, Максимилиан.

Макс перечитал письмо и остался доволен. Он собрал черновики, спрятал письмо в карман и, зайдя к матери, сказал:

— Прогуляюсь немного.

— Правильно сделаешь, — не отрываясь от перевода, ответила Людмила Ивановна.

Макс выбросил черновики в помойку и направился к киоску «Союзпечать». Он выбрал конверт с ландышем на картинке, засунул в него письмо, написал адрес и, отыскав ящик для почтовых отправок, просунул письмо в узкую щель.

«Ну вот — дело сделано».

Стоило отправить письмо, как Макс потерял покой. Вдруг Лиза не ответит? Вдруг ее письмо достанет отец?

Макс бегал к почтовому ящику по пять раз на день. И каждый раз приходилось что-то объяснять. То нужно сходить в киоск, то хорошо бы вынести мусор, то неплохо бы прогуляться... Короче, Макс стал слишком активен.

Наконец ответ появился. Лизино письмо лежало вместе с журналом «Новый мир». Белый конверт, скромная марка, на картинке — турбаза. Макс понюхал письмо и, озираясь по сторонам, опустил его в карман. Забежав домой, он положил журнал на стол и крикнул матери:

— Я гулять.

— Да-да, милый, — послышался ответ.

Макс кубарем скатился вниз и направился к университету. Он дошел до сквера и уселся на скамейку, стоявшую у бюста Докучаева. Сердце билось в ребра и не хотело успокаиваться. Наконец Макс разорвал конверт и уставился на ровные строчки. Сначала он ничего не понял. Отметил про себя, что почерк — аккуратный, письмо — в полстраницы, написано на тетрадном листе. Макс успокоился и начал читать.

28.07.71

Максимилиан, добрый день!

Сразу предупреждаю, писать не люблю и не умею. Сидя за сочинением, всегда чертыхаюсь. Лучше бы сто задач решила. Дневник никогда не вела. Мне это ни к чему. Свои мысли держу при себе — так надежней. И ничего прятать не надо. Думаю так: если хочешь высказаться, пожалуйста; не хочешь, спрячь свои мысли и молчи.

Ты пишешь, «человек без тайн не интересен». Согласна. Хотя, признаюсь, раньше не думала об этом.

Если появится возможность, приезжай в гости. Мои родители — люди простые. Будут рады. Сходим на Волгу, искупаемся, позагораем. Тогда и поговорим.

Добраться до Редкина нетрудно. С Ленинградского вокзала курсируют электрички Москва—Калинин. Для ориентира — три предыдущие станции: Черничная, Завидово, Московское Море. Последнюю не пропустишь. На самом деле это — Ивановское водохранилище. Оно и есть главный ориентир.

Если надумаешь приехать, дай телеграмму. Я встречу.

Лиза.

Максимилиан покрылся испариной.

«Пригласила в гости. Значит...»

Он встал. Ему хотелось смеяться и, запрокинув голову, смотреть на небо. Да-да, смотреть в синюю даль. Не там ли ответы на все вопросы? Свет, простор, невидимые миры. Они есть, нет только первооткрывателей. И оттуда — с неба — приходят важные мысли.

«Кто их посылает? — думал Макс. — Отец говорил, мысль — действие разума. Какого — человеческого или...? «Или» отец никогда не рассматривал. Но почему? Человеческий разум еще не все, это очевидно. Взять, например, меня. Я слышу многие голоса: каменной кувшинки, например, ветра, Главного корпуса, Менделеева. Слышу, и это — факт. Как эти голоса находят дорогу — через разум?»

Макс остановился на набережной. Взгляд побежал к Лужникам и, перелетев Большую спортивную арену, уткнулся в Новодевичий монастырь. Купол собора Смоленской иконы Божьей Матери казался генератором света. Макс зажмурился. Свет волновал, проникал внутрь, вызывал радость и отключал разум.

«Воооот! Свет, идущий от собора, выше разума. Он связан с тем, о чем отец не говорит. И ответ один: с Тем, кто за пределами разума, у отца нет связи».

У Максимилиана перехватило дыхание.

— Нет и никогда не было, — пробормотал он.

Макс глубоко вздохнул и пошел домой. Письмо лежало в кармане и грело сердце.

«Вот чудеса, маленький лист бумаги, и... греет».

Глава 9

Седьмого августа Максимилиан отправил телеграмму: «Приеду завтра часовой электричкой».

Это был смелый шаг. С одной стороны — все сложилось как нельзя лучше: Александр Владимирович уехал в Ташкент. С другой — Людмила Ивановна ничего не знала. Макс отрезал все пути к отступлению. Отправив телеграмму, он решил поговорить с матерью.

«Но как? — мучился он. — Варианта два. Первый — рассказать все как есть. Второй — что-то придумать. Ну, например, некоего друга с дачей на Волге».

Первый вариант Макс у нравился больше.

«Мама не заслуживает вранья. Она поймет. Должна понять».

Войдя в квартиру, Макс направился к матери.

— Можно поговорить?

Людмила Ивановна улыбнулась.

— Конечно. Что за вопрос?

Максимилиан прошелся по комнате, поднял журналы, лежащие на полу, положил их на полку, поправил плед и наконец сел. Людмила Ивановна отодвинула рукопись в сторону.

«Похоже, разговор будет серьезным», — подумала она.

Макс начал с главного.

— Меня пригласили в гости.

— Вот и хорошо, — улыбнулась Людмила Ивановна.

— Как минимум, на два дня.

— У тебя появились друзья?

— Да. Вернее, нет.

Макс покраснел и добавил:

— Я познакомился с девушкой.

Людмила Ивановна встала из-за стола. Она подошла к сыну и заглянула ему в глаза.

— Влюблен. Я угадала?!

Максимилиан смутился. Трудный вопрос. Так просто не ответишь.

— Не знаю. Скорее, да.

В глазах Людмилы Ивановны зажегся огонек. Макс его видел. Яркие лучи пробивались сквозь радужную оболочку глаза и улеглись на темной поверхности. Будто лунные дорожки.

— Откуда девушка?

— Из небольшого поселка на Волге — под Калинином. Три часа на электричке.

— Это — детали. Расскажи о девушке.

Макс видел неподдельный интерес. Мало того, понимал, мама не будет вмешиваться. Она на его стороне. Впрочем, он это знал всегда. Просто..., просто на такие темы трудно говорить. Людмила Ивановна притянула сына к себе и погладила по голове. И тут Макса прорвало. Он рассказал о первой встрече с Лизой, о прогулке, своих переживаниях, обеде в профессорской столовой, письме, Лезином ответе... О чем не сказал, так это о советах Менделеева и разговоре ветра с кувшинкой. Людмила Ивановна слушала и теребила волосы сына. Она их приглаживала, разделяла на пряди, быстрыми движениями убирала со лба. Макс у было приятно. Оттого, что выговорился, оттого, что не соврал, не выглядел смешным и, конечно, от материнской ласки.

И тут Людмила Ивановна запела:

— Любовь нечаянно нагрянет,
Когда ее совсем не ждешь...

То, что у мамы хороший слух и голос, Макс знал давно. Людмила Ивановна любила петь. Но тут — совсем другое. Песня — некий ответ. Макс понял, мама живет сердцем — не разумом. И ее сердце наполнено любовью. К мужу, сыну, переводам... — к жизни, наконец.

- Спасибо, — поцеловав мать, прошептал Макс.
- Что ты, милый. Это тебе спасибо.
- За что?
- За то, что доверил тайну.
- Я напишу адрес, куда поеду.
- Не нужно. Я тебе верю.
- И все-таки оставлю. На всякий случай.

Посидев пару минут, Максимилиан встал. В голове звучали слова из песни: «И каждый вечер сразу станет удивительно хорош...»

После обеда Людмила Ивановна вышла из дома. Через пару часов она вернулась с большой коробкой.

- Возьми.
- Что это? — удивился Макс.
- Подарок. Нельзя же ехать с пустыми руками.
- Я думал купить торт...
- Лучше подари настольную лампу.

Макс был озадачен. Раскрыв коробку, он увидел витиеватую бронзовую подставку, кремовый абажур, шелковую бахрому.

- Лампа — символ света и поиска истины, — сказала Людмила Ивановна.

Макс поднял брови. Отличное высказывание.

- Не я придумала, — улыбнулась Людмила Ивановна. — Так сказал Диоген.

— Вот это да. Вы с отцом — два сапога пара.

- А ты как думал? Единство и борьба противоположностей.

— Ну, ты даешь. Ладно бы отец...

— Марксистско-ленинскую философию и я изучала. И материалистическую диалектику тоже. Любопытный предмет, между прочим.

Макс был в недоумении.

«В отсутствие отца мама проявилась с другой стороны. Раскрепостилась что ли?»

Мысль была настолько интересной, что Макс задал вопрос:

- Ты этой темы никогда не касалась.

Глаза Людмилы Ивановны засияли.

- Когда говорит мужчина, женщина должна молчать.

Макс подозрительно посмотрел на мать. Что-то не так. Уж слишком веселые глаза.

- Это тебе папа сказал?

— Нет. Этому меня научила жизнь.

Глава 10

Максимилиан приехал на Ленинградский вокзал за час до отхода электрички. Утреннее волнение улеглось, и казалось, что он отправляется в далекое путешествие.

Взглянув на окно пригородной кассы, Максимилиан увидел свое отражение и остался доволен. На него смотрел высокий юноша в светлых брюках, ковбойке и летних

туфлях. Вполне респектабельный вид. Рядом с Максом стояли коробка с настольной лампой и сумка с личными вещами.

«Вроде бы все предусмотрел, — подумал Макс. — Плавки, запасные трусы, носки, полотенце, мыльные принадлежности, теплая фланелевая куртка. Пару дней погощу, и домой».

Неторопливые мысли вспугнула цыганка. Она подошла к Максиму и, сверкнув глазами, пропела:

— Позолоти ручку, родимый.

У Макса возникло желание уйти. Он даже нагнулся за сумкой, но цыганка оказалась проворней. Она схватила руку и, взглянув на ладонь, заохала:

— Бриллиантовый мой! Так у тебя же...

Цыганка прильнула к руке и забормотала:

— Хасием! Ай-йя-йя! Черная тьма подступает, космами трясет...

Не отпуская руки, цыганка потянулась к голове Макса и вырвала волос. Вокзальную площадь окутал туман. Рядом мелькнула чья-то тень, и Макс почувствовал, что сумка, стоявшая у ног, исчезла. Вокзал, кассы, киоск с мороженым скрылись за пеленой, и перед глазами осталось одно лишь пятно. В нем колыхались смуглое лицо и цветастый платок.

— Узелок завяжу, — слышалось бормотание цыганки. — Тьма и споткнется. Ох ты, мой горемычный. А ведь какой красавчик...

Максимилиан смотрел на коробку и видел свой волос. Он извивался, как змея. В толстых пальцах цыганки появилась иголка. Острый стальной конец нацелился на волос и попытался прищипить его к коробке. И в этот момент туман начал редеть.

— Дзя Дэвлэса, — услышал Макс.

Туман растаял, и солнце наполнило привокзальную площадь. Солнечные лучи плясали на заплыванном асфальте, привокзальных окнах, рельсах и электричках. Цыганка встала. Ее рот расплылся в улыбке, и показался ряд золотых зубов.

— Бахт, зор састыпэн.

Цыганка махнула подолом и исчезла. На ее месте стояла старуха. Маленькая, худая, в нелепой юбке, в грубых пыльных ботинках. Можно было подумать, это — нищенка. Но лицо... Оно было удивительным. Узкий с горбинкой нос, широкие скулы, огромные миндалевидные глаза. И королевский взгляд. Полный достоинства, силы и власти.

— Бери коробку и иди на платформу, — приказала старуха.

Макс наклонился и поискал сумку. Она пропала.

— Обойдешься без сумки. Ее уже не вернуть.

Вокзальный репродуктор ожил, и Макс услышал: «Граждане пассажиры, электропоезд Москва—Калинин прибыл на четвертый путь».

В черных глазах старухи мелькнул огонек. Как у поезда, уходящего в ночь. Старуха порылась в кармане и достала носовой платок. Его вид не вязался с нищенской одеждой — тонкий батист с монограммой «М. Б.». В старческой руке появился волос, похожий на тот, что лежал на коробке. Старуха завернула его в платок и протянула Максимилиану.

— Храни. Еще пригодится.

— Зачем?

— Случайных встреч не бывает. Помни об этом. Каждый человек, появившийся на твоём пути, что-то несет.

Старуха подтолкнула Макса к платформе.

— Иди. Увидимся еще.

Макс ехал в электричке и смотрел в окно. Мимо него проносились елки и кособокоры, дачи и дома обходчиков. Все это скользило по касательной и не вызывало ни любопытства, ни радости, ни волнения. Электричка бежала к Калинин, а Макс все еще пребывал на вокзале. Он вспоминал старуху с цыганкой, копался в ощущениях и, конечно, переживал. Причин было много. Пропажа сумки, предсказание цыганки, липкий туман.

«Как хорошо было утром. Радовался, собирался. А тут... Кошелек и вещи пропали, в сердце — страх».

Макс покопался в карманах. Ключи от квартиры — на месте, билет, мелочь. Двадцать копеек, три гривенника, четыре пятака... И о счастье — бумажный рубль. Значит, хватит на обратный билет.

Электричка проехала Завидово, и за окном раскинулось Московское море. Макс очнулся.

«Что принесла мне старуха? — подумал он. — Освобождение, напутствие и носовой платок. Ничего больше».

Максимилиан похлопал по карману. Платок с монограммой был на месте.

«А цыганка что принесла? Может, увидела опасность? Нет, цыганка — вымогательница. Таких тысячи. Наверняка действует не одна. Так и есть. Пока заговаривала зубы, напарник стащил сумку. Черт! Теперь ни сменного белья, ни плавок, ни кедр. И книжку жаль. Взял томик лирики, хотел почитать Лизе...»

Электричка подошла к Редкино, и Макс вышел на платформу. Первое, что он увидел, — березы. Белые стволы тянулись вверх, и ослепительно-синее небо обнимало пышные кроны. Казалось, это — знак. Дескать, посмотри на небо и отряхни пыль со своих ног. Макс этот знак принял. Он запрокинул голову, и на него хлынул свет.

Свет походил на водопад. Он обрушился на голову, пробежался по телу, наполнил энергией кровь. Макс глубоко вздохнул. Мощный поток унес все пережитое на вокзале, осталась старуха и ее слова: «Каждый человек, появившийся на твоём пути, что-то несет».

— Макс! Я здесь.

Максимилиан повернулся. Лиза стояла у лестницы, и ветер играл с золотыми кудрями. Макс улыбнулся. Лиза была похожа на лето. Босая, в пестром сарафане, с веснушками на носу.

— Привет.

— Рада, что приехал. Вещи отнесем, и купаться.

Лиза схватила Макса за руку и побежала по лестнице.

— Мама пирогов напекла. Любишь пироги?

Лиза повернулась к Макс и заглянула в глаза.

— Что-то случилось?

— Сумку украли. В ней — вещи и деньги. До вечера побуду у вас, потом поеду домой.

— Ну-ка рассказывай.

Лиза свернула с тропинки и уселась на траву. Макс опустился рядом. Событие, произошедшее на вокзале, уже не казалось мрачным, и Макс рассказал о нем как о забавном эпизоде. Дескать, развесил уши, отвлекся и получил по заслугам. О старухе Макс умолчал. Судя по рассказу, колдовские чары развеял репродуктор. Он объявил о посадке, и Макс очнулся.

Лиза слушала с интересом. В ее глазах отражались страх, жалость и удивление.

— Ну и история. Я мимо цыганок несусь, как пуля. Только бы прошмыгнуть.

— Почему?

— Чтобы не попасть в паутину. Все эти предсказания, ласковые слова — обман...

Есть в них что-то липкое.

Макс задумался.

«Лиза права. Туман на вокзале походил на паутину. Или на щупальца. Они скользили по телу, и кожа ощущала присоски. Мерзость какая».

— Что за коробка?

— Мамин подарок, — улыбнулся Макс. — Хорошо, что не успели стащить.

Лиза поднялась.

— Вот что. Одежду мы найдем, зубную щетку купим. А больше ничего не надо — верно? Так что не расстраивайся.

— Да я вроде ничего...

— Вот и хорошо. А цыганку забудь. Она нарочно пугала.

— Зачем?

— Чтобы на крючок поймать. Все цыганки — психологи. Девушкам о любви говорят, парням — о проблемах.

Оставшуюся часть пути Лиза болтала, как заведенная. Она рассказывала о Редкине, и Макс послушно поворачивался в те стороны, куда указывала Лизина рука. Торфохимический комбинат, школа № 1, ПТУ, медико-санитарная часть... Конечно, все скромно, но в Редкине живет Лиза, и этот факт придавал поселку особую прелесть.

Лиза остановилась у дома, окрашенного в голубой цвет. Невысокий забор, ажурные наличники, в палисаднике — цветы, у крыльца — березы.

— Нравится?

— Терем-теремок, — ответил Макс.

— Здесь и живу.

Среди домов, стоявших на окраине Редкина, Лизин дом был самым нарядным. Стоило на него посмотреть, как возникло ощущение сказки. Яркий, в окружении цветов, дом напоминал картинку из детской книжки. Небольшая терраса, высокое крыльцо, на нем — горшки с красной геранью.

Ситцевая занавеска дрогнула, и Макс увидел круглое лицо. Через минуту на крыльце появилась дородная женщина. Она широко улыбнулась и сказала певучим голосом:

— Милости просим.

Макс подошел к крыльцу и тоже улыбнулся. Он понял, перед ним — Лизина мама.

— Марья Ивановна, — пропела женщина и протянула пухлую руку.

— Максимилиан.

— Ой, длинно-то как. Максиком буду звать. Ладно?

На Макса повеяло теплом. Максиком его звала мама.

— Заходи. Ужо пироги поспели — сейчас накормлю.

Марья Ивановна ушла в дом. Лиза стояла у крыльца и улыбалась.

— Теперь ты пропал — мама закормит.

Макс снял туфли и, оставив их на крыльце, вошел в сени. Он с интересом огляделся. В сенях стояли ведра с водой, большая бочка, трехлитровые банки. В углу — лестница, ведущая на чердак. Лиза открыла дверь, и Макс увидел кухню. Четверть ее занимала печь. У окна стол, вокруг — лавки, в углу шкафчик. Видимо, здесь хранилась посуда. Уголок у печи отгорожен ситцевой занавеской, за ней — разделочный стол, кастрюли и чугуны.

Марья Ивановна хлопотала у печи. Она достала чугуны и открыла крышку. На Макса пахнуло грибным супом.

— Маслята пошли, из них и сварила, — сказала Марья Ивановна. — На-ка попробуй.

Она поставила миску перед Максом.

— Ешь, родимый. Мы с Лизаветой уже отобедали.

Скрестив на груди руки, Марья Ивановна улыбнулась в очередной раз. Похоже, улыбка с ее лица не сходила круглые сутки.

— Ишь, какой красавчик. Чай, в матушку пошел.

Макс покраснел. Он не знал, что и ответить.

— Мама любит дарить комплименты, — сказала Лиза.

— Разве не красавчик?

За дверью послышалось мяуканье.

— Знать, Шуша мяучит.

Лиза приоткрыла дверь. На кухню вошла черно-рыжая кошка. Она остановилась у порога и уставилась на Макса. Марья Ивановна подмигнула.

— А наша Шуша красивше. Правду говорю?

Тут рассмеялись все — и Лиза, и Макс, и Марья Ивановна. Кошка зевнула и подошла к столу.

— Матушка ты моя. Никак проголодалась?

Марья Ивановна взяла миску и, налив молока, сказала кошке:

— Хлебай.

Поблагодарив за суп, Максимилиан встал.

— Рано еще, — забеспокоилась Марья Ивановна. — Курей нажарила, пироги...

— Тут у меня подарок, — сказал Макс и открыл коробку. — Мама прислала.

Увидев лампу, Марья Ивановна прижала руки к щекам и заохала.

— Царица небесная! Красотища какая.

Рассмотрев лампу, Лизина мать всхлипнула и утерла передником нос.

— Мам, ты чего?

— Неужто у нас будет стоять?

Марья Ивановна порывисто подошла к Максиму и поцеловала его в лоб.

«Третий поцелуй. Первый оставила Мартина, второй — Настя, теперь Марья Ивановна».

Поцелуи Людмилы Ивановны Макс не считал. Мама есть мама.

Вытащив лампу из коробки, Лиза понесла ее в горницу.

— У моей кровати поставь, — крикнула вслед Марья Ивановна.

— Туда и несу, — усмехнулась Лиза.

— Знаю тебя. Чуть что получше, к себе тащишь.

Макс вернулся за стол. На сей раз перед ним стояли тарелки с картошкой, куриными бедрышками и свежими помидорами. Пока Макс ел, Лиза рассказывала о цыганке. Марья Ивановна охала и качала головой. Наконец, стукнув кулаком по столу, с чувством сказала:

— Да чтоб ей провалиться! Чтобы ее руки отсохли. Ишь, тля навозная. Ползает по вокзалу, детей дурачит. Видела бы эту хабалку, волосья бы повыдергивала.

— Ну-ну, распетушилась.

Лиза подошла к матери и прислонилась к ее плечу.

— Собери-ка пирожков. На Волгу съездим.

Марья Ивановны громко выдохнула.

— И то дело.

Она взяла полотенце и вытерла лицо.

— Зацепило. Давно так не вздорила.

Марья Ивановна расстелила белый платок и положила в него дюжину пирожков.

Затем подошла к шкафчику и вытащила кошелек.

— Купите плавки, а потом на Волгу.

— Не стоит беспокоиться, — отозвался Макс. — Я на берегу посижу.

— Неча на берегу сидеть. Приехал в гости, значит, отдыхай.

— Спасибо. Когда начнется учеба, я верну Лизе деньги.

- А это как хошь. Вернешь — хорошо; не вернешь — не обижусь.
- Марья Ивановна опять улыбнулась.
- Идите с Богом.
- А ты — на работу поедешь? — спросила Лиза.
- Отдохну маленько. Что-то упрела у печи.

Глава 11

Домой Макс уехал через три дня. Лизиного отца он так и не увидел. Тот был в деревне, в пятидесяти километрах от Редкина. По словам Лизы, отец поехал к бабушке чинить крышу.

Марья Ивановна работала на турбазе с шести утра до восьми вечера. Макс спал на террасе и на рассвете слышал тяжелые шаги Марьи Ивановны. Перед уходом на работу она кормила кошку и кур, поливала цветы, и по ходу дела разговаривала с теми и с другими.

Максимилиана будила Лиза. Она стучала в дверь, кричала «кукареку» и бежала умываться. Макс слушал брэнчанье рукомошника, топот маленьких ног и улыбался. В Редкине ему нравилось.

Позавтракав, Лиза и Макс шли на остановку. Они садились в автобус и ехали в Новомелково. Двадцать минут пути, и вот она — «Верхневолжская» турбаза. Неказистые домики в сосновом лесу, за ними Волга. Макс с Лизой купались, катались на лодке, затем, сидя на берегу, болтали. Как правило, о детстве. Это и понятно, другого прошлого у них за плечами пока еще не было.

В их дуэте солировала Лиза. Она рассказывала о друзьях, вспоминала игры, забавные истории. Слушая Лизу, Макс погружался в грустные мысли.

«Сколько интересных событий прошло мимо, — думал он. — Штандер, вышибалы, „а мы к вам пришли“... — о таких играх я и не слышал. Беготня по лужам, секретики, нырянье в пруду, ломоть хлеба в руках, земляника на берегу, море одуванчиков, майские жуки, рыбалка, лазанье по деревьям, сено, поиск куриных яиц, цыпки на ногах, поселковый клуб, клад под березой, строительство шалаша, горькие слезы, смех до икоты... Да, что говорить, у Лизы было разноцветное детство. О таком и вспомнить приятно. А что могу вспомнить я? Музеи, книги, театры? Это — культурная программа, в которую меня погружали родители. А детство — где оно? Сидит на скамейке в сквере и разговаривает с бюстами? А может, мое детство — это мечта? Стать волшебником, астронавтом... Нет-нет. Мечта — одно, детство — другое».

Слушая Лизу, Макс понял, детство заключено в событиях и ощущениях. Лиза их получила, он нет. Вывод очевиден, его детство — дистрофик. Маленький, однобокий, на костылях. Со стороны вроде бы выглядит прилично — сытый, причесанный, в новых туфлях, однако на лице — маска. Ни улыбки, ни слез, ни удивления.

«Все-таки это — перебор, — одернул себя Макс. — Удивление было. И восторг».

Макс помнил радость от увиденных картин, театральных постановок, интересных книг. И ощущение от разговоров с отцом тоже помнил. Слова отца походили на капли. Они заворачивали, сливались в ручьи, бежали дальше. И вот уже — река, состоящая из слов. Такая же большая, как Волга. Забавно. И в ней — маленький Макс. Он бултыхался в словесной реке все свое детство.

«А может, плыл? — думал Макс. — На надувной лодке. Ее надул отец, а мама держала веревку и тянула за собой. Слова отца накрывали волной, сажали на мель, подхватывали и несли дальше. А мама не позволяла утонуть. На берегу той реки не было ни травы, ни берез — одни музеи, театры, концертные залы. Бетонные берега дави-

ли реке на бока, не позволяли разливаться. Только вперед, только в заданном направлении. Но куда? Где устье, за которым свобода?»

Макс задумался. Он смотрел на облака и пытался представить свободу. Лиза его не беспокоила. В чем-то она походила на Макса. Хочет — говорит; не хочет — молчит.

Лежа на траве, Макс наблюдал за облаками.

«Белая цепочка на синем небе. Будто корабли. Плывут и меняют облик. Каждую секунду».

Лиза побежала к реке. Она переплыла Волгу и вернулась обратно, а Макс все смотрел на небо.

— Уф! — крикнула Лиза.

Она встряхнулась, и брызги попали на Макса. Вздвогнув, он приподнялся. Лиза присела рядом. Мокрые волосы, мокрые веснушки, мокрые голубые глаза. Макс улыбнулся.

«Смешная. И очень близкая».

У Макса возникло желание прижать Лизу к груди, поцеловать золотой завиток. Но он не посмел.

— Хочешь, расскажу одну историю? — спросила Лиза.

Набросив полотенце, она достала пирожок и впиалась в него зубами.

— Расскажи.

— В школе я сидела на второй парте, за мной — Вовка. Мы с детства знакомы. Вместе играли, вместе в школу ходили.

Лиза взглянула на Макса, и в ее глазах сверкнули смешинки.

— В те времена писали перьевыми ручками. Помнишь?

Макс кивнул. Как же не помнить? С перьевыми ручками у него связаны первые мучения. Он никогда не забудет чистописание, жирные кляксы и горькие слезы.

— У меня была чернильница-непроливайка. Я ее носила в мешочке, а в школе ставила на парту — в специальную дырочку.

— А рядом с дырочкой был желобок, — добавил Макс. — Для ручек и карандашей.

— Верно.

Макс взял пирожок.

«Если воспоминания совпадают, возникает пересечение, — подумал он. — И это — счастье».

— Чтение Вовка не любил. Он пригибался к парте и прятался за мою спину.

— Зачем?

— Боялся, что спросят.

— А я всегда любил читать.

— Но ты же — не Вовка, — рассмеялась Лиза.

С этим не поспоришь, и Макс взял второй пирожок.

— На чтении Вовку посетила шальная мысль. Он взял кончик моей косы, и окунул в чернильницу. Затем кончик второй косы. И в это время меня спросили. Я вышла к учительскому столу и стала читать. Громко, с выражением. Выслушав меня, учительница попросила подойти к доске. Она хотела, чтобы я написала название рассказа. Повернувшись спиной к классу, я взяла мел и стала выводить буквы. «Грачева! — воскликнула учительница. — С какой поры ты красишь волосы?» Я не поняла, о чем речь. Повернулась к классу и вижу, все смеются. А почему, не знаю. Учительница подошла ко мне и откинула косы вперед. И тут я увидела фиолетовые концы. Конечно, рассердилась. С Вовкой месяц не разговаривала. А придя домой, попросила маму подстричь. С тех пор не ношу кос.

— А Вовка?

Странное дело, появление Вовки Макса встревожило.

— Он — мой рыцарь. Жаль, в мореходку поступил.

— Почему жаль?

— Видеться будем редко.

Лиза оделась, собрала вещи и пошла к турбазе. Макс шел за ней и мучился от ревности.

«Вот кто стоит у меня на пути — Вовка-рыцарь. А я — просто знакомый».

— Бежим, — крикнула Лиза. — Автобус через десять минут.

Она перепрыгнула через пень и, ойкнув, села на землю.

— Лиза, не вставай. Я сейчас.

Макс приподнял девушку, и черные тревожные глаза встретились с голубыми. Лизины губы приблизились к щеке Макса и оставили легкий поцелуй.

— Лиза...

Девушка выскользнула из рук и понеслась по тропинке.

Домой Макс вернулся с пирогами, банкой варенья и трехлитровым баллоном соленых огурцов. Открыв дверь, Людмила Ивановна воскликнула:

— Максик вернулся.

Она поцеловала сына и добавила:

— Вижу-вижу, хорошо отдохнул. Глаза светятся.

Глава 12

Александр Владимирович возвратился из командировки в приподнятом настроении. Он привез из Ташкента подарки и чуть ли не с порога начал распаковывать сумку.

— Корзину фруктов — на кухню, — командовал Александр Владимирович. — Тюбетейка — Максимилиану, платье — тебе, Мила. Ну как, нравится?

Людмила Ивановна подошла к мужу и поцеловала его в усы.

— Прелесть. Похоже, из настоящего хан-атласа.

Александр Владимирович хитро сощурился.

— У меня для вас еще один подарок.

— Какой? — спросила Людмила Ивановна.

— Послезавтра летите на Кавказ. Я заказал авиабилеты до Адлера и договорился с директором пансионата.

— Ничего себе, — только и сказал Макс.

— Разве ты не поедешь? — спросила Людмила Ивановна.

— Увы. У меня — международная конференция. Сама понимаешь, переписка с участниками, доклады...

Александр Владимирович горестно вздохнул и уткнулся в бумаги. Стоя у зеркала, Макс примерял тюбетейку и краем глаза следил за отцом. Вроде бы ничего особенного, но в то же время что-то не так. В выражении отцовского лица было нечто театральное.

— Что за пансионат? — спросила Людмила Ивановна.

— Интуристовская Пицунда. Мечта советского труженика.

За ужином Александр Владимирович был в ударе. Он рассказывал о Ташкенте, узбекской кухне, свадьбе, куда попал благодаря другу-профессору. Людмила Ивановна вникала в детали, Макс слушал и молчал.

— О чем задумался? — взглянув на сына, спросил Александр Владимирович. — В твоём возрасте нужно жить по полной программе.

- Что значит жить по полной программе?
- Влюбляться, например, петь, сочинять стихи, совершать подвиги.

Максимилиан уткнулся в тарелку.

— В семнадцать лет я был не то что ты, — улыбнулся Александр Владимирович. — И за девушками бегал, и подрабатывал, и книжки читал. Время было тяжелое, послевоенное. Одно развлечение — танцы. Накину телогрейку, и в парк. А там духовой оркестр. Танцы начинались с вальса. Сначала «Дунайские волны», затем «На сопках Маньчжурии»... Слушаешь, и сердце замирает.

— Так все и было, — отозвалась Людмила Ивановна. — А в завершение программы играли марш.

- Верно. Больше всего любил «Прощание славянки».

Александр Владимирович глубоко вздохнул и неожиданно запел:

- Та-та, та-да-да-та! Ту-ту, ту-ду-ду-ту!

Максимилиан застыл с поднятой ложкой.

- Спеть можешь? — спросил он.

- Не знаю слов.

— Удивительный марш, — сказала Людмила Ивановна. — В нем — вера в победу и горечь от прощания с близкими.

- Где ты увидела горечь? — удивился Александр Владимирович.

— Ну что ты, милый. «Прощание славянки» прежде всего для тех, кто провожает солдат на войну.

Людмила Ивановна принесла канделябр и зажгла свечи. Обхватив бородку, Александр Владимирович смотрел на огонь и молчал. На столе появились чашки, печенье и ваза с конфетами.

- Все хорошее из детства, — сказала Людмила Ивановна.

- Разве? — удивился Александр Владимирович.

Немного помолчав, он посмотрел на Макса и спросил:

- Тебе не странно, что я не рассказывал о детстве?

Максимилиан кивнул. Так и есть, о детстве отец не говорил. Максимилиан не раз спрашивал, однако ответы были односложными. Дескать, родился в 1930 году, первое время жил в деревне. Отец был конюхом. В первые дни войны попал в армию и погиб. Получив похоронку, мать умерла от сердечного приступа. Затем детдом, рабфак, университет, аспирантура.

— В детдом я попал в январе 1942 года, — начал Александр Владимирович. — К тому времени у меня был только один родственник — дядя, брат отца. После смерти матери я жил вместе с ним. Затем дядю призвали в армию, и он отвез меня в детский дом.

Как Максимилиан ни старался, но представить отца маленьким он не мог.

— В столовой детдома было холодно и сыро. С потолка капала вода, полы покрыты ледяной коркой. Мы — ребятишки — катались по полу, как по замерзшим лужам. Ни хлеба, ни сахара, ни чая. Нальем из котла горячей воды и, обжигая внутренности, пьем. Ели овсянку и затируху. Слышал о такой?

- Нет.

— Затируха — суп на воде. В нее добавляли перетертые овощи: картошку, лук, морковь. А чтобы была погуще, овощи смешивали с мукой.

Александр Владимирович встал и прошелся по комнате.

— Тяжелое было время. Воду приносили из реки, дрова заготавливали сами, спали на тюфяках, набитых соломой.

- А в школу ходили?

- По очереди. Калош не хватало.

- Зимой, и в калошах?

— К тому же на босу ногу, — горько усмехнулся Александр Владимирович. — Помню весну сорок второго. Нас повели на колхозное поле. Дождь, ветер, грязь. И мы — подростки, собирающие мерзлую картошку.

Людмила Ивановна налила мужу чай и придвинула чашку.

— Еще помню, как стирали белье. В прачечной стоял огромный котел. Его надо было нагреть, а затем черпаком наполнить тазы. День стирки был праздником. Пар обжигал кожу и создавал иллюзию тепла. Погрузив руки в воду, я замирал. Цыпки невыносимо чесались, но вытащить руки из таза не было сил. Стоял бы так и стоял...

Александр Владимирович поднял подбородок, и в его взгляде что-то изменилось. Будто солнце за тучу зашло.

— Однако мы не унывали. Верили в победу и счастливое будущее.

— А что потом?

— В конце войны детдом получил новое здание, и бытовые условия нормализовались. В 1947 году я окончил школу и уехал в Москву. Поступил на рабфак, жил в общежитии, в свободное время ходил на танцы.

Александр Владимирович улыбнулся.

— За год изучил весь садово-парковый репертуар. Даже падеспань танцевал.

Профессор Маушевский встал и, потрепав Макса по волосам, ушел в кабинет.

— Что говорить, хлебнул лиха, — сказала Людмила Ивановна. — Сиротство, детдом, голод...

В эту ночь Макс долго не мог заснуть. Отцовский рассказ оставил в душе след, и, глядя в окно, Максимилиан пытался представить себя на месте отца. Затируха, мерзлая картошка, калоши на босу ногу. Картинка военного детства не вязалась с тем образом, к которому Макс привык.

«Но почему он не рассказывал раньше? Говорил о высоких материях, а о детстве ни слова. Почему вспомнил сейчас?»

Макс перебирал детали, вспоминал голос отца, интонацию, лицо..., и не мог понять, что его так тревожит. То ли картинка, созданная отцом, то ли нарочитость рассказа. С тем и заснул.

Две недели в Пицунде пролетели как один день. Максимилиан и Людмила Ивановна жили в пансионате «Маяк». Окно номера смотрело на море, рядом шумели сосны. Прозрачная вода, крик чаек, восходы и закаты — все это настраивало на задушевные разговоры. Они возникали спонтанно и, так или иначе, касались жизни и красоты в широком понимании этого слова.

Людмила Ивановна удивляла Макса на каждом шагу, она была чрезвычайно активна. Много гуляла, покупала билеты на экскурсии, читала стихи. По вечерам Макс с матерью прогуливались по набережной, затем шли в собор Святого апостола Андрея. Дни, когда в соборе давали концерты органной музыки, были событием. Звук органа проникали в душу и вызвали ответную вибрацию. По дороге в пансионат Макс и Людмила Ивановна долго стояли на набережной и глядели на море. Казалось, звезды, отраженные в воде, и лунная дорожка — все это звенья той музыки, что наполняла сердца.

— Когда вижу и слышу красоту, в голове пульсирует только одно слово, — как-то после очередного концерта сказала Людмила Ивановна.

— Какое? — спросил Макс.

— Величие.

В тот вечер они зашли в кафе и, устроившись на террасе, заказали сок и мороженое.

— У меня это слово когда-то было связано с отцом, — ответил Максимилиан.

— Было? — удивилась Людмила Ивановна.

— Да.

— Величие предполагает уважение и преклонение.

Людмила Ивановна наклонилась к сыну, и в ее глазах мелькнули огоньки.

— Уважение к отцу, конечно, осталось, — ответил Макс. — А преклонение... ушло.

— Неудивительно, — ответила Людмила Ивановна. — Ты вырос, а Саша... полюбил важность.

Максимилиан ощутил волнение. Он знал, матери не свойственно осуждение.

«Но почему она так сказала?»

— Читай классику, в ней — опыт великих людей, — продолжила Людмила Ивановна. — Например, в одной из комедий Шекспира есть слова, ставшие афоризмом:

Весь мир — театр.

В нем женщины, мужчины — все актеры.

У них свои есть выходы, уходы,

И каждый не одну играет роль.

Семь действий в пьесе той...

Людмила Ивановна замолчала. Морской бриз шевелил ее волосы, выбившиеся из прически, темные глаза блеснули. Людмила Ивановна пододвинула свечу и, глядя на огонь, добавила:

Последний акт,

Конец всей этой странной, сложной пьесы —

Второе детство, полузабытье:

Без глаз, без чувств, без вкуса, без всего.

— И каждый не одну играет роль, — повторил Максимилиан. — Ты тоже играешь? Длинные ресницы вздрогнули, зрачки стали похожи на воронки.

— А ты разве не играешь? — вопросом на вопрос ответила Людмила Ивановна.

— По-моему, нет, — ответил Макс.

Людмила Ивановна положила ладонь на руку сына и заглянула ему в глаза.

— Когда-то ты выбрал роль инертного интеллигента, и эта роль тебе пришлось по душе. Не так ли?

Максимилиан вздрогнул.

— Против интеллигентности я не возражаю. Люблю умных и воспитанных людей. Но видя твою инертность, порой хочется плакать. Стремление к покою вошло в привычку. Никому не возражаешь, ничему не сопротивляешься. Главная цель — остаться в состоянии безмятежности. Но почему?

— Может, это — мое, — сказал Макс. — Природное.

— Нет, — не согласилась Людмила Ивановна. — Природное проявляется сразу. Знаешь, какое слово ты любил в детстве?

— ???

— Слово «сам». И говорить толком не умел, но стоило протянуть руку к разбросанным игрушкам, заявлял: «Я сам». И умывался сам, и завязывал шнурки сам, и ел... Ни соски не признавал, ни бутылки. Я сажала тебя на стульчик, повязывала салфетку, и ты пил из чашки и ел ложкой или руками.

Макс улыбнулся.

— А потом будто сломался. И... попал под «каблук».

Людмила Ивановна убрала руку, и огоньки в ее глазах погасли.

— Это я виновата. Так было проще. Без сопротивления, без выяснения позиций... Соглашательство. И у тебя, и у меня. Результат очевиден — мы оба под «каблуком». И это — роль. Сознательно выбранная.

Пристально посмотрев на сына, Людмила Ивановна добавила:

— Чует сердце, мехмат — не твой факультет. Нужно признаться, мы с тобой смалодушничали.

— Что оставалось делать? — спросил Макс.

— Бороться.

Максимилиан понимал, мать права. Однако в душе таился контраргумент: если бы не экзамены на мехмат, он бы не встретил Лизу.

Глава 13

В преддверии первого сентября Макс потерял покой. Надеясь на встречу, он каждый день приходил в Главный корпус и искал Лизу. Максимилиан дежурил у деканата, подолгу стоял в лифтовом холле, спускался в студенческую столовую, однако Лизу не встретил.

Блуждая по зданию, Макс изучил инфраструктуру Главного корпуса и спустя несколько дней ориентировался в ГЗ как студент-старожил. Где только он не был — на почте, в бассейне, магазине, ателье, доме культуры, Музее землеведения, на геологическом и географическом факультетах... Однако увиденное Макса не волновало. Сердце всколыхнулось тогда, когда из лифта выскочила коренастая фигура с шапкой рыжих волос.

— Настя! — крикнул Макс.

— О-о-о! Кого я вижу.

Настя подбежала к Максиму и, привстав на цыпочки, чмокнула его в щеку.

— Лизу не видела?

— Она в общежитии на Ломоносовском проспекте.

Максимилиан опешил.

— Почему на Ломоносовском?

Настя рассмеялась, и на щеках появились ямочки.

— Первокурсники до ГЗ еще не доросли. Ты что — не знаешь?

— Нет. Но вы же здесь жили.

— На правах абитуриентов. Пойдем перекусим? За обедом все расскажу.

Чтобы получить сведения о Лизе, Макс готов был идти куда угодно. Он повел Настю в профессорскую столовую. Очутившись за столом, девушка оживилась. Она не замолкала ни на минуту, и все вопросы отпали сами по себе. По словам Насти, иногородние студенты оформлялись в общежитие на Ломоносовском проспекте — в пятиэтажке для студентов младших курсов. Мехматян селили в шестой корпус. На втором этаже — девушки, на пятом — «ивяшки», остальные этажи занимали парни с мехмата.

— Кто такие «ивяшки»? — спросил Макс.

— Студенты ИСАА — одного из факультетов МГУ.

— Не слышал о таком.

— Институт стран Азии и Африки. В обиходе Институт восточных языков, коротко — ИВЯ. Понял?

Настя рассмеялась и, отодвинувшись от стола, положила ногу на ногу. Только сейчас Макс заметил, как Настя изменилась. Накрашенные ресницы, помада на губах, бордовые брюки-клеш. Макс усмехнулся.

— К началу учебного года ты подготовилась основательно.

— Верно. Гардеробчик обновила, весь месяц мотались по магазинам и ателье. Сам понимаешь, фигура у меня — нестандартная, сразу не подберешь.

Настя напрашивалась на комплимент, однако Макс промолчал. Ему было неловко обсуждать Настину фигуру. И вообще, Макс у не хватало легкости в разговоре. Однако вкус у него был. Макс чувствовал, какие цвета сочетаются друг с другом, обращал внимание на детали, умел подбирать рубашки и завязывать галстук. Обувь Макс уделял особое внимание и не жалел времени на поиски туфель или ботинок. Что это было — внутренняя потребность или пример отца?

«Красивая обувь, ухоженные руки и волосы — визитная карточка интеллигентного человека, — не раз говорил Александр Владимирович. — Это — проявление уважения к окружающему миру. И к себе, конечно».

Может, по этой причине Макс и обратил внимание на Настины туфли. Синие лакировки на высоком каблуке с сантиметровой платформой. Видимо, последний писк моды. Заметив взгляд Макса, Настя вытянула ноги и цокнула язычком.

— Скажи, красивые?

— Не то слово, — искренне ответил Макс.

— Югославские. Вчера в «Ядрани» купила. Очередь — жуть. Но ты же знаешь, я — не промах. Подошла к одному парню, сунула в руку пятерку, и он пропустил впереди себя.

Настя потрянула рыжими волосами и спрятала ноги под стол.

— И Лизе предлагала. Дескать, пойдем — прошвырнемся по магазинам. Но она как скала. Нет, и все. Трудно ее понять. Никакого интереса к вещам. То ли нет денег, то ли шмотки не любит.

— А ты любишь, — улыбнулся Макс.

— Я — тряпичница. Мимо магазина не пройду. Шарфики, белье, платья... — все бы купила.

Настя достала зеркало и, подкрасив губы, добавила:

— Спасибо родителям. Они меня понимают и не ограничивают в средствах.

Макс поймал себя на мысли, что Настя ему интересна. Веселый нрав, игривость, непринужденность в общении — все это было в новинку. Девушка дарила беззаботное настроение и создавала его из мелочей. А Макс и Лиза так не умели. Но почему? Другой взгляд на жизнь?

Настя продолжала болтать и за десертом. Макс узнал, что ее отец — секретарь обкома, мама — хирург; что Телецкое озеро полно тайн; что в этом году макси-юбки и мини-юбки модны одновременно; что «завтра будет лучше, чем вчера», что СССР — великая страна; что математику Настя любила с детства и что собиралась учиться только на мехмате МГУ.

К концу обеда настроение Макса пошло на спад. Оживление сменилось усталостью, возникло желание уединиться.

— Проводишь до общежития? — спросила Настя.

— Извини, не могу.

— Тогда до завтра. Встретимся на первой лекции.

— Лизе привет.

Настя устремилась к выходу, и Макс посмотрел ей вслед. Круглая попка была обтянута бордовым вельветом, из-под клешей мелькали лакированные туфли, локоны лежали на плечах в продуманном беспорядке. Что говорить, Настины труды не пропали даром. Не обратить на девушку внимание было трудно.

Начало занятий ознаменовалось общим собранием первого курса. Максимилиан явился за полчаса и встал у дверей аудитории ноль один. Мимо шел непрерывный поток мехмян. Среди них преобладали ребята астеничного телосложения, с серьезными лицами и короткими стрижками. Большинство носили очки. Общежитские шли компаниями, москвичи поодиночке. Девушек было мало, и все они походили на гувернанток из старых романов: серые, блеклые, неэмоциональные. И тут мелькнуло яркое пятно. В холле показалась Настя. Она была одета в зеленое платье, на ногах красовались босоножки на высоком каблуке, волосы отливали медью. Но главное — другое. Настино лицо светилось. Макс улыбнулся. Девушка походила на лето. Яркое, многоцветное, жизнеутверждающее.

Рядом с Настей шла Лиза. Макс ее увидел не сразу. На фоне Насти Лиза терялась. Волосы выгорели на солнце, на носу — крупные веснушки, никакого обновления в гардеробе. Старая плиссированная юбка, скромные туфли, белая блузка. Однако и Лиза была хороша. В отличие от Насти она напоминала крокус. Нежный, трепетный, с тонким ароматом.

Две подруги, два времени года — лето и весна. Макс судорожно вздохнул, и его сердце, взлетев вверх, застряло где-то в гортани. Дыхание перехватило, и на глазах Макса выступили слезы.

— Максик, вот и мы.

Настя лучезарно улыбнулась.

— Шикарно выглядишь, — сказала Лиза.

Неожиданно для себя Макс обнял девушек и прижал их к себе.

— Вы — самые красивые мехмятки.

— Вот это — комплимент, — воскликнула Настя.

Макс подхватил девушек и вошел в аудиторию, заполненную первокурсниками. Троица привлекала к себе всеобщее внимание и под взгляды собравшихся заняла места в конце аудитории. Через пару минут вошли ректор и сопровождавшие его лица. Новоиспеченные студенты встали и встретили руководство мехмата громкими аплодисментами.

Первым выступил ректор — академик Иван Георгиевич Петровский. За ним взял слово академик Андрей Николаевич Колмогоров. Речь шла о значении математики, универсальности математических методов, перспективах развития. В конце выступления Колмогоров улыбнулся и, сделав паузу, сказал:

— Человечество всегда представлялось мне в виде множества блуждающих в тумане огоньков, которые смутно чувствуют сияние, рассеиваемое всеми другими. Но все мы связаны сетью ярких огненных нитей. Каждый в одном, двух, трех... направлениях. И возникновение таких прорывов через туман к другому огоньку вполне разумно называть «чудом».

«Здорово сказано, — подумал Макс. — Каждый человек — блуждающий огонек. Все его действия на ощупь. Восприятие интуитивно. Путь в плотном тумане. А среди тумана — огненные нити. Они тянутся в разных направлениях, пытаются прорваться. И наконец — о чудо — два огонька сливаются в один».

Макс чувствовал, Лиза думает о том же. Она напряглась и, опустив глаза, протянула руку. Макс сжал Лизины пальцы, и кровь запульсировала в висках. Уши заложило, и будто сквозь вату он услышал последнюю фразу Колмогорова:

— Хочу закончить выступление словами Блока: «Твердо веруй в начала и концы».

Лизина рука дрогнула, и девушка прошептала:

— Из поэмы Блока «Возмездие».

— Что? — не понял Макс.

— Люблю эти строчки.

Жизнь — без начала и конца.
 Нас всех подстерегает случай.
 Над нами — сумрак неминуемый
 Иль ясность божьего лица.
 Но ты, художник, твердо веруй
 В начала и концы. Ты знай,
 Где стерегут нас ад и рай.
 Тебе дано бесстрастной мерой
 Измерить всё, что видишь ты...

Глава 14

От первого сентября 1971 года Макс ожидал многого и не ошибся — день выдался ярким и необычным. После торжественного мероприятия первокурсников разделили на группы, а затем оправили в БУП¹ за учебниками. Отстояв несколько часов в очереди и получив книги, первокурсники разошлись кто куда. Одни поехали домой, другие отправились гулять, третьи решили отпраздновать начало учебного года. К последней категории относились практически все иногородние.

Настя и Лиза пригласили Макса в общежитие, и тот с радостью согласился. Подхватив три сумки, набитые учебниками, он отправился на сабантуй — первый в своей жизни. К Максy и девушкам присоединились трое общежитских парней. Один из них, Модуль, был старше остальных года на четыре. По дороге он успел многое рассказать — в частности, что, будучи в армии, участвовал в подавлении восстания «Пражская весна». Услышав об этом, Макс вспомнил о поездке в Чехословакию, и этого было достаточно для установления прочного дружеского контакта.

Модуль приехал из Горького и заметно окал. Высокий, худой, с длинным носом, он напоминал Буратино. И улыбался от уха до уха. Глядя на него, можно было не сомневаться, Модуль — душа компании.

В компании общежитских ребят было еще два парня. Одного звали Саня Войтюк. Низенький, немногословный, с большими грустными глазами, Саня приехал из Норильска. Другой — Ферзь, сочинский хиппи. Сальные волосы Ферзя доходили до плеч, футболка висела на тощем теле, экстравагантные брюки-клевш подметали асфальт. На брюки Ферзя Макс обратил внимание сразу — они были сшиты из оранжевого вельвета. Внизу штанин красовались молнии, сбоку — колокольчики. Слабый мелодичный звон сопровождал каждый шаг Ферзя и волей-неволей притягивал внимание. Ферзь много курил и, подняв подбородок, театрально выпускал дым.

По дороге в общежитие парни заглянули в магазин. Девушки решили не ждать и отправились домой.

- Что купить? — крикнул вслед Модуль.
- Колбасу и соленые огурцы, — ответила Настя. — Картошка у нас есть.
- Я оладышки напеку, — добавила Лиза.
- Оладышки — это хорошо, — улыбнулся Ферзь. — От них домом пахнет.

Закупкой провизии руководил Модуль. Скинувшись, ребята купили банку соленых огурцов, две бутылки водки, бутылку токайского, три батона, полкило «Докторской» колбасы, приличный кусок «Пошехонского» сыра, трехлитровую банку томатного сока, триста грамм сала и полкило помадки.

¹ БУП — библиотека учебных пособий в ГЗ МГУ.

У входа в шестой корпус сидела вахтерша. Модуль опустил сумку на пол, бутылки звякнули, и бабуся подняла брови.

— Степаниде Ивановне привет.

Модуль протянул шоколадку и указал на Макса.

— Мой новый друг.

Вахтерша кивнула, протерла очки и продебелжала:

— Ох, Вовчик, видно, без гостей тебе не жизнь.

Модуль ухмыльнулся.

— Как говорил мой дед, добрый гость всегда впору.

— Ну и ладно. Не буду твоего друга записывать. Пусть проходит.

Парни поднялись на третий этаж, подошли к триста пятой комнате, и Ферзь толкнул дверь. Первое, что увидел Макс, четыре кровати и стол. За столом сидел хлипкий очкарик и читал толстую книгу. Макс пригляделся.

«Ничего себе, — подумал он. — „Математический анализ“».

— Знакомься, наш вундеркинд Яша, — сказал Модуль.

Он подошел к столу и по-отечески обнял очкарика.

— Да ладно, — смутился тот.

— Максимилиан.

Макс пожал худенькую руку и улыбнулся.

«Вундеркинд Яша. Похож на совенка. Подслеповатый, с крючковатым носом».

Ферзь уселся на кровать и начал настраивать гитару.

— Макс, между прочим, москвич, — разбирая сумку, продолжил Модуль. — А папа у него ...

Речь Модуля прервал стук. На пороге появилась Лиза.

— Оладьи не переворачиваются.

— Это поправимо, — ответил Саня. — Сейчас помогу.

— И Макса с собой возьмите, — распорядился Модуль. — В три пары рук живо напечете.

— Собираемся у нас, — сказала Лиза, закрывая дверь.

— Вот и отлично, — обрадовался Модуль. — Мое место — рядом с тобой.

— Это почему?

— Как говорил дед, хочешь быть сыт — садись хозяйке под бок.

Лиза хмыкнула.

— Нашел себе хозяйку. У меня даже оладьи горят.

Модуль выпрямился и стал похож на восклицательный знак. Не выпуская сала из рук, он выдал фразу в манере профессора Маушевского.

— День долог, красавица. Всему свое время.

Лиза, Макс и Саня спустились на второй этаж и направились в кухню. У плиты стояла Настя. Она обкусывала обгоревшие оладьи, а негодные к употреблению остатки выбрасывала в помойное ведро. Настино лицо раскраснелось, вафельное полотенце, служившее фартуком, едва держалось на талии.

— Яйцо и растительное масло, — коротко приказал Саня Войтюк.

Лиза дала то и другое. Засучив рукава, Саня поставил на плиту две сковороды, и за десять минут напек гору оладьев. Лиза и Настя выхватывали оладьи из миски и тут же ели.

— Вкуснота, — облизывая лоснящиеся губы, одобрительно сказала Настя. — Кто научил?

— Отец, — выключив плиту, коротко ответил Санька.

Настя подхватила блюдо и понесла в комнату. Все остальные отправились за ней. Двести первая комната, где жили девушки, находилась у холла. В проеме комнаты стоял Ферзь с гитарой в руках. Бросив взгляд на оладьи, он удовлетворенно причмокнул и неожиданно запел:

Лиза, Лиза, Лизавета,
Я люблю тебя за это...

Голос Ферзя был низким, с легкой хрипотцой. Из-за плеча Ферзя показался Модуль. Он одарил пришедших фирменной улыбкой и продолжил куплет:

И за это, и за то, что почистила пальто.

Все рассмеялись.

«Весело живут, — подумал Макс. — Не то что я».

В комнате девушек уже был накрыт стол. Скатертью служила простыня, на столе стояли стаканы и две большие тарелки. Одна — с картошкой и солеными огурцами, другая — с нарезанной колбасой, сыром и салом. Около тумбочки виднелись бутылки с вином и водкой, на окне красовалась банка томатного сока.

— Заходите, гости дорогие, — послышался высокий голос.

Макс перевел взгляд от стола и увидел девушку, сидевшую на кровати.

— Рузи.

— Максимилиан.

Ферзь подошел к кровати и подал Рузи руку. Девушка встала и улыбнулась всем и сразу. Макс был ошеломлен. Рузи была так красива, что трудно было отвести взгляд. Длинная коса, брови полумесяцем, темные глаза с сантиметровыми ресницами. К тому же хрупкая, как балерина.

— Рузи — таджичка, — расставляя тарелки, сказала Лиза. — Между прочим, математик в третьем поколении.

Рузи взмахнула ресницами и опять улыбнулась

— Верно. И дед, и отец — математики.

— Выходит, пошла по семейным стопам, — промолвил Макс и смутился от сказанной банальности.

Чтобы прийти в себя, он принял независимый вид и стал рассматривать комнату. Четыре кровати, стол, стулья, тумбочки, на стенах — книжные полки. Типовой набор оживляли типично женские штучки: салфетки, вазочки с цветами, пузырьки от духов, тюлевая занавеска, восточный ковер над кроватью Рузи, желтая шелковая подушка, бусы, висящие на гвозде, и прочее, прочее. Вещи создавали уют, и комната выглядела яркой и радостной.

— Все дело в деталях, — раздался чужой голос.

Макс оглянулся. На пороге стояла высокая дородная девушка.

«Метр восемьдесят, не меньше», — подумал Макс.

— Будем знакомы — Люба Полунева.

Прямой взгляд, очки в роговой оправе, за ними — небольшие серые глаза.

— Макс Маушевский.

Настя подошла к Любе и уткнулась ей в грудь.

— Наша мама пришла, молочка принесла.

И правда, из Любиной авоськи торчали треугольные пакеты с молоком.

— Сабантуй? — поправив очки, спросила Люба.

— Он самый, — ответил Модуль.

— А где Яша?

— Мал еще.

Люба заняла лучшее место, за ней сели остальные. Макс отметил, в Любином присутствии Модуль ушел в тень. Однако вывод был преждевременным. Стоило Модулю выпить, как его стало много. Хрустя огурцом, Модуль рассказывал анекдоты и сыпал поговорками. И, как ни странно, все было к месту.

— Тебе бы в Институт культуры, — выслушав очередной анекдот, сказала Люба. — Талант так и прет.

— Вы обо мне мало знаете, — ухмыльнулся Модуль.

Он подмигнул Ферзю, и тот взял в руки гитару.

— Слышали о Скитовиче? — спросил Модуль.

Люба напряглась и сдвинула брови. Видимо, пыталась вспомнить, кто такой. Настя застыла с банкой томатного сока и вопросительно уставилась на Макса. Скитовича знала одна только Рузи.

— Виктор Павлович Скитович, будучи студентом матмеха ЛГУ, в 1946 году сочинил песню, известную всем математикам.

— Умница! — возопил Модуль. — Дай тебя поцелую.

Он наклонился над Рузи и запечатлел отеческий поцелуй на макушке девушки. Люба с уважением посмотрела на подругу.

«Какие они разные, — подумал Макс. — Одна как цветок; другая как... водовозная бочка».

Макс, конечно, ошибался. Хотя Люба и была полной, с тяжелым подбородком и нелепым каре на голове, она не походила на бочку. В девушке чувствовалась то, что называют породой. Где пряталась порода, трудно сказать. Но то, что Люба имела свою «изюминку», не вызывало сомнений.

Взяв бутерброд, девушка посмотрела на Модуля.

— С какого рожна вспомнил о Скитовиче?

— А вот с какого — мой брат и Скитович учились в одной группе.

— Ну и что?

Модуль налил полстакана водки, широко открыл рот и одним махом выпил. Затем откинулся на спинку стула и запел:

Раскинулось поле по модулю пять,
Вдали полиномы стояли.
Товарищ не смог производную взять,
Ему очень строго сказали...

Ферзь взял нужные аккорды и подхватил низким голосом:

Анализ нельзя на арапа сдавать,
Гавурин тобой недоволен,
Изволь теорему Коши доказать
Иль будешь с матмеха уволен.

Модуль и Ферзь допели песню и сорвали оглушительные аплодисменты.

— Нормально, — похвалил Саня.

— Макс, тебе понравилось? — спросила Настя.

— Мне здесь все нравится.

Макс не кривил душой. Он попал в иной мир. В тот, где гуляет свобода. Макс ощущал ее всеми органами чувств. Он глядел на ребят, слушал их разговоры, пробовал

подпевать, пил водку, заедал салом, и ему было так легко на душе, что выйди все танцевать, и он бы пошел.

И в этот момент Ферзь заиграл русскую плясовую. Макс выскочил на середину комнаты и, размахивая руками, прошелся по кругу. Настя прыснула и встала из-за стола. Накинув платок, она проплыла мимо Макса и коснулась его «крылом». Тот пустился вприсядку. И началось веселье. За Настей выскочила Лиза, потом Модуль, за ним Рузи и Люба. Шум стоял такой, что в комнату заглянули соседи. Одни сели за стол, другие пустились в пляс. Наконец появилась вахтерша. Модуль убрал водку и, лавируя между танцующими, двинулся к Степаниде Ивановне. Приобняв бабушку за талию, Модуль скрылся в коридоре, и танцы прекратились.

Сабантуй подходил к концу. Люба отправилась ставить чайник. Настя с Лизой убрали посуду, а Рузи поправляла кровати. Пришлые студенты испарились, и в комнате остались только четыре хозяйки и трое парней. Ферзь перебирал струны, Макс глядел на Лизу и размышлял. Две рюмки водки дали о себе знать, и мысли путались. Однако Макс держался достойно.

«Странно, — думал он. — Лиза среди подруг — самая незаметная. Вот, например, Настя. Смелая, яркая, хорошо одета. О Рузи и речи нет. Красавица. И Люба, как оказалось, ничего. Мимо не пройдешь. А Лизу не видно, не слышно. Но почему? В тот день, когда мы познакомились, она вела себя по-другому. Подошла первой, заговорила. И ребятами верховодила, и в сквере была свободна, как ветер. То на скамейку прыгнет, то к бассейну подойдет...»

Размышления Макса прервал Модуль. Вернувшись в комнату, он приложил палец к губам и сказал:

— Бурю успокоил, но волны бушуют.

Максимилиан встал.

— Мне пора.

— Чайку попьем, и пойдешь.

Модуль усадил Макса за стол, а сам подсел к Сане и Ферзю. Пока девушки ставили чашки, троица спела еще одну песню — да так душевно, что у Макса защемило в глазах.

Шел корабль, своим названьем гордый,
Океан старался перевозмочь.

В трюме, добрыми мотая мордами,
Тыща лошадей топталась день и ночь.

Тыща лошадей! Подков четыре тыщи!
Счастья все ж они не принесли.

Мина кораблю пробилла днище
Далеко-далёко от земли.

Макс представил лошадей, плывущих по океану, и на его сердце опустилась печаль. Эмоции пробились наружу, и Макс шмыгнул носом.

— А ты — сентиментальный, — хихикнула Настя.

— Это хорошо, — сказала Люба, размешав сахар в стакане.

Остальные согласились. Сентиментальный, значит, принимает все близко к сердцу. Словом, отличный парень.

После чаепития Макс попрощался и, взяв свою сумку с учебниками, направился к выходу. Модуль вызвался проводить. Спустившись на первый этаж, Макс достал

рубль и положил его перед Степанидой Ивановной. Почему? То ли от избытка чувств, то ли в благодарность чудесному дню.

— Купите конфет.

— Спасибо, милоч, — поблагодарила вахтерша и уткнулась в вязанье.

— Молодец, — похвалил Модуль. — Теперь у тебя не будет проблем. Когда захочешь, тогда и придешь.

Вечер был прохладным, и, проведив Макса до остановки, Модуль повернул к общежитию.

— Подожди минуту, — крикнул Макс.

Модуль остановился.

— Почему у Ферзя такая кличка?

— Он мастер спорта по шахматам.

— Как его настоящее имя?

— Альберт Иванов. Нелепо звучит. Верно?

Макс пожал плечами.

— По-моему, нормально. А тебя как зовут?

— Владимир Семенов. Коротко Вовчик.

— Надо же, Вовчик. Модуль мне больше нравится.

— Кстати, кличку придумал сам. Угадай — почему?

— Не знаю. Модуль в математике — абсолютная величина.

— И всегда положительная.

В девять вечера Макс был дома. Стоило ему открыть дверь, как в холл вышли родители. Грозно взглянув на сына, Александр Владимирович удалился в свой кабинет.

— Ты откуда? — спросила Людмила Ивановна.

— Из общежития, — ответил Макс. — Отмечали начало учебного года

— Почему не позвонил?

— Не было телефона.

Макс был частично прав. Телефона в общежитии нет, а тот, что стоит у вахтерши, можно не принимать во внимание. Он — служебный. Выпитая водка еще давала о себе знать, и Максимилиан спросил о том, о чем думал по дороге домой:

— Мам, можно принять влюбленность за любовь?

В глазах Людмилы Ивановны мелькнула боль.

— Без жизненного опыта так часто бывает.

Она зябко повела плечами и добавила:

— В серьезных вопросах важно не спешить.

— Это верно, — сказал Макс и отправился спать.

Лежа в кровати, он перебирал события дня. В памяти всплывали «огненные нити». Они не соответствовали тому, о чем говорил Колмогоров, но как знать... Перед Максом проносились фразы, строчки из песен, отдельные высказывания. И все это имело смысл. «Над нами — сумрак неминуемый, где стерегут нас ад и рай», «раскинулось поле но модулю пять», «миной кораблю пробил дно», «ты — сентиментальный», «все дело в деталях»... Казалось, никакой связи. Однако в подсознании шевелилась мысль, что все связано: и сказанные слова, и встречи, и поступки. От этой мысли Макс стало не по себе. Он тряхнул головой, и дневные впечатления вылетели в окно. Или не вылетели? Опустились в копилку памяти и перестали тревожить. До поры до времени, конечно.

Макс свернулся калачиком и заснул. За окном — ни шума дождя, ни свиста ветра. Светлая безмятежность первых сентябрьских дней. Тишину квартиры нарушал толь-

ко голос Людмилы Ивановны. Она пыталась оправдать Макса. Однако в кабинете профессора Маушевского царила зима, и слова, замерзая на лету, с тихим звоном падали на пол. Людмила Ивановна куталась в шаль и возобновляла попытку. Тщетные усилия. Холод порождал ветер. Тот несся по кабинету, и на его крыльях красовалось утверждение: в грехах детей виновата мать — только она.

Глава 15

Первокурсников разделили на группы по уровню английского языка. Макс, Яша и Люба попали в десятую группу, где собрались студенты, свободно владеющие английским. Настя, Лиза и Рузи оказались в группе «продолжающих». Модуль, Ферзь и Саня — в группе «начинающих». И все потому, что в школе учили другие языки. Саня и Ферзь — немецкий, Модуль — французский.

Однако главный критерий на мехмате — не английский язык, а уровень математической подготовки. По этому показателю Макс и его друзья были салагами. Они окончили обычные школы и, как ни пыжились, не могли тягаться с «бывалыми» — с теми, кто учился в физико-математических школах или колмогоровском интернате. Благодаря природным способностям Яша-вундеркинд был ближе всех к корифеям, но и ему приходилось несладко. В то время, как «бывалые» отдыхали, Яша не вылезал из библиотеки и к концу сентября походил на совенка-дистрофика.

Макс, по большому счету, плыл по течению и ничего не делал. Он ходил на лекции, посещал семинары, но в мыслях был далеко. Его жизнь изменилась, и появились новые увлечения. Свободное время Макс проводил в общежитии, играл в преферанс и пил водку. Степанида Ивановна встречала его как родного и, уткнувшись в вязанье, приветливо дребезжала:

— Заходи, соколик. Вовчик небось скучает.

Макс поднимался в триста пятую комнату и видел одну и ту же картину: Модуль раскладывал пасьянс, Ферзь брэнчал на гитаре, Санек что-то читал, Яша сидел на кровати среди разбросанных книг и думал. Из ушей вундеркинда торчала вата, глаза упирались в формулы, и, кроме них, Яша ничего не видел.

— Красавчик пришел, — увидев Макса, говорил Модуль.

Саня поднимал голову и здоровался:

— Привет.

Ферзь, сделав музыкальное вступление, встречал песней Высоцкого:

Как ныне собирается вещей Олег
Щита прибывать на ворота...

Модуль отрывался от пасьянса и, смешав карты, присоединялся к Ферзю.

Ну только собрался идти он на вы —
Отмщать неразумным хазарам,
Как вдруг прибежали седые волхвы,
К тому же разя перегаром.

В этом месте приветствие заканчивалось, и Модуль обращался к Максус с неизменным вопросом:

— Принес?

Макс доставал четвертинку, и Ферзь с Модулем оживали. Модуль ставил на стол стаканы, доставал из банки соленые огурцы и, разложив на клеенке, заявлял:

— Как говорил Омар Хайям, вино запрещено, но есть четыре «но»: смотря кто, смотря с кем, когда и есть ли мера.

Ферзь поднимал стакан и добавлял:

— При соблюдении этих условий пить разрешено.

Увидев, что Саня по-прежнему сидит на кровати, Модуль спрашивал:

— Санек, ты как?

— Не буду. Матанализ учу.

— Учи, голубь, учи, — голосом Степаниды Ивановны говорил Модуль. — А мы, грешные, выпьем за твои успехи и распишем пульку.

Содержимое Саняного стакана делилось на три части, и троица садилась за преферанс. Чаще всего играли «на взятки».

— Интеллект против форта бессилён, — заявлял Модуль и раздавал карты.

От игры в преферанс Макс получал наслаждение и вскоре стал достойным соперником. Временами у Макса возникало желание поразить друзей своей эрудицией. С лету не получалось, и он шел путем домашних заготовок.

Усевшись за стол, Макс с нарочитой небрежностью выдавал тот или иной афоризм и с удовольствием принимал поздравления. Самым щедрым на похвалу был Модуль. Услышав яркое выражение, он хлопал Макса по плечу и говорил:

— Моя школа.

Как-то раз Макс выдал заготовку собственного сочинения:

— Вистуй всегда, вистуй везде, до дней последних донца...

Оторвав взгляд от карт, Модуль потянул длинным носом и спросил:

— Кто автор?

— Я, — ответил Макс.

— Врешь. Что-то подобное я слышал.

— Ты слышал Маяковского, — сказал Санек. — В данном случае нам представлена переделка стихотворения Маяковского.

— Верно, — рассмеялся Макс.

Он откашлялся и продекламировал:

Светить всегда, светить везде,
до дней последних донца,
светить — и никаких гвоздей!
Вот лозунг мой — и солнца!

— Молоток! — воскликнул Модуль.

Он сорвался с места и исчез за дверью.

— Куда? — спросил Макс

— Сейчас придет, — ответил Ферзь.

И правда, через минуту Модуль вернулся. В его руке была внеплановая четвертинка.

— Хорошую переделку надо обмыть.

Лицо Модуля было серьезно, ноздри слегка дрожали.

— Донца, донца... Не припомню такого слова. Что означает?

Этот вопрос Макс предполагал, поэтому тут же ответил:

— «Донце» — значит «дно». Иначе — «конец».

— Выходит, вистуй до конца, — развеселился Модуль. — Саня, как тебе?

— Что?

- Выражение.
- Моночленно, — ответил Саня.

Слово «моночленно» Макс слышал не раз. В переводе с математического сленга оно означало «безразлично». Но каков Войтюк?! В очередной раз Макс подумал о том, сколько в Сане достоинств. Надежен, не болтлив, начитан, умен, в меру дружелюбен. Настоящий пример для подражания.

Однако кумиром Макса был не Войтюк, а беспечный Модуль. В нем было то, чего Макс не хватало. Модуль легко знакомился, легко договаривался и жил, как птица небесная. Порой не имея денег, довольствуясь курткой, пуловером, парой брюк, одной рубашкой и сменой белья. Однако неопрятным не выглядел. Он ежедневно стирал рубашку и аккуратно развешивал ее на спинке кровати. А в комнате, как правило, ходил в майке. Сказать, что Модуль не учился, было нельзя. Он посещал лекции и семинары, а под настроение уединялся в читальном зале и быстро наверстывал упущенное. И все потому, что имел уникальную память. Достаточно было прочесть страницу, и Модуль мог пересказать слово в слово. Или почти слово в слово — с минимальными ошибками и оговорками. И еще Модуль любил давать советы. Конечно, не всем — тем, кто просил. Советы касались конкретных ситуаций и имели практическое значение. Так, например, Модуль научил Макса отбивать алкогольный запах. Для этой цели Макс купил кофейные зерна и, разжевав несколько штук, становился, по словам Модуля, яки Божий агнец — чистый и безвинный.

Александр Владимирович по-прежнему держал паузу. Его общение с сыном сводилось к двум фразам: «Доброе утро» и «Спокойной ночи». С точки зрения профессора Маушевского, самым страшным наказанием был не крик, не лишение денег, а бойкот. Объясняя свою позицию, Александр Владимирович не раз говорил жене, что такое наказание Максимилиану на пользу.

— Куда это годится, — возмущался он. — Парню семнадцать лет, а он в первый день занятий явился с запахом перегара.

Бойкот не вызвал у Макса никаких эмоций, мало того, освободил от отцовских нравоучений. Макс был предоставлен самому себе и радостно плыл по волнам свободы. Так что Александр Владимирович совершил большую ошибку. Он применил неверный педагогический прием и потерял отцовскую бдительность.

С матерью у Макса проблем не было. Забегая домой на обед, он рассказывал новости и уходил в «читалку». Людмила Ивановна слушала сына, вникала в детали студенческой жизни и вскоре получила некоторое представление о жизни мехмата.

Конечно, прежде чем выдать ту или иную информацию, Макс подвергал ее внутренней цензуре. В результате сложилось впечатление, что Макс занимается с утра до ночи, а его общежитские друзья — настоящие таланты.

Если бы не отсутствие мира в семье, для Людмилы Ивановны все было бы хорошо. Однако разлад сына и мужа выбивал из колеи, и, отложив переводы, она садилась за вышивку. Деля крестик за крестиком, Людмила Ивановна думала о будущем Макса, и эти мысли порождали новое душевное беспокойство.

К началу ноября вышивка была готова. На ней выделялись скалистые горы, голубое небо и птицы с глазами из черного бисера. Закончив работу, Людмила Ивановна заказала рамку и повесила картину в комнате сына.

Вышивка Макс у понравилась.

— В ней есть вектор, направленный вверх, — сказал он.

Людмила Ивановна улыбнулась.

— Общение с математиками сказывается на мышлении.

Макс хмыкнул.

— С кем поведешься...

— Признаюсь, трафарет выбрала случайно, а результат получился с намеком, — продолжила Людмила Ивановна. — Почти по Юнгу.

— Не слышал о таком.

— Юнг — известный психолог. Он занимался сознательным и бессознательным.

Эту информацию Макс отбросил как неинтересную. Он разделся и лег в кровать.

— Спокойной ночи, мой милый, — сказала Людмила Ивановна.

— Спокойной ночи.

Макс посмотрел на стену.

«Все-таки странная картина. Светлая и темная одновременно. И птицы непонятной породы. То ли чайки, то ли коршуны».

Луна заглянула в окно, и птицы на картине ожили. Глаза-бисеринки сверкнули, и посмотрели на Макса.

«Черт-те что. Перезанимался, наверное».

Макс накрылся с головой и погрузился в мысли.

«В плане учебы все нормально. Как-нибудь проскочу. А вот с Лизой — проблемы».

Развить мысль Макс не успел — через минуту он спал. Однако бессознательное продолжало работу. Что это — психологический анализ? Где прячется бессознательное «я», какова его роль? Зачем грызет изнутри? Так или иначе, но результат подобной работы известен. В жизнь человека входят самооценка и самопознание.

Макс — не исключение. По мере того как вырослел, работу подсознания замечал чаще и чаще.

«Проблемы — не в Лизе, а во мне, — едва проснувшись, подумал Макс. — Выскочив из ежовых рукавиц, я захлебнулся от свободы. Ни жизненного опыта, ни знания людей — сплошные чувства. Они неслись, как молодые кони, а лассо... осталось в пыли».

Новые впечатления будоражили кровь, и Макс приходилось трудно. Он успокаивал плоть, учился дружить, менял маски, получал знания, наблюдал, входил в новые роли. В этой круговерти девушки занимали особое место. Макс с удовольствием флиртовал, и не потому, что кем-то увлекся, а потому, что в течение многих лет ему не хватало внимания. И вот теперь получил компенсацию. Ребята из общежития проявляли дружеское участие, преподаватели были снисходительны («Не благодаря ли отцу?» — не раз думал Макс), девушки пытались понравиться.

С Любой Макс встречался чаще всего. Они вместе сидели на семинарах, вместе проводили перемены. Люба не кокетничала, она заботилась. Кормила Макса бутербродами, объясняла, решала задачи, писала лекции под копирку. Рузи дарила улыбки, однако держала Макса на расстоянии. Настя кокетничала напропалую. При каждой встрече чмокала Макса в щеку, брала под руку, заглядывала в глаза. А Лиза будто окаменела. Она потеряла игривость и ходила с растерянной улыбкой. Макс ловил ее взгляды и читал немые вопросы: «Ты ли это? Мне что — все приснилось?»

В первый семестр у Макса вошло в привычку анализировать прошедший день. Прежде чем закрыть глаза, он прокручивал в памяти прошедшие события и давал им оценки. Каждый раз он видел вышивку матери. Она жила своей жизнью. Глаза-бисеринки, освещенные луной, отражали тьму. Не ту, что пряталась в птицах (какая в них тьма?), а ту, что сидела в Максе. Тьма была невелика, но она заслоняла свет, идущий из сердца. Полупрозрачная вуаль застилала глаза, и угол зрения, под которым Макс смотрел на мир, стал меняться. Затихли звонкие голоса, поблекли краски, и Макс погрузился в другую реальность. Конечно, не сразу. Однако вектор развития,

изменив направление, опустил стрелку вниз. Вот парадокс. Глядя на вышитую картину, Макс думал о движении вверх, а сам неуклонно катился вниз.

Странны дела твои, Господи! Все в нашей жизни связано, все имеет значение. Невинное увлечение Людмилы Ивановны — черные бисеринки, попавшие ей в руки, — путь, который Максу надо пройти. Чудеса, да и только.

Глава 16

В ноябре среди салаг началась паника. Причина была понятна. Зачетная сессия не за горами, а с ней — возможный провал. Все знали: не сдашь зачеты — не допустят к экзаменам, дальше — отчисление. По мехмату полетели байки одна страшнее другой. Сюжет баек, как правило, не менялся: первокурсники сдают высшую алгебру, или матанализ, преподаватели их «срезают», или «заваливают».

Массовый психоз напоминал химическую атаку. Спрятаться невозможно, убежать тоже. У девушек сдавали нервы, ребята держались благодаря русскому народному средству. А корифеям хоть бы хны. Ноль эмоций и полная отстраненность. Внутреннее беспокойство толкало салаг к корифеям. Им хотелось спросить, понять, обрести уверенность. Преодолев выстроенный барьер, салаги задавали вопросы и слышали ответ: «Это элементарно. Ежу понятно. Не знать таких вещей — стыдно».

Психатака коснулась и Макса. Слухи принесла Настя. Она бегала по общежитию, охала, выдавала мрачные прогнозы и в результате так измоталась, что с девушкой случилась истерика. Настя рыдала два дня. «Я провалюсь, вот увидите», — повторяла она. Из этого состояния ее вывела Лиза. Она подошла к Настинной кровати и тихо сказала:

— Выходит, ты трепалась.

Настя затихла и подняла голову. Опухшие от слез глаза ничего не выражали.

— Помню одну замечательную фразу, — продолжила Лиза. — Я долго над ней размышляла.

— Не знаю, о чем ты говоришь, — ответила Настя.

— Вера в себя притягивает успех.

— Да-да, было дело.

— Потом ты пыталась объяснить, что такое безусловная вера.

Настя вытерла слезы и громко высморкалась.

— Это я так... Рисовалась.

— Мне показалось, ты говорила искренне...

Настя встала, взяла полотенце и направилась к двери.

— У меня всегда так, — сказала она у порога. — Что в голову вобью, в то и верю. Вот сейчас вбила, что провалюсь, и, испугавшись, потеряла остатки ума.

Она взялась за дверную ручку и добавила:

— Но ты права. Нужно взять себя в руки.

И в этот момент вошел Модуль. В руке он держал стакан, прикрытый краухой хлеба.

— Выпей, голубушка, — сочувственно сказал Модуль. — По себе знаю — полегчает.

Встряхнув рыжей гривой, Настя взяла стакан и единым махом выпила водку.

— Эх, — выдохнула она. — Где наша не пропадала.

Настя улыбнулась и, виляя задом, пошла в душевую.

— Вот вы меня все ругаете, а лекарство сработало, — сказал Модуль.

— Полечил бы ее раньше. Глядишь, не было бы истерики.

Модуль развел руками.

— Проклятый эгоизм. Самим не хватало.

— А теперь?

— Завязали. Пора учиться.

Дверь открылась, и в комнате появилась Люба. Она опустила авоську и, протерев очки, посмотрела на Рузи. Та лежала на кровати, закрывшись ярким восточным покрывалом.

— Как твоя мигрень? — спросила Люба.

Рузи приподнялась и подложила под голову шелковую подушку.

— Спасибо, лучше.

— А Настя где?

— В душевой, — ответила Лиза.

— Вот и хорошо.

Люба повернулась к Модюлю.

— Неужели трезвый?

— Тебе бы гадалкой работать.

Люба повесила пальто и вытащила продукты. На столе появились несколько брикетов «кофе со сливками», пастила, торт «Сюрприз», хлеб и кефир.

— Поставь чайник и зови ребят, — сказала она Модюлю. — Кофе пить будем.

Через полчаса Макс, Саня, Модуль и Ферзь сидели в комнате девушек и пили кофе. Яша идти отказался, и вундеркинду отнесли кофе «в постель». Украшением стола был торт «Сюрприз». Огромного размера, густо посыпанный какао, торт символизировал праздник.

— Что отмечаем? — спросил Ферзь.

— Начало учебного года, — ответила Люба.

Со следующего дня друзья взялись за учебу. После занятий Макс по-прежнему ходил в общежитие, но водки и преферанса уже не было. Все учили математику. Яша, Люба и Саня Войтюк помогали наверстать упущенное, однако проблемы оставались. У каждого свои.

У Макса были нелады с матанализом. Он не мог понять смысла дифференциального и интегрального исчислений. Нина Давыдовна Айзенберг гоняла студентов, как сидоровых коз. Не оставляла в покое и Макса. Она вызывала к доске, отпускала язвительные замечания, но Александра Владимировича не вспомнила ни разу. И Макс был ей благодарен. Он учил матанализ, получал «щелбаны» и опять учил. Айзенберг оставляла Макса после семинаров и, не вынимая изо рта папиросы, показывала, как решать ту или иную задачу. Напряжение нарастало, и дело дошло до того, что во сне Макс увидел большой интеграл. Он был высотой с дом. Рядом с интегралом висела дробь, и на ее перекладине спал Макс.

Сон был настолько необычен, что Макс рассказал о нем Модюлю. Тот поднял брови и спросил:

— Кем ты во сне был — человеком или символом?

Макс задумался.

— По-моему, числителем.

— Да-а-а, — протянул Модуль.

Он уставился на дверь в аудиторию, и его лицо озарила улыбка. Перед входом стоял профессор Коробов. Раздался звонок. Леонид Михайлович оглянулся и, увидев вереницу опоздавших студентов, закрыл дверь на щеколду. Затем посмотрел направо. Через вторую дверь тянулась вереница первокурсников.

— Вот я вас, — крикнул Коробов и бросился к правой двери.

Кто-то из студентов успел проскочить, кто-то остался в коридоре. Коробов закрыл дверь, потерял руки и вернулся на кафедру. Лекция началась.

Профессора Коробова салаги любили. Он читал матанализ экспрессивно и приводил четкие доказательства. К тому же Коробов был единственным, кто пользовался электрическим экраном. Профессор включал «волшебный фонарь», укладывал пленку и писал на ней формулы. Те проецировались на экран. Если с «фонарем» были проблемы, Коробов ругался, брал мел и сердито писал на доске. Доска в аудитории тысяча шестьсот десять была многоярусной. По мере того как на ней писали, она уезжала вверх, и снизу появлялось то, что было написано раньше. Старые записи надо было стирать. В ассистенты Коробов, как правило, вызывал Рузи. Девушка брала мокрую тряпку и следила за движением доски. Коробов продолжал писать, а студенты смотрели на Рузи. Ее совершенная красота никак не вязалась с мехматом. Казалось, Рузи залетела на мехмат случайно. Через окно или дверь — неважно.

«Рузи можно любоваться, а обнять или поцеловать — ни-ни, — думал Макс. — Неземное создание».

Помимо математики, у Макса были проблемы с физкультурой. Отцовское воспитание привело к тому, что он не умел хорошо плавать, бегать, прыгать и толкать ядро. Но Макс не любил физкультуру не по этой причине, а из-за преподавателя. Занятия в общей группе вела Анна Павловна Наштова. Небольшого роста, крепкая, с ногами кавалериста, Анна Павловна, по выражению Модуля, гоняла студентов, как вшивых по бане. Модуль на Наштову не обижался. Зычный голос Анны Павловны напоминал ему армию.

— Будто три года скинул, — услышав команду, говорил Модуль.

А Макс обижался. На замечания, незачеты, грубый тон. И злился. Занятия физкультурой проходили в бассейне и Трехзальном корпусе. Чтобы получить зачет, надо было выполнить нормы ГТО, а кроме того, проплыть сто метров и прыгнуть с трехметровой вышки. Максимилиан с трудом сдал ГТО, одолел стометровку, а вот с вышки прыгать боялся. Наконец он решился. Макс дошел до конца доски, сложил руки по швам и... сделал шаг. Он знал, за прыжками наблюдают девушки. Они разместились в ярусе для зрителей и походили на стайку волнистых попугайчиков. Девушки хихикали, перешептывались и при удачном прыжке аплодировали. У Макса все получилось. Он вышел из бассейна и помахал зрителям. Среди девушек Макс увидел Лизу. Та стояла в сторонке и неотрывно смотрела в его сторону.

— Подожди меня, — крикнул Макс.

Лиза кивнула. Спустя полчаса они вышли из МГУ и, не договариваясь, свернули к китайскому посольству. Макс чувствовал, надо объяснить. Лиза смотрела под ноги и о чем-то думала. На ней была шубка из искусственного каракуля, на голове — пуховый платок.

Макс и Лиза прошли вдоль ограды, украшенной фотографиями, посмотрели на причудливые здания посольства и направились к общежитию. Макс понимал, Лиза ждет взгляда — того, каким он смотрел на нее летом. Но тот взгляд канул в прошлое. Он был связан с детством, эйфорией, с другим Максом. Сейчас всего этого нет. Но разве такое объяснишь?

Лиза поскользнулась, и, подхватив девушку, Макс прижал ее к себе. Два взгляда встретились, и Максимилиан вспомнил Лизин поцелуй. Теплый, мимолетный, единственный.

Лиза потянулась к Максиму, но остановилась на полпути.

— Вчера мне приснился сон, — глядя Максиму в глаза, сказала она.

Лиза говорила отрывисто, будто спешила.

— Иду по берегу Волги, а ты плывешь против течения. У меня замерло сердце. Я остановилась, протянула руки к реке и закричала.

— Почему? — спросил Макс.

— Ну, какой ты пловец?!

— А руки..., зачем протянула?

— Чтобы помочь.

— И помогла?

— Нет. Я проснулась.

Конец сна Макс не понравился. Он что — утонул?

— Не бери в голову, — сказала Лиза. — Будем считать, что скрылся за поворотом.

Макс понимал, последнюю фразу Лиза придумала, чтобы его утешить. Решив отвлечься, Макс рассказал о своем сне. Лиза слушала, не улыбаясь. Не проронив ни слова, они дошли до общежития.

— Знаковый сон, — остановившись у входа, сказала Лиза.

— Почему? — удивился Макс.

— Ты сидел на перекладине дроби и был числителем. Верно?

Макс чувствовал подвох. Он решил внести объяснения.

— Понимаешь, я как бы раздвоился. С одной стороны — человек, с другой — числитель. Ну, типа числа или цифры.

— Да-да, все ясно.

— А мне ничего не ясно.

— По ходу разговора вспомнила высказывание Льва Николаевича Толстого.

— Ты что — фанатка Толстого?

— Нет. Просто когда-то выписывала цитаты для сочинения, вот и запомнила.

Сделав паузу, Лиза продолжила:

— Человек — это дробь, в числителе которой стоит то, чего он действительно стоит, в знаменателе — то, что он о себе думает.

Макс рассмеялся. Он решил перевести разговор в шутку.

— Видишь, как хорошо. Я — в числителе, а значит, общее значение дроби большое.

— Так-то оно так. Но ты не стоишь на перекладине — лежишь. И смотришь вниз.

— Никуда не смотрю.

— А рядом — интеграл величиной с дом.

Лиза махнула рукой и закрыла дверь. Макс остался один.

«Даже в гости не пригласила».

Он потоптался у порога и, решив, что все заняты подготовкой к экзаменам, отправился домой. По дороге Макс думал над Лизиными словами и, войдя в подъезд, понял: душевных разговоров с Лизой больше не будет. Ни-ког-да.

От этого «никогда» у Макса подкосились колени. Он сел на ступеньку и обхватил голову руками. Ему показалось, что сегодня он потерял что-то родное.

Глава 17

Профессор Маушевский отменил бойкот за месяц до начала зачетной сессии. Видимо, решил, что сын осознал свой проступок. В этот воскресный день Макс был дома и учил аналитическую геометрию. Александр Владимирович вошел в комнату сына и как ни в чем не бывало сказал:

— Лучший театр — это жизнь. Здесь люблю сидеть в первом ряду. А вот вы с мамой пожалуйста во второй ряд.

Макс оторвался от учебника и поднял голову. Он ждал продолжения. Нельзя сказать, что появление Александра Владимировича его поразило. Макс понимал, рано или поздно, отец пойдет на мировую. Но Александр Владимирович запоздал. Макс

отвык от общения с отцом. Что послужило причиной, трудно сказать. Может, взросление, может, студенческая жизнь. Так или иначе, бойкот послужил отправной точкой к отчуждению. За последние месяцы жизнь Макса настолько изменилась, что о существовании отца он просто забыл. Вернее, Макс видел и слышал отца, но не принимал во внимание. И еще. Общаясь с преподавателями, Макс понял: профессора Маушевского на мехмате не любят. Почему, Макс не знал. Просто эмпирическое наблюдение. Не любят, и все. Услышав фамилию «Маушевский», преподаватели задавали один и тот же вопрос: «Вы — сын профессора Маушевского?» Получив подтверждение, они каменели лицом и переходили на официальное общение.

Александр Владимирович подошел к столу и положил театральные билеты. Взглянув на них, Макс удивился.

«Ничего себе, „Гамлет“ в Театре на Таганке».

— Спасибо, — сдержанно поблагодарил Макс. — Я слышал об этой постановке.

— Теперь увидишь.

Александр Владимирович прошелся по комнате и добавил:

— Заодно подумай над вопросом, который волнует любого человека: «Быть или не быть?».

Не услышав ответной реплики, профессор Маушевский вышел. Макс сидел за столом и пытался проанализировать появление отца.

«То, что пришел мириться, не вызывает сомнений. Сколько можно играть в молчанку? Видимо, главная причина — личный дискомфорт. Совместных ужинов нет, а покрасоваться хочется. Мама не в счет. За годы совместной жизни она узнала повадки мужа. Но роль „гуру“ отцу не дает покоя».

Макс был в отчаянии. Он понимал, несвобода никуда не ушла. Просто ослаб поводок. Однако он существует — в этом никакого сомнения. Стоит его потянуть, и Макс окажется под «каблуком».

Макс прошелся по комнате, сел, опять встал. Ему хотелось порвать поводок, и он искал способ.

«Конечно, мое отношение к отцу изменилось. Как говорят в таких случаях, минус вытеснил плюс. Но это ничего не значит. Осталась реакция. Она настолько эмоциональна, что продолжает тревожить. Восторженность улетела, и на ее место уселось недовольство».

Макс внутренне содрогнулся.

«Но что плохого сделал отец? Он бил, издевался, морил голодом? Нет. Но на психику давил, и это — факт».

Декабрьское солнце выпустило последний луч, и тот коснулся картины. Отразив луч, глаза-бисеринки вспыхнули, и Макс ощутил тьму. Он лег на кровать, закрылся с головой одеялом и беззвучно заплакал.

Через три дня Макс и Людмила Ивановна пошли в театр. Свои впечатления от спектакля Макс записал в дневнике.

17.12.1971

Пришли за полчаса до начала спектакля. Войдя в зал, увидели Высоцкого. Он сидел на сцене и задумчиво перебирал струны. Странное ощущение. Зрители рассаживались по местам, Высоцкий что-то брэнчал и будто никого не видел. Прозвенел звонок, Высоцкий встал, положил гитару на пол, и спектакль начался. Гертруду играла Алла Демидова. Офелию — Зинаида Славина. Костюмов как таковых не было. Королева — в пончо, Офелия — в вязаном платье. Гамлет — в джинсах и пуловере.

«Гамлет» меня потряс. По залу летала неведомая энергетика. Она была какая-то особенная — нетеатральная что ли. И в этой энергетике сидела боль. Казалось, каждый герой вскрыл огромный нарыв. Свой собственный.

По дороге домой мы с мамой молчали. Редкий для нас случай. Обычно обсуждаем спектакль, делимся впечатлениями. А тут каждый замкнулся в себе.

В дневнике Макса не было ни слова о взаимоотношениях с родителями, Лизой, друзьями. События, и только. Видимо, дневнику он по-прежнему не доверял. То ли боялся, что прочтет отец, то ли придерживался принципа, о котором писал Лизе: «Человек без тайн не интересен. Стоит, как голый, и открыт всем ветрам».

К двадцать пятому декабря все зачеты, кроме истории КПСС, были сданы. Радуюсь, что преодолел математику, Максимилиан показал родителям зачетную книжку. Александр Владимирович надел очки и, делая паузу перед каждым предметом, с выражением прочел:

— Матанализ — зачет, аналитическая геометрия — зачет, высшая алгебра — зачет, теория вероятностей — зачет, физкультура — зачет, английский язык — зачет.

— Такое событие надо отметить, — сказала Людмила Ивановна.

Она светилась от счастья, однако в глазах мелькали тревожные искры. Накрывая праздничный стол, Людмила Ивановна то и дело поглядывала на мужа и сына, но те молчали. Макс, сидя на диване, листал «Новый мир», Александр Владимирович копался в книжном шкафу. Наконец сказал:

— Вот то, что искал.

Людмила Ивановна, проходившая мимо с подносом, взглянула на обложку.

— Прекрасный роман.

Стряхнув с книги невидимую пылинку, Александр Владимирович подошел к Максиму.

— Нужно читать не беллетристику, а хорошую литературу.

Макс посмотрел на отца. Тщательно причесанный, свежевыбритый, в домашнем велюровом пиджаке, он выглядел безукоризненно.

«Сейчас будет учить», — подумал Макс.

— Это «Цитадель» Сент-Экзюпери. На русский язык еще не переведена.

Чтобы как-то поддержать разговор, Максимилиан спросил:

— Где купил?

Этот вопрос Александр Владимирович будто ждал.

— Я купил «Цитадель» три года назад, будучи в Англии.

Повисла новая пауза. Макс вернулся к журналу, Александр Владимирович стоял у дивана и нарочито медленно листал книгу.

«Пытается привлечь внимание», — подумал Макс.

Ему казалось, что он видит отца насквозь, и эта мысль принесла мрачное удовлетворение.

— Вот послушай, — сказал Александр Владимирович. — «Мы не вправе тратить себя на то, чем можно пренебречь». Каково?

«Интересно, куда он клонит?»

— Или вот эта цитата.

Александр Владимирович понизил голос и с нарочитой назидательностью прочел:

— «Не смешивай любовь с жадной завладеть, которая приносит столько мучений. Вопреки общепринятому мнению, любовь не причиняет мук. Мучает инстинкт собственности, а он противоположен любви. Как только вам дарят любовь, вы так же, как в ваших фальшивых дружбах, обращаете свободного и любящего в слугу и раба, присвоив себе право обижаться».

Макс насторожился. Александр Владимирович положил книгу на журнальный стол и добавил:

— Это — лучшее произведение Экзюпери. То ли арабская притча, то ли диалог сына с отцом.

За ужином Макс пытался понять, что стоит за обширной цитатой. Мысль Экзюпери была ясна, но голос отца, его интерес к данному высказыванию вызывал тревогу.

«Что-то не так. Что это — предупреждение?»

Тревога Макса была ненапрасной. Зачет по истории КПСС Лиза не сдала. Профессор Базанов задал ей кучу вопросов и в завершение сказал:

— Прискорбно, уважаемая. Очень прискорбно. Смею констатировать, историю партии вы не знаете.

Лиза побледнела и встала из-за стола. Первокурсников охватил страх. Все знали, незачет по истории КПСС — это большая проблема. Профессор Базанов взял стопку зачетов и разложил веером на столе.

— Следующий Маушевский.

Макс сел перед преподавателем, и тот любезно кивнул.

— Итак, приступим к первому вопросу.

— Возрастание роли КПСС в процессе строительства коммунизма, — обозначил вопрос Макс.

— Слушаю.

Историю КПСС Макс знал хорошо. Во-первых, благодаря отцу был политически подкован; во-вторых, умел витиевато говорить, а это в общественных предметах — немаловажный фактор.

— Руководящая роль КПСС обусловлена ведущей ролью рабочего класса как строителя нового общественного строя, характером самой партии и закономерностями коммунистического строительства, — уверенно начал Макс. — Цели КПСС, отражающие потребности развития общества по пути к коммунизму, сформулированы в Программе партии и в решениях съездов КПСС.

Профессор Базанов слушал с удовольствием и временами вставлял ободряющие слова:

— Да-да. Все верно. Правильно.

Базанов придвинул к себе зачетку, и Макс понял, ответ на второй и третий вопросы — формальность. Все так и было.

— Отлично, — поставив зачет, сказал профессор. — Следующая Любовь Полунеева.

Макс выскочил в коридор, но Лизы не увидел. Он прошелся по этажу и, не найдя девушки, вернулся. Притулившись у стены, Макс решил подождать друзей. От пережитого волнения сердце бухало в горле, тревожные мысли пикировали мозг.

«Почему Лизу завалили? Основные вопросы она в целом раскрыла. А дополнительные — удар ниже пояса. Формы и методы партийного руководства, цитаты из произведений Ленина... — на такие вопросы с ходу никто не ответит».

От волнения Макса подташнивало. И тут вышла Люба. Лицо в красных пятнах, волосы как воронье гнездо, очки на кончике носа.

— Ну и зверь, — прошептала она.

— Поставил или нет? — нетерпеливо спросил Макс.

— Поставил, — ответила Люба. — Однако всю душу вымотал.

— Что на него нашло?

— Сама не пойму. На лекциях шутил, рассказывал байки...

Люба села на подоконник и, свесив массивные ноги, задумалась.

— Странное дело, — сказала она. — Я зашла в аудиторию час назад. За это время ответили десять человек. Однако Базанов, кроме меня и Лизы, никого не валил. Допустим, Базанов не любит женщин — всякое бывает. Но перед Лизой сдавала Ася Чернова. Она «плавала» по полной программе и тем не менее зачет получила. С некоторыми оговорками, конечно. Дескать, прочтите произведения Ленина, выучите программу КПСС...

Из аудитории вышел Модуль, и Люба замолчала. Широкая улыбка Модуля говорила о том, что у него все нормально.

— Как говорил мой дед, не тот борец, кто поборол, а тот, кто вывернулся.

— И тебе досталось? — спросила Люба.

— Только треск шел.

Макс улыбнулся.

— От кого?

— От Базанова, конечно. Вопросы как пулеметная очередь. Когда такой-то съезд, а такой? Сколько делегатов? Основной вопрос такой-то партийной конференции? Какому партийному лидеру принадлежит эта цитата? А эта? Словом, как говорят в префрансе, наш уважаемый профессор играл на одну руку.

— Сдала, сдала, — крикнула Настя, выскочив из аудитории.

Она кинулась на шею Максу и, запечатлев поцелуй, переключилась на Модуля. Обхватив его за шею, Настя повторяла, как заведенная:

— Спасибо, спасибо.

— Да ладно, — улыбнулся Модуль. — Свои люди — сочтемся.

Взглянув на Любу, Настя затараторила:

— Если бы не Модуль, была бы хана. Пока готовились, он все ответы написал.

— Ты что — с его листочками пошла? — удивилась Люба.

— А что делать? Сказала себе: была не была — и пошла. А Базанову говорю: «Виктор Степанович, можно мне по бумажке читать? Голова от волнения кружится». Он улыбнулся и разрешил.

— Дополнительные вопросы задавал?

— Не-а.

Настя потрянула рыжей гривой и одернула мини-юбку.

— Я к нему села близко-преблизко. Ножки вместе, глазки вниз, губы дрожат, вот-вот расплачусь. Базанов взял листки, посмотрел и... отпустил с миром.

— Точнее, с зачетом, — поправил Модуль.

— Ну и вертихвостка ты, Насть, — улыбнулась Люба.

— Разве? — ласково пропела Настя. — Просто как могу, так и выживаю.

— Как же Лиза? — спросил Макс.

— Действительно, — встревожилась Люба. — Где она может быть?

— Не знаю, — сказал Макс. — На этаже нет. Я везде посмотрел.

— Айда в общежитие. Лиза, наверное, там.

Настя сморщилась и, вытащив кружевной платочек, аккуратно высморкалась.

— Лиза всю ночь не спала. Учила как проклятая.

— Вы извините, но я домой, — сказал Макс. — Голова как чугуна.

— Это ты брось, — возмутился Модуль.

— Правда, не могу. До завтра.

Макс попрощался и ушел. Его мучило дурное предчувствие.

Дома никого не было. Людмила Ивановна уехала в редакцию, Александр Владимирович был в МГУ и принимал зачеты. Бросив куртку, Макс устремился в кабинет

отца. Он подошел к письменному столу и посмотрел на разложенные бумаги. Протокол партсобрания, лекция по политэкономии, квартирные квитанции... Беспорядок на столе Макса не удивил. Он знал, у отца всегда так — внешне опрятен, а что касается бумаг, черт ногу сломит. И маме не разрешал убирать. Ему, видите ли, так комфортнее.

Макс покопался в бумагах и вдруг увидел листок. Он торчал из записной книжки отца. На уголке красовались три буквы «уль». Макс потянул за листок и прочел: «Общежитие мехмата, комнаты 305, 201. Полунеева Любовь, Семенов Владимир (он же — Модуль), Грачева Елизавета». Фамилия Лизы была подчеркнута два раза.

Макс покрылся испариной и бессильно опустился на стул. Несколько минут он смотрел в одну точку, затем грохнул кулаком по столу и крикнул во все горло:

— Сволочь!

И в это время открылась дверь.

— Милый, что с тобой?

Людмила Ивановна бросилась к сыну и тревожно посмотрела ему в глаза.

— Мама, он — сволочь.

Макс уткнулся в грудь матери и разрыдался. Ему казалось, что в тело вонзились десятки кинжалов. Ржавые, ядовитые, покрытые зазубринами, они вызывали физические и душевные муки одновременно.

— Отец связан со стукачами, — захлебываясь слезами, твердил Макс. — За мной следили. Ненавижу!

Людмила Ивановна гладила сына по голове, но движение ее руки было автоматическим. Черные глаза неподвижно смотрели в окно, и в них дрожали огромные слезы. Они не скатывались по щекам, они застыли в глазах, и те превратились в линзы. Взгляд изменил направление и наперекор физиологическим законам обратился внутрь. Он пробежался по уголкам памяти, коснулся спрятанной боли, всколыхнул прежние обиды, и... слезы пропали. Людмила Ивановна глубоко вздохнула и сказала:

— Пора выползть из-под каблука.

— Что? — не понял Макс.

Он поднял заплаканное лицо и посмотрел на мать.

— Собирай вещи, мы уезжаем.

— Куда?

— К Дусе, — ответила Людмила Ивановна.

Она выпрямилась, и в ее глазах промелькнула молния.

— Возьми документы, необходимые книги и вещи.

Макс был потрясен. Страдая от боли, сковавшей голову, он пошел в свою комнату и стал собирать чемодан. Последнее, что положил Макс, — вышивку матери. Высокие скалы и парящие в небе птицы. Закрывая крышку, Макс посмотрел на птиц. Глаза-бисеринки сверкнули и тут же погасли.

— Вот и все, — прошептал Макс. — Что называется, приехали.

Он постоял минуту посреди комнаты и неожиданно вспомнил прошлую субботу. В тот день было культурное мероприятие: в университет приехали актеры Театра на Таганке. Геологическое кафе в зоне Г было заполнено до отказа. Ферзь, дежуривший с утра, занял места, и вся компания уселась рядом с импровизированной сценой. Макс сидел между Любой и Лизой, а на полу, прямо перед ними, Модуль. Тощая спина упиралась в грудь Макса, но Модулю, похоже, было удобно. У подоконника стоял прыщавый тип, пристально смотревший на студентов. Лиза улыбнулась и, непонятно почему, положила голову на плечо Макса. Люба, в свою очередь, взяла его за руку. В таком положении Макс и слушал выступление актеров. Впереди Модуль, на плече — голова Лизы, левая рука — в руке Любы.

Филиппенко и Зинаида Блинова читали отрывки из поэмы Евтушенко «Под кожей статуи Свободы». После концерта Макс и его друзья отправились в общежитие. «Попить чайку», — как сказала Люба. По дороге Модуль размахивал руками и громко декламировал.

Я у них сидел, как в горле кость,
Не попав на удочку богатства.
В их телегу грязную впрягаться
Я не захотел. Я дикий конь.
Я не стал Христом. Я слишком груб.
Но не стал Иудой — не сдался,
И как высший орден государства
Мне ввинтили пулю. Прямо в грудь.

«Все ясно, — подумал Макс. — Прыщавый тип — стукач».

Он вышел в коридор и увидел мать. Людмила Ивановна стояла у зеркала и поправляла шляпку. На полу стояли чемодан и саквояж, набитый словарями и папками.

— Такси подъехало.

Макс плохо соображал и слепо подчинялся матери. Подхватив чемоданы, он открыл дверь и, стоя на пороге, спросил:

— Кто такая Дуся?

— Моя подруга, — коротко ответила мать.

ЧАСТЬ II

ПЕРЕДЕЛКИНО

Глава 1

Новый 1972 год Максимилиан встречал в Переделкине, где жила подруга Людмилы Ивановны — Дуся. Перемена местожительства оказала на Людмилу Ивановну самое благотворное влияние. Она похорошела, и ее темные, как у газели, глаза светились радостью. Людмила Ивановна много гуляла, читала, переводила, а вечером, сидя в гостиной, болтала с Дусей. Слушая мать, Макс не переставал удивляться. Прыгая с темы на тему, Людмила Ивановна обсуждала литературные новинки, рецепты экзотических блюд и даже загадочные явления природы.

Макс не предполагал, что мать — такой интересный собеседник. Она много знала, образно мыслила, не боялась вступать в дискуссии. Но дома свои таланты не проявляла.

«С чем это связано? — думал Макс. — Видимо, с тиранией отца. Домашнее пространство было занято им одним. А мы с мамой выступали в качестве зрителей. Не зря отец говорил: „Для меня лучший театр — это жизнь, здесь я люблю сидеть в первом ряду“. В этой фразе спрятано лукавство. Отец любит сцену, он чувствует себя актером и режиссером одновременно. А я и мать исполняли роли послушных домочадцев. А теперь, сбросив маски, ушли».

Последняя мысль принесла удовлетворение. Оно и понятно. По большому счету Макс ничего не терял. Есть крыша над головой, сыт, одет, мама рядом.

Макс посмотрел в окно. В кормушке, подвешенной над крыльцом, копошились синицы. Вот они вспорхнули и уселись на рябину. Дверь скрипнула, в доме пахло морозным воздухом.

- Привет, соколик, — раздался низкий голос.
- Добрый день, Евдокия Павловна, — отозвался Макс.
- Мама в поселковой библиотеке. Придет чуть позже.

В гостиную вошла Дуся. Полная, с короткой шеей, копной каштановых волос, она была полной противоположностью Людмиле Ивановне. Широкие бедра, маленькая грудь, складки на животе; ко всему этому — оплывшее лицо с двойным подбородком. Ничего привлекательного. Однако Дусины глаза были наполнены тайной. Они походили на лесные озера.

Дуся была одета в бесформенное платье, на ногах красовались тапки сорок второго размера.

- Гляди, что принесла.

Покопавшись в сумке, она достала папку с красными тесемками.

- Артур Хейли. «Аэропорт».

Макс поднял брови.

— У нас Хейли мало кто знает, — сказала Дуся. — Вот получила рукопись с переводом. Можешь посмотреть, если хочешь.

Дуся отправилась на кухню.

- Будешь пельмени? — крикнула она оттуда.

— Со сметаной, — ответил Макс.

- Отлично. Жизнь слишком коротка, чтобы тратить ее на диеты.

Макс понял, последняя фраза — цитата. Однако внутреннего протеста у него не возникло. И вот почему. В Дусиной речи поговорки и афоризмы походили на полупрозрачные солнечные мазки. Они служили не украшением хозяйки, а расширением пространства, в котором звучала та или иная фраза.

Прожив в Переделкине неделю, Макс понял, у Дуси много увлечений. Мало того, есть кумир — Фаина Раневская. Дуся регулярно ходила в театр и высказываниями Раневской подтверждала свои мысли.

— Мы с Раневской в чем-то похожи, — говорила она. — Обе как старые пальмы. Никому не нужны, а выбросить жалко.

Макс видел Раневскую в кино и, глядя на Дусю, понимал: она права — удивительное сходство. Макс его заметил в первый день знакомства. Стоило такси остановиться у калитки, как из дома выскочила Дуся. Расцеловав мать, она сказала:

- Этот шаг надо было сделать раньше. А теперь...

Дуся усмехнулась и хмыкнула.

- Теперь пошли благоверного в ж... и забудь навсегда.

Макс не привык к подобным выражениям. Однако, как ни странно, Людмила Ивановна рассмеялась.

- Привет, моя хорошая, — сказала она. — Давно не ощущала свободы.

— Не волнуйся, — подхватив саквояж, сказала Дуся. — Мы будем жить в Переделкине, а Макс, если захочет, обоснуется на Шаболовке. Моя квартира пустует, так что никаких проблем.

День приезда в Переделкино Макс хорошо запомнил. Дуся купила бутылку водки и приготовила котлеты с макаронами. Она поставила на стол сковороду с макаронами, банку соленых огурцов, тарелки, рюмки, пепельницу и провозгласила тост:

— Я жила со многими мужчинами, но удовольствия от них не получала. По прошествии энного количества лет я поняла: удовольствие — не в мужиках, а в способности видеть необычное в обычном. Так выпьем за мудрость и внутреннюю силу.

Макс поднял рюмку и, чокнувшись, выпил единым махом.

- Не первая рюмка, — улыбнувшись, заметила Дуся.
Людмила Ивановна на эту реплику не обратила внимания. Она пригубила водку и, поморщившись, улыбнулась.
- Впечатление, что вернулась домой. Странно, да?
Дуся закурила папиросу и, выпустив дым, сощурила глаза.
— Ничего странного. Вспомни время, что провела у нас в Переделкино; вспомни, как называл тебя отец.
Людмила Ивановна рассмеялась.
— Шахерезадой.
— Кто заботами подавлен, тем скажи: «Не вечно горе. Как кончается веселье, так проходят и заботы».
- Людмила Ивановна допила водку и, закусив огурцом, спросила:
— Как поживает Павел Степанович?
Макс был поражен.
«Вот это да. Не видел, чтобы мама пила водку».
- Отлично поживает, — ответила Дуся. — Женился на нашей с тобой ровеснице, получил кооперативную квартиру в Ленинграде. Теперь бродит по берегам Невы и сочиняет новый роман.
— Поразительный человек.
— В нем — неуемная жажда жизни, — улыбнулась Дуся. — Когда мне хреново, еду к отцу.
Дуся потянулась к папиросе и, чиркнув спичкой, добавила:
— По словам Раневской, есть люди, в которых живет Бог, есть люди, в которых живет дьявол, а есть люди, в которых живут только глисты.
Макс хмыкнул.
— Мой отец относится к первой категории, а Александр Владимирович — к последней. К слову сказать, самой многочисленной.
— Сильно сказано.
— Да-да, соколик. Это я сразу поняла и своего отношения к Александру Владимировичу не скрывала. Поэтому он и сказал Миле: «Чтобы в моем доме ею не пахло». То есть мною не пахло.
— Я понял.
— Заметь, не в нашем доме — моем. Я и испарилась. Не из Милиной жизни — с ней мы по-прежнему встречались, а из дома профессора Маушевского. Вот так получилось, что тебя довелось увидеть впервые.
Дуся встала и подошла к Максиму.
— Слава богу, ты не похож на отца. Надеюсь, подружимся.
Макс кивнул. Дуся ему нравилась. Своей прямоотой, независимостью, искренностью. Она была, словно ветер — порывистый и неожиданный.
— За Милу не волнуйся, теперь она под моей защитой, — сказала Дуся. — А вот о себе подумай. Какого черта пошел на мехмат?!
- Об этом еще поговорим, — перебила Людмила Ивановна.
Макс понял, его судьба еще не решена — она отчасти в руках матери и Дуси. От этой мысли стало тепло и немного грустно, и оставшуюся часть вечера Макс оставался в тени. Он ел макароны с котлетами, смотрел на заснеженные сосны и слушал женщин.
- Из их разговоров Макс понял: Дуся и мать учились в одном институте и до замужества Людмилы Ивановны были близкими подругами. Впрочем, таковыми и остались. Дуся устроила мать в журнал «Иностранная литература», где работала редактором. Мать переводила с английского и французского и за эти годы сумела накопить приличную сумму.

«Ничего себе, — подумал Макс. — Оказывается, маму нельзя назвать непрактичной».

Дуся строила грандиозные планы, говорила о кооперативе. Дескать, можно вложить деньги в квартиру, и Мила будет иметь собственное жилье. Людмила Ивановна слабо оппонировала. Дескать, поживем — увидим.

Макс переместился в кресло у окна и, глядя на потемневший лес, погрузился в свои мысли.

«Все бы ничего, но перед ребятами стыдно, — думал он. — Наверное, они догадались: дополнительные вопросы появились не просто так».

Макс закрыл глаза. Он увидел долговязую фигуру Модуля, услышал пафосную декламацию:

Я не стал Христом.
Я слишком груб.
Но не стал Иудой,
Не сдался...

Дуся и Людмила Ивановна о чем-то шепталась, и Макс под их шепот уснул. Сквозь сон к нему проникали новые звуки: шум сосен, вой ветра в трубе, поскрипывание старого дома. И Максу приснился сон.

Первый сон Макса в Переделкино

Макс в глухом лесу. Ночь, сугробы, звезды над головой. В какой стороне дом, неизвестно. И вдруг Макс увидел огонек. Проваливаясь в сугробах, он поспешил на свет и спустя некоторое время вышел на поляну. Посреди поляны горел костер, рядом с костром сидела старуха. Бархатный полушубок, на голове — пуховый платок, на ногах — валенки. Старуха подбрасывала в огонь еловые ветки.

— Здравствуйте, — сказал Макс.

— Привет, соколик.

Старуха наклонилась к веткам, лежавшим у ног, и, покопавшись, вытащила полено. Бросив его в костер, она крикнула от удовольствия. Искры поднялись к небу и растворились среди звезд.

— Каждый человек что звезда, — сказала старуха. — В зависимости от того, что внутри, дарит тот или иной свет.

— И так же одинок, как звезда, — заметил Макс.

— Это нормально. Если не движешься внутрь, движешься наружу.

— Но как узнать то, что внутри, если не знаешь того, что снаружи? — спросил Макс.

Ему казалось, он — путник, прошагавший тысячу километров. И по ходу движения накопил массу вопросов. А вот теперь нашел человека, который на них ответит.

— Иди и смотри, — ответила старуха.

Она бросила ветку, и костер вспыхнул с новой силой. Макс увидел лицо старухи и вздрогнул. Он ее видел. Но где? Узкий с горбинкой нос, широкие скулы, огромные, миндалевидные глаза...

— Каждый идет туда, где не был, — сказала старуха. — Поэтому никто не знает, что ждет за поворотом. Может, болото; может, гора; а может, долина, ради которой отправился в путь. А на пути — множество препятствий. Буреломы, спуски, подъемы, реки и обрывы... У каждого — свои.

Старуха заторопилась.

— Много дорог, много направлений, — бормотала она. — А путь освещает внутренний свет. Если его нет, идешь во тьме; если вспыхнул, никогда не померкнет.

Старуха затоптала костер и, проводив взглядом последнюю искру, пошла прочь.

Макс застыл на месте. Он хотел пойти вслед за старухой, но ноги не слушались. Поляну осветила луна. Старуха удалялась все дальше и дальше. И вдруг тишину леса нарушил гитарный перебор. До Макса донеслась песня. Она летела не с той стороны, куда ушла старуха, — с противоположной.

Все мы сони, кто мы ни есть, — пел неведомый низкий голос. —
Не заметишь, как и себя проспал.
Как цветы надломанные,
Отрывались дни от серых скал.

Макс развернулся и пошел на голос.

И из чьей-то щедрой руки
Опадали в волны холодных вод
И на белой пене реки
Уносились вниз, за поворот.

Макс чувствовал созвучие. Словам, голосу, настроению. Он протянул руки навстречу песне и... открыл глаза.

Гостиная, стол, на нем настольная лампа. Свет падал на пепельницу, набитую окурками. За столом сидели Дуся и мать. В руках Дуси — гитара. Пальцы одной руки зажимали аккорды, другая мелькала над струнами. По гостиной летел низкий грудной голос.

Только пыль от бывших костров,
И палатки свернутые лежат.
Восемь дней как восемь миров,
Прожитых столетия назад.

Глава 2

Писательский поселок Переделкино был расположен в ближайшем Подмосковье. В те времена автобусы в Переделкино не ходили, и в Москву надо было добираться на электричке. Конечно, удобнее доехать на такси, но жители поселка особо не шиковали.

У Дуси с дорогой не возникало проблем. Она имела «москвич» и ездила в Москву на машине. Как правило, не одна. Будучи альтруисткой, она подвозила соседей, а ее соседями были известные писатели и поэты.

В Переделкине Дуся оказалась не случайно. Ее отец, Шохов Павел Степанович, был известным писателем. Во время войны он работал военным корреспондентом, затем написал два романа и, получив престижную премию, переехал из Ленинграда в Москву. Литфонд выделил Павлу Степановичу квартиру на Шаболовке, а спустя пару лет дачу в Переделкино. После смерти жены Павел Степанович уехал в Ленинград, откуда был родом, а квартиру и дачу оставил дочери.

Дуся, окончив институт, устроилась редактором в журнал «Иностранная литература» и жила в Переделкине в течение года. Замуж она так и не вышла, однако по этому поводу не грустила.

— Семья заменяет все, — говорила Дуся друзьям. — Поэтому прежде чем ее завести, стоит подумать, что для тебя важнее — ВСЕ или семья.

Под «все» Дуся подразумевала свободу, вместе с ней — походы в театр, вечеринки, чтение до утра, ночные бдения в редакции и всевозможные увлечения. Кое-что из этого списка отпало само по себе, и к сорока годам Дуся все чаще и чаще подумывала о семье. И вот семья появилась. Приезд Людмилы Ивановны с сыном был для Дуся настоящим подарком. Ее натуре надо было о ком-то заботиться, кого-то опекать. А тут несчастная Мила. Красивая, женственная, утонченная.

Мила и Дуся подружились на первом курсе. Они вместе ходили по театрам, отдыхали на даче в Переделкино, не раз ночевали друг у друга. Дуся была знакома с Милиными родителями, и те ее привечали. Мила не удивлялась. Дуся вносила в жизнь живую струю и походила на ветер.

— Жить безууууууумно интересно.

Александр Владимирович разрушил эту идиллию. Он ворвался в жизнь Милы, как метеор. Молодой аспирант был напорист, образован, обаятелен; он умел убеждать и красиво говорить — правда, в отличие от Дуси, небескорыстно. Александр Владимирович подчинил жену и лишил Милу подруги. Можно сказать, указал Дусе на дверь. И сделал это решительно.

«Все потому, что тиран и сатрап», — говорила Дуся отцу.

«Жаль, — отвечал Павел Степанович. — Мила — изумительная девушка. Она похожа на Шахерезаду».

В оценке Александра Владимировича Дуся была права. Тот не любил с кем-то делиться. Однако от Дуси так просто не отделаться. Выждав время, она позвонила Милиной маме, и подруги встретились на нейтральной территории. К тому времени Мила родила Макса, и ее дни были расписаны по минутам.

Из разговора с подругой Дуся поняла, Мила попала под железную пяту. Ей хватило ума не обсуждать Александра Владимировича и не вмешиваться в чужую семейную жизнь. Дуся ограничивалась разговорами о встречах с писателями и новых книгах. И результат не заставил себя ждать. Дуся стала для Милы отдушиной.

В шестидесятом году у Милы умерли мать и отец, и Дуся пришла на помощь. Она предложила Миле подработать, и та согласилась. Мила знала два языка, обладала чувством стиля, и ее переводы вскоре заметили. Через год Милу оформили в штат журнала «Иностранная литература». Александр Владимирович не возражал. Достойная работа — к тому же не выходя из дома. Он не знал, где работает Дуся, и по большому счету не интересовался заработками жены. И тому были причины. Александр Владимирович получал приличную зарплату и был домостроем. В его понимании, мужчина был обязан обеспечить семью, а женщина должна сидеть дома и слушаться мужа.

В одну из встреч Дуся не сдержалась и исподволь заговорила на эту тему.

— Взяла подработку. Сама понимаешь, дача, бензин, гости.

Мила кивнула. Не будучи многословной, она обладала редким талантом — умела слушать.

— Теперь буду сотрудничать с журналом «Наука и жизнь».

— И что тебе предложили?

— Две рубрики — литературоведение и самопознание.

Последнее Милу заинтересовало.

— Вчера сдала статью о домостроителях. Слышала о таких?

— Считаю, что нет.

В тот день подруги встретились в парке Горького. Макс уже ходил в школу, и у Милы появилось свободное время.

— В шестнадцатом веке в России вышла книга под названием «Домострой», — сказала Дуся.

— Любопытно.

Дуся остановилась посреди дорожки и, надув щеки, забубнила:

— «Жена должна бояться и уважать мужа, он же должен любить и уважать ее, давать ей отдых в воскресенье и исполнять свой мужеский долг. Ежели жена виновна, муж имеет право наказывать ее вожжами и рукой, но не оглоблей шесть дней в неделю».

— Сейчас ты похожа на попа, — улынулась Мила.

— Да ладно. Лучше подумай, что изменилось с тех пор? Муж — царь и бог, женщина — содержанка.

— Практически ничего.

— Поэтому я и не хочу замуж. Попробовал бы муж на меня руку поднять...

Пробормотав что-то под нос, Дуся подошла к лотку с мороженым. С мороженым в руках подруги присели на лавочку.

— Опираясь на «Домострой», я и написала статью о домостроевцах нашего времени, — продолжила Дуся.

Мила лизала эскимо и слушала. О внимании говорили две межбровные морщинки. Они появлялись в момент напряженной работы мысли, а затем пропадали. Дуся съела эскимо и, не найдя носового платка, вытерла руки о юбку. В глазах Милы промелькнули искры.

— Ты неподражаема.

— Да ладно. Лучше послушай.

Дуся подвинулась к подруге и зашептала:

— Есть созидательные домостроевцы, есть деструктивные. Созидательные хотят семейного счастья и, исходя из своих представлений, создают для него необходимые условия. Вроде бы все хорошо, но проявить индивидуальность они женщине не позволяют.

— Почему? — спросила Мила.

— Мало гибкости.

— Понимаю.

— Деструктивные домостроевцы хуже. Это — эгоисты в чистом виде. Они демонстрируют самцовые качества и страшно ревнивы. Одним словом, собственники. Одного из них ты знаешь.

Мила насторожилась.

— Помнишь Сомса из «Саги о Форсайтах»?

— Жаль его.

— Почему?

— Он много страдал.

— Подумаешь, — воскликнула Дуся. — От таких мужчин надо бежать.

— Почему? — удивилась Мила.

— Их не сломить и не перевоспитать.

Мила задумалась. Она смотрела перед собой, и поперечные морщинки на лбу обозначились четче. Наконец сказала:

— Есть женщины, умеющие жить с такими мужьями.

— Кто же они?

— Во-первых, те, кто приносит себя в жертву; во-вторых, любительницы домашних войн. Взять, например, мачеху из «Золушка». Такая женщина сомнет любого мужчину.

Дуся хмыкнула.

— Вспомнила диалог лесничего и мачехи. «Где ты был?» — «В лесу». — «Что там делал?» — «Хотел сразиться с бешеным медведем». — «Зачем?» — «Чтобы отдохнуть от домашних дел, дорогая».

Дуся переключилась на театральную тему, и разговор о домостроевцах был закончен. Однако Мила его не забыла.

Глава 3

Дома в Переделкине были построены в середине тридцатых годов. Инициативу по созданию писательского поселка проявил Горький, и Сталин ее поддержал. На строительство первых домов из государственной казны было выделено пятьсот тысяч рублей, однако в дальнейшем развитие поселка деньги вкладывал Литфонд, он и распорядился домами.

По словам Дуси, расцвет Переделкина пришелся на послевоенное время. Писателям место понравилось, и после войны в поселке появились новые дачи. Постоянными жителями Переделкина стали такие известные писатели, как Каверин, Заболоцкий, Фадеев, Константин Симонов, Корней Чуковский. Позднее сюда приехали поэты-шестидесятники Евтушенко, Вознесенский, Окуджава, Ахмадулина, Римма Казакова и другие. Писательские дачи были деревянными, в два этажа. В некоторых из них имелась большая гостиная с окнами-эркерами.

Дом Павла Шохова относился к разряду простых. На первом этаже размещались прихожая, кухня, гостиная и кабинет; на втором — три небольших спальни. Окно комнаты, где поселился Макс, смотрело на лес. Просыпаясь по утрам, Макс подолгу смотрел на вековые сосны и девственную белизну снега. Время от времени видел белок. Верткие, ловкие, с пушистыми хвостами, они прыгали с ветки на ветку и громко цокали. Макс открывал окно, счищал с подоконника снег и разбрасывал для птиц пшено. Подышав свежим воздухом, он уходил в глубь комнаты. Через некоторое время на подоконник садились снегири и синицы. Они косили глазом и лихорадочно клевали.

Покорив птиц, Макс одевался и спускался вниз. Дом был со всеми удобствами, и дискомфорта жильцы не испытывали. Скорее наоборот — сплошные преимущества. Однако все хорошо не бывает. Несмотря на тишь и покой, в Максе поселился страх, и он был связан с Александром Владимировичем. Дело в том, что до дрожи в коленях Макс боялся приезда отца.

Александр Владимирович не заставил себя ждать. Он появился второго января ближе к обеду. Макс пришел с прогулки и, скинув подаренные Дусей валенки, решил поделиться впечатлениями. Людмила Ивановна возилась на кухне, Дуся сидела в кресле и курила.

— Красиво здесь, — начал Макс. — Деревянные дома, дым из труб, заснеженные крылечки. Кажется, каждый дом имеет свое лицо...

— Ой, не знаю, — перебила Дуся. — Бревенчатый соцреализм со всеми удобствами.

— Мне нравится.

— И мне, — улыбнулась Дуся. — Но прежде всего высоченные сосны. Глядя на них, хочется сочинять стихи. У тебя не возникало такого желания?

— Нет. Стихи я никогда не писал.

Макс уселся в соседнее кресло.

«Красивый юноша, — глядя на него, подумала Дуся. — Похож на Милу. Такие же большие глаза, высокий лоб, волнистые волосы. И ростом вышел. Жаль, подбородок срезан. Он вносит диссонанс».

Дуся погасила папиросу и, потянувшись как кошка, сказала:

— В Переделкине много чудес. Вот, например, ветер. Прислушайся к нему.

Макс рассмеялся.

— Дело говорю. Ветер живет в сосновом лесу и пахнет смолой. Время от времени он влетает в поселок, заглядывает в дома и дарит энергию. Творческую, между прочим.

В гостиную вошла Людмила Ивановна.

— О чем речь? — спросила она.

— О местном ветре, — ответила Дуся.

— Интересный типаж. Я уже с ним познакомилась.

Макс поднял брови. Похоже, Дуся и мать его разыгрывают.

— Нередко ветер залетает в трубу, — подойдя к окну, сказала Людмила Ивановна.

— Что ты говоришь? — улыбнулся Макс.

— Так и есть. Так как труба находится недалеко от моей комнаты, я слышу его песни. Порой грустные, порой...

«Красиво сказано, — подумал Макс. — Не удивлюсь, если мама пишет стихи, а тетрадь прячет под подушку».

Он взглянул на мать и увидел окаменевшее лицо.

— Приехал, — чуть слышно сказала Людмила Ивановна.

Дуся вскочила с кресла и посмотрела в окно. У калитки стояло такси, рядом с машиной — Александр Владимирович. Он был одет в драповое пальто с меховым воротником, на голове красовалась пыжиковая шапка. Александр Владимирович что-то говорил таксисту.

— Мила, иди к себе, — сказала Дуся. — Пока он не уедет, из комнаты не высовывайся.

Людмила Ивановна кивнула и поспешила к лестнице. Взявшись за перила, она обернулась и посмотрела на сына. Макс понял молчаливый вопрос. Он выпрямил плечи, вздернул подбородок и, закинув ногу на ногу, сказал:

— Я останусь в гостиной.

— Только, пожалуйста, не груби, — попросила Людмила Ивановна.

Дверь скрипнула, и Александр Владимирович вошел в дом.

— Евдокия Павловна, — раздался густой баритон. — Вы здесь?

Дуся вышла в прихожую и пропела:

— Ба, какими судьбами...

— Не надо паясничать, — ответил Александр Владимирович. — Я знаю, Мила и Максимилиан — в вашем доме.

— Знаете, и хорошо. Макс здесь, Мила уехала в Москву.

— Надеюсь, можно зайти?

— Милости прошу.

Макс прилип к креслу. Чтобы унять дрожь, он обхватил себя обеими руками и крепко сжал губы. Дуся вошла в гостиную и подмигнула Максу. Дескать, не робей — я рядом. Следом за Дусей появился Александр Владимирович. Он успел снять пальто и предстал перед Максом в костюме.

— Здравствуй, Максимилиан, — сказал Александр Владимирович.

— Привет.

— Четвертого января — первый экзамен.

И тут до Макса дошло, он и не вспомнил об экзаменах. Но почему — отключился?

Александр Владимирович сел за обеденный стол и огляделся. В гостиной повисла тишина. Александр Владимирович бесцеремонно рассматривал Дусю. Его взгляд остановился на взъерошенных волосах, пробежался по фланелевому халату и наконец опустился вниз. Мужские клетчатые тапки произвели на Александра Владимировича настолько сильное впечатление, что на его губах появилась ядовитая усмешка.

У Макса заняло в груди. Ему было больно и противно одновременно. Именно в этот момент Макс и принял решение.

— Меня не интересуют экзамены, — сказал он.

Александр Владимирович оторвался от созерцания Дусиных тапок и посмотрел на сына.

— Можно спросить, почему?

— Я не вернусь на мехмат, — ответил Макс.

Ответ был настолько неожиданным, что интеллигентность профессора Маушевского испарилась в одно мгновение.

— Ты что — сдурел? — грубо спросил Александр Владимирович.

— Нет. Я так решил.

— Что за чушь?

Александр Владимирович встал и прошелся по гостиной. Вычищенные до блеска башмаки поскрипывали на каждом шагу, и, как ни странно, скрип башмаков привел Макса в состояние относительного равновесия.

«Пусть бесится. Все, хватит. Сколько лет давил, давил...»

Дуся стояла у окна, и в ее зеленых глазах прыгали чертенята. Взглянув на Дусю, Макс понял: тылы прикрыты. Эта мысль вселяла надежду, что все образуется. Александр Владимирович взял себя в руки и уже спокойнее сказал:

— То, что ты решил, мальчишество.

— Почему? — спросил Макс.

— Начал дело — закончи. Как говорил китайский мыслитель Сюнь-Цзы, в учении нельзя останавливаться.

— Хорошее высказывание, — вступила в разговор Дуся. — Оно о непрерывности познания в целом.

Александр Владимирович остановился у стола, и его лицо покраснело.

— Вашу сущность, Евдокия Павловна, я раскусил с первой встречи. Вы — поп Гапон. Правда, не в рясе — в юбке.

— Неожиданный комплимент, — усмехнулась Дуся. — Гапон был красавцем, да и характер...

— Он — провокатор, — перебил Александр Владимирович.

— Спорный вопрос. И вообще... Насколько я понимаю, речь не о Гапоне — о будущем Макса. Не так ли?

— По какому праву вы лезете в мою семью?

— Александр Владимирович, вы меня разочаровываете, — сощуриив глаза, сказала Дуся. — Где ваша рассудительность?

Дуся пошла в атаку.

— Мила и Макс уехали из дома. Так или нет? А почему? Из дома так просто не бегут. Ответ очевиден: вашим домочадцам нечем было дышать. А кто перекрыл кислород? Вы, это однозначно. И Макс, и Мила жили под асфальтом.

— Да как вы смеете?! — чуть ли не задохнулся Александр Владимирович.

Глаза Дуси вспыхнули, и в них появился ядовито-зеленый оттенок.

— Помилуйте, вы же в партии. Неужели вам пришлось бы по вкусу, если в парткоме МГУ появилось письмо с рассказом о том, что профессор Маушевский — домашний тиран?

— Что вы несете?

Дуся и глазом не моргнула. Она подошла к Александру Владимировичу вплотную и жестко сказала:

— Мила — моя лучшая подруга. Оставьте ее в покое. И Макса тоже. Если ваши домочадцы решат вернуться домой, значит, так тому и быть. Однако это будет их решение — не ваше.

Александр Владимирович оперся о стол, и в его глазах мелькнул страх.

— И еще, — продолжала наступать Дуся. — У меня — огромные связи. Стоит пошевелить пальцем, у вас будут серьезные проблемы.

— И у меня — связи, — хрипло сказал Александр Владимирович.

— Не сомневаюсь. Один только вопрос: вы предлагаете встать на тропу войны?

Несмотря на холеный вид, Александр Владимирович выглядел жалким, а Дуся наоборот. Она словно выросла. И фланелевый халат с тапками не бросались в глаза. Вернее так: взгляд притягивало Дусино лицо. Решительное, дерзкое, одухотворенное. Глядя на Дусю, Макс понял, словосочетание «победа духа» — не метафора, это — внутренняя свобода и уверенность в себе.

Александр Владимирович резко повернулся и направился в прихожую. Надев пальто, он бросил на Дусю злой взгляд и процедил сквозь зубы:

— Пошла к черту. Слишком много чести с тобой бороться.

Дверь хлопнула, и Макс с Дусей остались одни. Раздался рык замерзшего двигателя, и снегири, присевшие на кормушку, заметались среди деревьев. Глубоко вздохнув, Дуся открыла окно.

— Хороший сегодня день, прямо по Пушкину: «Под голубыми небесами великолепными коврами, блестя на солнце, снег лежит...»

Постояв у окна, она подошла к Максиму и добавила:

— Научиться можно только тому, что любишь. Это не я придумала — Гёте. Так что сначала разберись с предпочтениями, затем принимай решение.

В гостиную спустилась Людмила Ивановна. Ее лицо побледнело, под глазами залегли темные круги. Макс понял, мать слышала весь разговор.

— Как-то нескладно все вышло, — тихо сказала Людмила Ивановна.

Дуся подошла к подруге и, обняв за плечи, сказала:

— Как говорил царь Соломон, все прошло, и это пройдет. А на войне без грязных приемов не обойтись. Порой и морду надо набить.

За обедом Макс и Людмила Ивановна молчали. Зато Дуся не умолкала ни на минуту. Она вспоминала смешные истории, сыпала анекдотами и, похоже, пребывала в отличном настроении. Убрав грязную посуду, Дуся заварила чай и, сбросив со стола крошки, улыбнулась.

— Недавно слышала театральную байку. Рассказать?

Макс кивнул. Визит отца не выходил из головы, и хотелось одного — отвлечься.

— Юрий Завадский, художественный руководитель Театра Моссовета, на репетиции как-то крикнул: «Фаина Георгиевна, вы своей игрой сожрали мой режиссерский замысел». — «То-то у меня ощущение, что я наелась дерьма», — тут же ответила Раневская.

Дуся рассмеялась и добавила:

— Вот и у меня такое же впечатление. Режиссерский замысел Александра Владимировича сорван, а во рту — горьковатый привкус.

Людмила Ивановна взглянула на подругу, и ее ресницы затрепетали. Макс понял, мать растеряна.

— Не стоило ставить ультиматум, — заметила она. — Талантливые люди слишком уязвимы.

Дуся разлила чай и с грустью сказала:

— Мила, ты пребываешь в иллюзии. Талант делает человека достойным уважения. Он одновременно и свет, осветивший душу, и мучительные сомнения. У посредственных людей всего этого нет. Так что извини. Александр Владимирович — не талант, он — манипулятор. Да-да, не спорь. Профессор Маушевский умеет пудрить мозги и виртуозно пускать в глаза радужную пыль.

Людмила Ивановна промолчала.

- Кстати, как он догадался, что вы у меня?
- Перед отъездом я написала записку: «Прощай. Мы с Максом уехали к Дусе».
- Слово «прощай» пахнет мелодрамой, — улыбнулась Дуся. — Не находишь?
- Нет, — ответила Людмила Ивановна. — Скорее, драмой.

Глава 4

Дуся обладала многочисленными талантами, в этом Макс убедился достаточно быстро. Дуся была хорошим рассказчиком, играла на гитаре, пела, умела дружить, писала отличные статьи. Попав под обаяние материной подруги и низвергнув с пьедестала отца, Макс заменил его новым кумиром.

В Переделкине Макс не скучал. Он совершенствовался в игре на гитаре, читал «Иностранку», учился водить машину, занимался переводами, ходил в Дом творчества на встречи с писателями и ко всему прочему перенимал у Дуси вредные привычки. Макс начал покуривать и нередко вводил в речь крепкие словечки. Мать Макс, конечно, шадил, но Дусю не стеснялся. Несмотря на возраст, она не держала дистанцию и на подобные мелочи не обращала внимания.

— Что хочу, то и ворочу, — любила повторять Дуся. — Могу баттерфляем проплыть, могу задницу почесать.

Подобное мировоззрение Макса устраивало.

«Свобода — это право распоряжаться собой, — думал он. — Значит, все правильно».

В Переделкине Макс вернулся к дневнику, однако свои мысли ему не поверял и продолжал записывать отдельные события. Одна из записей была такова:

Познакомился с Риммой Казаковой. Она приходила к Дусе в гости, пила чай, читала стихи. У Казаковой — оригинальная внешность. Обратил внимание на широко расставленные глаза. По словам Дуси, такое строение глаз говорит о дальновидности и развитом воображении. Судя по всему, Римма Казакова — ровесница мамы.

Далее Макс разместил несколько стихотворных строф и поставил им оценки по десятибалльной шкале. Самый высокий балл получило стихотворение «Пальма первенства».

Пожалуйста, возьмите пальму первенства!
 Не просто подержать, а насовсем.
 Пускай у вас в руках крылато, перисто
 Возникнет эта ветвь на зависть всем...

Время от времени Дуся устраивала культмассовые мероприятия. Она покупала билеты в театр, и Людмила Ивановна с Максом отправлялись в Москву. Синий «москвич» резво брал старт и через час останавливался то у Театра Моссовета, то перед Театром сатиры.

После таких поездок в дневнике Макса появлялись короткие отчеты.

В Театре Моссовета смотрели спектакль «А дальше тишина». Мама и Дуся прослезилась. Плят с Раневской играли мужа и жену, разлученных друг с другом по

воле детей. По дороге в Переделкино Дуся вспоминала отдельные монологи, у нее такая же феноменальная память, как у Модуля.

— Мальчик мой, позвони ей скорее и скажи, что мне не нужна комната, — голосом Раневской говорила Дуся. — Я могу жить в чулане, под лестницей, где угодно... только чтобы быть рядом с ним... Скажи ей, что я буду все делать, буду вместо прислуги, она может отпустить прислугу..., я буду стряпать, буду стирать, убирать, я буду все делать... Пусть возьмет меня. Скорее позвони, скажи. Я нужна ему. Как же это он будет без меня?.. Как это? Это же невозможно...

Мама, достав носовой платок, тихо плакала.

— Какое счастье прожить пятьдесят лет в согласии и любви. Вместе растить детей, вместе стареть...

Через пару километров Дуся решила пошутить.

— Как любит повторять Раневская, я себя чувствую, но плохо.

На эти слова мама не отреагировала. Приехав на дачу, она поднялась к себе. Дуся, вспомнила отца. Мы с Дусей покурили и сели разучивать романс.

Предположение Макса насчет склонности матери к стихосложению оказалось справедливым. Людмила Ивановна действительно писала стихи. Как-то раз, зайдя в ее комнату, Макс увидел торчащую из-под подушки тетрадь. В доме никого не было, и искушение прочесть тайные откровения матери было слишком велико. Макс достал тетрадь и уселся на кровать. Он листал страницу за страницей и все больше убеждался в том, что его мать — талантливый человек. Одно стихотворение особенно поразило Макса. От него веяло любовью. Не к отцу — нет. Видимо, до появления Александра Владимировича у матери был возлюбленный, которому она и посвятила эти строчки.

Макс прислушался к тишине. Похоже, в доме никого не было. Он сбегал к себе и достал из чемодана дневник. Вернувшись, переписал стихотворение, посвященное первой любви Людмилы Ивановны.

Растоптала любовь,
Загубила свиданья и встречи.
Проглядела твой ум,
Твою силу и тайну в зрачках.
Услыхать бы мне вновь
Твои робкие, милые речи.
Отойти бы от дум
В твоих сильных и нежных руках.

Отошли навсегда
Наши вёсны и наши апрели.
Мы не встретимся вновь,
Не посмотрим друг другу в глаза.
Небо, солнце, луна
Свои песни уже нам пропели,
И другая любовь
Нам сетями тела оплела.

Но я знаю, не спорь,
Что меня вспоминаешь, волнуясь,
И не сможешь впустить
Никого так глубоко в себя.

Я — далекая хворь,
Не уйду из тебя, не пройду я.
Уходить я должна
От себя, от себя, от себя.

Макс убрал тетрадь и ушел к себе. Прочтя стихотворение еще раз, он положил дневник в чемодан, шелкнул замком и лег на кровать. Перед глазами появилась Лиза. Круглое приветливое лицо, большие голубые глаза, вьющиеся до плеч волосы. Не-высокая, крепкая, с широкими лодыжками, она стояла перед ним в пестром сарафане и прикрывала ладошкой рот. В глазах вспыхнули звездочки, и Лиза улыбнулась.

— Ничего, пробьемся, — сказала она.

— Ты о чем? — спросил Макс.

Лиза потрянула головой, и золотые кудри упали на лоб.

— Чему быть, того не миновать.

У Макса перехватило дыхание. Он смотрел на Лизу, и ему хотелось покрыть поцелуями вздернутые уголки губ, вдохнуть запах волос. И еще хотелось прочесть стихотворение матери. Особенным голосом, делая паузы, со всей нежностью, на которую только способен.

Не отрывая взгляда от Лизиных губ, Макс прошептал:

Но я знаю, не спорь,
Что меня вспоминаешь, волнуясь.
И не сможешь впустить
Никого так глубоко в себя.
Я — далекая хворь,
Не уйду из тебя, не пройду я...

— Да-да, — перебила Лиза. — Все верно. Не уйдешь, не пройдешь...

— Что же делать?

— Стань самим собой, и вся любовь, что у меня есть, будет твоей.

— Разве я — не сам по себе?

— К сожалению, нет, — вздохнула Лиза. — Ты всегда кого-то копируешь.

— Но кого?

Макс заворочался в постели и откинул одеяло. Ему стало жарко. Лиза присела на край кровати и наклонилась к Максy. Пахнуло крокусом или ландышем. Лизины губы дрогнули, и Макс услышал:

Услыхать бы мне вновь
Твои робкие, милые речи.
Отойти бы от дум
В твоих сильных и нежных руках.

Строчки, написанные матерью, стали живыми. Оторвавшись от тетрадки, они приобрели плоть, запах и голос. Макс задохнулся от нахлынувших чувств.

— Небо, солнце, луна свои песни уже нам пропели, — прошелестел Лизин голос.

— Нееееет! — крикнул Макс.

Лиза отпрянула. Она встала и, не оглядываясь, подошла к окну. Деревянные створки распахнулись, и в комнату ворвался ветер. Подхватив Лизу, ветер осыпал ее сарафан крупными снежинками и, хлопнув оконной рамой, исчез. Вместе с ним исчезла и Лиза. Макс изумленно смотрел на окно и не верил глазам. Он знал, Лиза — не виде-

ние. Она была здесь. Мало того, ее запах витал по комнате, а край кровати хранил ее тепло. Но так не бывает. Ветер, сарафан, покрытый снежинками, живые строчки...

Внизу хлопнула дверь, и тут же зазвонил телефон. Макс слышал, как Дуся ругнулась и, бросив на пол сумку, направилась к журнальному столику.

— Алло. Привет, мой хороший. Только вошла. Да-да. Румянец на щеках, дым из ноздрей. Не то Марфушечка-душечка, не то Змей Горыныч. А что — не похожа? Подожди, прикурю.

Макс сидел на кровати и прислушивался. Вот Дуся чиркнула спичкой, вот потянула в себя дым, вот закашлялась... Все эти звуки были реальными, они шли из гостиной и свидетельствовали о том, что Макс не спит. И в то же время...

— Да, ладно, — хмыкнула Дуся. — Тоже мне ухажер. Ты-то как? О-о-о! Растешь, старый валенок. Что новенького? У меня — Мила с Максом. Помнишь, рассказывала? Планов громадье. И редакционных, и всяких других. А мысли... Как говорит Раневская, в моей старой голове от силы три мысли, но они поднимают такую возню, что кажется, их тысячи. Нет, не прибудняюсь. Ну, ты меня переоцениваешь. Надо быть самим собой, остальные роли уже заняты.

Дуся рассмеялась.

— Это не я сказала — Оскар Уайльд. Хорошо, перезвоню позже. Пока.

— Надо быть самим собой, остальные роли уже заняты, — повторил Макс.

Он встал и, поеживаясь от холода, пробормотал:

— И Лиза о том же.

Глава 5

Первого февраля Макс и Людмила Ивановна поехали в Москву. Предполагалось, что Макс заберет из МГУ аттестат, а Людмила Ивановна заедет домой за необходимыми вещами.

Этой поездке предшествовали два разговора. Первый состоялся на следующий день после посещения Александра Владимировича. Инициатором стала Дуся. Следуя привычке «ковать железо, пока горячо», она обратилась к Максусу с вопросом:

— Так ты уйдешь из МГУ или нет?

Макс оторвался от журнала и посмотрел на мать. Не поднимая глаз от перевода, Людмила Ивановна ждала ответа. Макс чувствовал напряжение, оно напоминало судорогу. Скрытая боль свела ногу или руку, а что делать, не знаешь — то ли замереть, то ли встать. Дуся, напротив, была весела и беспечна. Забыв о тлеющей папиросе, лежащей в пепельнице, она раскладывала пасьянс.

— С мехмата я уйду, — сказал Макс.

— Тогда чего сидишь? — спросила Дуся. — Надо ехать в университет, писать заявление и забирать аттестат.

— Время терпит.

— Ну-ну. Ждать — не устать, было бы чего искать. Наверное, твой папаша и заявление успел написать.

— Какое заявление?

— Дескать, прошу продлить экзаменационную сессию моему сыну, Маушевскому Максимилиану Александровичу, в связи с пневмонией. Справку от врача прилагаю.

— С чего ты взяла? — спросила Людмила Ивановна.

— Вы оба как дети, — взорвалась Дуся. — Нogu подняли высоко, а шаг сделать боитесь.

— Вдруг ошибемся.
— Насколько я знаю, мехмат Макс не выбирал, и страсти к математике не испытывает. Чего ждать?

Людмила Ивановна собрала бумаги и встала.

— Мам, ты куда? — спросил Макс.

— Пойду полежу. Голова болит.

— Вот так всегда, — проворчала Дуся. — Стоит легонько надавить, сразу голова...

— Это мой вопрос — не мамин, — сказал Макс.

— Тогда не тяни. Нет ничего хуже неопределенности.

Дуся встала и, широко расставив ноги, стала делать наклоны. Ее лицо покраснело, спутанные волосы упали на лоб, дыхание прерывали клочкующие всхлипы.

— И раз, и два, и три... И пятьдесят, — выдохнула Дуся и с трудом распрямилась.

— Что это? — удивился Макс.

— Работа над собой.

— Давно работаешь над собой?

— С сегодняшнего дня. Надо соответствовать возрасту.

Макс рассмеялся. Тяжело дыша, Дуся уселась на стул и, взяв папиросу, подмигнула.

— Знаешь поговорку: в сорок пять баба ягодка опять?

— Слышал. Но в чем смысл, не уловил.

— Мал еще, — развеселилась Дуся. — Пока не решишь пионерских проблем, к взрослым вопросам не подступайся. Понял, откуда «э»?

— Нет.

Дуся перемешала карты и, блеснув глазами, сказала:

— Когда Раневскую окружили дети и стали кричать «Муля!», она не выдержала и крикнула: «Пионэры, идите в ж...!»

Макс рассмеялся.

— Смотри, как бы не послали тебя.

— Кто?

— Желающие всегда найдутся...

Дуся хмыкнула и пошла на кухню. Спустя некоторое время Макс услышал звон посуды и низкий грудной голос:

— Как ныне собирается вещей Олег отмстить неразумным хазарам...

Тарелка вырвалась из Дусиных рук и, грохнувшись о пол, разлетелась на мелкие куски.

— Зара-а-а-за!

Воспользовавшись паузой, Максимилиан решил произвести на Дусю благоприятное впечатление.

— Как ныне собирается вещей Олег щиты прибывать на ворота... — запел он.

— Высоцкий, — шаркая веником, откликнулась Дуся.

— Так и есть. В общаге пели.

— Вот послушай, что написал недавно Высоцкий.

Дуся отложила веник и вернулась в гостиную. Она взяла гитару, и, взвизгнув под тяжелой рукой, струны тревожно завибрировали.

Я не люблю фатального исхода, от жизни никогда не устаю,
Я не люблю любое время года, когда веселых песен не пою.

По спине Макса поползли мурашки. Бешеная энергия песни, прищуренные зеленые глаза, низкий голос, ставящий многозначительные акценты, — все это пробивало тысячу оболочек, за которыми пряталась душа.

Я не люблю себя, когда я трушу,
Обидно мне, когда невинных бьют.
Я не люблю, когда мне лезут в душу,
Тем более — когда в нее плюют...

- Здорово, — выдохнул Макс.
— Не то слово, — отозвалась Дуся. — Это — настоящее.

Еще один разговор на тему учебы состоялся через неделю. На сей раз его начала Людмила Ивановна.

- Допустим, заберешь документы из МГУ. Что дальше? — спросила она.
— Буду поступать в институт.
— В какой?

Макс пожал плечами. У него не было ответа. Впервые за свою жизнь Макс должен был принять самостоятельное решение; мало того, нести за него ответственность. Но сколько бы Макс ни рассуждал о свободе, сколько бы ни ругал отца, к подобным решениям был не готов.

В очередной раз выручила Дуся.

— Может, пойдешь по нашим стопам? — предложила она. — Поступишь в Университет дружбы народов, получишь историко-филологическое образование, а там видно будет.

Предложение Максу понравилось. Почему бы и нет? Историю и литературу он знал неплохо, с английским языком — никаких проблем, к тому же после окончания университета можно рассчитывать на Дусины связи.

Людмила Ивановна предложила свой вариант:

- Может, попробовать поступить в Институт иностранных языков?
— Тоже неплохо, — ответила Дуся. — Переводческий факультет в Инъязе — отличный.

Обсуждения не последовало, однако Макс зацепился за оба варианта. Рассмотрев их с разных сторон, он принял окончательное решение и в конце января объявил, что будет поступать в Институт иностранных языков имени Мориса Тореза.

— Ну и, хорошо, — сказала Дуся. — Теперь руби канаты и поднимай якоря. Как говорится, попутного ветра...

«Рубить канаты» Макс начал в студенческие каникулы. Он не хотел встречаться с однокурсниками, к тому же в это время года в деканате было относительно спокойно.

Синий «москвич» подпрыгивал на проселочной дороге и кашлял от напряжения. Ветер сдувал с сосен снежные шапки, разбивал их на мириады снежинок и гнал перед машиной поземку. Дуся не обращала внимания ни на погоду, ни на разбитую колею.

Макс сидел впереди и время от времени поглядывал на Дусю. Она походила на кошку и ветер одновременно. Ярко-зеленые глаза, внешняя невозмутимость, скрытая энергия, способность разбить проблему на тысячу кусков и разметать их в разные стороны. Последнее Дусе удавалось лучше всего. Однако ухаживать за собой она не умела. Вот и сейчас надела енотовую шубу, к ней — бесформенный вязаный берет. Крашенные басмой волосы выбивались из-под берета, ногти подстрижены кое-как, яркая помада попала на зубы и вызывала, мягко сказать, недоумение. А вот Людмила Ивановна выглядела безукоризненно. Пальто с песцовым воротником, шапка-боярыня, низкий пучок на затылке, бледно-розовая помада на губах.

Макс оглянулся на мать. Та сидела на заднем сиденье и смотрела в окно. Если бы не морщинка между бровей, можно подумать, Людмила Ивановна пребывает в состо-

янии безмятежности. Но Макс знал: поперечная морщинка на лице матери — показатель душевного волнения.

Выехав на Минское шоссе, Дуся спросила:

— С чего начнем?

— Заедем домой, потом в МГУ, — ответила Людмила Ивановна.

Дуся взглянула в зеркало, и вид подруги ей не понравился.

— Как-то видела, как воробей говорил колкости другому воробью. Крохотному и немощному. В результате ткнул его клювом в голову и улетел.

Она помолчала и добавила:

— Везде одно и то же.

— Не поняла, — отозвалась Людмила Ивановна. — При чем тут воробей?

— Да так, возникла ассоциация — только и всего.

Синий «москвич» свернул на Ломоносовский проспект и вскоре остановился у дома, где проживали семьи профессорско-преподавательского состава МГУ. Дуся, Людмила Ивановна и Макс зашли в подъезд и поднялись на четвертый этаж. Людмила Ивановна потянулась к звонку, но что-то ее остановило. Она достала ключи и открыла дверь.

В прихожей пахло духами, у дверей валялись женские сапоги, на вешалке висело светлое пальто с искусственным воротником. Людмила Ивановна побледнела. Дуся резко закрыла дверь, и люстра в прихожей завибрировала. Макс непроизвольно взглянул на часы. Девять тридцать. И тут появился Александр Владимирович. Испуганное лицо, растрепанные волосы, пуговицы пижамы застегнуты через одну. Он судорожно сглотнул и сказал:

— Вот так сюрприз. Не ожидал.

Дуся усмехнулась.

— Оно и видно.

Александр Владимирович побагровел. Вздернув бородку, он пронзил Дусю испепеляющим взглядом и процедил сквозь зубы:

— Хороша, нечего сказать. Ободранные кошки и то лучше.

Дуся сняла берет и, повернувшись к зеркалу, поправила волосы. Похоже, слова Александра Владимировича ее не задели — скорее, раззадорили.

— Мнение мышки для кошки не представляет никакого интереса, — ответила она.

Несмотря на драматическую ситуацию, Макс не сдержался и хмыкнул. Что и говорить, пощечина отцу. И ведь не задумалась ни на мгновение.

Людмила Ивановна сжала губы и, не взглянув на мужа, устремилась в свою комнату. Она открыла платяной шкаф, достала несколько наволочек и стала запихивать в них одежду, обувь, книги и некоторую мелочевку. Макс ушел к себе, Дуся направилась на кухню. Налив стакан воды, она подошла к окну. Александр Владимирович потоптался в прихожей и пошел вслед за Дусей. Он желал сатисфакции. И в этот момент появилась молодая особа. На первый взгляд ей было лет тридцать. Длинноногая, с копной пшеничных волос, в полупрозрачной ночной рубашке, она появилась на кухне и уставилась на гостью. Придя к некоторому выводу, молодая особа перевела взгляд на Александра Владимировича и спросила:

— Это твоя жена?

Профессор Маушевский съежился и, если бы не Дуся, наверняка бы выругался. Дуся развернулась к молодой особе, и ярко накрашенные губы растянулись в улыбке.

— Позвольте представиться — Евдокия Павловна Шохова. Журналист, редактор и подруга жены Александра Владимировича.

На кухню зашел Макс. Взглянув на любовницу отца, он брезгливо поморщился и сказал:

— Мы все собрали. Можно ехать.

Дуся отошла от окна и барыней поплыла к выходу. Людмила Ивановна уже стояла в дверях.

— Остается одно, — вздохнула Дуся. — Отряхнуть прах со своих ног и войти в новую жизнь.

Макс подхватил наволочки, набитые вещами, и поспешил вниз. Он перепрыгивал через ступеньки и мечтал о глотке свежего воздуха. Ему были ненавистны и квартира, где он прожил семнадцать лет, и дешевая мелодрама, разыгравшаяся перед глазами, и собственный отец. Осталось забрать документы и, как сказала Дуся, отряхнуть прах со своих ног.

Проблем с документами не возникло. Декан по учебной части даже не поинтересовался причиной ухода. Он попросил написать заявление, выполнил формальности и, вручив аттестат об окончании школы, задал один вопрос:

— Как со здоровьем — нормально?

— Да-да, — поспешно ответил Макс и, попрощавшись, вышел из деканата.

«Дуся права, — думал Макс, ожидая лифт. — Отец сочинил историю о моей болезни и написал заявление о продлении экзаменационной сессии».

Теперь Макса это не трогало. За последние часы он понял, отец лгал всегда — и дома, и на работе. И началось это много лет назад. Наконец пришло осознание, что в те далекие времена, когда он ждал отца в университетском сквере, тот был у очередной любовницы.

«Бедная мама, — подумал он. — Обманутая и одинокая».

Макс вошел в лифт, и, спускаясь вниз, дал слово всячески оберегать мать.

Дуся и Людмила Ивановна ждали в машине. Макс показал аттестат и сказал:

— С мехматом покончено. Думаю, надо это дело отметить.

— Отличная мысль, — оживилась Дуся. — Устроим праздничный ужин.

Людмила Ивановна вздохнула. Маска отчаяния сошла с ее лица, однако тени, залегшие под глазами, говорили о пережитом волнении.

— Что будем праздновать? — спросила Людмила Ивановна.

— Прощание с иллюзиями, — заводя машину, ответила Дуся.

Синий «москвич» обогнул физфак и, замигав левым поворотником, остановился у светофора. Облокотившись на руль, Дуся добавила:

— Иллюзии как зубы — с возрастом они выпадают.

Макс смотрел на пешеходов, спешащих на другую сторону Ломоносовского проспекта, и вспоминал утреннюю картину. Ветер сдувал белые шапки с верхушек сосен, разбивал их на мириады снежинок и гнал перед машиной снежную поземку.

«Прелюдия к сегодняшнему дню, — подумал Макс. — Разбитые иллюзии и убежавшее детство».

Глава 6

Вернувшись в Переделкино, Людмила Ивановна слегла. К болезни подруги Дуся отнеслась философски.

— Измену надо переболеть — как корь, например, или ветрянку, — сказала она. — И вообще, отчаяние не достойно мыслящего человека. Мила полежит, подумает...

— И отряхнет прах со своих ног, — добавил Макс.

— Верно. Не по небу летаем, по земле ходим. А на ней чего только нет — и пыль, и грязь, и камни...

— И иголки, упавшие с сосны..., — продолжил Макс.

Ему нравилось дополнять Дусю, нравилась ее манера говорить и вставлять в разговор меткие выражения; нравилось ее слушать.

Весь февраль Дуся работала дома и выезжала в редакцию в особых случаях. Макс помогал, как мог: мыл посуду, чистил картошку, ходил в магазин, колос дрова, переводил кое-какие статьи. По вечерам они с Дусей болтали или играли на гитаре. Песни Высоцкого у Макса не пошли — не хватало энергетики, а репертуар Кукина стал родным.

— Спой-ка мне «Поезд», — в очередной раз попросила Дуся.

Макс улыбнулся. Взяв гитару, сел у окна и начал со второго куплета:

Заблудилась моя печаль
Между пихт и берез,
И не действует по ночам
Расстоянья наркоз.
Расставаясь, шептал: «Пустяк,
Ведь не видишь же ты насквозь.
Просто что-то не так, не так,
Что-то не удалось».

Ариэлем хотел лететь —
Ни любви, ни забот.
Или в горы, как Алитет,
Уходить каждый год.
Вбей в колено тоску, кулак,
Удержи от ненужных слез.
Просто что-то не так, не так,
Что-то не удалось.

Макс чувствовал не только душевное созвучие со словами песни, но и видел то, о чем пел. Он видел, как по лесу, натываясь на деревья, кружит девушка с печальным лицом. В ее волосах застряла хвоя, босые ноги изранены, кружевная накидка спадает с плеч. Видел Ариэля с головой льва, летевшего над лесом. Кто он — ангел или демон? Впрочем, неважно. Ариэль в представлении Макса был непостижим. Упрямый, неуловимый, быстрый, как ветер. А вот Алитета представить не мог, и это мешало.

— Он что — мифический герой? — спросил Макс.

— Нет, — ответила Дуся. — Герой книги Семушкина. Не знаю, читал ли Кукин роман, но фильм «Алитет уходит в горы» наверняка смотрел.

Дуся оторвалась от рукописи.

— Представь себе дореволюционную Чукотку, чукчей-скотоводов, американских закупщиков, местного богатея Алитета. Стоило появиться отряду советских людей, как американцы и Алитет убежали, а бедняки стали строить новую жизнь.

— Неромантическая история, — заметил Макс.

— Как посмотреть, — улыбнулась Дуся.

Она встала и, закурив, ушла на кухню. Через несколько минут Макс уже пил чай, грыз баранки и ждал продолжения разговора. Однако Дуся не спешила. Она смотрела в окно и молчала.

«Что там? Не отец ли приехал?»

Макс подошел к окну. Сумерки ползли по лесу и перешептывались с ветром. Макс прислушался и услышал тихие голоса.

— Как там весна — далеко? — спрашивали сумерки.

— Уже рядом, — отвечал ветер. — Чуете запах?

Сумерки вертели мохнатыми головами и шмыгали носами.

— Пахнет землей, талым снегом и чем-то незнакомым, — говорили они.

— Этот запах оставил солнечный луч. Разве не так?

— Тебе лучше знать, — отвечали сумерки. — Мы с ним не пересекались...

Дуся вернулась за стол. Она налила чай и сказала:

— Такое впечатление, что ты прислушивался к постороннему разговору.

— Так и есть. Сумерки шептались с ветром.

— Серьезно? — воскликнула Дуся.

— Я часто слышу необычные разговоры, — решил похвастаться Макс. — Слышал, как говорили ветер и каменная кувшинка, бюсты ученых в университетской аллее, Главный корпус.

— Надо же.

Помолчав, Дуся добавила:

— Не говори никому о своем даре — хорошо?

— Почему?

— Люди тебя не поймут. Скажут, что спятил.

Макс задумался. На душе было тревожно и сладко одновременно. С одной стороны — мистический дар, с другой — отклонение от нормы. Однако и Лиза слышала разговор ветра с кувшинкой. Что — и она спятила?

Дуся потянулась к папиросам.

— Чем больше живу, тем больше убеждаюсь: необычное видят и слышат единицы, — сказала она. — Таких людей называют «чуткими». Думаю, ты — один из них.

Макс был польщен.

— Когда поешь «Поезд», — продолжила Дуся, — кажется, видишь то, что не вижу я. Признаюсь, это меня волнует. Будто бы расширяешь мой мир.

Дуся собрала стопку листов и протянула их Макс.

— Что это? — спросил Макс.

— Новый роман. Он выйдет в мартовском номере «Иностранки».

— Франсуаза Саган. «Немного солнца в холодной воде».

Макс улыбнулся и добавил:

— Красивое название. Будит воображение.

Дуся поднялась к себе, а Макс еще долго сидел в гостинной, прислушиваясь к ночным звукам. Тихие шорохи, скрипы, песня ветра... Через час ветер затих, и тысячи звезд осветили небо. Каждая звезда несла свет, но он был таким далеким, что едва доходил до Земли. Ведь всем известно: если звезд много, ночь отступает.

Глядя в окно, Макс размышлял о той, что приютила их с матерью. Удивительная женщина. Стремительная, говорливая, энергичная. Без всякого желанья понравиться. Ни фигуры, ни яркой внешности, но стоит ей заговорить, как обращает на себя внимание.

Макс выключил свет, поднялся в комнату и начал читать новый роман. Образ журналиста Лантье сразу привлек внимание. В нем было что-то знакомое — можно сказать, родное. Конечно, Жиль — не Макс, к тому же старше в два раза, но особенность восприятия мира плюс некая апатичность... — все это присутствовало и в Макс.

Макс закрыл глаза и увидел то, о чем только что прочел. Вот Жиль отправился в ванную, вот включил воду, вот взял кусок мыла. И будто удар тока. Паника, страх, всполошенные удары сердца. Розовый кусок мыла выскочил из рук, осмысленно взглянул на Жилия и... пополз. В умывальнике лежало маленькое, верткое существо. Макс

содрогулся. Вместе с Жилем он ощущал ужас и отвращение. Что это — явь или сон? Плод воображения или реальность?

Макс читал до рассвета. Любовная страсть Жили и Натали будила воображение. Макс представлял смятые простыни, судорожное движение тел; чувствовал запах пота; слышал объяснения в любви. В его понимании, Натали походила на Лизу. Та же чистота, те же провинциальное обаяние и жертвенность.

С первыми лучами солнца Макс добрался до финиша. Отложив в сторону последнюю страницу, он встал, подошел к окну и судорожно вздохнул. В голове стучали слова предсмертной записки Натали.

«Ты тут ни при чем, дорогой. Я всегда была немного экзальтирована. И никого не любила, кроме тебя».

Макс оделся и вышел на улицу. Над верхушками сосен летела весна. Оседлав ветер, она размахивала серебряной плеткой, ловила солнечные лучи и хохотала, как девчонка. Увидев Макса, ветер помчался. Весна прыгнула на крышу и побежала по карнизу. Десятки сосулков полетели вниз. Макс слышал хруст ледяных крошек, видел перламутровые накидки, чувствовал запах свежести. Весна помахала Максу рукой и вскочила ветру на спину.

«Не время еще», — услышал Макс.

Вернувшись в дом, Максимилиан поднялся в свою комнату и тут же уснул.

Глава 7

В течение февраля весна посещала Переделкино несколько раз. Последствия ее визитов были заметны. Вокруг деревьев синели лунки, снежные одеяла распались на части, на дорогах блестели лужи, и в них отражалось весеннее солнце.

«Да-да, все одно к одному. Немного солнца в холодной воде», — думал Макс, шагая по поселку.

В конце марта весна окончательно пришла в Подмоскowie, и не одна. В золотой колеснице катило солнце, ветры мерились силой, грачи оглашали окрестность новостями об окончании холодов. Весна раскидала снежные клочья и, обхватив землю руками, вдохнула в нее новую жизнь.

В марте Людмила Ивановна ожила и приступила к работе. Об Александре Владимировиче она не вспоминала, и Макс решил, что мать пришла в норму. Он скинул с себя домашние дела и стал готовиться к вступительным экзаменам. Дуся и Людмила Ивановна помогали. Они обсуждали темы сочинений, занимались с Максом английским, слушали тематические пересказы, проводили диктанты с последующим разбором.

О культпоходах Дуся не забывала. Синий «москвич» продолжал курсировать по маршруту Москва—Переделкино—Москва и нередко застаивался перед театром или концертным залом. Макс обожал такие поездки. Благодаря Дусе он побывал в Большом театре на опере «Мазепа», увидел спектакль «Принцесса Турандот» в Театре Вахтангова.

К маю весна заматерела. Она уже не носилась на ветре верхом, не хохотала, как девчонка, а занималась созиданием. Леса покрылись листвой, луга — цветами, среди зверей и птиц начались брачные игры. Макса охватило томление. Он просыпался по ночам, вспоминал Лизу, ее взгляд, голос, улыбку. Ему хотелось событий: вернуться в общежитие, устроить сабантуй, услышать Модуля, расписать пульку. Пять месяцев тишины в Переделкине давали о себе знать. И пусть Дуся с Людмилой Ивановной были интересными собеседниками, Макс не хватало сверстников.

Весна сменилась летом, и началась небывалая жара. 1972 год бил все температурные рекорды. Тридцать-тридцать пять градусов в тени, раскаленное небо, ни одного

дождя. Подмоскowie охватили лесные пожары, и вскоре загорелись торфяники. Едкая мгла добралась до Переделкина, в доме пришлось закрыть все окна и двери. В атмосфере удушающей жары и гари Макс начал сдавать экзамены. Результаты были впечатляющими: «хорошо», «отлично», «отлично», «отлично». Итого: девятнадцать баллов. Макс прошел в институт, и по случаю поступления Дуся устроила пир и пригласила кучу гостей.

Макс пел и пил, гости плясали и декламировали стихи, а набравшись как следует, устроили игру в прятки. Сначала прятались в доме. Как только спала жара, перебрались поближе к деревьям. Людмила Ивановна походила на цветок и у мужчин вызывала интерес. Макс заметил, что за матерью ухаживают известный поэт и малоизвестный писатель, и это обстоятельство его радовало. Ночью на лужайке перед домом хотели развести костер, однако не решились. Стояла такая сушь, что достаточно было искры, и мог бы вспыхнуть целый поселок.

Через три дня Макс, Дуся и Людмила Ивановна улетели в Грузию. В Сухуми жил Дусин друг — журналист-международник, славившийся своим гостеприимством. Море, горы, яркие звезды; ко всему этому — вино, фрукты, шашлык и интересные разговоры. Они были большими и маленькими, задушевными и рациональными, тематическими и ни о чем. Хозяин дома знал массу анекдотов, тостов, стихов, а главное — умел их рассказывать.

Гиви был тех же лет, что Дуся и Людмила Ивановна, однако казался Максу моложе. Энергичный, веселый, открытый, он привлекал внимание и вызывал огромную симпатию. Дуся отдыхала на полную катушку. Она поела невероятное количество кинзы и помидоров и, как огромная кошка, часами нежилась в шезлонге. Людмила Ивановна вернулась к прежнему увлечению и с вдохновением вышивала. Однако прогресс был налицо: крестик заменила яркая гладь. Макс видел, как под ловкими пальцами матери появляются цветы, много цветов — целые букеты. С точки зрения Макса, они были гораздо красивее, чем скалы и птицы. И Дуся была с ним согласна.

— Впускай в душу свет, — говорила она. — И многоцветие.

Благодаря Гиви Макс расширял свой кругозор и погружался в темы, оставшиеся раньше за бортом его жизни. Попивая вино, он слушал о визите Никсона в Москву, договоре ОСВ-1, ядерных боеголовках, предстоящей Олимпиаде в Мюнхене, последствиях засухи, ценах на алкоголь.

Перед отъездом в Москву Гиви засыпал гостей подарками. Среди них были бутылки кахетинского и цинандали, французские духи для Дуси и Людмилы Ивановны, грузинский кинжал для Макса.

— Кама, — вручив кинжал, сказал Гиви. — Символ верности и долга.

— Уважил, спасибо, — сказала Дуся. — Но самый лучший подарок — у Макса. Глядя на кинжал, вспоминается Лермонтов: «...не изменюсь и буду тверд душой, как ты, как ты, мой друг железный!»

— Твердая душа — это хорошо, — сказал Гиви. — А вот меняться надо.

— Почему? — спросила Людмила Ивановна.

— Иначе скучно жить.

Разлив по бокалам вино, Гиви предложил выпить перед дорогой.

— Мой тост таков, — сказал он, одарив гостей ослепительной улыбкой. — Однажды дочь пожаловалась матери, что муж изменяет ей с другой женщиной. Мать выслушала дочь и сказала: «Это поправимо. Принеси мне два волоска из тигриных усов». — «Что ты, мама, — испугалась дочь. — Как это возможно?» — «А ты попробуй. Женщина должна уметь все». Делать нечего. Дочь зарезала барана и с куском мяса ушла в лес. Села в засаду и ждет. Как только явился тигр, она испугалась, бросила мясо и бежать.

На другой день снова пришла. Когда тигр подскочил к ней, она бросила мясо и стала смотреть, как он ест. На третий день тигр ее уже ждал. Когда женщина появилась, он взял мясо с руки. На четвертый день тигр подбежал и, съев угощение, положил голову женщине на колени. Увидев, что зверь задремал, женщина выдернула два волоска и принесла домой. «Ну вот, — сказала мать, — ты укротила тигра. Теперь иди к мужу и укроти его. Ласкою или хитростью — неважно. Главное — запомни: в каждом мужчине живет тигр».

Гиви чокнулся с Дусей и Людмилой Ивановной и добавил:

— Выпьем за женщин, которые укрощают в нас тигров.

— Хороший тост, — воскликнула Дуся. — Теперь мой.

Гиви снова наполнил бокалы и с интересом посмотрел на Дусю. Та встала и, изменив голос на грузинский манер, сказала:

— На одном из банкетов тосты говорили по кругу. Первый тост был таков: «Хачу выпить за нашего Дато. Вот это настоящий мужчина — он может выпить подряд три рога вина и палюбить троих женщин». Выпили за Дато и стали слушать второй тост. «Я хачу выпить за нашего Гоги. Вот это настоящий мужчина — он может выпить подряд дэсятъ рогов вина и палюбить дэсятых женщин». Выпили за Гоги. Встал третий грузин и, скорбно глядя в пол, сказал: «А я предлагаю выпить за Владимир Ильич Ленин.... Нэ знаю, сколко он пил вина и сколко любил женщин, но толко настоящий мужчина мог ТАК хорошо отомстить за смерть старшего брата».

Дуся подмигнула Максусу и закончила тост словами:

— Так выпьем за настоящих мужчин.

Макс рассмеялся, а Гиви прижал Дусю к груди и сказал:

— Как говорил царь Соломон, женщина непостижима. Она слаще жизни и горче смерти.

Уже в самолете Дуся призналась:

— Когда-то у нас с Гиви был любовный роман. Однако не сложилось.

— Почему? — спросил Макс.

— Гиви испугался моего ума.

— Неужели ты демонстрировала ум перед мужчиной? — улыбнулась Людмила Ивановна.

Дуся вздохнула.

— Я была настолько глупа, что забывала его прятать.

ЧАСТЬ III

ВЧЕРА НЕ ДОГОНИШЬ

Глава 1

Восьмидесятые и начало девяностых годов Макс называл «никакими». Страшно звучит. Пессимистично и безнадежно. Что значит никакие — разве не было событий? Были, и много. Начиная с развала СССР и кончая событиями личной жизни — в данном случае жизни Максимилиана Маушевского.

В памяти Макса не раз всплывали слова старухи, встреченной в юношеском сне:

«Каждый идет туда, где не был. Много дорог, много направлений. А путь освещает внутренний свет. Если его нет — идешь во тьме; если вспыхнул — никогда не померкнет».

Максу казалось, все эти годы он шел в потемках. Внутренний свет не озарил душу Макса, и стоит ли его ждать — неизвестно. Если говорить образно, Макс пролетел по

жизни на большой скорости, словно сидя за рулем современной машины с автоматической коробкой передач. Взял направление и помчался. В этой гонке не было ни осознания себя как части процесса, ни знания машинного нутра. И это называется жизнью? Двери заблокированы, видна только дорога. Все, что сбоку, не привлекает никакого внимания. Вжик, и мимо; возможность оглядеться только на светофоре. Словом, «а дорога серую лентою вьется...»

Песню, которую любил Лизин отец, Максимилиан знал наизусть. Бесхитростные строчки тревожили воображение и вызывали яркие ассоциации. Вот, например, «залито дождем ветровое стекло».

«Да, залито, — думал Макс. — Дворники работают в полную силу, но с дождем справиться не могут. В результате — ничего не видно. Два десятка лет за рулем, и все годы в крошечной тьме».

Или другая строчка из песни: «Ветер за кабиной проносится с пылью...»

Для Макса ветер — знакомый персонаж. Он многолик. Университетский ветер ведет разговоры с кувшинкой и швыряется листьями в Главный корпус; переделкинский ветер шепчется с сумерками и катает на себе весну; зимний метет поземку и целует локоны новогодней Москве. Каждый из них имеет свой голос и характер; каждый определяет настроение.

Последний куплет песни вызывал неизменную грусть. Он говорил о быстробегущих годах, о том, что у Макса не было и, наверное, уже не будет: «радостно встречать тебя с маленьким сыном выйдет к перекрестку любовь и жена».

Дело в том, что к сорока годам у Макса не было ни жены, ни сына, ни любви. Была, правда, дочь — такая же вздорная и меркантильная, как ее мамаша, — а ведь могло быть все по-другому.

«Лиза... Где она? Как сложилась ее судьба?» Чем дольше Макс жил, тем чаще вспоминал Лизу. Круглое лицо, губы, вздрагивающие от улыбки, золотые волосы. И глаза словно звезды. А в них — свет. «Лиза — настоящая, — думал Макс. — Не то что другие женщины. Те пробежали по жизни, не оставив следа. Ни тепла от них, ни любви, ни света. Одна только пыль. А Лиза оставила свет. В душе и в сердце».

Воспоминания вызывали светлую грусть и вопросы. Как в песне Кукина, что когда-то любила Дуся: «Что же, что же не так, не так? Что же не удалось?»

Действительно, что не удалось? С одной стороны — все нормально. Окончив институт, Макс защитил кандидатскую, получил специальность переводчика, преподавал в Инъязе, женился... С другой — в его жизни не было ни любви, ни радости. Вместо них — потерянности. Словом, «заблудилась моя печаль среди пихт и берез...»

Теперь Макс казалось, печаль — это старуха. Вышла из леса и села на плечи. Тяжелая, как сырой пень. Прижала к земле и не дает вздохнуть. А вместе с печалью ее подруги: тоска, одиночество, уныние. Еще те дамочки. Опутали своими сетями, прижались холодными телами — стонут, ищут сочувствия. Да чтоб их. И ведь не скинешь. Можно сказать, срослись за многие годы.

Однако у Макса была и любовь. И есть до сих пор. Ее дарили мать и Дуся. Эти две женщины как светлячки — вселяли надежду. Мысли о них поддерживали Макса в самые трудные минуты, останавливали перед открытым окном, не давали проглотить горсть приготовленных транквилизаторов.

«Все почему? — думал Макс. — Потому что мать и Дуся — его ангелы-хранители. И Лиза, конечно, ангел. Но улетевший».

Чем же порадовал Макс своих ангелов? Ничем.

Лиза когда-то сказала: «Стань собой, и весь ум, вся любовь, вся смелость, что есть у меня, будут твоими». Самим собой Макс не стал. До сих пор он играл неведомую

ему роль. А Лизин сон — вещей. «Иду по берегу Волги, а ты плывешь против течения, — не раз вспоминал Макс. — У меня замерло сердце. Остановилась, протянула руки к реке и закричала». — «Почему?» — «Какой из тебя пловец?» — ответила Лиза.

Она права. Макс — никудашный пловец. всю жизнь плыл по словесной реке. Сначала в лодке. Когда-то ее надул отец. А мама тянула лодку за собой. Слова отца накрывали лодку волной, сажали на мель, несли дальше. Мама держала Макса в поле зрения, приходила на помощь. На берегу той реки не было ни травы, ни берез — одни только музеи, театры и концертные залы. Бетонные берега ограничивали движение воды, не позволяли реке разлиться. Только вперед, только в заданном направлении. Но куда?

Свобода пришла после разрыва с отцом. Призрачная свобода. Макс попал в новый поток, и, зацепившись за Дусю, поплыл вместе с ней и матерью. Женщины гребли руками и продвигались по жизни самостоятельно. А Макс? Он надул нарукавники и старался от них не отставать. Мало того, создавал видимость, что плывет. Кого обманул? Только себя.

Было время, когда у Макса возникло желание стать самостоятельным. Он вышел на берег и решил доказать, что может передвигаться без поддержки. Какой результат? Прыг-скок, кич-кич... Не человек, а кузнечик. С одной бабочкой поболтал, с другой покружился, третьей спел серенаду... А четвертая оказалась жабой. Посмотрела на Макса выпуклыми глазами и... сцапала. Хорошо, что не проглотила. Выплюнув, ускакала по своим жабым делам. А кузнечик остался в тине. Пока выполз, пока обсох, пока зализал раны... А тут и середина жизни пришла.

Мысли о бывшей жене вызвали у Макса очередной гнев. Несмотря на то, что с момента развода прошло много лет, Максимилиан, вспоминая свою семейную жизнь, вспыхивал, как спичка.

«Проклятие, — думал он. — Если бы не она, все было бы по-другому».

Глава 2

Студенческая жизнь в Инъязе была иной, нежели на мехмате. В институте преобладали девушки, и мимо Макса они не проходили. Неудивительно. На переводческом факультете появился красивый парень — к тому же москвич из интеллигентной семьи.

Макс оказался в центре внимания. Девушки крутились возле него, интриговали, боролись за героя-любownika. Макс не сопротивлялся. Вкусив плотской любви, он почувствовал себя настоящим мужчиной. Цветы, признания, бессонные ночи, любовная страсть, ну и, конечно, учеба.

В результате такого режима Макс был истощен, как никогда.

— Смотри, дорогой, — как-то сказала Дуся. — На тебя началась охота.

— Не волнуйся, — ответил Макс. — Охотник — я.

— Ну-ну. Бог в помощь.

Сидя у торшера, Людмила Ивановна вышивала. Она прислушивалась к разговору и бросала на сына тревожные взгляды. Не выпуская изо рта папиросы, Дуся раскладывала пасьянс. Наконец он сошелся, и Дуся сказала:

— Запомни, дорогой: женщины — не слабый пол. Слабый пол — это гнилые доски.

— Мысль из коллекции Раневской? — спросил Макс.

— Угадал, — улыбнулась Дуся. — От себя добавлю: так повелось, что извечные приоритеты мужчин — карьера и самореализация, а центр внимания женщин — семья и дети.

— Глядя на тебя, не сказал бы.

— Я не типична. К тому же упряма и самонадеянна.

Максимилиан вспомнил знакомых девушек, их приемы, слова и попытался представить Дусю в подобной роли. У него не получилось.

Наличие у Дуси мужского характера не вызывало сомнений. Она решала основные вопросы в семье, зарабатывала деньги, учила и даже купила Макс машину. Вернее так, деньги дала Людмила Ивановна, а Дуся машину достала. В семидесятые годы такая покупка была под силу людям со связями или самым настырным. На машины записывались, их покупали по блату, доставали через общественные организации. Дуся подключила знакомых, и на свое двадцатилетие Макс получил белый «москвич».

Теперь Макс разъезжал на своей машине. Если Дуся доставала билеты в театр, Макс с радостью встречался с Дусей и матерью, но после спектакля садился в свою машину и мчался в квартиру на Шаболовской. Он чувствовал себя ковбоем. Так назвала его Дуся, увидев за рулем «москвича». Слово легло на благодатную почву, и Макс вошел в новую роль. Он демонстрировал сдержанность, немногословность, стремительность. Рисуюсь перед однокурсниками, Макс надевал маску, однако, приехав в Переделкино, оставлял ее в машине. И Макса можно понять. Молодость, пижонство, желание нравиться — все это будоражило кровь, и он, как ковбой, несся по прерии жизни. Свобода, свистящий ветер в ушах, ощущение силы. Что может быть лучше?

Преподаватели к Макс уступили. На пятом курсе ему предложили поступать в аспирантуру. Людмила Ивановна гордилась успехами сына и всячески помогала — в том числе материально. Дуся не отставала. Она давала возможность подработать, и Макс по большому счету в деньгах не нуждался. Он хорошо питался и, помимо клешей, батников и водолазок, имел пару костюмов, сшитых в ателье у Дусиной знакомой.

Пять лет учебы в институте можно было уместить в строчку: лекции, семинары, лингафонные кабинеты, в свободное время — романы с той или иной девушкой. К концу семидесятых Максимилиан занялся диссертацией и потерял интерес к любовным страстям.

В институте Макс выучил два языка — французский и испанский — и к моменту поступления в аспирантуру успел войти в лингвистический вкус. Ему нравились тишина библиотек, общение с научным руководителем, тема будущей диссертации. Звучала она так: «Проблема переводческой эквивалентности». Услышав название, Людмила Ивановна оживилась. Она всегда интересовалась лингвистикой и бережно относилась к слову. В тот день, когда Макс объявил о начале работы, Людмила Ивановна осталась в гостинной до позднего вечера. Макс приехал с бутылкой вина, тортом «Прага», шоколадными конфетами и пакетом свежемолотого кофе. Он выложил в вазу «Мишек на севере», открыл бутылку вина и пригласил женщин к столу.

— Поднимаю тост за интересную научную работу, — подняв бокал, сказала Дуся.

— Успехов тебе, сынок, — добавила Людмила Ивановна.

Макс был в ударе. Он говорил о лингвистике, о научном руководителе, цитировал его статьи. Дуся и Людмила Ивановна попивали вино и любовались Максом. В конце ужина дело дошло до кофе. Кофейный аромат наполнил гостиную и перебил запах табака. Съев кусок торта, Дуся хлопнула себя по животу и улыбнулась.

— Как говорят йоги, в человеческом организме идет постоянный обмен энергиями. Если ограничить половые связи, сексуальная энергия перетекает вверх, и умственная активность усиливается.

— Проверено эмпирически, — рассмеялся Макс.

Людмила Ивановна потупила глаза и покраснела. Она не умела говорить на подобные темы. Поворот в разговоре вызвал у Макса интерес. У него возникло желание заявить: мои дорогие женщины, вы видите, я — не мальчик?

Стоило упомянуть о сексуальной энергии, как родился вопрос. Чего в нем было больше — мальчишества или провокации, трудно сказать.

— Как вы думаете, откуда пришло слово «секс»? — спросил Макс.

Дуся и глазом не моргнула. Перетасовав карты, она разложила новый пасьянс.

— Sexus в переводе с латыни — «пол», — сказала она. — Однако дословный перевод мало что объясняет.

Людмила Ивановна зарделась, однако участие в разговоре приняла.

— Слова «секс» в русском языке нет.

Погасив папиросу, Дуся подошла к окну. На улице бесновался ветер. Он пригибал верхушки сосен, поднимал осенние листья, закручивал их в вихри и нес на крышу.

— У этого слова есть русские синонимы. Например, «похоть», «страсть», «блуд»...

— Любострастие, — добавила Людмила Ивановна.

— Да-да. Смысл ясен.

Дуся вернулась к столу и подмигнула Макс.

— Давно полюбил эпатаж?

Макс смутился.

— Да ладно, — улыбнулась Дуся. — Мне эти штучки знакомы.

Она подошла к Макс и, пригладив его шевелюру, добавила:

— Эпатаж — признак молодости. Как только начинаются зрелые годы, он проходит.

«Подобными разговорами Дусю не смутить, а вот маму..., — подумал Макс. — Она словно из девятнадцатого века».

Людмила Ивановна сидела за столом и смотрела на свечу. Межбровье перерезала поперечная морщинка, чуть влажные глаза следили за колеблющимся пламенем. Казалось, в капле огня, тянувшейся к потолку, Людмила Ивановна искала ответ на вопрос, поставленный самой себе. Оторвав взгляд от свечи, она сказала:

— Помню статью о славянской азбуке.

— Аз, буки... — отозвался Макс.

— Верно. Однако в статье шла речь о символах.

Людмила Ивановна встала и подошла к запотевшему окну. Нарисовав на стекле две вертикальные черты, она пояснила:

— Правая черта — символ мужчины, левая — женщины.

— Интересно, — признался Макс.

— Еще как.

Заговорив на тему славянских символов, Людмила Ивановна не прятала взгляд, как в предыдущем обсуждении, она светила изнутри. Дуся оставила пасьянс и, улыбаясь, следила за разговором. Ей нравилось настроение подружки.

Изящный палец потянулся к стеклу, и рядом с двумя черточками появилась буква «Л». Макс увидел, как вспыхнули глаза матери. Будто где-то внутри включилась подсветка.

— Видишь? Мужчина и женщина потянулись друг к другу. И соединились. Что это?

Макс промолчал. Он понимал, слово «секс» к черточкам не имеет никакого отношения.

— «Л» — символ любви, — ответила Людмила Ивановна и снова повернулась к окну.

У буквы «Л» появилось основание, и она превратилась в треугольник — Δ.

— А этот знак — символ дома.

— Понимаю, — улыбнулся Макс.

— Мужчина и женщина соединились не только на уровне душ, но и на низшем, бытовом уровне.

Решив внести свою лепту, Дуся подошла к окну и пририсовала к основанию треугольника две боковые черточки. Получилась буква «Д».

— Влюбленная пара построила дом и поставила его на сваи.
— Зачем? — удивился Макс.
— Чтобы защитить от паводков.
— Все верно, — согласилась Людмила Ивановна. — Дом — микромир, любовь — основа жизни.

Она подошла к столу и подняла бокал.

— Предлагаю выпить за любовь. Если человек не любит, он не живет. Речь о любви как фундаменте жизни.

Такой Макс свою мать раньше не видел. Он понял: истина, скрытая в словах матери, была настолько глубока, что к ней можно прикоснуться через собственный опыт. Впоследствии до Макса дошло: в Переделкине мать поняла ошибки в воспитании сына и отпустила веревку, за которую тянула его по жизни. С тех пор Людмила Ивановна не вмешивалась в его жизнь. Она позволяла набивать шишки, переживала за неустрашенную жизнь и терпеливо ждала превращения Макса в мужчину. В того, кто при удачах судьбы может устоять на ногах, кто может взять ответственность за близких и поставить свое плечо.

Трудно сказать, оправдал ли Макс материнские надежды. Ясно одно, на каком-то отрезке жизни он понял: любовь — не секс, а забота. Однако к этой истине Макс пришел позже. В те далекие времена, о которых идет речь, он скакал по поверхности жизни. И в семидесятые годы, и в восьмидесятые, и в девяностые.

Глава 3

В июне 1980 года Максимилиан Маушевский стал кандидатом филологических наук. То, что Макс будет преподавать, не вызывало сомнений. После защиты диссертации ему предложили ставку ассистента, и он согласился.

Решив основные вопросы, Макс переехал в Переделкино и погрузился в ничегонеделание. Он много гулял, читал, подолгу болтал с Дусей и матерью.

— Скажи, почему в жизни много трагедий? — как-то спросила Дуся.

Она сидела на ступеньке крыльца и, попыхивая папиросой, широко улыбалась.

— Не знаю.

Взяв палку, Дуся начертила на земле два круга — один в другом. Разбив внешнее кольцо на сектора, она приступила к рисованию. В одном из секторов появился дом, в другом — пароход, в третьем — балерина, в четвертом — книга... А в центре круга стоял вопрос.

Ткнув палкой в центр, Дуся сказала:

— Здесь расположен смысл человеческой жизни. У одного это — работа, у другого — женщина, у третьего — дети. Список можно продолжить. Наука, развлечения, наслаждения, известность... — словом, каждый выбирает свой смысл жизни.

Палка превратилась в указку, и ее конец побежал по внешнему кругу.

— В секторах спрятаны интересы. Не обращай внимания на рисунки, это — символы. Домик — семья, пароход — отдых, балерина — театр, книга — познание...

Бросив папиросу в консервную банку, Дуся продолжила:

— Представь себе женщину, смысл жизни которой — только дети. Прошло несколько лет, дети выросли, у них появилось желание построить свой дом, заработать, отдохнуть, создать семью. Мать отошла на второй план, и жизнь для нее потеряла смысл. Трагедия? Да. Женщина «полетела с катушек» и намертво встала среди дороги. Что делать, куда идти, кому нужна?

— «Полетела с катушек», — усмехнулся Макс. — Что-то новое. Раньше этого выражения не слышал.

— Здесь прямая ассоциация с машиной. Полетели катушки зажигания, и машину не завести. Стоит, как столб — ни тпру ни ну.

Дуся встала и, отломив с куста ветку, уселась на крыльцо.

— Все бы хорошо, — пробурчала она и стеганула себя по ногам. — Лето, птички поют... Но комары — сволочи — вконец зажрали.

Макс протянул папиросы.

— Создай дымовую завесу.

Прикурив, Дуся вернулась к разговору.

— Теперь допустим, есть женщина и мужчина, и между ними — любовь. Смысл жизни женщины — ее возлюбленный. Пока он рядом, все хорошо. А если уйдет, заведет любовницу или умрет?

— Катастрофа, — сказал Макс.

— Третий пример: смысл жизни — работа. Трудился человек, трудился, и вдруг его уволили. Что произошло, неважно — расформировали отдел, закрыли институт, провоздили на пенсию... Что дальше? Человек не знает, что делать, чем заняться. В результате — уныние, пустота, возможный инфаркт или инсульт.

— Почему? Люди говорят: вот выйду на пенсию, тогда...

— Говорить можно все, а как до дела дойдет... Сам посуди, подобные люди всю жизнь только работали. Ничего другого делать не умеют. Больше того, по большому счету им не интересны ни семья, ни дети, ни книги, ни дача.

Тема была интересной. Дуся создавала образы, а дальше — думай. Максимилиан встал и прошелся перед крыльцом. Он перебирал варианты и тут же отвергал. Стоило поставить в центр тот или иной смысл жизни, как появлялась трагедия. Большая или маленькая, реальная или выдуманная, но, как ни крути, катастрофа.

Макс остановился и впился глазами в рисунок.

«Колесо жизни, — подумал он. — Вот это что».

Дуся молчала. Наконец Макс не выдержал.

— Знаешь ответ? — спросил он.

— Для себя знаю.

— И что бы ты поставила в центр?

— Себя, — усмехнулась Дуся. — Смысл моей жизни — Я.

— Это же — эгоизм в чистом виде.

— Мелко плаваешь, дорогой. Как же тогда «познай себя, и ты познаешь весь мир»?

Макс окончательно запутался. Несмотря на двадцать шесть лет, он рядом с Дусей чувствовал себя ребенком. Не тем, перед которым демонстрируют превосходство, — как, например, отец; а тем ребенком, которого учат.

«Дуся похожа на кошку, — подумал Макс. — Покажет, как надо вылизываться, как ловить мышей, а дальше — сам».

— Человеческие трагедии живут внутри нас, — продолжила Дуся. — Заметь, не снаружи, а в нашем внутреннем мире. И этот разговор — подсказка. Стоит понять, что смысл жизни — ты сам, как все встанет на свои места.

Дуся пошла в дом. Остановившись у порога, добавила:

— С человеком, поставившим в центр своего мира себя, хорошо всем: и его детям, и жене, и работодателю.

— Почему?

— Он — хозяин жизни, значит, берет ответственность за свои поступки. Редкий талант, между прочим.

- А мама... какой смысл жизни у нее?
- Ты, — ответила Дуся. — В этом — ее трагедия.

Глава 4

Профессор Маушевский умер в июле 1980 года, когда в Москве шла летняя Олимпиада. Двадцать пятого июля на даче в Переделкино раздался звонок. К телефону подошла Дуся. Выслушав взволнованный монолог, она задала вопрос:

- Причина смерти?
- По всей вероятности, инфаркт.
- Будем через пару часов.

После этого короткого разговора время для Макса поделилось на две части — до и после звонка.

Впоследствии Макс не раз возвращался к тем дням. Он помнил свое состояние, помнил мысли о смерти, растерянность матери. Где-то на втором плане долгое время мелькали обрывки разговоров: обсуждение похорон, причина смерти, состояние Александра Владимировича в последние месяцы жизни, неприятности на кафедре, партийный выговор...

О смерти Александра Владимировича сообщила его любовница. Не та, что Макс видел в последнюю встречу с отцом, — другая. Как выяснилось, последняя любовница профессора Маушевского жила в его квартире последние полгода. Черноокая красавица училась в аспирантуре и попутно исполняла обязанности домработницы и временной жены. Девушка подолгу шепталась с Дусей и, судя по выражению лица, особенно не страдала. Она поведала, что Александр Владимирович умер во сне, что утром приехала «скорая», затем милиция; что местожительство жены и сына она не знала — поэтому полезла в ежедневник. Там увидела номер телефона и приписку: Людмила Ивановна и Максимилиан Маушевские. Девушка поняла, что это — родственники, вот и позвонила.

Макс слышал, как Дуся спросила:

- Александр Владимирович рассказывал о семье?
- Ничего определенного, — ответила аспирантка. — Говорил, что с женой — в разводе, сын — в Ленинграде. Это верно?
- Нет, — коротко ответила Дуся.

Судорожно сглотнув, девушка продолжила:

— О том, что профессор Маушевский живет один, на кафедре никто не знал. Я не рассказывала, а Александр Владимирович... Ну, вы понимаете... О себе он говорил или хорошо, или никак.

- Да-да, знаю.
- Он — не мужчина моей мечты. Но жизнь есть жизнь. Научный руководитель..., попробуй отказать.
- Эти подробности излишни.

Опуститься до обсуждения нравственности Александра Владимировича Дуся не могла: и воспитание не позволяло, и собеседница не по ранжиру.

Похороны состоялись двадцать восьмого июля. Если бы профессор Маушевский знал, что за его гробом будут идти всего четыре человека, он бы пришел в ярость. Но знать этого Александр Владимирович не мог. И тех, кто стоял в траурном зале крематория, профессор Маушевский не видел. А если бы видел, многое бы понял. Его не провожали ни друзья, ни коллеги, ни партийные боссы. Была, правда, объективная причина: конец июля — время отпусков.

В эти дни Макс находился рядом с матерью. Людмила Ивановна переживала без слез. Первое время она молчала, затем рассматривала фотографии и перебирала документы, наконец заговорила. Людмила Ивановна вспоминала мужа с хорошей стороны. Она приводила примеры, где Александр Владимирович проявлял ум, отзывчивость и благородство. Дуся слушала, не перебивая. Время от времени она кивала и по долгу смотрела на подругу. О чем думала Дуся, Макс не знал. Но то, что жалела мать, у него не вызывало сомнений.

Макс в эти дни размышлял о смерти. Впервые за свою жизнь.

«Как это так? — думал он. — Был человек, и его нет. Говорил, наслаждался, думал, интриговал, заблуждался, строил планы, выяснял отношения... и все — жирная точка. Говорят, бессмертие — в памяти. Так и есть. Где же еще?»

Перебирая фотографии отца, Максимилиан задавал себе множество вопросов. Знал ли он отца? Понимал ли? Почему восторгался в детстве и презирал в юности? Кто изменился — он или отец? А может, изменился угол зрения?

Максимилиан вспоминал совместные разговоры, прогулки, отцовские глаза. Серые, холодные, похожие на зимние озера.

«Говорят, глаза — зеркало души. Какая душа у отца? И что я знаю о ней?»

Наткнувшись на фотографию Александра Владимировича в полный рост, Макс увидел отца как живого. Невысокий, полный, с аккуратной бородкой, холеными руками, простоватым носом...

«Несмотря на недостатки внешности, отец всегда выглядел франтом. Все потому, что понимал: одежда придает респектабельность. И в своих глазах, и в чужих. Дома носил фланелевые брюки и пиджак с атласным воротником. На работу ходил в костюме и светлой рубашке с галстуком. К одежде отец покупал кучу аксессуаров. Кожаный портфель, например, ручку с золотым пером, причудливую закладку... А работа над голосом, походкой, манерами — это отдельная песня. Приятный тембр, витиеватая речь, веер морщинок у глаз. Порой не поймешь, смеялся ли отец или демонстрировал расположение».

Закрыв альбом, Макс улегся на диван, и мысли потекли в другом направлении.

«Кто будет вспоминать отца — студенты? Те, перед которыми профессор Маушевский блистал эрудицией, ради которых надевал дорогой костюм, холил лицо и руки. Вряд ли. Освободившееся место займет другой преподаватель, и лекции пойдут своим чередом. Может, отца вспомнят коллеги? Или соратники по партии? Нет, конечно. А я и мама будем вспоминать всегда. Причина одна — ушел родной человек».

Макс заплакал. Он плакал тяжело, по-мужски — с редкими всхлипами. Соприкоснувшись со смертью, Макс понял, его претензии к отцу глупы и неуместны. Что мог, тот ему дал. А любовь, душевное тепло... — они из арсенала мамы. Их не купишь, как хороший пиджак. И не воспитаешь. Они или есть, или нет.

Вытерев слезы, Макс встал. Он спустился на кухню, заварил чай и вышел из дома. На дорожке увидел стайку воробьев. Они купались в пыли, чистили клювы, громко чирикали. И косились на Макса. Воробьи не задавали вопроса, почему он шмыгает носом, их волновало другое — сделает ли он шаг по направлению к ним или нет. С точки зрения воробьев, подобный шаг — вторжение в их личное пространство. Этого они допустить не могли.

Испуганные взгляды воробьев, их суета отвлекли Макса от мыслей о смерти. Он уселся на крыльцо и задумался. Вспомнились звезды над головой, неспешный разговор с Дусей.

«Каков смысл жизни, таков и результат. И этот смысл — не константа. В детстве центром моего мира был отец. Все, что он говорил, звучало как истина. Если отец де-

лал замечание или не разговаривал, для меня наступала трагедия. Затем произошла переустановка. Ссора с отцом, вслед за ней — учеба как новый смысл жизни. С учебой у меня проблем не было — кроме мехмата, конечно. Но мехмат — не мой путь, он навязан извне. А каков смысл жизни сейчас?»

На этот вопрос Макс не ответил. Он встал и сделал пару шагов. Воробьи вспорхнули и возмущенно зачирикали. Дескать, так мы и знали. Чего этому человеку надо?

Макс подобрал палку и нарисовал два круга — один в одном. Сектора получили свои названия: «мама», «работа», «наука», «Дуся», «книги», «отдых». Сектор «мама» был самым большим. Макс покрутил палкой над центром, но так ничего не написал. Он не знал, что написать.

Второго августа на даче в Переделкино устроили поминки. На девять дней Людмила Ивановна приготовила ужин, Макс купил водку, Дуся испекла пирог. Подняв рюмку, Дуся сказала:

— Помянем Александра Владимировича. Земля ему пухом.

Губы Людмилы Ивановны дрогнули, и по щеке поползла слеза.

— Мам? — встревожился Макс.

— Ничего-ничего, я справлюсь.

Выпили, закусили, и Дуся взяла гитару.

— Сегодня девять дней со смерти Владимира Высоцкого, — сказала она. — Он и Александр Владимирович умерли в один день. И оба на рассвете.

Новость была настолько неожиданной, что Макс опрокинул рюмку. Людмила Ивановна закрыла ладошкой рот.

«Как Лиза, — подумал Макс. — Она тоже прикрывалась ладошкой».

— Не знала, — прошептала Людмила Ивановна.

— И я тоже, — сказал Макс.

— Подробности потом. Сейчас песня в память о Высоцком.

Взглянув на подругу, Дуся спросила:

— Не возражаешь?

— Конечно, нет.

«Балладу о борьбе» Дуся исполнила с таким чувством, что у Макса защемило в газах. Он закурил и подошел к окну.

Ложь и зло — погляди,
Как их лица грубы.
И всегда позади —
Воронье и гробы...

Глава 5

В первый год работы на кафедре Макс вел семинары и замещал куратора, попавшего в больницу. К своим кураторским обязанностям Макс относился добросовестно. Помимо контроля он устраивал для студентов культурные мероприятия — чаще всего автобусные экскурсии по Москве. В одной из таких поездок Максимилиан встретил университетскую знакомую.

В тот непогожий ноябрьский день ветер разбушевался не на шутку. Решив продемонстрировать силу и мощь, он двигал тучи, пригибал деревья к земле, нес по дорогам последние листья. Автобус со студентами остановился у Главного корпуса МГУ, и экскурсовод предложил прогуляться к памятнику Ломоносова.

— Оттуда мы рассмотрим высочайшее здание Европы, увидим часы, барометр, скульптурное оформление фасада, — сказал экскурсовод и, застегнувшись на все пуговицы, выскочил из автобуса.

Студенты поднялись с насиженных мест и неохотно потянулись вслед. Макс шел последним. Поглядывая по сторонам, он предавался ностальгии. Для него это были родные места. Университетский сквер, памятник, дорожки, посыпанные красным кирпичом. Сбоку — физфак и химфак, за спиной — Главный корпус. Смотрит свысока и думает: «Осень всегда кончается неожиданно. А у студентов ничего не приготовлено. Что за беспечность? Хотя чему удивляться — молодость всегда беспечна».

У памятника стояли иностранцы. Они ежились от холода и обменивались короткими репликами. Макс прислушался.

«Похоже, поляки», — подумал он.

От группы отошла девушка и, приветливо улыбнувшись, направилась к Максиму. Девушка была удивительно хороша. Высокая, статная, чернобровая, она походила на царицу Тамару из поэмы Шота Руставели.

И краса ее сияла,
Безмятежна и невинна.
Словно звезды в ясном небе...

— Здравствуй, Максимилиан.

Девушка протянула руку, и Макс узнал Карину.

— Какая встреча! — воскликнул он.

Студенты с интересом поглядывали на красивую пару. Стройные, модно одетые, они казались образцом молодежного стиля. Карина достала блокнот и, записав номер своего телефона, протянула Максимилиану.

— Если будет желание, звони.

Макс был очарован. Мистика. Главный корпус, университетский сквер, встреча с юностью. Макс продиктовал свой номер телефона, и девушка побежала к автобусу. Остановившись на полпути, она крикнула:

— Теперь не потеряемся.

Ветер играл ее темными волосами, и они извивались, как сотня змей.

«Фея, подхваченная ветром», — подумал Макс.

Карина позвонила первой. Она задала множество вопросов и предложила встретиться. Макс с радостью согласился. Ему казалось, новая встреча не случайна. Впервые он увидел Карину перед вступительными экзаменами — в столовой зоны Б. Макс помнил свое тогдашнее состояние. В его душе в тот день ничего не дрогнуло — красивая девушка, но таких много. Вторая встреча была у входа в Главный корпус. Прождав Лизу после первого экзамена, Макс пошел домой, как говорится, несолоно хлебавши. Встретив Карину, он почувствовал, как на ее красоту откликнулось тело — до боли в паху. Карина предложила погулять, однако он отказался. «До следующей встречи», — сказала Карина. И вот эта встреча состоялась. Спустя девять лет.

После телефонного разговора Макс долго не мог уснуть. Он вспоминал Лизу, мехмат, посиделки в общежитии. В той жизни Карины не было. Тем не менее Макс и Карина могли бы встретиться. Учась на кафедре зарубежной географии, Карина ездила в тех же лифтах, ходила в те же буфеты, раздевалась в том же гардеробе, что и Макс. Однако не пересеклись. Теперь судьба их свела. Но для чего?

Во сне Макс ворочался, вздыхал, трогал лицо. Казалось, он куда-то шел. Тишина, полутьма, шуршащий песок под ногами. И крестики, крестики, крестики... Макс вы-

тянул руки. Пальцы коснулись сетки, сплетенной из тонких нитей. Чтобы пройти, пришлось ее рвать. Затем сетка исчезла. Но нити... Их обрывки летали повсюду. Они садились на лицо, прилипали к одежде, ложились на песок. Наконец и нити пропали. Вместе с ними пропал и песок. Под ногами — трава, над головой — ясное небо, в сотне шагов — отвесная скала. Из-за горы выглянуло солнце, и небо окрасилось в оранжево-голубые тона. И тут появилась птица. Она приблизилась к Максиму и зависла над головой. Короткий клюв, широкие крылья, похожие на бархат перья. Макс увидел птичьи глаза. Они походили на пришитые пуговицы.

— Пш! — крикнул Макс. — Пошла отсюда.

Крикнув что-то в ответ, птица поднялась и села на вершину скалы. Она опустила крылья и... превратилась в старуху. Седые волосы развевались на ветру, юбка трепыхалась, как флаг, глаза блестели на солнце.

— Каждый человек, встреченный на пути, что-то значит. Запомни это, — крикнула старуха.

Эхо подхватило слова старухи, и они понеслись по долине.

— Помни. Это-это-то...

Раздался пронзительный крик, и Макс проснулся. Первое, что он увидел перед собой, — вышивка матери. Небо, скала, птицы с глазами-бисеринками. Ровные крестики покрывали полотно и походили на сетку. Максимилиан поежился.

«Странный сон. И те же слова, что я услышал на платформе вокзала...»

Роман Максима и Карины развивался стремительно. Увидевшись после телефонного разговора, они отправились в кафе-мороженое, сходили в кино, потом встречались у Максима. К прогулкам ноябрь не располагал, а в Дусиной квартире было тепло и уютно.

Карина не торопила события. Она старалась произвести впечатление и, слушая Максима, во всем соглашалась. Иногда Карина оставалась на ночь. Девушка звонила родителям, и Макс слышал очередную историю. Дескать, переночую у подружки, поехала на дачу к знакомым, отправилась в Суздаль с делегацией венгров.

— Остановлюсь в гостинице, — щебетала Карина. — Да-да, завтра приеду.

Карина врала с большим мастерством. Без дрожи в голосе, с бытовыми подробностями. О себе Максиму рассказывала немного — самое главное.

— По распределению попала в секретариат Совета экономической взаимопомощи. Обещают повышение, пока работаю с документами. Работа скучная, но у нее есть свои плюсы, — улыбалась Карина. — Иногда сопровождаю делегации из братских соцстран.

Макс узнал, что отец Карины работает в НИИ инженером, мать — врач-стоматолог, сестра учится в школе. Квартира, где живет Карина, в центре, но небольшая. Сестры занимают одну комнату, мать и отец — другую. В конце четвертого курса Карина вступила в партию, так что, в отличие от Максима, была партийной.

— Сначала я работала в комитете комсомола, — говорила Карина. — Затем мне предложили вступить в КПСС. Сам понимаешь, в таком вопросе не откажешь.

— Да-да.

— Давно поняла, или плывешь по течению, или против.

Макс прижимал Карину и шептал:

— Ты — умница.

Карина вздыхала.

— У женщины — подчиненное положение. Хочется защиты, а ее трудно найти.

Рядом с Кариной Макс чувствовал себя сильным и уверенным в себе. Его слушают, с ним советуются, от него ждут защиты.

«Почему бы не жениться? — думал Макс. — Мне двадцать шесть лет, пора завести семью. К тому же Карина умна, красива, женственна. Переедем в квартиру на Ломоносовском и будем жить в любви и согласии».

Неожиданно для себя Макс понял: он хочет семью и детей, хочет, чтобы рядом жила молодая, добрая, чуткая женщина. Словом, в одной точке сошлись желания, представления и иллюзии. В жизни Макса появился смысл, и имя ему — «семья». Новый смысл заполнил пустоту, и после Нового года Макс сделал Карине предложение. Та ответила согласием.

В период зимних студенческих каникул Макс и Карина поженились. Свадьбу справили в ресторане гостиницы «Советская». Со стороны жениха присутствовали Людмила Ивановна, Дуся и пара коллег с кафедры; со стороны невесты — квартет подруг, мать, отец, сестра и около десятка ближайших родственников. На следующий день Макс и Карина уехали в дом отдыха «Тучково». Путевку подарила Дуся, и, приехав в пансионат, молодожены оказались в номере-люксе. Макс взял с собой гитару и по вечерам пел жене любимые песни.

...Песнею теплою стужу развею я,
Чтобы оттаяли искорки глаз.
И расскажу тебе, если сумею я,
Как я люблю тебя, тысячу раз.

Вернувшись из дома отдыха, молодожены переехали в квартиру Маушевских, и начались зимние будни. Карина оказалась избалованной особой. Она приходила с работы, ложилась на диван и начинала жаловаться.

— Погода — ужасная. Пока шла до дома, промерзла. В магазине — толпы людей. Если бы встала в очередь, увязла бы.

— Обойдемся, — отвечал Макс. — Я по дороге купил яиц. Можно сделать омлет.

— Максик, милый, сделай, а? Я полежу. Такая слабость... Не знаю, что со мной — то ли подхватила инфекцию, то ли зимний авитаминоз.

— Лежи-лежи.

Макс шел на кухню.

«Погода действительно дрянь, — готова омлет, думал он. — Сырость, ветер...»

За ужином продолжалась старая песня.

— Секретариат — гиблое место, — говорила Карина. — Бумаги, звонки, беготня...
Надо оттуда валить.

— Куда?

— В структуре СЭВ — масса вариантов. Было бы кому подтолкнуть.

Карина оживала и начинала перечислять:

— Можно устроиться в Интерспутник... Поговори с Дусей. Сам говорил, у нее связи. Одному скажет, другому...

Максимилиан вздыхал. Он вспоминал отца — тот бы сразу нашел выход.

— Поговорю.

Макс мыл посуду и думал:

«Конечно, секретариат — не место для Карины. У нее — хорошее образование, здоровые амбиции...»

— Лучше, конечно, в МИБ, — глядя на спину мужа, говорила Карина.

— Куда-куда?

— В Международный инвестиционный банк.

— Но у тебя нет соответствующего образования.

— Не смехи. В подобных структурах работают не только банкиры.

Выпив чай, Карина удалялась в комнату Людмилы Ивановны. Теперь здесь находилась спальня молодых. Ее украшением была огромная кровать — подарок Карининых родителей. Рядом стояло трюмо. На нем — флаконы с духами, баночки с кремом, стеклянные статуэтки.

В марте Карина забеременела, и для Макса настали тяжелые времена. Он крутился, как мог. Через Дусю доставал дефицитные продукты, готовил, стирал, убирал.

— Хочу лимон, огурец, селедку... — то и дело просила Карина. — Поддай, вымой, пойдем погуляем...

Иногда Макс не выдерживал. Под тем или иным предлогом он уезжал в Переделкино, и в квартиру Маушевских приезжала теща.

Александра Васильевна — мать Карины — была женщиной хмурой и неприветливой. Она была стоматологом, и порой Максусу казалось, что, нагледевшись во рты пациентов, теща составила определенное представление о мире: и в нем преобладали гниль, нервы и дыры. По этой причине ни Дуся, ни Людмила Ивановна с Александрой Васильевной не общались — впрочем, как и с Виктором Степановичем — отцом Карины. Тот соответствовал жене.

— Ему бы в прокуратуру пойти, — говорила Дуся. — Большой любитель выносить приговоры.

Людмила Ивановна не отвечала, она не любила осуждать людей. Однако от родителей Карины держалась подальше.

Надо сказать, в семейную жизнь Макса Людмила Ивановна и Дуся не лезли. Спросят, нужно ли чем помочь, и переключают разговор. Макса это устраивало и, приезжая в Переделкино, он отдыхал телом и душой.

Однажды, засидевшись до трех ночи, Макс услышал от Дуси:

— Трудности делают нас сильнее.

— Выходит, самые сильные — те, кто в трудностях по самые уши, — усмехнулся Макс.

— Копай глубже, — сказала Дуся.

— Не получается, — честно признался Макс.

— Сильных людей трудности делают сильнее, слабых разрушают. По-моему, нормальный естественный отбор.

Взглянув на небо, Дуся добавила:

— И вообще... всему свой черед, а трудности не навеки.

— Помнишь сказку? Отправился герой в путь, а по дороге встретил и волка, и Бабу Ягу, и Змея Горыныча.

— Верно, — улыбнулась Дуся. — Весь фокус в том, как он себя поведет. Если испугается — один результат; если нет — другой.

После рождения дочери Карину будто подменили. Казалось, она разучилась нормально общаться. В речи преобладали приказы и повелительное наклонение. Какая там царица Тамара? Теперь рядом с Максом жила старуха из сказки «О золотой рыбке». Конечно, Карина была молода, но эти нотки, этот взгляд...

Вечно поджатые губы лишили ее привлекательности, и Максусу казалось, что жена вот-вот скажет: «Дурачина ты, простофиля...» Однако она сдерживала себя и меру давления на мужа соблюдала.

Макс старался. Он стирал пеленки, гладил подгузники, бегал на молочную кухню, варил каши, пылесосил, стоял в очередях, вставал по первому крику дочери, укачивал ее на руках. Вика просыпалась каждый час. В результате Макс так вымотался, что еле стоял на ногах. Чтобы заработать, он брал переводы и корпел над ними в поте

лица. Карина ничего не замечала. Она требовала денег, сетовала на то, что муж не может обеспечить семью, плакала, утверждала, что попала в рабство.

Чтобы порадовать жену, Макс обратился к Дусе. Он попросил устроить Карину в МИБ. Чего Дусе стоили подобные хлопоты, никто не знает, однако результат был налицо. Карина получила приглашение и, оставив ребенка на мать, вышла на работу. Взяв отпуск за свой счет, Александра Васильевна нянчилась три недели, затем отдала Вику отцу. Тот отвез дочь в Переделкино и взялся за оформление ребенка в ясли. Дуся и Людмила Ивановна сидели с Викторией по очереди. Они прижимали девочку к груди, что-то шептали ей на ушко, и Вика спокойно засыпала. Макс только диву давался.

- Как вам удается ее уложить? — спросил он мать.
- Ребенку необходимы тепло и защита.
- Я тоже прижимаю Вику к груди, но она продолжает орать.
- Нужно прижимать с любовью.

В одиннадцать месяцев Вика пошла в ясли. Макс будил дочь, одевал, отвозил, забирал, кормил, укладывал спать. И так изо дня в день. Карина тем временем строила карьеру. С ее точки зрения, все шло по плану — муж под каблуком, Вика пристроена, зарплата перечисляется на сберкнижку. Поди, плохо?! Интересная работа, поездки в соцстраны, внимание мужчин. Карина расцвела и, зная о своей красоте, осторожно поглядывала по сторонам. Она искала мужу замену.

Как только появился достойный человек, Карина перешла в наступление. Она обрушилась на мужа, как тропический ураган. На Макса посыпались попреки, оскорбления, угрозы.

— Какой ты мужик? Ни жену приласкать, ни шубу купить. Зарплата — сто пятьдесят рублей, в тридцать лет — старший преподаватель. Ни здоровых амбиций, ни предприимчивости. Тебе бы только книжки читать... Интересно, ты меня замечаешь? Другие в ногах валяются, замуж зовут... Надеюсь, они — не импотенты.

Услышав последнее слово, Макса прорвало. Долгое время он копил напряжение, рокотал, булькал, а тут раз, и взорвался.

— Да как ты смеешь! Я — импотент?! На себя посмотри. Какой я дурак! Варил, убирал, сидел с ребенком... А жена искала мужиков... Шубы ей, видите ли, не хватает... Может, и любовника завела?!

- Завела.
- Шлюха!!!

И понеслось. За два месяца Макс и Карина высказали друг другу все, что лежало на сердце — и даже больше. Вика плакала и жалась к матери.

«Вот как бывает, — думал Макс. — Четыре года ходила хвостом, а стоило повыситься голос, перебежала к матери».

Любовь к жене у Макса исчезла давно. Да и была ли она? Однако дочь Макс любил. Он помнил радость после рождения девочки, трепет от мысли: мое творение, мое чудо. Помнил чмокание, запах детских волос, первое слово «папа». И вот дожил...

Макс боролся за любовь к дочери, однако она уходила в песок. Вместо лесного озера появилось болото, затем болотные кочки, а дальше... все заросло лесом. У мужчин так бывает. Был шарик и лопнул. Увы.

Вику винить было трудно. Девочку тянуло к матери. Карина улыбалась, прижимала дочку к себе, целовала, покупала игрушки... А отец был растерян, к тому же пьян. Не всегда, конечно, но очень часто. С седыми висками, плохо выбритый, с потухшим взглядом, Макс глядел Вике в глаза, и девочке становилось страшно.

«Все-таки лучше с мамой, — думала она. — Или с бабушкой Сашей».

Карина подключила знакомых, устроила дочь на пятидневку, и пика конфликта отца и матери Вика не увидела. И слава богу! В выходные дни девочка оставалась у бабушки Саши, в понедельник ее отвозили в детский сад.

Макс опускался на дно. Он пребывал в пьяном дурмане и рвал себе душу.

«Надо было так влипнуть. Встретил змею. У нее все исподтишка, с улыбкой на губах... Холит себя, поливает духами, а сама — в грязной коросте. Сколько в ней грязи. Невидимой, потаенной...»

Ощущение, что в доме полно грязи, не давало Максиму покоя. Ему казалось, грязь лежит в кухне, прихожей, комнатах, на одежде, подоконнике, мебели... Микробы, бактерии, клещи... Того и гляди, вопьются в кожу. Единственное место, где не было грязи, — кресло матери. На нем Карина не сидела. Перетащив кресло в свою комнату, Макс поставил его у окна и большую часть времени проводил в нем. Он смотрел на зимнее небо, и его мысли походили на битум — вязкие, черные, аморфные.

«Серые облака... Плывут... Меняются... Сливаются друг с другом... Зачем?»

Оторвавшись от окна, Макс менялся в лице. Ему чудилась, что кругом копошатся невидимые существа: на ручках дверей, оконных стеклах, тарелках, кастрюлях, даже в детской кроватке. Мерзость какая. Макс хватался за тряпку и начинал уборку. Он протирал пыль, мыл полы, дезинфицировал посуду. Потом отправлялся в ванную и тер руки мочалкой. До красноты, до истончения кожи, до первых трещин.

В Переделкине наступили тревожные дни. Макс не звонил, на работе его не было, домашний телефон не отвечал. Взяв запасные ключи, Дуся и Людмила Ивановна отправились в Москву. Войдя в квартиру, они насторожились. В коридоре лежали листы белой бумаги, в ванной лилась вода.

— Войти или нет? — спросила Дуся. — Вдруг...

Людмила Ивановна вздрогнула и резким движением руки открыла ванную комнату. Макс стоял у умывальника и тер руки.

— Дорогой, что случилось? — спросила Людмила Ивановна.

Макс не ответил. Он намылил мочалку и продолжил свое занятие.

— Зачем разложил белые листы?

— Кругом грязь.

Макс повернулся к матери, и та увидела его глаза. В них затаилась ночь. Ни одной звездочки, ни единого луча света — сплошная тьма. Но и тьма имеет оттенки. Та, что поселилась в душе Макса, была не агрессивна — скорее, растерянна и печальна.

Обняв сына, Людмила Ивановна сказала:

— Едем в Переделкино. Там у нас чисто.

— Да-да. Ты права.

В Переделкине Макс быстро пришел в себя. Оно и понятно. С этим местом у Макса были связаны самые светлые воспоминания, так что грязи там быть не могло. Макс успокоился и спустя некоторое время забыл о фобии. Однако оставались прогулы на работе. Макс не был в институте три недели. Мало того, не сообщил причину своего отсутствия.

Решение этого вопроса взяла на себя Дуся. Приехав в институт, она положила на стол заведующей кафедрой заявление Макса с просьбой уволить его по собственному желанию. К заявлению прилагалась справка о тяжелой форме вегетососудистой дистонии. Заведующая кафедрой покачала головой. Дескать, молодой, перспективный преподаватель, надо же, проблемы со здоровьем. Немного подумав, она предложи-

ла другой вариант: на основании справки взять долгосрочный отпуск за свой счет. Вопрос был улажен, и мало-помалу Макс успокоился.

Карина звонила в Переделкино чуть ли не каждый день, но неизменно попадала на Дусю.

— Я требую развода и размена квартиры, — кричала она.

Большую часть времени Макс проводил в гостиной, поэтому слышал и голос жены, летящий из телефонной трубки, и Дусины ответы.

— Скажите, милочка, — мурлыкала Дуся. — Какие женщины склонны к измене — брюнетки или блондинки?

— Что за вопрос?

— Ничего личного. Просто интересуюсь.

— Вы — такая же сумасшедшая, как Макс.

— Сильное утверждение. Но я — не в претензии. Знаете почему? Каждый видит мир по-своему.

Вздохнув, Дуся добавляла:

— Я, милочка, не сумасшедшая; я — комсомолка с веслом. Вы можете меня пощупать в метро.

— Что-о-о?

— Да-да, мимо меня трудно пройти, — продолжала Дуся. — Я — в медных трусах.

Трубка хрипела и переходила в режим коротких гудков.

В другой раз, выслушав Карину, Дуся спросила:

— Вы читали сказку «Царевна-лягушка»?

Максу послышалось, что трубка ответила «...твою мать!».

Дуся и ухом не повела.

— Эту сказку любила Раневская. Слышали о ней? Верно, актриса. Перечитав как-то раз, она сказала: «Когда мужчина женится на лягушке, а вместо нее получает царевну, это сказка; когда наоборот — это быль». Забавно. Вы не находите?

Ответ был таков, что трубка раскалилась. Дуся внимательно выслушала и сказала:

— В силу разных причин я не могу ответить подобным образом, но признаюсь, хотелось бы. Всего доброго, дорогая.

Бомбардировка звонками продолжалась. Наконец Карина попала на Людмилу Ивановну. Та выслушала невестку и сказала:

— Макс сейчас нездоров, однако решение принял. Чуть позже он приедет в Москву, и вы разведетесь. Что касается размена квартиры, ищите вариант.

Дуся влетела в гостиную и, услышав последнюю фразу, покрылась красными пятнами.

— Ты в своем уме? — спросила она. — Карина найдет такой размен, что...

— Ничего страшного, — перебила Людмила Ивановна. — Все, что она оставит себе, впоследствии пойдет Вике.

— Ты — блаженная, — только и сказала Дуся.

Макс оторвался от книги и заметил:

— Мама права. За глупость надо платить.

— Но не такую же цену!?

Через два месяца Макс развелся и вскоре переехал в Беляево — один из спальных районов Москвы. В результате размена он получил однушку, а Карина с дочерью — двухкомнатную квартиру на Ленинском проспекте. Районы, конечно, неравнозначные,

но, по меткому выражению Людмилы Ивановны, лучше потерять квартиру и деньги, чем время и энергию.

Глава 6

Повинуясь ветрам жизни, летели годы, вместе с ними летели события. Они подходили на осенние листья. Желтели, краснели, падали и замирали в ожидании перемен. Ветер шевелил увядшие листья, поднимал их над землей и закручивал в разноцветные вихри. А дальше наступала зима. Белый саван опускался на землю, и все, что представляло значимость, погружалось в сон.

«Движение и есть жизнь, — размышлял Макс. — Одно меняет другое, и так всегда».

Макс сознавал, осень неизбежна. Человек словно лист. Стоит потерять связь с деревом, как он попадает под влияние ветра. Тот подхватит и понесет. Может, в небеса, может, смешает с грязью.

Подобные мысли приходили чаще и чаще. Они напоминали карканье вороны. Чтобы отвлечься, Макс брал гитару и пел.

— Чем же все это окончится? — Будет апрель.
— Будет апрель, вы уверены? — Да, я уверен.
Я уже слышал, и слух этот мною проверен,
Будто бы в роще сегодня звенела свирель.

Свирель в душе Макса не звенела, однако песня будила оптимизм. Макс пел о том, что надо «шить сарафаны и легкие платья из ситца», что кабала вьюги недолговечна, что весна возможна и в зрелом возрасте.

Месяц — серебряный шар со свечою внутри,
И карнавальные маски — по кругу, по кругу.
Вальс начинается. Дайте ж, сударыня, руку,
И... раз-два-три, раз-два-три, раз-два-три, раз-два-три...

Макс хорошо представлял эту картину. Новогодняя елка, свечи, фужеры с шампанским, вальсирующие пары. Среди них — он и таинственная незнакомка. На лицах — карнавальные маски, в глазах отражаются елочные огоньки. Никто не спешит открывать лицо. Всему свое время. Пусть будет тайна, пусть пламя свечей отбрасывает причудливые тени, а пузырьки шампанского, сверкая в новогодней иллюминации, поднимаются вверх и лопаются, не оставляя следа. Если всего этого Макс не заслужил, пусть будет только незнакомка. Пусть, пусть, пусть!!!

Что удивительно, судьба услышала Макса. Но гораздо позже. Правильно говорят: сначала пострадай, разгреби завалы в душе, потом получишь подарок.

Пытаясь осознать прошедшие годы, Макс философствовал. Он исходил из того, что мир человека — одновременно и целое, и часть. Будучи уникальным существом, человек входит в общую матрицу и является частью человечества. Значит, несет ответственность не только за себя, но и за целое. Допустим, в силу каких-то причин большинство людей стали добрее. Результат налицо — вектор добра пойдет в рост.

«А если добрее стану один только я? — спрашивал себя Макс. — Что тогда? Ответ очевиден, вектор все равно вырастет. Выходит, каждый влияет на целое».

Открытие Макса ошеломило. Хотя что за открытие? Издавна известно: хочешь изменить мир, начни с себя. Серьезные мысли. Просто так они не приходят.

В восьмидесятые и девяностые годы страну лихорадило. В 1982 году умер Брежнев, и СССР возглавил Андропов. Бывший руководитель КГБ развернул кампанию по борьбе с коррупцией и укреплению дисциплины на рабочих местах. На улицах, в магазинах и поликлиниках появились люди в штатском, требовавшие отчета: где работаете, почему днем не на рабочем месте? Объяснять, что ты — представитель творческой интеллигенции, что твой рабочий день не нормирован, было бесполезно, поэтому приходилось идти на компромисс. Он заключался в том, что Макс или сидел дома, или подолгу засиживался в институте.

Середина восьмидесятых были передышкой. После смерти Андропова у руля государства встал Черненко. Что это за руководитель, никто не понял — через год Черненко умер, и у кормила власти встал Горбачев. И понеслось. Ускорение, гласность, перестройка, вслед за ними — падение цен на нефть. Советская экономика дрогнула и поплыла не к другому берегу. Однако Горбачев не унывал. Он говорил красивые слова и обещал, обещал, обещал. Сначала народ слушал — больно хорошо Горбачев говорил. Потом что-то сломалось. Такое бывает. И в государстве, и в семье. Сначала любовь, затем ссоры, взаимные претензии..., а там и до ненависти недалеко.

Однако у всего есть два конца. Так что и горбачевская перестройка имела плюс — началось всеобщее оживление. В конце восьмидесятых народ проснулся, принялся и начал действовать. Кто во что горазд. Одни принялись читать ранее запрещенные романы, другие намертво уселись у телевизора, третьи пошли торговать, четвертые схватились за словари. Дескать, граница открыта — можно свалить за рубеж, посмотреть мир, получить образование в Европе.

«Главное — начать», — говорил Горбачев.

«И углубить», — добавлял народ.

И углубили. Все разом.

Дусе Горбачев не нравился.

— Что за мужик? — возмущалась она. — Не пьет, не курит, много говорит...

— Ничего плохого, — отвечала Людмила Ивановна. — Время такое — хочешь не хочешь, а надо объяснять.

В отличие от Дуси, Людмила Ивановна к Горбачеву питала симпатию.

— Относительно молодой, интеллигентный, — говорила она. — Ввел свободу слова, начал антиалкогольную кампанию.

— Глупости, — заявляла Дуся. — Чисто популистские меры.

Людмила Ивановна не спорила, она всегда старалась держаться в тени.

— Как думаешь — Горбачев прав? — спрашивала Людмила Ивановна у сына.

Макс пожимал плечами. Прав Горбачев или нет, ему наплевать. Он не интересовался политикой.

— Все-таки Горбачев — молодец, — продолжала Людмила Ивановна. — В перестройку вышли «Дети Арбата», «Белые одежды», «Исчезновение»...

— Здесь не поспоришь, — неохотно соглашалась Дуся.

Она включала телевизор и надевала очки. Начинались телепередачи, которые смотрела вся страна: «Взгляд», «До и после полуночи», «600 секунд»...

— А реабилитация творческой интеллигенции — разве не достижение? — усаживаясь у телевизора, добавляла Людмила Ивановна. — Набокова, например, Гумилева...

— Мила, уймись, — шикала Дуся. — Дай послушать.

События следовали одно за другим, и, забыв об аполитичности, Максимилиан стал следить за новостями. Всеобщее оживление коснулось и его. Макс углубился в науку и решил приступить к докторской диссертации.

— Что за тему ты выбрал? — узнав о намерениях сына, спросила Людмила Ивановна.

— «Теоретические проблемы социальной лингвистики», — ответил Макс.

— Отлично, — улыбнулась Дуся. — Если есть интерес, значит, появился вкус к жизни.

Дуся была права. Спустя год после развода Макс начал слышать звуки природы, ощущать дуновение ветра, наслаждаться рассветом, радоваться, петь, улыбаться а в один из весенних дней вернулся к дневнику.

«Теперь никто не подсмотрит, — думал Макс. — Отец умер, жена переехала в другую квартиру».

Матери Макс доверял и, зная ее порядочность, не допускал мысли, что Людмила Ивановна прочтет его дневник.

«Вот я — совсем другой. В свое время не удержался — сунул нос в материнскую тетрадь».

Максимилиан вздохнул — что говорить, собственные недостатки не вызывают радости — и, открыв тетрадь в черном колленкоре, в очередной раз прочел стихотворение матери. Заключительное четверостишие пробудило память, и Макс увидел Лизу. Она стояла на берегу Волги, ветер играл ее волосами, пел песни, трепал подол разноцветного сарафана. Почувствовав взгляд, Лиза обернулась. Рыжие веснушки вспыхнули, и на щеках засияли десятки микроскопических солнц. Они улыбались, подмигивали, дарили свет. Лиза что-то прошептала, и, подойдя ближе, Макс услышал:

Я — далекая хворь,
Не уйду из тебя, не пройду я...

Глава 7

Макс опять захандрил. Страну лихорадило, на кафедре шла подковерная борьба, тема диссертации не вызывала прежнего интереса. Макс видел общую растерянность, казалось, на всех и вся опустилась вселенская печаль. Люди устали от потока слов, дефицита, очередей; устали от борьбы за выживание. Катастрофы сыпались одна за другой. Начало положила авария на Чернобыльской АЭС. О ней объявили двадцать восьмого апреля 1986 года.

Зеленая дымка окутала леса, теплый ветерок целовал первоцветы. Макс сидел на крыльце и слушал щебетанье птиц.

— Доигрались, — крикнула Дуся.

— Что случилось? — с тревогой спросила Людмила Ивановна.

— Взрыв энергоблока в Чернобыле.

Максимилиан вскочил и ринулся в гостиную. Передавали сообщение ТАСС:

«На Чернобыльской атомной электростанции произошел несчастный случай. Один из реакторов получил повреждение. Принимаются меры с целью устранения последствий инцидента. Пострадавшим оказана необходимая помощь».

— Теперь будем хлебать по полной программе, — прошептала Дуся.

Мир охватил страх. Вместе с радиоактивными облаками летела смерть. Она щерилась в беззубой улыбке и собирала богатый урожай.

Правильно говорят: пришла беда — отворяй ворота. Спустя четыре месяца после чернобыльской аварии под Новороссийском затонул теплоход «Адмирал Нахимов», вместе с ним погибли четыреста человек. Через два года мощное землетрясение разрушило город Спитак, и смерть унесла двадцать пять тысяч человеческих жизней.

Народ охнул. Казалось, Всевышний устал от своей безусловной любви. Миллионы людей, жвав головы в плечи, упали на колени и возопили:

«Прости, Господи! По глупости набедокурили — не со зла. Спаси и сохрани!»

Замолчали жалобщики, в душе большинства затаился страх, личные проблемы отошли на второй план, введение талонов на продукты перестало казаться чем-то ужасным.

События бежали одно за другим, и просмотр новостей превратился в национальную привычку. Антиалкогольная кампания, резня армян и азербайджанцев в Нагорном Карабахе, перепись населения, вывод советских войск из Афганистана, гибель подводной лодки «Комсомолец», грузино-абхазский конфликт, провозглашение суверенитетов прибалтийских республик, съезды народных депутатов...

Народ понял, на государство нечего пенять, и начал выживать самостоятельно. Реплика Лёлика из кинофильма «Бриллиантовая рука»: «Чтоб ты жил на одну зарплату!» — превратилась в зловещий посыл, и все, кому не лень, бросились искать подработку.

Дуся и Людмила Ивановна переводили, писали статьи, литературоведческие обзоры. Макс помогал, как мог. Через свои каналы Дуся доставала продукты, и синий «москвич» возвращался домой с заполненным багажником. Таким образом благодаря совместным усилиям денежные и продовольственные проблемы конца восьмидесятых практически не коснулись маленькой семьи, жившей на небольшой даче в писательском поселке.

Большую часть времени Макс проводил в Переделкине и ездил в Беляево только ради свиданий. У него появилась женщина, однако ни любви, ни интереса к ней не было. Женщина, и все. Стареющая, грустная, одинокая. Она преподавала в Институте иностранных языков и давно поняла: с Максом каши не сварить. Тем не менее она дарила ему ласки и пыталась ухватить толику счастья — пусть иллюзорного.

Расставшись с любовницей, Макс напевал:

Просто встретились два одиночества,
Развели у дороги костер,
А костру разгораться не хочется,
Вот и весь, вот и весь разговор.

Дуся таких песен не пела. В годы перестройки она была деловита и энергична. Время от времени Дуся исчезала на пару дней, а вернувшись, неизменно подмигивала Макс. Дескать, не взыщи — и на старуху бывает проруха. Макс отводил глаза. Как себя вести в подобных случаях, он не знал.

«Конечно, Дусю можно понять, — думал Макс. — Но в пятьдесят пять лет?! У мамы, например, и мыслей таких нет. Живет как монашка. Со всеми приветлива, доброжелательна, держит дистанцию».

Макс восхищался матерью. В его представлении, мать была идеалом женщины. Жаль, что вероятность встретить такой идеал ничтожно мала.

Людмила Ивановна, казалось, никогда не скучала. Она без труда находила занятия и не боялась одиночества.

— Мила самодостаточна, — как-то сказала Дуся. — Она из тех, кто отдает. И, как ни странно, богаче многих.

— Не понял, — ответил Макс.

— Что тут понимать? Чем больше отдаешь, тем больше получаешь. Закон жизни.

— Глядя на бизнесменов, я бы так не сказал.

— Нашел на кого глядеть. Несчастные люди.

Макс рассмеялся.

— Ну, ты даешь.

— Сам посуди, смысл жизни — обладать чем угодно. Деньгами, домами, женщинами... Какой вывод?

— Не знаю.

— У них господствует психология дефицита. Разве не так? Те же, кто отдает, имеют психологию избытка. Они дарят любовь, тепло, покой... — словом, то, что за деньги не купишь. Твоя мать — из последней категории.

— А ты?

— Со мной сложнее. Я нахожусь в промежутке.

Улыбнувшись, Дуся добавила:

— Знаешь почему? Потому, что во мне мало благодати.

Макс чувствовал интерес. К теме, Дусиному самоанализу, к связи поступков и жизненных установок. Все-таки не случайно его тянуло к психологии.

Дуся покопалась в сумке и достала потрепанную брошюру.

— Прочти. Думаю, тебе понравится.

Уединившись в комнате, Макс приступил к чтению. Мысли, разбросанные по книге, были любопытны. Они подстегнули воображение, и перед глазами Макса появилась необычная картина.

Пять белых коней неслись через леса, луга, реки, деревни... Вот кто-то крикнул им вслед, кто-то ругнулся, заплакал, запел. Кони косят глазом, хрипят и, закусив удила, несутся дальше. Их ноздри дрожат, на губах пена. Остановить бы коней, напоить. Не удастся. Коней будто бес толкает в бока. Все, что вокруг, мимо, мимо... Куда они несутся, зачем? Нет ответа. На облучке сидят два человека — старый и молодой. Старик дремлет, вожжи — в руках мальчишки. У него — озорное лицо и лукавые глаза. Мальчишка стоит, свищет, подгоняет коней. Колесницу трясет на ухабах, она подпрыгивает, наклоняется набок. В колеснице кто-то сидит. Мужчина или женщина, трудно понять. Тело утонуло в подушках, ноги закрыты попоной. Похоже, седок спит. Да так крепко, что ни быстрая езда, ни колдобины его не разбудят. Жив ли седок? Сонный вздох, трепет ресниц... Жив, слава богу. Но почему не глядит на дорогу? Почему правит мальчик? Вопросы есть, ответов нет. Мимо, мимо, мимо...

Картинка осталась в памяти, вслед за ней в дневнике появилась запись.

30 июля 1990 г.

Все чаще возникает желание погрузиться в свои потаенные мысли и изучать психологию. Появился общий образ человека. Картинка завораживает. Чувства человека — кони, ум — мальчишка, разум — возница, душа — седок.

Как у большинства людей, моя душа спала. Накрылась мехами, прислонилась к подушке и забыла обо всем. И разум спал. А ум выбирал дорогу. Куда хотел, туда и вез.

В моем представлении, ум — парень простой. То, что вызывает наслаждение, ему нравится. А чувства — в поиске, они — в состоянии голода. Такова их природа. Чувства ищут, а найдя, хватают и тянут в «рот», то бишь поставляют пищу уму. Но вот парадокс: чем больше они потребляют, тем быстрее возникает пресыщение.

Долго думал об этом. Наконец сделал вывод:

— Жить на платформе чувств — плохой вариант. Чувства насытятся НЕ могут.

— Жить на платформе ума тоже не стоит, ведь ум — мальчишка.

— Жить на платформе разума — достойный выбор. Разум подпитывают знания.

Разум в состоянии выбрать дорогу, обуздать чувства и ум.

— Жить на платформе души могут единицы. Это — вершина мироощущения.

Макс перечитал запись и остался доволен. Вернув книгу, он рассказал Дусе и матери о возникшем образе.

— Вот незадача, — усмехнулась Дуся. — По каким же колдобинам надо проехать, чтобы проснулась душа?

— Это к вопросу о чем — о дорогах? — спросил Макс.

— И о дорогах тоже. Не случайно в России больше говорят о душе, нежели о разуме и уме.

— Ум — мальчишка, — сказала Людмила Ивановна. — Интересный образ.

— Верно, что-то в нем есть, — согласилась Дуся. — Такой же самонадеянный, порывистый, нетерпеливый.

— И тем не менее правит миром, — заметил Макс.

Дуся не согласилась.

— Миром правит разум.

— В любом случае части единого, — сказала Людмила Ивановна.

— Капля высохнет без океана, — сказала Дуся. — Но, будучи его частью, наполнится силой.

Таких разговоров в начале девяностых вели немало. Коллективная идеология уходила в прошлое, робкий интерес к себе заполнял настоящее. Индивидуализм стал символом времени.

Спустя несколько дней после обсуждения Макс наткнулся на томик Островского. Книга валялась на диване, из нее торчала закладка. Открыв заложенную страницу, Макс увидел предисловие к пьесе «Женитьба Бальзамина». Несколько фраз были подчеркнуты красным карандашом.

«Герой пьесы, Мишенька Бальзамино, обладает удивительно романтическим характером. Он добр, мечтателен, по-детски наивен и воспринимается окружающими как дурачок. Мишенька и мир живут в разных ипостасях. В них нет ни созвучия, ни понимания друг друга...»

Макса прошибла испарина.

«Намек или шутка?»

В гостиную вошла Дуся. Взглянув на Макса, она села на диван и сказала:

— Каждый человек знает о себе ВСЕ. Однако добраться до этих знаний непросто. Один из приемов — наблюдение за своей реакцией. Скажи, тебя взволновал этот текст?

Макс кивнул.

— Так вот. То, что тебя волнует, — родное; то, что не вызывает эмоций, — чужое, не имеющее к тебе отношения. Это к вопросу о психологии, между прочим.

Глава 8

Двадцать шестого декабря 1991 года СССР распался. Вместо него появилось пятнадцать независимых государств, в том числе и Россия. По большому счету этого события ждали. Сначала был первый съезд народных депутатов РСФСР, где принята Декларация о государственном суверенитете России, затем августовский путч, чрезвычайное положение, ввод войск в Москву, приостановка деятельности КПСС... и, наконец, выступление Горбачева. Что говорить, мощный удар по коллективной психике.

Людмила Ивановна тяжело переживала эти события. Она следила за новостями, читала газеты, пыталась обсуждать действия Ельцина и Горбачева.

— Как же так? Слово два медведя в берлоге. Ни стыда, ни совести. Собственные амбиции важнее страны.

— Горбачев виноват, — вторила Дуся. — Хлопнул бы кулаком по столу, и страна не развалилась бы.

— Не так все просто.

В начале 1992 года цены пустились вскачь. Дуся не переставала возмущаться.

— По-моему, наше правительство чокнулось. Одновременно и разом. Либерализация, говорят. Тьфу на эти реформы! Такое впечатление, что нас хотят раздеть и пустить голыми по миру.

Дуся была права. Рост цен привел к обесцениванию вкладов. Народ терял деньги и беспомощно хлопал глазами. Как же так? Обокрали!!! И кто?

Благодаря Дусе Людмила Ивановна не потеряла свои сбережения. Она их вложила в кооператив. Дело было за год до либерализации.

— Стены надежней денег, — сказала Дуся.

Дуся пошла дальше: она поменяла машины и купила гараж. Новенькая «нива» и «Жигули» заменили два «москвича».

— Тебе бы бизнесом заниматься, — улыбалась Людмила Ивановна.

— Я — творческий человек, — отвечала Дуся. — Однако в обиду себя не дам. Рынок, что обещают, это — джунгли, а в них выживают сильнейшие.

— Или предприимчивые, — добавляла Людмила Ивановна. — Подобно тебе.

— Я, как репейник, жизнестойчивая, — смеялась Дуся.

До либерализации цен у Дуси и Людмилы Ивановны лежало на сберкнижках в общей сложности тридцать тысяч рублей. По словам Дуси, надо было превратить деньги в инвестиционные товары.

— Любишь ты красивые слова, — улыбнулся Макс.

Хитро сощурившись, Дуся ответила:

— Экономика — мое последнее увлечение.

— Пропали бы без тебя.

— Вы заслужили мою заботу, — ответила Дуся.

Макс отложил журнал и встал. Сердце сделало кульбит и застряло в районе гортани. Как говорят, ни вздохнуть, ни слова молвить. Он подошел к Дусе и прижал ее к груди. Дуся смутилась.

— Ты с Милой и отец — самое дорогое, что у меня есть, — сказала она. — И все трое — не от мира сего.

Сердце ухнуло вниз, и, глубоко вздохнув, Макс улыбнулся.

— Почему?

— Вы — особенные. Думаете не как все, ищите себя... Словом, блаженные в некотором роде.

— Разве Павел Степанович наивен?

— Вспомни поездки в Ленинград. Белые ночи, разговоры, мысли отца...

Макс задумался.

— Пожалуй, ты права, — сказал он. — Павел Степанович — романтик.

Макс ездил в Ленинград трижды — и каждый раз в конце мая. Экскурсии, музеи, прогулки и... отсутствие тьмы. Причудливая вязь чугунных решеток, каналы с зеленой водой, тишина белых ночей, Нева. Мощная, широкая, короткая. Голова — в озере, ноги — в Финском заливе.

— В Неве встречаются речные и морские воды, — говорил ему Павел Степанович. — Они несут запах лугов и соленые брызги одновременно.

«Река похожа на Дусю, — думал тогда Макс. — Такая же полноводная и непредсказуемая. А Павел Степанович напоминает Петродворец. Величественный, красивый, с причудливыми мыслями. Они как дворцовые фонтаны — в богатом обрамлении, с разной энергетикой».

Максимилиан встал и полез за дневником. Некоторые мысли писателя Шохова он записал, что называется, по горячим следам.

30.05.1992

Гуляли вдоль Невы. Мама с Дусей шли впереди, мы с Павлом Степановичем сзади. Адмиралтейскую набережную освещали белые ночи. Казалось, над Ленинградом встретились день и ночь. Встретились и растворились друг в друге.

Павел Степанович остановился. Он посмотрел на небо и сказал:

— Хочу написать роман о Свете и Тьме.

— Интересная тема, — ответил я.

— Неподъемная. Успею ли?

Не зная, что ответить, я промолчал.

— Скажи, что есть Свет? — спросил Павел Степанович.

— Ну и вопрос.

— Свет — то, что в нашем сердце, — не дождавшись ответа, сказал Павел Степанович. — Понимаешь, о чем речь?

Он приложил руку к груди и замер. Казалось, прислушивается к себе.

— Сердце — это любовь, а любовь — это жизнь.

Павел Степанович вздохнул и добавил:

— Чтобы понять эту истину, потребовалась целая жизнь.

— А что такое Тьма? — спросил я.

— Это — материя. Когда человек рождается, в нем нет Тьмы — один только Свет. А потом все зависит от самого человека. Один собирает Тьму, другой ее гонит или не замечает. Вот тебе пример. Если будешь спускать воду с остатками пищи, трубы засорятся. Верно? Их покроет налет, и произойдет засор. То же с человеческой жизнью. Если притягивать грязь, Тьма растет. Она заполнит чувства и ум, и жизнь покажется такой грязной, как если бы ты смотрел на нее через покрытое копотью стекло. Сам посуди, что можно увидеть через такое стекло? Тьму, и ничего больше.

— Но темные силы... Разве их нет?

— Они — слуги Тьмы. Не внешней — той, что внутри человека.

Встав у парапета, Павел Степанович смотрел на Неву и думал.

— Тьма никогда не сможет поглотить Свет, — наконец сказал он. — Они разной природы.

— Разве в убийцах есть Свет?

— Есть. Просто ему трудно пробиться.

— Почему?

— Слишком много грязи.

На прощание Павел Степанович подарил книгу притч Ошо на английском языке.

— Прочти, — сказал он. — И начни с притчи о Свете и Тьме.

Возвратившись в Москву, я перевел притчу и прочел ее маме и Дусе.

Ошо «Свет и Тьма»

Однажды Тьма пришла к Богу и сказала:

— Я никогда не делала Солнцу ничего плохого, но оно мешает мне жить. Куда бы ни пошла, Солнце добирается до меня, и я вынуждена бежать. Сколько будет продолжаться такая несправедливость? Я ничего плохого не сделала Солнцу, ничего не сказала против него.

Бог вызвал Солнце и спросил:

— Почему ты мучаешь Тьму?

— Что за вопрос? — удивилось Солнце. — Я не встречало Тьму. Как только вы приведете ко мне Тьму, я тут же извинюсь перед ней.

Бог оглянулся. Тьма исчезла.

— Помню эту притчу, — сказала Дуся. — Свет и Тьма давно волнуют отца. По-моему, хотел роман написать. Ну, разве не романтик?

На лице Людмилы Ивановны появилась поперечная морщинка.

— Бог всемогущ, — сказала она. — И в то же время не может свести Солнце и Тьму.
— Ничего странного, — ответила Дуся. — Их невозможно свести. Тьма — это отсутствие Света.

Лицо Людмилы Ивановны прояснилось.

— Верно. Где Свет, его отсутствия быть не может.
— А религиозные догмы — как быть с ними? — спросил Макс. — Все мировые религии пугают Тьмой и темными силами.
— Прежде, чем утверждать, — строго сказала Дуся, — надо познакомиться с мировыми религиям.
— Верно, — вздохнула Людмила Ивановна. — В этом отношении мы абсолютно безграмотны.

Макс кивнул. Что есть, то есть. Однако Дуся не была бы собой, если бы за ней не осталось последнего слова.

— В отличие от вас, я — более продвинутая в этом вопросе.
— Вот как?
— Могу даже выдать цитату. «И отделил Бог Свет от Тьмы. И назвал Свет — днем, а Тьму — ночью».

«Все-таки Павел Степанович прав, — подумал Макс. — Неподъемная тема».

1993 год положил начало противостоянию президента и парламента. Тут хочешь не хочешь, а проснешься. Танки стояли в центре Москвы, и в сторону Белого дома летели снаряды, несущие смерть. Сторонники Хасбулатова и Руцкого бросились на штурм Останкина. Началось пиршество чрезвычайных новостей.

Людмила Ивановна плакала, Дуся курила папиросу за папиросой, у Макса стали чесаться руки. Время от времени он удалялся из гостиной и долгое время проводил в ванной. Людмила Ивановна насторожилась.

— Срам на весь мир, — сказала она Макс. — Остается одно — оглушить себя антидепрессантами.

Против курс таблеток, Макс перестал чесаться и впал в меланхолию. Ему были противны политики, депутаты, бизнесмены, торгаши, бомжи, старики с протянутой рукой, но больше всего — телеведущие и журналисты. Макс перестал смотреть телевизор и узнавал новости из рассказов матери или Дуси.

Павел Степанович Шохов умер в мае 1994 года. Проститься с известным писателем пришло много людей. Среди них — официальные лица из Союза писателей, друзья-фронтовики, коллеги, читатели... На поминках Дуся сказала:

— Дожив до преклонного возраста, отец ухитрился остаться молодым. Помню, спросила его: «В чем секрет твоей молодости?» Он ответил: «Кто видит прекрасное, тот не стареет».

Осенью 1995 года по требованию Литфонда Дуся освободила дачу и вместе с Людмилой Ивановной уехала из Переделкина. Переезд в Дусину квартиру не обошелся без переживаний. Оно и понятно: ни многоголосья птиц за окном, ни шума сосен, ни песен ветра.

— Помнишь крыльцо и прогретые доски? — не раз спрашивала Дуся.
— А ветер?! — вздыхала Людмила Ивановна. — То он поет в трубе, то гонит поземку...
— Или катает весну, — добавлял Макс.

Через полгода кооператив был построен, и Дуся с Людмилой Ивановной переселились в район Воронцовских прудов. Квартиру на Шаболовской Дуся сдала в аренду,

и началась новая жизнь. Вместо леса и лужайки у дома — парк, пруды, утки и белки. Воронцовский парк, конечно, не Переделкино, но все-таки лучше, чем центр Москвы: ни тебе тренькающих трамваев, ни потока машин. Макс тоже переехал в кооперативную квартиру и в Беляево заезжал редко.

Летом 1996 года началась предвыборная кампания. Борьба между Ельциным и Зюгановым достигла апогея, и Максимилиан волей-неволей принялся за таблетки. Он знал, его заболевание — на нервной почве и, по словам врача, к шизофрении не имеет отношения.

— Не переживайте, — сказал психиатр. — В США антидепрессанты пьют сорок процентов населения, и ничего. Главное — сохранить душевное равновесие.

— Равновесие — наше все, — кивнула Дуся. — Шаг в сторону, и тут же получишь по затылку.

— От кого? — улыбнулся психиатр.

Он был знакомый Дусиных знакомых, поэтому к Макс и Дусе отнесся по-отечески.

— От природы, — ответила Дуся.

— Неожиданная точка зрения.

— Природа всегда стремится к равновесию. Взять, например, реку. Она строит русло, исходя из минимальных энергетических затрат. И животные не тратят энергию впустую. А человек как паровоз. Свистит целый день, а зачем, не понимает.

— Свистит? — переспросил психиатр.

— Вы не согласны? — спросила Дуся.

— Пожалуй, соглашусь. Но постараюсь найти объяснение.

— Какое?

— Человеку надо заявить о себе.

По пути домой Дуся переключилась на другую тему.

— У тебя — кризис среднего возраста, — заявила она Макс — Его надо пережить.

— Может быть.

— К тому же отсутствие секса угнетает...

Макс усмехнулся.

— И тебя?

— У меня — климакс. Это — совсем другое.

Затормозив на перекрестке, Дуся добавила:

— Насчет секса вот что скажу... Сексом занимаемся не мы — тонкоматериальные сущности. Так что по большому счету это — бесовское занятие.

— Ну ты даешь, — воскликнул Макс.

— Ладно, проехали, — притормозив у подъезда, сказала Дуся. — Выходи. Я еду на работу.

«Нива» мигнула поворотником и скрылась.

«Дусю не поймешь, — подумал Макс. — То ли провоцирует, то ли обкатывает новую теорию».

Глава 9

В Редкино Макс собирался давно, но его всякий раз останавливал страх.

«Что скажу Лизе? Дескать, соскучился, хочу прикоснуться к юности... И вообще... Дома ли она?»

Наконец он решился. Черные «Жигули» неслись по Ленинградскому шоссе, за окнами мелькали леса, поля, дачные поселки. Макс их видел и не видел одновременно.

но. Он вспоминал Лизу. Вот она — в первый день знакомства. Скоростной лифт, набитый абитуриентами. Лиза уткнулась в грудь, и запах волос взбудоражил кровь. Вот Лиза — в столовой зоны Б. Положила ладонь на плечо, а сама осталась за спиной. А вот — университетский сквер. Лиза заглядывает в глаза и смеется. Что хочет, то и говорит, что считает нужным, то и делает.

Макс подъехал к Новомелкову и, выйдя из машины, спустился к Волге. «Верхневолжская» турбаза пришла в запустение, однако сосновый лес и тропинка остались. Макс остановился у коряги. Здесь его Лиза поцеловала... Целомудренно — в щеку.

«Боже мой, как давно это было, — подумал он. — Нам обоим по семнадцать. Купались в Волге, болтали, вспоминали детство. Тогда я понял, Лизино детство — разноцветное, а мое — детство-дистрофик. Чистенькое, однобокое, на костылях. С виду приличное, однако на лице — маска. Ни улыбки, ни слез, ни удивления».

Макс вспомнил следующую встречу — первого сентября 1971 года. Лиза появилась с Настей. Ее волосы выгорели на солнце, на носу веснушки. Настя напоминала пион, Лиза — крокус. Нежный, трепетный, с тонким ароматом. Вот первая лекция. Макс помнил, как сжал Лизины пальцы, как кровь стучала в висках. У него заложило уши, и слова Колмогорова доносились словно из-под одеяла.

«...Твердо веруй в начала и концы».

Лизина рука дрогнула.

«Это — из поэмы Блока „Возмездие“, — прошептала она. — Люблю эти строчки: „Жизнь — без начала и конца. Нас всех подстерегает случай...“»

Макс вернулся к машине и, съехав с Ленинградского шоссе, свернул в Редкино. Лизин дом он нашел сразу. Яркий, в окружении цветов, дом напоминал картинку из детской книжки. Небольшая терраса, высокое крыльцо, на нем — горшки с красной геранью. Ситцевая занавеска дрогнула, и Макс увидел небритое лицо. Через минуту на крыльце появился мужчина. Лысый, худой, в тренировочном костюме. Мужчина улыбнулся и, обнажив недостающие зубы, спросил:

— Вам кого?

— Лизу.

Макс почувствовал, как его окатила жаркая волна.

— Лиза в магазине. Сейчас придет.

— А вы...

— Василий Савельевич — Лизин отец.

— Меня зовут Макс, я учился с Лизой в МГУ — на мехмате.

— Эка, какой древний знакомый.

— Марья Ивановна дома?

Мужчина вздохнул.

— Пять лет как померла.

В доме слышались детские голоса.

— Дед, мы едем?

— Куда же деться?! Айда на выход.

Лицо Василия Савельевича озарила улыбка, и Макс увидел Лизины черты. Серые озорные глаза, чуть вздернутый нос, приподнятые уголки губ.

— Обещал детей искупать. Теперича не отстанут.

На крыльцо выскочили два мальчугана. Один — белобрысый, другой — черный, как смоль. Круглые мордашки, веснушки на носу...

«Похоже, погодки. Лет девять и десять».

— Знакомьтесь. Гришка и Шурик.

Мальчики кивнули и побежали к грузовику. Хлопнула дверца, раздался смех, и грузовик подал сигнал: «Бип! Би-би!»

— Вот я вам, — проворчал Василий Савельевич и распахнул дверь.

— Проходите в дом, Лиза сейчас придет.

Макс кивнул. Он снял кроссовки и, оставив на крыльце, вошел в сени. Все как и раньше. Ведра с водой, большая бочка, трехлитровые банки. В углу — лестница, ведущая на чердак. В кухне пахло борщом. Казалось, за занавеской хлопочет Марья Ивановна. Вот сейчас выйдет и скажет: «Ужо пироги поспели — сейчас накормлю».

Макс заглянул в горницу. Иконы — в красном углу, на столе та лампа, что купила Людмила Ивановна. На шелковом абажуре — сухая ромашка, прикрепленная скотчем.

Хлопнула дверь. Макс вышел на кухню и увидел Лизу. Она всплеснула руками и закрыла ладонями рот. Макс опешил. Лиза изменилась до неузнаваемости. Полная, с одутловатым лицом, морщинами на лбу.

— Ты ли это? — прошептала Лиза.

Макс покраснел. Казалось, в горле застрял комок. Макс чувствовал его запах. Горько-соленый, с прелыми нотками. Сердце отчаянно стучало, перед глазами плыли круги. Макс судорожно вздохнул, и комок опустился вниз.

— Здравствуй, Лиза.

— Похудел-то как. И виски... совсем седые.

Лиза бросилась к Максиму и, уткнувшись в плечо, расплакалась. Макс растерялся. Он неловко обхватил Лизу и пытался разобраться в своих ощущениях. Ни жара, ни волнения, ни всполохов молний. Одна только жалость. К себе, Лизе, ушедшей юности.

«Не виделись четверть века. И что в результате? Оба припорошены пылью. Где та девушка с лукавой улыбкой? Куда исчезла? Глаза выцвели, уголки губ опустились...»

Макс отстранился. Лиза достала платок и громко высморкалась.

— Извини, — сказала она. — Так неожиданно.

Она скрылась за занавеской и, шмыгая носом, загремела посудой.

— Сейчас накормлю.

Макс сел за стол. Он не знал, что и сказать. Внешний вид Лизы, ее поведение, горькие слезы — все это не вязалось с тем, о чем Макс думал по дороге.

«Может, Лиза — иллюзия? Помнится, Дуся сказала: „Иллюзии как зубы — с возрастом выпадают и теряются“».

Лиза вышла из-за занавески и поставила на стол миску с борщом. Запах мелко порезанного чеснока ударил в нос, и Максимилиан вспомнил Марью Ивановну.

— И пироги есть, — сказала Лиза. — Будешь?

Макс кивнул. Он не знал, с чего начать разговор. На столе появились соленые огурцы, яичница, тарелка с пирогами.

— Выпьешь?

— Я — за рулем.

Лиза села напротив и, подперев подбородок рукой, сказала:

— Странное ощущение. Ты, и не ты. Такой же скованный, растерянный... Так же, как прежде, закрыт. Однако в глазах — печаль. Глубокая, как омут. Что-то случилось?

— Долгий разговор. Расскажи о себе.

— Видел ребятишек?

Макс кивнул.

— Один похож на тебя.

— Шурик.

Полные губы дрогнули, и на мгновение Макс увидел прежнюю Лизу. Лучистые глаза, лукавая улыбка... И свет. Он струился откуда-то изнутри. Макс чувствовал его, будто солнечный луч лег на щеку.

— А Гриша — в отца.

Лиза вздохнула, и свет пропал. Макс отодвинул миску.

— У тебя что — беда?

— Две, и сразу. Муж погиб, мама умерла. Мальчишек поднимаю вместе с отцом.

Лиза убрала посуду и села напротив Макса. Она волновалась. На щеках адели красные пятна, над губой появилась испарина. Чувствовалось, Лиза хочет сказать что-то важное.

— Не знаю, увидимся ли когда. Хочу признаться...

Максимилиан напрягся.

— Когда-то любила тебя. Казалось, весь мир облит солнечным светом. А ты...

Взглянув на Макса, Лиза заторопилась.

— Не упрекаю, нет. Сердцу не прикажешь. И потом, все в свой черед. Тогда ты был не готов к любви...

У Макса екнуло сердце.

— Почему? — хрипло спросил он.

— Ты был похож на птенца. Чуть полетал, и домой. Там мама, тепло, уют...

Лиза вздохнула.

— Ну, да ладно. Все равно не сумею объяснить. Главное — призналась.

Максимилиан опустил глаза. Лизино признание смущало. В кухне повисла тишина. Макс лихорадочно соображал, как бы выкрутить на нейтральную тему.

— Помнится, ты не сдала зачет по истории КПСС. Что было потом?

— Зачет получила со второго захода. Тем не менее забрала документы и уехала в Ленинград.

— Ушла с мехмата?

— Точнее, ушла из МГУ. Меня взяли на тот же факультет в ЛГУ, так что училась в Ленинграде. Затем вышла замуж за Вовку. Помнишь, рассказывала?

— Да-да. Фиолетовые косички.

Взгляд Лизы потух.

— Хороший был человек. И меня любил. А я... Видно, правду говорят: один любит, другой позволяет себя любить.

«Так и есть», — подумал Макс.

— Вовка учился в мореходке. По распределению попал в Мурманскую область — в Западную Лицу. Там сейчас база Северного флота. Я поехала за ним. Устроилась в школу учителем математики.

— А Вовка?

— Он служил на атомной подлодке. Сначала детей не было, потом родила одного за другим. Вроде и жизнь наладилась, и деньги появились, но все хорошо не бывает. Верно?

Макс кивнул.

— Весной 1989 года лодка «Комсомолец» затонула. Среди погибших был и Вовка.

Помолчав, Лиза продолжила:

— Вот тут-то я хлебнула лиха. Вернулась в Редкино, а тут и мамин черед пришел. Крутилась у печи, охнула и упала. Инсульт.

Все, что рассказывала Лиза, вызывало боль. Нужные слова не приходили на ум, и чтобы выразить свое сочувствие, Макс сжал Лизину руку. Лиза смотрела на Макса блестящими глазами. То ли от слез, то ли от неожиданного прикосновения.

— О наших что-нибудь слышала?

— Самую малость. Когда-то переписывалась с Любой, но последний год она не отвечает.

Макс чувствовал, судьба общежитских друзей ему не безразлична. Оно и понятно, жизнь людей, с которыми связана юность, всегда вызывает интерес. То ли потому, что

юность — особый период, то ли возникает желание сравнить. Дескать, далеко ли ушли друзья, ведь начинали с общего старта.

— Ферзь вылетел с мехмата после второй сессии. Модуль спился, и его отчислили после третьего курса. Санька Войтюк ушел в бизнес. Яша...

— Работает в Академии наук, — предположил Макс.

— Не угадал. Яша уехал в США. Он занимается наукой, получил крупную международную премию. Какую, забыла.

— А девочки?

— Рузи уехала в Ашхабад. Работала в академическом институте, вышла замуж, а дальше не знаю. Люба устроилась в банк. В перестройку стала начальником. По-моему, не замужем. Настя преподавала в Горно-Алтайском университете, вышла замуж за нового русского, теперь живет где-то в Европе — то ли в Англии, то ли во Франции.

— Настя не пропадет, — усмехнулся Макс.

— Я с ней рассорилась перед отъездом.

— Почему?

— Летит по жизни, людей не замечает. Ну да ладно — не будем об этом.

Макс кивнул.

— Когда ты пропал, все всполошились не на шутку. Модуль пошел в деканат, наладил контакт с секретарем и из личного дела узнал твой адрес и номер телефона. Позвонил. Ответил твой отец. Сказал, что ты в больнице с воспалением легких. Модуль пытался узнать в какой, но так ничего и не добился.

— Все это — вранье. Я не болел.

— Куда же пропал?

— Можно чаю?

Макс тянул время. У него появилось желание рассказать, что и как было, но вдруг подумалось: зачем?

«Мама не осуждала отца — впрочем, и других тоже, — думал он. — И я не буду. Дело прошлое, семейное. Можно сказать, мхом поросло».

Лиза поставила чашки, заварила чай и, оставив на столе тарелку с пирогами, села напротив Макса.

— Что же с тобой случилось?

— После зачета поссорился с отцом, и мы с мамой уехали к ее подруге.

— Не темни. Экзамены ты не сдавал, на факультете тебя не видели...

Макс замялся.

— Долго объяснять. Понимаешь, я попал на мехмат случайно — отец так решил. А потом понял: не мое. Пока жил у Дуси, решил проявить самостоятельность. В каникулы забрал документы, вот и все.

В кухне повисла тишина. Ее нарушало тиканье ходиков и дыхание Лизы.

«То ли волнуется, то ли одышка», — подумал Макс.

Пока пили чай, он успокоился и снова нырнул в свою раковину.

«Лиза стала другой. Дети, отец, гибель мужа, смерть матери, хозяйство... — никакой романтики. Прошлой Лизе я бы рассказал, но... она далеко».

Макс улыбнулся, и при дальнейшем разговоре скользил по поверхности. Как жук-водомер. Или как Настя. Вроде бы приоткрылся, а в душу не пустил.

— В 1972 году поступил в Институт иностранных языков. Выучил французский, подрабатывал переводами, учился в аспирантуре...

— Здорово, — воскликнула Лиза.

— Защитился, стал преподавать в Инъязе, через полгода женился.

— Расскажи о жене.

Макс посмотрел на Лизу и заметил синюю жилку у виска. Она билась, будто белье на ветру.

— Десять лет назад я развелся.

— Вот как.

— Семья не сложилась, с дочерью не вижусь.

— Да ты что?! — воскликнула Лиза.

— Всякое бывает, — уклончиво ответил Макс.

— С кем ты живешь?

— С мамой и ее подругой. Они — молодцы. Работают в журнале «Иностранная литература», переводят, ездят отдыхать за границу...

— Моя мама, кроме плиты, ничего не видела, — вздохнула Лиза. — Видно, и я ее судьбу повторю...

Макс пожалел о своей неосторожности. Черт дернул за язык. У Лизы столько проблем, а он...

— Давно хотел спросить. Помнишь нашу первую встречу?

— Конечно.

— А разговоры?

— Смутно, — призналась Лиза.

— Я помню все до единого слова.

Лиза улыбнулась. Похоже, ей было приятно.

— Ты правда слышала, как ветер шептался с кувшинкой?

Лиза нахмурила лоб. Она пыталась вспомнить и не могла.

— Ну же, — разволновался Макс. — «Жизнь удивительна», — сказал ветер. «Боже, какая чушь. Жизнь скучна и однообразна», — ответила кувшинка. «Посмотри вокруг. Видишь, розы цветут...» Ты слышала или придумала?

Лиза рассмеялась.

— Конечно, придумала. Кто может слышать такой разговор?

Казалось, под Максом закачались пол и скамья. Однако он задал следующий вопрос:

— Помнишь, как сказала: «Стань собой, и вся смелость, что у меня есть, будет твоей». И пригрозила при этом: «Если не станешь, я тебя заколдую».

— Ты поверил?

— Тогда я думал, что ты вошла в роль... и играешь.

— Так и было. Хотела произвести на тебя впечатление.

— И произвела. Я был в эйфории. Какая девушка. Она слышит голоса ветра и кувшинки, она сказала: «Если не станешь собой, погружу в облако страхов».

Лиза обхватила голову Макса и повернула ее к себе. Глядя в черные, беспокойные глаза, она воскликнула:

— Максимилиан, милый, но так нельзя.

— Что нельзя?

— Оставаться идеалистом-романтиком.

— Почему?

Макс отвел Лизины руки и с грустью сказал:

— Я всегда чувствовал тебя рядом. Веришь? Называл «ангелом-наблюдателем». Порой даже видел. Иногда ты садилась у кровати, и мы разговаривали. Иногда читала стихи.

— Когда-то я любила стихи Блока.

— «Жизнь — без начала и конца. Нас всех подстерегает случай...»

— Сейчас бы не вспомнила.

— Ты прочла эти строчки на первой лекции.

Лиза расплакалась. Она вытирала глаза и, шмыгая носом, повторяла:

— Ужас, все забыла. Все почему? Быт засосал. Никакой романтики. Ни стихов, ни волшебства, ни фантазии. А ты помнишь.

— Это хорошо или плохо? — спросил Макс.

Он смотрел на Лизу и видел морщинки под глазами, набрякшие веки, сеточку сосудов на щеках.

«Как грустно. С молодостью ушла тайна. А может, ее не было? Может, я все придумал?»

Наконец Лиза успокоилась. Ее глаза сверкнули, и Макс показалось, Лиза сбросила несколько лет.

— Не знаю, хорошо или плохо, — сказала она. — То, что не растерял детство, хорошо, а все остальное...

— Мне сорок два, — отозвался Макс.

За окном послышался шум подъехавшего грузовика. Лиза встала и, ополоснув лицо, добавила:

— Мое время пошло под откос, твое еще впереди. Видишь, как бывает...

Раздался топот маленьких ног, и в дом вбежали мальчишки.

— Мам, мы рыбу поймали.

Лиза подхватила сыновей и, поцеловав их, сказала:

— Вот и отлично. Жареху сделаю.

Максимилиан встал.

— Пожалуй, поеду. Дорога неблизкая.

— Приезжай в гости. Места в доме много. Поплаваешь...

— Какой из меня пловец? — улыбнулся Макс.

— Каждый плывет по-своему. Один кролем, другой брассом...

— Третий по-собачьи, — перебил Шурик.

Лиза и Макс рассмеялись. В дом вошел Василий Савельевич. В одной руке он держал сетку с двумя рыбинами, в другой — мокрые шаровары. Василий Савельевич улыбнулся и, протянув дочери штаны, сказал:

— Порты замызгал. У берега в ил провалился.

— Дед из лодки вывалился, — пояснил Гриша. — Но там неглыбко.

Взглянув на Макса, Лизин отец спросил:

— Никак уходить собрались?

— Пора. Спасибо за гостеприимство.

— Ну, тогда бывай.

Макс пошел к выходу, Лиза — за ним. На крыльце она притянула Макса к себе и поцеловала в лоб.

— Спасибо, что приехал.

— Забыл спросить. Где ты работаешь?

— В местной школе.

— Если будут проблемы, пиши. Я рядом.

Лиза вздохнула.

— Сама разберусь. Мне не привыкать.

— Прощай.

Макс спустился с крыльца и пошел к машине.

— Мама твою лампу всегда любила, — крикнула Лиза. — Глянет и тебя вспомнит.

«Какой красавчик, — говорила она. — Высокий, чернобровый. Однако не твой».

Макс улыбнулся.

— Видел на абажуре сушеную ромашку.

— Помнишь, подарил ее в первую встречу?

— Говоришь, все забыла.

— Ромашку не забыла. Знаешь почему? Ее лепестки сказали: «Не любит».

Макс помахал рукой и сел в машину.

«Ромашка права, — подумал он. — И то, что в одну воду войти дважды нельзя, тоже верно».

Глава 10

На обратном пути Макс погрузился в неспешные мысли. Ленинградское шоссе шуршало под колесами, а Максу казалось, что «Жигули» преодолевают очередной горный серпантин. Дорога петляла, извивалась, тянулась змеей, и вдруг — вираж. За ним — подъем, поворот, еще один... Повороты шли один за другим. Руки вцепились в руль, нога замерла над педалью тормоза, зрение обострилось до предела. Любая ошибка — и машина полетит в пропасть. Или врежется в гору. Вперед, и только вперед.

Наконец площадка, где можно остановиться. Боже, какая красота. Бесконечно высокое небо, тишина, величие гор.

«Если не движешься внутрь, движешься наружу», — как-то сказал Павел Степанович.

«Дусин отец — мудрый человек, — подумал Макс. — Жизнь — те же подъемы, спуски, повороты. А ты — путник. Идешь, падаешь, цепляясь за камни, карабкаешься вверх».

После встречи с Лизой Макс не то что отряхнул пыль со своих ног (первая любовь, конечно, не пыль), он повернул за поворот. За ним Макс увидел холмы, предгорье, горную страну. Одна гора, другая, третья...

Приподнявшись над равниной, Макс посмотрел на жизнь под другим углом зрения.

«Кто я? — спрашивал себя Макс. — Маменькин сынок? Нет. Я всегда стремился к самостоятельности. Мое подкаблучное детство — не показатель. К тому же общение с отцом многому меня научило. В частности, тому, как опасно для человека гипертрофированное чувство важности. Я никогда не важничал и не давил. Отходил в сторону — слушал, оппонировал, возражал. А мама... она дарила любовь и защиту. Мама есть мама».

Макс относил себя к рефлекслирующим интеллигентам и был прав. Внешне respectable, сдержанный, относительно успешный; внутри — сомнения и комплексы. По большому счету Макс был похож на моллюска. Спрятался за створки раковины и затаился. Подхватит поток или нет? А может, закопаться в ил? Вопросы, вопросы, вопросы... Однако время от времени створки раковины приходилось раскрывать. Иначе не проживешь. Ведь собственный мир — капля, но в ней заключена энергия океана. Так что связь необходима.

Узнать, что прячется за внешней оболочкой человека, очень непросто. Порой и близкие люди не видят. Такие, как Макс, в лихую годину ломаются или выживают благодаря женщинам — будь то жена, мать или любовница. Таких мужчин нельзя назвать никчемными, просто они не в состоянии быстро приспособиться. Сначала им надо сбавить ход, осмотреться, поразмышлять. А времени нет. Сотни поездов свистят на все голоса, спрятаться невозможно.

Высказанная Александром Владимировичем мысль была правильной: существует жизненная спираль, в ней — точки вращения. Человек — частица потока. Вписался в поворот — хорошо, нет — вылетел в кювет.

Макс хорошо помнил слова отца. Мало того, видел картинку. Вот он примкнул к жизненному потоку и летит вместе с ним. Не в центре потока — на периферии. Кру-

той вираж, и Макс вылетел. Лежит в дорожной пыли и потирает ушибленные места. Он слышит дыхание потока, но... энергетика потока летит мимо.

«Ненужный осколок, отработанный материал. Сколько таких, как я? И каждый с личной трагедией. Не принят обществом, не реализован. Однако не все кончено. Декарт говорил: «Я мыслю, значит, существую». Те, кто повержен, тоже существуют. Или живут? Одни выползают из кювета и, потирая ушибленные бока, уходят в одиночество; другие ищут жалельщиков; третьи делают попытки влиться в поток. Одним словом, у каждого — свой путь. И у меня тоже. Я выстою».

— Сегодня прочла любопытные статьи, — сказала за ужином Дуся. — Первая — из серии «чудеса природы».

Макс отодвинул тарелку и приготовился слушать.

— Среди множества видов бамбука есть один, который в начальной стадии роста можно назвать заторможенным. Его семена сидят в земле до семи лет, не показывая носа. Садовник рыхлит почву, поливает, а на поверхности ничего нет. Через семь лет появляются ростки. Скорость их роста поражает. Она достигает тридцати сантиметров в сутки. Копил-копил силу, потом потянулся и... всех перегнал.

Взглянув на Макса, Дуся спросила:

— Интересно?

— Без намеков, пожалуйста, — улыбнулся Макс.

Он знал, Дуся любила подколоть. Ее чувства требовали наслаждений, ум — систематизации, разум — знаний, а душа — радости. Редкий человек. Каждый период времени Дусе был интересен. В девяностые она просвещала Макса и Людмилу Ивановну насчет рыночной экономики. Ее речь была насыщена новыми терминами, и Макс едва успевал переспрашивать. Тезаврация, рентабельность, депозит, риски... — о чем только Дуся не говорила. Затем появились другие увлечения: путешествия, загадки Вселенной, самопознание, формулы успеха... В квартире появились брошюры, туристические проспекты, распечатки статей. Дуся наращивала обороты, и со стороны казалось, ее возраст — дополнительный импульс к движению.

— Вторая статья — из серии «психология самопознания».

Дуся открыла пластиковую папку и вытащила пару листков.

— Послушайте, какая прелесть.

Надев очки, она прочла с особым выражением:

— Зачем тащишь за собой обоз несчастий? Зачем гордишься своей мукой? Ты хочешь сказать, это делает тебя сильным? Неправда. Ты живешь прошлым потому, что боишься будущего.

Людмила Ивановна подняла голову, и ее глаза засветились. Макс улыбнулся. Он знал, мать всегда оставалась самой собой. Однако буруны дарили энергию, и так же, как Дуся, Людмила Ивановна не старела.

Дуся взяла другой листок и, бросив на Макса многозначительный взгляд, прочла:

— Когда говоришь себе правду, становишься сильнее.

— Сказать себе правду трудно, — заметила Людмила Ивановна. — Для это надо быть внутренне свободным.

— В том-то и дело, — оживилась Дуся. — Люди бегут от себя. Они заполняют время работой, встречами, ненужным общением. И что в результате? Душевная пустота.

— Ты что — против общения? — удивился Макс.

— Ну и вопрос. В отличие от тебя, я — экстраверт, и общение — моя питательная среда. Однако...

Дуся сделала паузу и добавила:

- Однако последнее время я ограничиваю свое общение и делаю это сознательно.
- Почему?
- Общаться надо с теми, кто помогает продвинуться вперед.
- Эгоистичный подход.
- Как угодно. Но зачем попусту тратить время?
- «Действительно, зачем?»

Глава 11

Тридцать первого декабря 1999 года в присутствии Патриарха Московского и всея Руси Алексия II президент Борис Ельцин передал свои полномочия Владимиру Путину. За двенадцать часов до наступления двадцать первого века телеканалы России начали трансляцию новогоднего обращения Ельцина.

— Вот это да, — воскликнула Дуся. — Не знаю, что и сказать.

Никто не знал. Страна замерла в ожидании новых реформ. Через три месяца состоялись выборы президента, и Путин стал вторым президентом России.

Чеченская война продолжалась, смертность в России превышала рождаемость, терроризм набирал обороты. Смерть махала косою и собирала обильный урожай. Не только в России, но и по всему миру. Одиннадцатого сентября 2001 года мир узнал о террористических актах в США. Боевики-смертники «Аль-Каеды», захватив пассажирские самолеты, врезались в башни-близнецы Всемирного торгового центра в Нью-Йорке. Оба небоскреба были разрушены, и одним махом смерть выдернула из жизни три тысячи человек.

— Вот беда так беда, — воскликнула Людмила Ивановна.

— Мир наводнен фанатиками, — заметил Макс.

— Верно, — сказала Дуся. — Вера без знаний несет разрушение.

Казалось, Тьма опустила на землю и забралась в человеческие умы. Вытеснив радость, она заполнила каждую клетку и вызвала страх. «Живем один раз», «Где наша не пропадала», «После нас — хоть потоп» — эти фразы стали в ходу, и люди бросились искать наслаждений. Слушая новости и читая газеты, Макс видел, как мир катится к пропасти. Жажда наживы, отсутствие сострадания, потеря ориентиров... — все это походило на бесовский шабаш.

— При таком раскладе остается одно — наводить порядок в собственном мире, — сказала Дуся. — На внешние обстоятельства трудно влиять.

— Ты что — серьезно?

— Помнишь бессмертную фразу: «Спасись сам, и вокруг тебя спасутся тысячи»? Это сказал Серафим Саровский.

— Спасись сам..., — повторил Макс.

— Вот-вот. Начинать надо с себя.

К трансформации сознания подталкивала и природа. Она слишком долго терпела. Растоптанная и поработанная, природа подняла голову и решила заявить о себе. Кто тут хозяин — я или человек? Смерчи, наводнения, землетрясения, селевые потоки шли один за другим, а впереди них летела смерть. Она сверкала пустыми глазницами, скалила рот и не жалела ни взрослых, ни детей.

Люди поддавали жару. Впрочем, как и всегда. Они кидали в топку «дровишки» и не могли остановиться. Невольно возникал вопрос: может, толкал кто-то под локоть? И вообще — что случилось? По какому пути идет человечество — вверх или вниз? А как же тогда диалектика? Та, о которой твердили философы.

Чудны дела твои, Господи! За что наказываешь? Почему?

Максимилиан пытался понять, что происходит. Он не хотел нестись в общем потоке. Вернее, не хотел нестись в безумном потоке.

«Готов быть каплей и частью огромного океана, — думал он. — Но если по океану плывут мазутные пятна, полиэтиленовые пакеты, пустые бутылки и консервные банки, пусть тогда буду каплей озера. Бессточного, скрытого горами».

— Может, Номо sariens давно исчез? — как-то спросил Макс. — Может, ему на смену пришел человек-робот?

Дуся чуть не поперхнулась.

— Номо sariens — в глубоком подполье, — ответила она. — В мифической Шамбале.

— Кто же тогда мы?

— Зомби или планктон. Как кому нравится.

Дуся была категорична.

— И ты — зомби?

— Конечно. Я как все. Слышал песню Пугачевой? «Так же, как все, как все, как все, я по земле хожу, хожу...»

— Помнится, в этой песне есть и другие строчки, — вступила в разговор Людмила Ивановна. — «И у судьбы, как все, как все, счастья себе прошу». Думаю, речь здесь — о счастье.

— Так или иначе, ключевые слова нашего времени «как все», — продолжала оппонировать Дуся. — Реклама и информационное пространство приумножают штампы, и количество обезличенных растет.

— Верно, — согласилась Людмила Ивановна. — Мы живем в век, когда преобладают люди, не имеющие собственного лица.

Дуся повернулась к Макс.

— А ты — как все или сам по себе?

— Могла бы не спрашивать, — ответил Макс. — И ты, и я, и мама — не как все, а с нами — множество других людей.

— Интересно, почему этого множества не видно?

— Действительно, почему?

— О том и речь, — усмехнулась Дуся. — Те, кто, как все, на виду. Те, кто сам по себе, в собственной Шамбале.

— Не соглашусь, — возразил Макс. — Насколько знаю, Шамбала — это священное место. Лучшие сыны человечества общаются там с Богом.

— Те, кто самостоятельно мыслят, и есть лучшие сыны человечества, — сказала Дуся. — А что касается Бога... с Богом можно общаться, не выходя из дома. И без посредников, между прочим.

— Елена Рерих называла Шамбалу Твердыней Великого Знания и Света, — заметила Людмила Ивановна. — В Шамбале, по преданию, живут лучшие из лучших. Они не только общаются с Богом, но и наблюдают за эволюцией человечества.

— Наблюдают? — язвительно спросила Дуся. — Почему бы этим лучшим из лучших не вмешаться?

В темных глазах Людмилы Ивановны вспыхнул неяркий свет. Он походил на свет утреннего солнца.

— Эволюция подразумевает естественный ход событий, это — первое, — сказала Людмила Ивановна. — А второе — мое несогласие с твоим определением современного человека. Современный человек — не щепка и не планктон. Он растерян. Слишком быстра жизнь, слишком велика Тьма. Думаю, мы живем в особый период — в век испытания.

— Неисправимая идеалистка, — воскликнула Дуся. — Наивная, как ребенок.

Не обратив внимания на реплику, Людмила Ивановна задумалась. На ее лбу появилась поперечная морщинка, одухотворенность пропала.

— Когда-то прочел фразу, которая заставила меня задуматься, — сказал Макс. — Чтобы найти себя, надо себя потерять.

Людмила Ивановна будто проснулась.

— Как сложно себя найти, — сказала она. — Некоторым это не удается.

Нулевые принесли новые трагедии. Взрывы в метро и VIP-зоне на стадионе «Динамо» в Грозном во время празднования Дня Победы, обрушившийся купол аквапарка «Трансвааль» в Москве, теракты на борту пассажирских самолетов, летевших в Сочи и Волгоград. Казалось, трагедии заполнили жизненное пространство и смерть ждала за каждым поворотом. Психика людей подверглась неслыханной информационной атаке и давала сбои.

— Вы слышали? — как-то спросила Дуся. — Россия выбилась в лидеры.

Людмила Ивановна сжала губы. Она хорошо знала подругу, и злой блеск в глазах Дуси ей говорил о многом.

— Вот послушайте. «В 2003 году Россия возглавила мировой список „стран-смертников“. Тридцать девять самоубийств на сто тысяч человек».

— Нечем гордиться, — заметил Макс.

«И я ведь думал о суициде».

— Что интересно, в общей статистике преобладают женщины.

— Странно, — удивился Макс. — Думал, что женская психика более устойчива, чем мужская.

— При такой жизни никакая психика не выдержит.

Среди реформ, затеянных новым президентом, выстраивание вертикали власти была главной. Макса она не касалась, поэтому интереса к ней не было. А вот реформы, направленные на образование, вызывали эмоции. Что говорить, Дуся права — все, что близко, трогает сердце.

Увлечшись психологией, Макс потерял интерес к лингвистике. Одно вытеснило другое. Так часто бывает. Макс забросил диссертацию и превратился в заурядного доцента. Он читал лекции, вел семинары, был руководителем дипломных работ. Словом, работа сама по себе, а Макс сам по себе. Институт иностранных языков имени Мориса Тореза был преобразован в Московский государственный лингвистический университет, так что Максимилиан Маушевский оказался преподавателем одного из крупнейших языковых университетов России.

Реформы образования Макса задевали напрямую. Россия присоединилась к Болонской системе, и оценки качества образования подгонялись под европейские стандарты. А тут еще ЕГЭ. Работы хватало, в том числе — бумажной.

2004 год прошел под флагом политической борьбы, однако теперь Макс к ней относился спокойно. Кто знает, может, он поумнел; может, стал мудрее. Макс наблюдал за выборами в Госдуму, следил за выборами президента, ходил на избирательный участок. Он был уверен, пройдет Путин. Так и случилось. Ни Макс, ни Людмила Ивановна против Путина ничего не имели, а вот Дуся бушевала. Она превратилась в либералку и полюбила говорить о свободе.

Макс понимал, пройдет год-два, у Дуси появятся новые увлечения, ведь главное — это движение, а с кем и как — второстепенный вопрос. И Дуся это понимала.

— Есть переменные интересы, а есть постоянные, — говорила она.

К сфере своих постоянных интересов Дуся относилась Милу и Макса. Она их считала членами семьи, и ближе их у Дуси никого не было.

В конце 2004 года случилась еще одна мировая катастрофа. Двадцать шестого декабря Юго-Восточную Азию потрясло катастрофическое землетрясение. Земля дрогнула, линия разлома породила огромный выброс энергии, и на страны Юго-Восточной Азии обрушились цунами, унесшие жизни трехсот тысяч человек.

Услышав эту новость, Дуся выключила телевизор.

— Радио и телевидение как рупор смерти.

— Ты права, — отозвалась Людмила Ивановна. — Впечатление, что в мире — сплошная тьма.

— Какой вывод? — не отрываясь от компьютера, спросил Макс.

— Отключаем телевизор и собираем радость. Сами, без чужой помощи.

— Где будем собирать?

— На природе, среди людей, в книгах...

Достав очередную брошюру, Дуся погрузилась в чтение. Через пару минут она воскликнула:

— Эту мысль и искала. Когда-то видела, но не ухватила за хвост.

— Что за мысль? — спросил Макс.

Дуся лукаво улыбнулась.

— Счастье — это осознанная радость.

— Верно, — сказала Людмила Ивановна. — В детстве я собирала землянику и называла ее на травинку. Потом нюхала и разом в рот.

— Отличный пример, — воодушевилась Дуся. — Так и поступим. Собираем, складываем, а когда нападёт хандра, достаём и окунаемся в радость.

— Хороший рецепт. Надо запомнить.

— Наша Дуся — стратег, — как-то сказала Людмила Ивановна. — Мыслит по-мужски, так же решительно действует.

Людмила Ивановна была права. Дуся умело управляла своим миром. Но главное, в нем был свет. В любое время года. Какое бы у Дуси ни было настроение, какие бы события ни проносились мимо, свет в Дусином мире не мерк.

— Ты напоминаешь ветер в солнечный день, — как-то сказал Макс.

— Спорное утверждение, — рассмеялась Дуся. — По-моему, я похожа на носорога.

Макс усмехнулся.

«Дусю не поймешь. То ли шутит, то ли занимается самокритикой».

— У меня — толстая шкура. Ее трудно пробить.

— В таком случае я — типичная устрица, — сказал Макс. — Стоит появиться раздражителю, закрываю створки.

— Тебе видней, — ответила Дуся. — Правильная самооценка — то же самое, что фонарь. И путь укажет, и камень высветит.

После 2005 года жизнь вошла в относительно спокойное русло. Получив премию ректора, Макс купил три абонементов в фитнес-клуб, и в маленькой семье появилось новое хобби. Макс ходил в тренажерный зал и качал мышцы, Дуся и Людмила Ивановна посещали бассейн и кардиотренажеры. Зарплата, подработка, квартира на Шаболовской давали неплохой доход, и появилась возможность выезжать за рубеж. Иногда ездили втроем, иногда порознь. Дуся и Людмила Ивановна выбирали свой маршрут, Макс — свой. Свежие впечатления вызвали новые разговоры, знакомство с европейскими музеями — интерес к живописи, средневековые замки и дворцы — увлечение историей. Как прогнозировала Дуся, так и случилось — радость, собранная по крупинкам, приносила умиротворение и, как следствие, ощущение счастья.

Все бы хорошо, но в душе Макса сидела заноза. Отношения с дочерью не сложились, и чем старше становилась Вика, тем больше отдалялась от отца. Первые годы по-

сле развода Макс встречался с дочерью раз в две недели, затем раз в месяц. Вика была угрюма, настороженна и при встречах с отцом поглядывала на часы. А потом Карина вышла замуж и поселилась в Мюнхене. Макс не возражал против отъезда дочери и дал официальное согласие. Вика писала отцу короткие электронные письма, но интереса к нему не испытывала. Порой казалось, что Вика пишет по обязанности. За письмами угадывались меркантильные интересы Карины, Макс будто слышал: «Вика, напиши отцу. Что тебе стоит? Черкни пару слов — дескать, у меня все хорошо. Не обломишься. У отца с бабушкой — две квартиры. К тому же Евдокия Павловна — бездетная дама. Сама посуды, кому все останется, а? Тебе. Вот и прояви внимание».

С появлением Интернета большую часть времени Макс проводил в виртуальном пространстве. Зарегистрировавшись в «Живом журнале», он завел блог, и в жэжэшном пространстве появился новый пользователь. В профиле Макс написал следующее:

- имя: тахтау
- дата рождения: 19.04.1954
- местонахождение: Москва
- способы связи: taxtau@livejournal.com
- интересы: психология, человек, литература, путешествия, мысли, самопознание, жизнь
- о себе: преподаватель Московского государственного лингвистического университета
- хобби: психология

Афоризмом блога стало любимое высказывание: «Чтобы найти себя, надо себя потерять».

В качестве аватарки Макс выбрал изображение собственного глаза — он его вырезал из фотографии. Миндалевидный разрез, шоколадная радужная оболочка, длинные ресницы. Аватаркой Макс остался доволен. Красивый глаз. Загадочный и сомневающийся одновременно.

Некоторое время Макс просматривал чужие посты, затем стал писать сам. У него появились друзья, они охотно комментировали его посты, спрашивали, просили совета, давали ссылки на интересные статьи. Через три года рейтинг блога тахтау так вырос, что Макс отважился на создание сообщества «[naidi_sebja](#)». Он стал его модератором, и вскоре к сообществу подтянулось около пятисот человек. Люди искали себя, занимались самообразованием, интересовались психологией.

Макс чувствовал, что нужен кому-то, и эта мысль приносила радость.

Какие только вопросы не обсуждали в сообществе: депрессия, одиночество, взаимоотношения, характер, ведическая психология и пр., пр. Макс видел, его постов ждут, на них реагируют. Скрытый за ником, Макс размышлял о том, что его волнует, и делал это предельно искренне. Наверное, это и был путь к себе.

Глава 12

Пять коней с шелковистыми гривами просились на простор, но разум держал их в узде. Сидя на облучке, разум следил за дорогой и правил колесницей. Мальчишка с озорным лицом привалился к вознице и с грустью смотрел на коней. Все четко, монотонно, солидно. И вдруг проснулась душа. Лицо мальчишки осветила улыбка. Толкнув возницу в бок, он попросил: «Дай поправить немного. Хотя бы часок». Просьба пришлась ко времени: возница, похоже, устал. Он протянул вожжи и строго сказал: «Только без глупостей. Смотри у меня». Мальчишка кивнул. Почувствовав перемене-

ну, кони перешли на галоп. Возница задремал. Душа улыбнулась и прошептала: «Вперед, мой мальчик, вперед». И кони понеслись.

Макс взглянул на экран компьютера и набрал слово «любовь». Почему набрал, он бы не ответил. Просто импульс, желание найти нечто необычное. Макс листал страницу за страницей, но ничего интересного не видел. Как в сказке — и тридевятое царство прошел, и в тридешатое государство заглянул, а то, что искал, не встретил. Макса охватило возбуждение, и тут взгляд упал на строчку «Любовь. Взрослая сказка». Все необычное встречается вдруг. Увидел, почувствовал, и... душа отозвалась.

Макс открыл ссылку и оказался в «Живом журнале». Ник блогера — ribel, на аватарке — девушка на фоне заката, в ее ладонях — солнце. Маленькое, розовое, сияющее перламутром. Максимилиан взглянул на тэги. По опыту общения в социальных сетях он знал: тэги отражают интересы хозяина блога. «Литература», «мысли», «психология», «проза», «Москва», «Париж», «жизнь», «сказки». У Макса заняло сердце. Сладко, щемяще заняло. Возникло ощущение, что сердце пыталось что-то сказать.

Макс погрузился в дневник ribel и забыл о времени. Сказка о любви была написана месяц назад, а последние посты назывались «Детство» и «Свет и Тьма».

Детство

Помните, какими были в детстве? Веселыми, открытыми, беззаботными. Мы наслаждались жизнью, и в каждом мгновении видели счастье. Большое, радостное, наполненное событиями. Повзрослев, мы стали сравнивать себя с другими людьми. Ведь так всегда бывает — кто-то сильнее, стройнее, красивее, удачливее... И началась гонка. За призрачным счастьем. Результат очевиден: у нас менялись цели и ориентиры, а счастья не было.

А счастье никуда не ушло. Искрылось на солнце и шелестело дождем. Сидя на ветке, счастье чирикало во весь голос — дескать, вот оно я, только оглянись. А потом поднималось на небо и, выдавив тюбик перламутра, любовалось восходом и закатом.

— Эй! — кричало счастье. — Взгляните, какая красота.

«Когда нам глядеть? — возмущались мы. — Странно, ей-богу. У нас — дела, планы, проблемы...»

И не пожив по-настоящему, мы неслись в будущее — такое же иллюзорное, как призрачное счастье. Нам вслед неся хохот Старой Коряги. Подпертая березовым колом, она торчала на берегу озера и хорошо знала цену жизни. И цену иллюзиям тоже.

Свет и Тьма

Старой Коряге было лет сто, но выглядела она моложе — прежде всего потому, что помогала всем, кто к ней обращался. Так, например, услышав, что гномы боятся темноты, Коряга сказала:

— Смотрите на свет, и не увидите тьмы.

— И даже ночью? — спросил Анжи.

— В любое время суток.

Гномы отправились домой и, усевшись на крыльце, застыли в ожидании темноты. Ночь появилась неожиданно. Она выскочила из леса и, высоко подпрыгнув, оказалась на туче.

— Эге-ге! — крикнула Ночь.

Туча раскололась, и из нее вылетели звезды.

— Они похожи на ромашки, — прошептал Анжи.

— И на каждой сидит светлячок, — добавил Янек.

— Думаешь, звезды нас видят?

— Они чувствуют.

— И знают, что мы боимся темноты.

- Знают.
- А может, звездам кажется, что мы — огоньки?
- Это ты, брат, переборщил. У нас в руках — ни свечи, ни фонаря.
- Речь не о том, — прошептал Анжи. — Звезды глядят нам в глаза и видят в них свет.
- Янек повернул брата к себе лицом.
- Видишь свет? — спросил Анжи.
- Вижу, — ответил Янек.
- А тьмы нет?
- Ни капли.
- Значит, Коряга права. Если смотреть на свет, тьмы не увидишь.

«Какая прелесть — эти миниатюры», — подумал Макс. Он отправил *ribel* запрос в друзья и под последним постом оставил комментарий:

тахтаи

Ваши сказки — удивительные. Как верно: «Смотрите на свет, и не увидите тьмы». Спасибо!

Через некоторое время Рита Белых подтвердила запрос в друзья и по законам виртуального общения стала для Макса взаимным другом. Это означало, что Макс и Рита могли читать подзамочные посты друг друга — то есть видеть то, что предназначалось только друзьям. Одновременно с подтверждением запроса пришел ответ на комментарий.

ribel

Когда писала первую сказку, видела детскую трубу-мозаику. Помните ее? Мелчайшее движение, и картинка меняется. И каждая стекляшка нужна, каждая создает особый рисунок. Но мир — не труба, а мы — не стекляшки. Уверена, у каждого — свое место, и от того, какие мы, зависит картина мира. Наши мысли, слова и дела — «кирпичики» вектора добра и зла. Людям кажется, что от них ничего не зависит, но я абсолютно уверена, что каждый создает этот мир. КАЖДЫЙ!!!

«Вот это созвучие, — прочтя комментарий, обрадовался Макс. — Дюся права, каждая мысль имеет свою частоту. Отсюда вывод: люди с близким мировоззрением находятся в определенной части пространства, и оно связано с частотами мыслей».

Макс поспешил ответить.

тахтаи

Трубу-мозаику помню. В последнее время часто повторяю: «Боже, помоги найти себя, принять и полюбить».

Ответ был таким.

ribel

Я тоже в подобном поиске. Знаете, что мне помогает? Мысль, что в каждом из нас — Бог. С каждым из нас Он проживает особую жизнь. Как только мысль вошла в мою суть, я многое поняла. В частности, такой, как я, больше нет. Я уникальна. Со всеми своими мыслями, делами, особенностями характера. И Бог любит меня и ждет, когда я полюблю себя. Думаю, если это случится, я стану по-настоящему свободной.

тахтаи

Спасибо!!! Для меня ваши слова очень важны.

ribeI

Всю жизнь идем во Тьме, однако в нас — Свет.

Последний комментарий привел Макса в состояние душевного волнения. Таинственная незнакомка, написавшая о детстве, свете и тьме, думала так же, как он. И говорила теми же словами.

В эту ночь Макс долго не мог уснуть. Он вспоминал комментарии Риты, реплики Дуси, слова матери. Они кружились над головой и подавали голоса.

«Случайностей нет. Жизнь — не дело случая».

«Всю жизнь идем во Тьме, а в нас — Свет».

«Необычное в обычном видят и слышат единицы. Таких людей я называю «чуткими»».

«Не нужно никого убеждать, как прекрасен мир. Сделай себя счастливым, и люди придут к тебе за советом».

Посеянное зерно скоро дало всходы. Макс думал о *ribeI*, следил за ее постами, комментировал, читал предыдущие записи. Рита Белых была Максиму интересна. Он видел в ней то, что любил в матери: поэтичность, романтизм, неторопливость, уважение к собеседнику, искренность и закрытость одновременно.

Так же как и Людмила Ивановна, Рита Белых оберегала свое личное пространство. Максиму было неясно, замужем она или нет, где работает... На странице *ribeI* были рецензии на прочитанные книги, миниатюры, заметки о жизни. Но что бы Рита ни писала, сквозь слова выглядывала душа. Трепетная, метущаяся, вопрошающая.

У незнакомки было много виртуальных друзей. Посты *ribeI* охотно комментировали, и Рита отвечала не торопясь, щедро даря внимание. По разумению Макса, в блоге Риты Белых присутствовал солнечный свет. Тот, который видишь с рассветом или закатом. Так что аватарка выбрана не случайно.

Рита была ветераном «Живого журнала». За четыре года у нее накопилось около двухсот записей. Макс прочел их все и в каждом посте пытался увидеть таинственную незнакомку. Некоторые тексты дали ему основание предположить, что Рита — незамужняя женщина, что три года назад она похоронила дедушку, что у нее есть сын.

Дошло до того, что Макс, скопировав и распечатав пару миниатюр, читал их перед сном.

Старые картины

Свет от старинной люстры освещал картины, развешанные по стенам комнаты. Картины смотрели друг на друга, и в их порядке был особый смысл. Справа от меня висели пейзажи. Здесь был луг, сосновый лес, пышная субтропическая растительность, степь, липовая аллея с солнечной дорожкой. Особенно трогательным был луг. Высокая трава еще не просохла от росы, и маленькие капли, отражая лучи солнца, походили на бриллианты. Колокольчики жмурились от яркого света, ромашки кивали белыми коронами, трава кланялась солнцу. Высоко в небе кружили две птицы. Они были едва заметны, но мне казалось, что я слышу их песни, вижу блестящие черные глаза.

«Эти птицы похожи на человеческие души, — глядя на картину, думала я. — Неуловимые, легкие, быстрокрылые. Души поют гимн утру, а их хозяева, уткнувшись в траву, видят счастливые сны».

Макс вернулся к картинкам в профиле gibel. Фото голубого янтаря вызвало недоумение. Разве такое бывает? Макс видел оранжевый, желтый, коричневый янтарь, но голубой... Похоже на нонсенс. Янтарь лежал в черной коробке на письменном столе. Рядом с фотографией приписка: «дедушкин подарок». Больше ничего.

«О дедушке она писала двадцать седьмого марта 2006 года, — вспомнил Макс. — Пост — подзамочный, с отключенными комментариями. Похоже, он был посвящен годовщине со дня смерти».

Родная душа

«Мое крыло хоть и старое, — говорил дедушка, — но большое и надежное».

Удивительный человек. Родился и вырос в эмиграции, последние десять лет прожил в России. Работал редактором Французского информационного агентства, во время войны — военным корреспондентом, затем — сотрудником русской секции французского радио и телевидения.

— А потом мои волосы поредели, лицо покрылось морщинами, телефон замолчал, на службе отодвинули и забыли, — рассказывал дедушка. — Когда вернулся в Россию, стал покупать русские книги. Первое время читал их с утра до вечера. Хотелось насладиться языком, узнать о русской жизни, понять русских людей. Книги знакомили меня с тем, что я чувствовал, но не понимал. Я бродил по московским улицам и переулкам, и на меня опускались воспоминания матери. Казалось, она идет рядом со мной и рассказывает о Москве. Далее наступил следующий этап. Я слушал радио, читал центральные газеты. Мне хотелось понять, что происходит в стране. Сначала говорили одно, а делали другое; затем произошли позитивные перемены. На Западе заговорили о России с большой тревогой. Это был хороший симптом.

Однажды во время прогулки по старой Москве у нас с дедушкой зашел такой разговор.

— Россия — слишком богатая страна. Плохо, что замков на воротах нет.

— Почему плохо? — спросила я.

— Всекие проходимцы норвят кусок оторвать.

— По-моему, таких планов никто не вынашивает.

— Не скажи. Кривую стрелу не исправишь. Никогда не задумывалась, какие страсти кипят за окнами? — неожиданно спросил он.

— Задумывалась. Однако не поняла, как семейные страсти связаны с Россией?

— Самым непосредственным образом. И в семьях, и в стране есть люди-невалюшки. У тебя была невалюшка?

— Была. Когда была маленькой, все пыталась ее уложить. Положу, а невалюшка встает, и так до бесконечности. Потом потеряла к ней интерес, и она, широко улыбаясь, стояла в углу.

— И люди-невалюшки улыбаются. Они живут по принципу: упал — поднялся. Вывалился в пыли, через мгновение встал и улыбнулся.

Взглянув на окна домов, дедушка добавил:

— Однако в собственных квартирах эти невалюшки не улыбаются.

— Вот как?

— Сама подумай, сколько унижений за день, сколько поклонов.

В конце марта 2005 года я уехала в Париж. Первые впечатления, первое знакомство с городом. И вот, стоя у Лувра, увидела знакомый образ. Он появился в парижском воздухе и, приобретя контуры, опустился передо мной. Волосы дедушки были зачесаны назад; рука, затянутая в кожаную перчатку, опиралась на трость с набалдашником.

— Дедушка, — ахнула я.

Бескровные губы приоткрылись, и дедушка чуть слышно сказал:

— Прощай, голубушка.

— Не уходи!!! — закричала я.

Дедушка удалялся все дальше и дальше. Он не касался тротуара, он парил.

— Дедушка!!!

И в этот момент зазвонил мобильник. Из разговора с Варькой поняла: родная душа улетела. Увидимся ли еще?

В очередной раз перечитав записи Риты, Макс посмотрел в окно. Весеннее солнце позолотило облака, где-то внизу благоухала сирень.

Макс лег в кровать и закрыл глаза. Перед ним появилась пятерка лошадей, впряженных в золоченую колесницу. На облучке — две фигуры. Старик спал, мальчишка помахивал хлыстом. В колеснице сидела женщина в меховой накидке. Кони повернули, и равнина сменилась предгорьем. Мальчишка оглушительно свистнул. Женщина широко открыла глаза, и из них хлынул свет. На колесницу опустился ветер.

— Жизнь прекрасна, — сказал он.

— Верно, — ответила женщина. — Жизнь удивительна.

— Видишь, сирень зацвела.

— Чудесные лепестки...

— Она живет полной жизнью. И дарит радость.

Женщина рассмеялась. Ее смех походил на колокольчик и журчание ручья одновременно. Удивительный смех. Звонкий, с серебряным переливом.

Рита писала в ЖЖ раз в неделю, и в каждой записи пряталась тайна. Она скрывалась даже в рецензиях. Вроде бы не место ей там, а поди же — за строчками о сюжете мелькало загадочное лицо. Однако самая большая тайна пряталась в последнем посте. Он был написан под тэгом «жизнь». После этой записи Рита пропала.

Сон

Стоило закрыть глаза, увидела лестницу и блики, зацепившиеся в древесине. Поднявшись по лестнице, я распахнула дверь и замерла. Передо мной раскинулось озеро. Темные скалы, окружавшие его, походили на оправу черного серебра. Деревья, притаившиеся в горных расщелинах, напоминали часовых. Озеро обвивал узкий пляж. Он походил на золотой шнур и заканчивался кистью, к которой прилепился шалаш. Вход закрывала потрепанная шкура, на скрещенных жердях висел флаг. Казалось, по нему бегут таинственные знаки.

Солнце приблизилось к шалашу и, зацепившись за скалу, скрылось. Озеро заискрилось, и из его глубин хлынул ослепительный свет. По щекам потекли слезы. Я громко всхлинула, и из глаз полились не ручьи, а целые реки слез. Мое тело содрогалось, и, глядя на свет, поднимающийся со дна озера, я рыдала, как никогда в жизни. Передо мной проносились картинки жизни и, выстроившись в ряд, скрывались за скалами.

Наконец слезы ушли. Шкура на входе в шалаш дрогнула, и показалась рука. Пальцы были обтянуты старческой кожей, на одном из них сверкал перстень. Он напоминал озеро. В какое-то мгновение мне даже показалось, что озеро перетекло в перстень и так же плавно вернулось обратно.

Как замороженная, я смотрела на перстень и ждала. Я чувствовала, что вслед за рукой появится ее владелица и именно он приоткроет тайну моей жизни.

Над озером повисла тишина, и из шалаша вышла старуха. Маленькая, худая, в лепой юбке, на голове — старый платок. Взглянув на меня, она улыбнулась.

— Здравствуй, голубушка. Вот и свиделись.

Я пригляделась. Узкий, с горбинкой нос, широкие скулы... — ба, да это старуха из моего прошлого.

— Видишь, как говорила, так и случилось, — сказала старуха. — Старое гадание, верное.

«Осталась с пустотой», — вспомнила я.

Старуха подняла палец, и, выпустив луч, перстень потемнел. Невидимая стрела впиалась мне в сердце и вприснула мощный поток энергии. Я ощутила себя девочкой. Да-да, эта девочка стояла на берегу, у ног плескалась озеро, а над головой искрился столб, напоминавший нить, спущенную с небес.

Старуха улыбнулась и поднесла дудку к губам. Над озером понеслась мелодия, и я забыла обо всем. Печали, обиды, разочарования... — все это кануло в прошлое, в настоящем была только старуха. Я поднялась над озером и полетела к скалам. И вдруг стало тихо. Я опустилась на берег.

— Сыграю в следующий раз, — сказала старуха.

Камень на перстне вздохнул. Да-да, я видела эту волну. Улыбнувшись, старуха добавила:

— Скоро встретишься с орлом.

— С орлом, — как эхо, повторила я.

Глаза старухи потемнели и стали черными.

— С ним полетишь спасать твоего ребенка.

— Когда это будет? — с ужасом спросила я.

— Летом.

Взглянув на потемневшее озеро, старуха поспешила к шалашу.

— Вчера не догонишь, от завтра не уйдешь, — пробормотала она и исчезла.

Пост *gibel* сопровождался тридцатью комментариями. Ритины друзья высказывали предположения, подбадривали, писали, что сны — это плод воображения и прочее, прочее.

Макса охватила оторопь. В его жизни была такая старуха. Она появилась два раза — на Ленинградском вокзале и во сне.

«Мистика», — подумал Макс.

Восстановив в памяти первую встречу, он вспомнил о платке с монограммой. Это был подарок старухи. Макса охватило беспокойство. Он давно не видел платка. Вдруг потерял при переезде? Макс выдвинул ящики письменного стола — платка не было.

«Потерял. И вероятность найти ничтожно мала».

Макс вспомнил, что на антресоли лежит чемодан со старыми вещами.

«Если ковбойка и светлые брюки в чемодане, платок может быть в одном из карманов».

Максимилиан достал чемодан и поставил его на пол. В ушах звучал оглушительный набат, ладони покрылись испариной. Брюк в чемодане не было, но ковбойка нашлась. Выцветшая, в бело-голубую клетку, она лежала на дне. Из кармана торчал уголок белого батиста. Макс вытащил платок и увидел инициалы «МБ».

— Может, Маргарита Белых? — подумал он с мистическим ужасом.

В глазах у Макса потемнело, и он опустился на пол. Сколько Макс просидел на полу, трудно сказать. Хлопнула входная дверь, и в коридоре появилась Людмила Ивановна.

— Ты что-то потерял?

— Наоборот, нашел.

Макс уже пришел в себя. Спрятав платок в карман, он кивнул на ковбойку.

— Вот вспомнил молодость...

— Понятно, — улыбнулась Людмила Ивановна. — К потерянной встрече бреду наугад... туманней и легче дорога назад... Это — из песни Фроловой.

— Надо послушать.

— Дорога назад... И я по ней хожу. Признаюсь, грустно и сладко одновременно.

Людмила Ивановна пошла на кухню, а Макс, убрав чемодан на место, закрылся в комнате. Он достал платок и, аккуратно развернув, увидел свой волос. Черный, не седой. И тут же услышал голос старухи:

— Храни. Еще пригодится.

Помнится, он спросил:

— Зачем?

— Случайных встреч не бывает. Каждый человек, встретившийся на пути, что-то несет.

Макс включил компьютер. Открыв профиль *гibel*, он, не задумываясь, написал личное сообщение.

тахтаи

Здравствуйте, Рита!

Будучи юношей, я видел сон с подобной старухой. Не знаю, как к этому относиться. С одной стороны, я — взрослый мужчина, с другой... — прямо по Сократу — «знаю, что ничего не знаю».

Судите сами.

Ночь, сугробы, звезды над головой. Я бреду по лесу и вижу огонек. Проваливаясь в сугробах, вышел на поляну. Посреди поляны горел костер, рядом сидела старушка. Широкая юбка из грубой ткани, бархатный полушубок, на голове — пуховый платок, на ногах — валенки. Старуха пристроилась на пеньке и подбрасывала в огонь ветки. Я поздоровался. Бросив в костер полено, старуха сказала:

— В зависимости от того, что внутри, человек дарит тот или иной свет.

— Человек так же одинок, как звезда, — заметил я.

— Это нормально, — ответила старуха. — Если не движешься внутрь, движешься наружу.

— Как узнать, что внутри, если не знаешь того, что снаружи?

— Иди и смотри.

Огонь осветил старуху, и я увидел узкий с горбинкой нос, широкие скулы, огромные, миндалевидные глаза.

— Каждый идет туда, где не был, — сказала старуха. — Много дорог, много направлений. А путь освещает внутренний свет. Если его нет, идешь во тьме; если вспыхнул, никогда не померкнет.

Я многое забыл, но смысл сна был таким.

К чему веду разговор? Старуху видел раньше — на Ленинградском вокзале. Она спасла меня от цыганки. Старуха выглядела так же, как во сне — только одета была как нищенка. На прощание она подарила платок из батиста и приказала его хранить — дескать, со временем пригодится.

Простите за дурацкий вопрос. Нет ли у вас носовых платков с монограммой?

Максимилиан.

Макс даже вспотел от своей решительности. Он пошел в душ и долго стоял под холодной водой. Вытерев докрасна тело, Макс отправился на кухню. Людмила Ивановна готовила ужин.

— Мам, ты в чудеса веришь?

— Конечно.

— Для женщины это нормальный ответ. Если бы так ответил мужчина, было бы странно.

Людмила Ивановна улыбнулась.

— Один из героев Толстого, Пьер Безухов, сказал: «Знать мы можем только то, что ничего не знаем. И это высшая степень человеческой премудрости». Думаю, в уста Пье-

ра Толстой вложил свою мысль. Теперь ответь на вопрос: Лев Николаевич Толстой был странным мужчиной или нет?

- Толстой — гений.
- Это верно.
- Но почему о чудесах не принято говорить?
- Кем не принято?

Людмила Ивановна подошла к сыну. Пригладив его полуседые волосы, она добавила:
— Люди боятся показаться смешными, поэтому и говорят то, что принято. А внутренне свободный человек говорит то, что думает.

- С этим согласен.

Макс вернулся к компьютеру и увидел ответ:

ribel

Добрый вечер, Максимилиан!

Спасибо за письмо. Признаюсь, совпадение поразило. И внешний вид старухи, и ее слова... Однако теперь ничему не удивляюсь. Объясню почему. Три года назад попала в водоворот таких чудес, что только романы писать. И все началось в предновогоднюю неделю.

Платки с монограммой у меня есть. Буквы «МБ» на правом углу. Это — мамин подарок.

Извините, но я не поняла, почему вы спросили о платке?

Рита.

Макс чуть не подпрыгнул от радости.

«Вот оно — чудо. Или пересечение. Почему, зачем — неважно. Старуха — волшебный помощник, я — герой. Отправился в путь, а по дороге кого только не встретил. И по башке не раз получил, и на перекрестках стоял, и в болотах тонул, и на солнце нежился. Словом, не жизнь — сказочная история».

тахтаи

Добрый день, Рита!

Не знаю, что думать. Платок с монограммой подарила старуха.

Максимилиан.

Перечитав переписку, Макс подумал:

«Посмотрел бы на эти письма прагматик, сказал бы: „Шизанутые люди. Вместо того чтобы делом заниматься, посты пишут, комментируют. А разговор о старухе — из репертуара психбольницы“».

Макс усмехнулся. Он давно понял: прагматичные люди не ходят в блоги, где ведут подобные разговоры. Им это незачем. Прагматичные люди не тратят время на поиск созвучия, не открывают душу; они зарабатывают деньги, смотрят телевизор и кушают попкорн. Ну и на здоровье. Каждому — свое.

Глава 13

Рита на последнее письмо Макса не ответила. Мало того, не выкладывала новые посты, не комментировала записи друзей, не появлялась в сообществе «naidi_sebja».

«Уехала отдохнуть», — подумал Макс.

Однако прошел август, сентябрь, октябрь, а Рита не появлялась. Макса охватило беспокойство. Чтобы отвлечься, он ежедневно гулял в Воронцовском парке.

В парке царила осень. Ветер раскачивал деревья, гнал по дорожкам пыль, поднимал увядшие листья, закручивал их в воронки. Макс подставлял ветру лицо и наслаждался его порывами. Под ногами шуршали листья, и на память приходили строчки из старой песни:

И от осени не спрятаться, не скрыться,
Листья желтые, скажите, что вам снится.

У Макса не было тоски и печали — он их оставил в прошлом. В настоящем царило равновесие. Минимум эмоций, максимум размышлений. Макс казалось, что он приподнялся над жизнью, увидел то, чего прежде не замечал. Он походил на муравья, которого подхватил ветер и посадил на вершину старого дуба. «Вот это да, — глядя вниз, кричал муравей. — Оказывается, в лесу много тропинок. А я думал, одна — та, что ведет к муравейнику. А сколько цветов. На поле, в лесу, на лугу. Мне казалось, их мало — россыпь кислицы у старой ели, мать-мачеха, растущая вдоль тропинки, семейство ромашек».

На смену ветру примчалась метель. Она пронеслась над Москвой и, прикрыв порошей газоны, отправилась на восток. За метелью последовала оттепель. Оставив лужи слез, и она исчезла в неизвестном направлении. Ледяной дождь, гололедица, мороз, циклон... — кого только не было в столице. Наконец город примерил белое платье, и у торговых центров появились елки. Москва замерла в ожидании Нового года.

Максимилиан оторвался от компьютера и, посмотрев в окно, сказал:

— Пойду прогуляюсь.

— Вот и хорошо. Настоящая предновогодняя погода. Солнечный день, мороз, — ответила Людмила Ивановна.

Макс вышел из дома и глубоко вздохнул. В воздухе витало нечто необычное — сказочное. Изменив привычке ездить на машине, Макс дошел до метро и, сев в поезд, задумался.

«Мне пятьдесят четыре. Это много или мало? Говорят, время и ценности относительны. Вероятно, так. По большому счету в последние годы все встало на свои места. Я нашел занятие, бросил пить, стал заниматься спортом. Однако чувства спят, и это плохо. Если они не проснутся, жизненный огонь потухнет».

На станции «Чистые Пруды» Макс очнулся и вышел. Чистопрудный бульвар, Покровка, Лялин переулочок... Москва в белом платье и с яркими гирляндами на плечах напоминала барыню. Новогодняя маска на лице, веер в руке, пышные кружева. Макс нравилась предновогодняя Москва. И ветру тоже. Он целовал ее локоны, играл с полупрозрачной кисеей, осыпал платье искрящимися снежинками. Москва улыбалась, и в прорезях маски сверкали ее глаза.

Решив перекусить, Макс остановился у ближайшего кафе.

«Булошная, — прочел он. — Не то ли это кафе, чью фотографию Рита разместила в ЖЖ? Да-да. То самое. Оно как-то связано с Ритой».

Перед «Булошной» появилась женщина. Невысокая, в норковом полушубке, с полудлинными волосами. Женщина несла елку. Поскользнувшись у порога кафе, она упала. Макс бросился на помощь.

— Ничего не сломали? — спросил он.

— Похоже, подвернула ногу.

— Обопритесь на меня. Я провожу. Не возражаете?

— Спасибо. Мне недалеко — в соседний переулочок.

Макс довел женщину до дома, вошел в подъезд, поднялся на второй этаж. Женщина открыла дверь, и первое, что бросилось в глаза, — множество подсветок. Лампочки были в потолке, на стенах, в шкафах. Макс показалось, что он попал в шкатулку со светлячками.

— Красиво.

Женщина улыбнулась. Она сняла полушубок и попыталась разуться.

— Ой!

— Не надо ничего делать.

Макс усадил женщину на пуф и снял с нее сапоги.

— Столько хлопот, — сказала она. — Признаюсь, мне неудобно.

Женщина взглянула на Макса. В больших зеленых глазах мелькнула улыбка.

— Хотите кофе?

— А как же нога?

— Ходить можно.

— Кофе и я могу сварить.

— Э, нет, — улыбнулась женщина. — Такой кофе не сварите.

Прихрамывая, она направилась на кухню. На пороге женщина обернулась.

— Проходите в комнату, — сказала она.

Макс снял куртку и взглянул на себя в зеркало. Собственным внешним видом он остался доволен. Вполне интересный мужчина — высокий, стройный, с выразительными карими глазами. Макс вошел в комнату и огляделся. В глаза бросились книжные шкафы и диван, покрытый коричневой кожей. Стены комнаты были обшиты деревянными панелями и так же, как холл, создавали иллюзию шкатулки.

Макс подошел к окну и замер. На круглой тумбе стоял бронзовый канделябр, похожий на дерево. Таинственные письмена на стволе, причудливые ветви, вместо листьев — хрустальные подвески. Макс дотронулся до бронзового ствола, и хрустальные листья зазвенели. В дверях появилась хозяйка. Она держала поднос с кофейником и фарфоровыми чашками. Комнату наполнил кофейный аромат.

— Дедушкин канделябр, — сказала женщина. — Он называл его деревом жизни.

По спине Макса прокатилась жаркая волна. Он бросил взгляд на письменный стол и увидел синий янтарь.

Поставив поднос на стол, женщина села на диван.

«Разве такое возможно?» — подумал Макс.

Справившись с волнением, он представился:

— Меня зовут Максимилиан. Если вы Рита Белых, значит, мы знакомы.

— Я — Рита Белых.

— Боюсь, что сплю. Дело в том...

— Максимилиан, — пробормотала Рита. — Махмау?

— Да-да. Я вам писал. И о старухе, и о платке...

Макс чувствовал себя неловко.

Похоже, Рита его с трудом вспомнила. А он размечтался... Любовь, романтика, забота...

— Мне нравятся ваши записи. Они — такие искренние... И слог хороший.

Рита смутилась.

— Простите. Во мне проснулся учитель литературы.

Она взяла чашку и, вдохнув кофейный аромат, пригласила Макса к столу. Тот сел на краешек кресла и искоса посмотрел на Риту.

«Изящная. С правильными чертами лица и большими, грустными глазами».

Макс попробовал кофе. Ничего лучше он не пил.

- Вкусно? — улыбнулась Рита. — Хотите, расскажу, как варить?
- Макс кивнул. От волнения он не мог ни говорить, ни думать.
- Я его приготовила по дедушкиному рецепту. Кофе заливаете горячей водой, добавляете щепотку корицы и апельсиновую цедру. Как только появится пенка, снимаете с плиты, смешиваете кофе с рюмкой портвейна и включаете миксер. Как говорил дедушка, главное — строгое соблюдение технологии.
- Попробую приготовить кофе для мамы и Дуси. Думаю, им понравится.
- Сказав эту фразу, Макс покраснел.
- Как мило, — улыбнулась Рита. — Мама и Дуся. А у меня нет мамы. Есть только сын. Из-за него я полгода не выходила в Интернет.
- Что-то случилось? — встревожился Макс.
- У сына — порок сердца. Ездили с ним в Париж, сделали операцию.
- Все нормально?
- Да.
- У меня — взрослая дочь, она живет в Германии.
- Такое впечатление, что я вас видела, — сказала Рита. — То ли наяву, то ли во сне. В Рите не было ни капли позерства. Она не пыталась произвести впечатление, не строила глазки, не принимала эффектные позы.
- Странно, не правда ли? За два дня до Нового года мы с вами оказались в одной точке. Могли бы пройти мимо, и вдруг мое падение. Тут волей-неволей познакомились.
- Рита улыбнулась.
- Как думаете, почему я упала?
- Поскользнулись.
- Удивительно. Поскользнулась прямо перед вами. Не сломала ногу, просто слегка подвернула. Однако повод для знакомства появился. Вы проводили меня до дому, увидели янтарь, вспомнили фотографию и...
- И понял, кто на моих глазах подвернул ногу, — добавил Макс.
- Прodelки судьбы. А зачем, почему — неизвестно.
- «Все верно — встреча не случайна, — подумал Макс. — И вообще, жизнь — не дело случая».
- Четыре года назад у меня были две встречи. Тоже предновогодние. Я была в эйфории. Разве такое возможно? Нет-нет, это — сказка. А потом поняла, жизнь и есть сказка. В ней — такие чудеса, что волей-неволей подумаешь, что все предопределено.
- Но как это возможно? — спросил Макс.
- Не знаю. Я таких вопросов больше не задаю. Однако удивляться удивляюсь. В свое время старуха предсказала и мои встречи, и моего сына. Помните сон, что выложила в ЖЖ?
- Конечно, — ответил Макс. — Его активно обсуждали.
- Концовка была такая: «Встретишь орла и полетишь спасти твоего ребенка». — «Когда это будет?» — спросила я. Взглянув на озеро, старуха нахмурилась. «Летом», — ответила она. Так и получилась. Подозрения на порок сердца были и раньше. А тут приступ, синие губы... — словом, я схватила сына и улетела в Париж.
- Не боялись? Все-таки самолет, перепад давления...
- Чему быть, того не миновать.
- Макс поднял брови.
- «Лизина фраза».
- Откуда синий янтарь?
- Из Доминиканской Республики, — ответила Рита. — Дедушка говорил, огромная редкость.

- Почему?
- Солнечный камень с кусочком неба.

Рита встала.

- Извините, Максимилиан. Мне пора за сыном.
- Как же нога?
- Дойду потихоньку. Сын недалеко — в соседнем доме.

Макс накинул куртку и помог Рите одеться. Они вышли из подъезда.

- Рада знакомству, — сказала Рита. — Заходите.
- Можно номер телефона?

Рита продиктовала номер, махнула рукой и, припадая на правую ногу, пошла к Лялиному переулку. Макс смотрел вслед. Сделав несколько шагов, Рита остановилась. Обернувшись, она спросила:

- Вы написали о платке. Он с вами?
- Да, — сказал Макс.
- Покажите.

Макс подошел к Рите и протянул подарок старухи. Последнее время он носил его с собой.

- Мой платок, — сказала Рита. — Извините, сколько вам лет?
- Пятьдесят четыре, — ответил Макс.
- Значит, платок появился, когда вам было...
- Семнадцать.
- Мистика!

Макс понимал, Рита права — такие совпадения по-другому не назовешь. Тем не менее он спросил:

- Почему мистика?

— Когда мне исполнилось три года, мама купила батист и сшила дюжину платков. Вышив на каждом монограмму, она убрала их в комод и сказала: «Это — твоё приданое». Через какое-то время платков оказалось одиннадцать. Помню, мама пошутила — дескать, один платок жених утащил. «Какой?» — спросила я. «Барабашка», — ответила мама.

- Соколик, доведи до церкви. Уж больно скользко сегодня.

Макс повернулся и увидел старуху. Маленькая, в нелепой шубе, на голове — желтый шарф. Ни дать ни взять — нищенка. Однако лицо старухи притягивало взгляд. Узкий с горбинкой нос, широкие скулы, необычные губы.

- Вот и свиделись, — сказала старуха. — Зайдешь в церковь?

Макс кивнул. Придерживая старуху, он вошел в Яковоапостольскую церковь. В руке старухи появились свечи. Протянув Максу свечу, старуха сказала:

— Поставь на помин отца. Многого он не понял, так и умер во тьме. Однако отца не кори. Как мог, так и жил.

Старуха отдала Максу вторую свечу и подошла к старой иконе.

- Иоанн Апостол. Поставь свечу здесь. За здоровье матушки. Дай Бог ей здоровья.

Старуха перекрестилась.

- Третья свеча — для тебя. Ставь рядом со второй. И перекрестись.

Макс зажег свечу и, глядя на лик Иоанна Апостола, перекрестился.

- Вот и хорошо, — сказала старуха. — Если свет осветил душу, он не померкнет.

- А Тьма? Что будет с ней?

- Уйдет в Зазеркалье.

Макс потянулся к старческой руке и неожиданно для себя поцеловал.

— Спасибо за все, что сделали для меня.

— Эка как хорошо сказал, — улыбнулась старуха. — И дальше благодари. Чем чаще, тем лучше.

Макс кивнул и вышел из церкви. Ему казалось, что он скинул с плеч двойника. Могущественного и коварного. Того, кто тянул в Зазеркалье, кто не давал вернуться к себе.

Проходя мимо сквера, Макс обратил внимание на парня с гитарой. Тот сидел на скамейке и, глядя на окна дома, перебирал струны. Макс подошел к парню, и тот запел:

Когда я устану жить,
Когда я устану петь,
К себе меня привяжи,
Чтоб сердце мое согреть.

Когда я устану петь,
Когда не смогу летать,
Чтоб глупо не умереть,
Позволь мне тебя желать.

Андрей ЛОГУТЕНКО

* * *

Что осталось от отца —
Небо, полное свинца.
Только капли по стеклу.
Только силуэт в углу.

Кто ты? Что ты здесь забыл?
Нет ответа. Только взгляд...
А во снах гробы. Гробы
Черным пламенем горят...

Только детские дома.
Ветры, дующие в ночь...
Где-то горько плачет мать —
Задавило тишиной...

Что осталось от семьи?
Только память. Только страх.
Я смотрю на небо, и
Только серое в глазах.

Что осталось от меня?
Что останется со мной?
Пламя черного огня,
Приходящее из снов...

Где вы? Кто вы? Где ваш свет?
Кто теперь моя семья?
Только странный силуэт.
Только тишина и я...

* * *

Там было не так, как здесь.
Там — всё по-другому.
Я есть —
Это значит, что падать в омут —
Совсем не сложнее, чем летать
Или видеть звезды.

Андрей Логутенко родился в 1991 году в городе Кемерово. В 2008 году поступил в Мариинский педагогический колледж, окончил в 2014 году. Автор книг «Бессонница» (Кемерово, 2009) и «Детдомовский ветер» (Кемерово, 2015). Публиковался в журналах «Огни Кузбасса», «Воин России», «Союз писателей», «Образ». Живет в Новокузнецке.

Пока ты на дне —
Не нужен для легких воздух.
Пока ты не здесь, а там —
Считаешь мгновения.
Мечта — стать своей же тенью —
Своим откровением.

* * *

Я боюсь повторяться.
Я боюсь повториться.
Перепутать пространство,
События, лица...
Я боюсь постоянства и вечных традиций...
Я боюсь не проснуться,
А снова родиться.
Чтобы снова рассвет
Или крик на рассвете...
Вроде жил, вроде нет -
Только годы на ветер...
Не хочу снова в массы.
А хочу в небо птицей...
Чтобы не повторяться,
Чтобы не повториться.

* * *

Несколько раз был закинут невод,
Он приносил только мусор и тину.
Какие ребра, такие Евы.
Зря не меси своей жизни глину.

Все, что не понял, увидишь после.
Все, что узнал, только шепот лета...
Вот и Венера — в нелепой позе,
Руки свои потеряла где-то.

Только и может — орать да плакать.
Вот и гадай — что давно не ново:
То ли неправильно видел знаки...
То ли гончар из тебя хреновый.

* * *

Синдром реализма — романтики сходят с ума.
Беспечная жизнь устарела и больше не в моде...
На улице бродит понуро ночная зима,
Все ищет тепла, только вечно его не находит...

А утром опять ощущение, будто вчера
И не уходило, и завтра уже не настанет...
И так потихоньку выходишь в мороз и маразм
И бродишь заблудшей лошадкой в народотумане...

* * *

Что ты видишь?
Вижу тишину...
Что ты слышишь?
Слышу белый свет...
Уходил мой разум на войну,
Все мои мечты сводя на нет...
Вот они, руины прошлых лет,
Все еще дымятся и фонят...
И бредешь на ощупь по земле,
И душою ловишь каждый взгляд.
Вместо неба только глубина —
Манит: ну давай ныряй скорей...
И давно закончилась война,
Только разум не расстался с ней.

* * *

Ты кто?!
Я человек... я вышел на дорогу —
Один. Куда идти, пока не знаю, но
Я вижу — ночь тиха, пустыня внемлет Богу,
И так спокойно здесь, что хоть снимай кино.

Какое, блин, кино?!
Наверно, мелодраму...
Идет себе чувак, глаза в небеса...
И кажется сейчас,
Что он счастливый самый,
Что именно его
Хранит Всевышний сам.

А если нападут на путника бандиты?!
Дорога ведь и ночь...
Не будь занудой, а!
Смотри-ка, эта ночь как будто бы отлита
Из самых светлых звезд... и кругом голова...

А ты вот задаешь ненужные вопросы,
Сценарий, мол, тебе с убийством подавай...
Шагай себе вперед,
Глазей себе на звезды
И, может быть, придешь
Однажды прямо в рай.

* * *

Сотни-тысячи злодеев
Потерялись, растерялись...
Перестали злить и злиться
И нести по миру зло...
Может, это от безделья...
Может, просто испугались...
Перекошенные лица
Тех, кому не повезло...
Мы, наверно, где-то рядом,
Видим, чувствуем и слышим...
Нам друг друга, хоть разбейся,
Не понять и не простить...
Слишком много было правды...
И теперь как можно тише
Мы уходим... Бьется сердце...
Замерев на полпути,
Обернуться, улыбнуться,
Только так, как мы умеем...
Мы пойдем друг друга после
Ночи самых сладких грез...
Нам осталось разминуться...
Мы ведь главные злодеи...
Мы не рядом... Просто возле...
Просто все у нас всерьез...

* * *

Жизнь к слову.
Жизнь в слове.
Жизнь — слово.
Душа в ожидании снова.
И кажется, будто порой
В душе механизм часовой...
Тик-так.
И срывается с губ
Все то, что увидел-услышал,
Как будто падение с крыши,
Как будто следы на снегу.
Босые...

Вера ХАРЧЕНКО

«ПОЧЕМУ ТЫ НЕ ХОХОЧЕШЬ? ХОХОТАЙ! ХОХОЧЬ!» О детской речи — серьезно!

А ведь и правда, детская речь со времен знаменитой книжки К. И. Чуковского вызывает улыбку, и в недрах каждой семьи, имеющей или имевшей когда-то малыша, хранится тот или иной детский перл. Почему и мы начинаем повествование с детских шуточек-штучек, коих можно привести множество, хотя речь пойдет не только о них.

У Вити начался зубопад! Мальчик зовет Бима, а он занюхался и не слышит его. Кузнечик, наверное, очень жирно наелся и не смог прыгать. Вам прическу сделать дыбом? Давайте я ваше дышанье проверю... Да, дух нормальный, и сердце бьется. Жалко, что воскресенье только одно. Хорошо, если бы после воскресенья было восьмисень, девятисень, десятисень... У меня не безвкусные колготки, а очень даже вкусные. Я так проголодался, что сейчас умру от аппетита. Это цвет морской волны. — Болотной волны! А бывает пуленепробиваемая косметика? Это бабочка, а это ее детки — бабятя. А как корову доить? Ей же не дашь ведро и не скажешь: «Дой в ведро!» (После объяснения) Тянут груди? — Концерт будет на площади. — Дети кричат будут? — Какие дети? — А у нас в садике, когда дети кричат, воспитатели говорят: «Концерт устроили!»

Детский юмор хорошо делится на две части: преднамеренный и непреднамеренный, и в отношении непреднамеренного, примеры которого приведены выше, русскому ребенку повезло более, нежели его сверстникам из других стран. Попробуйте поставить в родительном падеже множественного числа, к примеру, слово *абзац*. *Абзацей?* *Абзац?* *Абзацов?* И все не то, все не так, пока не высветится правильное: *абзацев!* Ну, ладно, возьмем более легкое слово: *карандаш*. *Карандашов?* Да нет же, *карандашей!* Так что и здесь нам есть что исследовать!

Детскую речь тщательно изучают во всем мире, причем как в индоевропейских, финно-угорских, семитских, тюркских, китайско-тибетских языках, так и на материале австронезийских языков, языков майя, кечумаран. Ученые установили, что в речи детей отражается **этапность** развития языка. Парадоксально, с какой частотой ребе-

Вера Константиновна Харченко родилась в Калининне (Тверь), окончила Новосибирский педагогический институт и аспирантуру при кафедре русского языка Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и русской литературы Белгородского государственного национального исследовательского университета. Автор более 600 научных работ и пяти поэтических сборников. За двухтомный «Словарь богатств русского языка» в 2004 году удостоена медали ВВЦ (ВДНХ). В журнале «Знамя» в 2006 году опубликовала статью «Русский язык: бедность или богатство?». Живет в Белгороде.

нок, создавая свои слова, угадывает, улавливает, дублирует, повторяет слова и значения, **некогда существовавшие в языке** и зафиксированные в исторических словарях. Редко кто из детей не назовет белку *белой*, земноводных животных *водоземными*, не скажет об игре *играние*. Подобные совпадения детских слов и языковой архаики тем более красноречивы, что общий запас слов у ребенка, подчеркнем, невелик. Приведем другие примеры на совпадение: *плитный, вывельч, выскок...*

Но есть и другие типы совпадений. Есть совпадения детской речи с **диалектизмами**: *куплять, лъзя, молоковий*. Есть совпадения с **другими славянскими языками**: *спаситель* в детской речи и в болгарском языке. Интересны совпадения детской речи **со словами из художественных и публицистических текстов**: в детской речи *утреет* и у А. Блока, *светлота* в детской речи и у Н. С. Лескова, *тихость* в детской речи и у Б. Шергина, *упадать* (и у К. Д. Ушинского), *глубокость* (и у В. Г. Белинского). Есть некоторые совпадения с **ошибками лиц, изучающих русский как иностранный**: *проснуйтесь, рисоваю, возьмила*.

Конечно, таких совпадений немного, но они открывают потенциальное в языке, тот фонд, благодаря которому язык живет и действует. Лингвисты, изучающие детскую речь, оказываются дружнее остальных лингвистов. Об этом говорят те, кто побывал в дальних странах. Однако и к нам едут. И надо сказать доброе слово о человеке, привлечем многих (и меня тоже!) к изучению детской речи. Это Санкт-петербургский ученый Стелла Наумовна Цейтлин, доктор наук, профессор, трудами которой были организованы в свое время кафедры детской речи и появились подвижники изучения языка ребенка. В Орле и Белгороде, Череповце и Екатеринбурге, Москве и Воронеже — у нас есть на кого опереться, есть с кем сотрудничать. Каждый год в Санкт-Петербурге организовываются конференции по детской речи, на которых обсуждаются самые животрепещущие вопросы. Одним из таких вопросов стало двуязычие детей. Образовался Центр билингвального и поликультурного образования, на заседаниях которого обсуждается проблематика двуязычия: хорошо это или плохо, отстают такие детки в развитии или, напротив, опережают монолингвов, какие методики используются при изучении степени билингвизма и пр.

Однако немало у детской речи проблем как старых, так и новых. Это **ситуация с детьми-индиго**, требующими внимания и заботы. Ждем автобуса ехать на пляж. На скамейке немолодой сухощавый мужчина лет 60. Женя тут же начал выстраивать диалог: *А вы где живете? — В Сочи. — А почему же вы здесь сидите? — А я к сестре приехал*. Дошкольники моего поколения с такой легкостью в общение с незнакомыми не вступали. Считается, что появился новый тип детей. Не все с этим согласны, но и не учитывать, что перед нами нечто новое, тоже нельзя. Актуальным остается, **как влияют мультфильмы на речь детей**, и прежде всего замечательный сериал «Лунтик и его друзья». За раскраской: *Каким ты это будешь? — Не знаю пока. Разберусь. А уши у Лунтика сделаю розовым. — Сиреневым. — Ну, тогда синим. Он же похож на сиреневый*. Старший брат цитирует мультфильм: *Я твоя совесть! Я не могу тебя оставить без покоя! Я твоя совесть!* Младший в ответ: *А я твоя еще одна совесть!*

Далее, острой темой становится **отсутствие общения sibлигов** (братьев и сестер). Все злободневнее становится ситуация с детьми, «общающимися» в основном с мониторами, **живущими в виртуальной реальности**. Родители перегружены? Конечно, перегружены, но, согласимся, не более чем наши предки!

Проблематичным остается отсутствие **большого, многотомного словаря детского языка**. Да, многие слова встречаются один-единственный раз, но есть и такие, которые свойственны практически всем детям. Объединить бы их в одном издании! Это была бы детская вселенная в алфавитном порядке. Тогда бы и легче было находить

соответствия, о которых мы вели речь выше, и находить аналоги высказываний собственного ребенка, да и просто читать, восхищаясь (да-да, восхищаясь!) потенциальным богатством русского слова. «Все на свете должно превосходить себя, чтобы быть собою», — пронизательно заметил Борис Пастернак.

Увы и ах! Детские слова быстро забываются, и это понятно почему. Мы за долгие-долгие годы сформировали фонд правильных слов, который нам диктует свои правила и который безжалостно стирает из памяти все неподходящее. Поэтому предупредим родителей или тех, кто смотрит за детьми: записывать лучше сразу, как прозвучало слово, записывать лучше целую фразу, наконец, не ленитесь ставить дату (включая и год), тогда ваша запись станет документом. В любом случае она будет прочитываться с большой благодарностью уже выросшими детьми. Ну и точность записи, конечно же, почему лучше не откладывать, фиксировать сразу же.

Наблюдая и опекая детей, мы открываем себя с неожиданной стороны. Психологи проводили эксперимент, изучая поведение детей в процессе игры. Выяснилось, что десять процентов детей «ошибались»... в пользу своих партнеров. Значит, рассуждения о повальном детском эгоизме, эгоцентризме требуют корректировки?

Математики выяснили, что около семи лет ребенок открывает для себя обратимость и транзитивность, рекурсивность и взаимное соответствие отношений, включение классов и сохранение числовых ансамблей, однако для квалифицированного использования возможностей человеческого мозга необходимы лонгитюдные исследования, то есть многолетние наблюдения от младенчества до взрослости.

Конечно, «размеры» белых пятен различны: иногда это солидные пространства, а иногда сравнительно узкие территории. В 1949 году в блестящей статье, посвященной, выражаясь сегодняшним языком, коммуникативной грамматике, прагматике, психолингвистике и социолингвистике слов *питеньки*, *гулятьеньки*, *спатьеньки*, *потягунюшки* в так называемом языке нянь¹, Н. В. Касаткин выдвинул идею **терциарной речи**. «Речь, обращенная непосредственно к одному слушателю, но рассчитывающая и на другого слушателя, и является терциарной речью». Слово обращено, конечно же, к ребенку, но еще и к тем, кто находится рядом, но не участвует в одевании или кормлении малыша. Происходит, по мысли Н. В. Касаткина, социализация действий, приглашение других лиц поучаствовать в простых делах самых маленьких. Но и это еще не все. Слова *питеньки*, *гулятьеньки* и подобные являются и существительными, и глаголами, они приглашают ребенка в социум, мягко напоминая, что жизнь — хорошая штука.

Расскажем еще об одном исследовании детской речи. Мы попытались применить методику коврового считывания, когда фиксируются — подряд! — абсолютно все непопадания в норму. Нельзя не согласиться, что любое исследование языковой непрерывности, «кисельности», если оттолкнуться от метафоры, принадлежащей известному биологу Н. В. Тимофееву-Ресовскому («некисельность жизни»), уже будет значительным шагом вперед, поскольку традиционный анализ фактов строится на их обособлении, то есть опирается прежде всего на дискретность. Но «шаг вперед» сделать весьма трудно, поскольку надо искать новые приемы анализа сливающегося, целостного в своей динамике и вариативности объекта.

Приведем ковровые (континуальные) фрагменты речевых ошибок двух братьев, шестилетнего Льва и трехлетнего Жени, допущенных в течение нескольких часов наблюдения. Знаком # помечены границы отдельных записей.

¹ Касаткин Н. В. О лингвистическом своеобразии языка, употребляемого в речевом общении с младенцем // Учен. зап. Томского гос. пед. ин-та. Т. VII (серия гуманитарных наук). Томск, 1949. С. 108–115.

На прогулке. Лев: Баб, на том камне много насекомых, **включая** муравьев. <...> Я понял, что **самых частых** (распространенных) животных очень интересно изучать, а не самых редких. Они разного цвета, разной формы. # Женя: Я тебе **растеру** мобильник (ваткой от тополиного пуха). Брату: Я тебе **протеру** руку. # Лев: Баб, а я видел, как **тополиный пух догоняет муху**. # Я: Корни обнажились. Лев: И потому они **высунулись** из земли? # Лев: Что, когда тополь цветет, надо все **прожаривать** (просушивать пальто, одеяла, ковры)? # Женя: Можно мы **разденем шапку** (снимем панамку)? # Я: Слышите, запах борщом? Борщ кто-то варит. Лев: Только надо говорить не «слышите», а «чуеете» или «чувствуете борщ?» # Лев: Баб, а как **появляются** дащи? # Лев о соловье: У него разные **коленья** (колена в пении). # Женя: А мы уже **сколько часа** гуляем? # Я в белом костюме. Женя: Баба **пришла врач** (врачом, как врач)! # Женя отцу: А ты **стоял** когда-то на поезде **стоя?** # Лев дома кормит черепах. Женя: А Лева что ест, **корм?** (29 мая 2009 г.).

Я: Елка моя (сосновая ветка) не пахнет. Лев: Или **нюх сорвался** (испарился). # О Лялиной кошке Лошадке. Я: Женечка с Лошадкой **познакомился**. Женя: Но она убежала. **Так нечестно!** # Я: Попить дать? Хочешь компотику? Женя: Хочу! Компотику! Отличная идея! Баб, спасибо, что дашь. **Хорошая идея**, я хочу компотику. # Женя: Я сплю **одновременно** с открытыми глазами. # Женя: **А компот и варенье чем отличаются, баб, я забыл?** # Лев смотрит книгу: Смотри, какую газель **растрепал**. # Лев: Я ее **на вид** могу узнать (по виду) (1 января 2010 г.).

Женя: Я не хочу ездить на Ерик: там не так **смело** (не так страшно, не так опасно лазить по деревьям). # Я: Дай 10 рублей: я подую вентилятором. Женя: **Пять тысяч тысяч** я тебе дал. # Женя: **На каком ты свете живешь?** — Что ты имеешь в виду? — Ничего я не имел в виду! Я просто спросил, на каком ты свете живешь. # Лев: Можешь опять мне конем **угрожить**. Я побую его все равно. # Я повторно: Жень, подари мне эту картину! Женя тоже повторно: Хорошо! **Да сколько раз говорить: хорошо да хорошо!** # Женя: Все разрушилось **от динозавров** (из-за динозавров) (6 января 2010 г.).

Из приведенных трех отрывков видно, какое расколосье «ошибок» обнаруживает подряд-фиксация. Осознавая как трудности, так и необходимость изучения «живой» детской речи, поделимся некоторыми полученными в ходе исследования результатами.

Во-первых, такой подход раскрывает панораму усилий детского языкового сознания **по овладению языком в целом**, обнажает процедуру усвоения всего языка, что заставляет более снисходительно реагировать на ошибки и более убедительно воспринимать русский язык как наитруднейший. Приведенные фрагменты типичны своей пестротой, многообразием проявлений «детскости» речи, начиная от подражания «взрослым», причем письменным, оборотам речи, **включая** муравьев и кончая непреднамеренной метафорой «корм» о пище. Такая открытая пестрота непопаданий может иметь, повторим, прикладное значение. Поскольку ребенок овладевает «сразу всем» в языке, мы должны более лояльно, более терпеливо реагировать на неизбежные непопадания.

Во-вторых, континуум детских непопаданий в языковую норму обнажает **соседство усвоения языка** (разрушилось от динозавров, конем угрожить) и **запечатления** (импринтинга) языка: *Да сколько раз говорить..., Так нечестно! Хорошая идея, баб, я хочу компотику! Ничего я не имел в виду! Я просто спросил...* Точнее, такой подход позволяет вписать механизм запечатления, найти ему достойное место в традиционном авторитете обучения и самообучения языку. Детская речь выступает как процесс получения знаний и как результат, то есть сами знания. Проявляется это в сочетании эффекта обучения, усвоения языка, языкового дрессинга, эффекта «школы» и вместе с тем эффекта импринтинга, запечатления готовых форм, блоков. Одновременно фиксиру-

ются примеры детской образности, детской логики, детских реминисценций, детской цитации взрослых реплик и тех же песен, стихотворений.

В-третьих, именно ковровый анализ «всех» непопаданий позволяет в таком сочетании усвоения и «фотографирования» языка обратить внимание на следующие два момента. Первое: **само усвоение ритмично и асимметрично**. Некоторые весьма трудные, на взгляд наблюдателя, слова (например, актуальные для современного дитяти названия динозавров или та же компьютерная лексика) усваиваются на порядок быстрее ожидаемого, тогда как целый ряд словоформ остается упорно встречающимся камнем преткновения, образуя группу долгоиграющих ошибок и формируя проблемные зоны в пространстве детской речи. Например: *вытрел* (вытер). И второе: **факты запечатления реплик тоже чреваты «непопаданиями»**. Детское мышление оставляет здесь свои следы: *Да сколько раз говорить: хорошо да хорошо... На каком ты свете живешь?*

В-четвертых, прием коврового считывания дает возможность исследовать **общенные братьев**, в частности языковую игру. Младший учится у старшего, который под настроение поправляет, корректирует произношение или употребление слов и в то же время который не прочь поиграть в «малышовую» речь, повторяя за младшим братом полюбившиеся слова.

В-пятых, было обнаружено, что образный слой детской речи насыщен **преднамеренными сравнениями и непреднамеренными метафорами**, но не наоборот: непреднамеренными, на автоматизме, автопилоте, сравнениями и преднамеренными метафорами. Для последних еще не хватает «запаса синтаксиса». Детская речь может стать весьма плодотворным пространством изучения «воображаемых миров». Игра дарует большую свободу языку, почему и наблюдаются гирлянды «непопаданий» в стремительном развитии игрового действия.

В-шестых, уже на перспективу: ковровые срезы позволяют провести исследование «годовых колец», например, словотворчества или формотворчества, выявить динамику этих процессов, сопоставить количественные выкладки.

Нет-нет, мы еще только приступили к исследованию горизонтальных срезов детской речи, и приведенные данные являются предварительными, требующими проверки и доказательств, скажем, на материале других детей. Нам важно сейчас подчеркнуть острую необходимость пребывать рядом с детьми, пока они еще дети.

Мы выше вели разговор о словарях детского языка. В книге «Искусство создания словарей» есть любопытное высказывание Сэмюэла Джонсона (1747 г.), который сравнивал словари с часами: «Словари подобны часам: обладать худшими из них лучше, чем не иметь никаких: но и о лучших из них мы не можем утверждать, что они абсолютно точны». Чувство неудовлетворенности охватывает составителя словаря детской речи еще и потому, что в отличие от нормативного толкового словаря (так ли уж много случайно не зафиксированного остается за его пределами?) любой составленный, изданный словарь детской речи буквально тонет в лавинах новых и новых, неизбежно остающихся за его бортом очаровательных детских высказываний. И тем не менее записывать, собирать надо.

И еще одно пояснение. Само слово «словарь» ко многому обязывает его составителей. В спорах о происхождении, произношении, написании, употреблении того или иного слова рядовой носитель языка обращается к словарю как к арбитру, авторитету. Хотим мы того или нет, но уважительное отношение к самому жанру словаря распространяется на все типы словарей. Поэтому включать в словари нецензурные (непечатные) слова и тем самым как бы закреплять права таких слов мы считаем недопустимым, даже если дети и произносят всю эту лексику. «Пусть это приходит в мир

и даже царит в мире, — но не через меня», — сказал, хотя и по другому поводу, по поводу лжи, А. И. Солженицын. Составители словаря в какой-то степени выполняют функцию фильтра, стремясь передать в будущее не совсем то, что получили из прошлого.

Изучение детской речи поможет постичь философию детства, осмыслить, что же даст нам изучение детства. Понятие «ребенок» так тесно сопряжено с понятием «воспитание», что о других связях этого слова мы подчас и не подозреваем. Успех политических и экономических нововведений в стране во многом, если не напрямую, зависит от состояния науки, развития культуры, значимости религии. Необходимо уже сейчас наметить плоскости сопряжения науки и детства, религии и детства, культуры и детства. Попытки такого соприкосновения, соучастия, состыковки уже есть. Необходимо их теоретическое осмысление, расширение их форм и... не ожидание быстрых результатов. Оберегая и обогащая любовью детей, созидая и создавая мир для детей, делая все возможное, читатель, останемся мудрыми стойками в ожидании всходов, не будем выкапывать семечко, чтобы узнать, почему оно сегодня не проросло.

Юлия МИХАЙЛОВА

ХРЕНКОВ ДМИТРИЙ ТЕРЕНТЬЕВИЧ (1918—2002)

Воспоминания дочери

Армейский человек

Мой отец, Хренков Дмитрий Терентьевич, принадлежал к тому поколению советских людей, для которых понятия «Родина» и «патриотизм» в их советском наполнении были не пустыми словами, а сутью и смыслом жизни. Сейчас часто можно услышать высказывания, что, мол, такие люди были «жертвами пропаганды», но это, безусловно, не так. Для многих представителей его поколения это была искренняя вера, пусть и наивная, в то, что революция и последовавшее затем преобразование России — строительство заводов, железных дорог, электростанций — смогут сделать жизнь народа лучше и счастливее. Ведь так же думали и мыслители эпохи Просвещения, начиная с Вольтера и Руссо.

В студенческие годы, когда среди моих друзей появились критически мыслящие люди, я часто с поддевкой спрашивала отца, что же хорошего сделала советская власть. Он всегда отвечал одно и то же: «Посмотри, все население страны стало грамотным. Разве одного этого не достаточно?» Для него, выросшего в бедной семье и сумевшего многого добиться в жизни в силу собственных способностей и упорства, такое объяснение было, пожалуй, вполне естественным. Я не осмеливалась с ним спорить, да и какие аргументы я могла тогда привести. Ведь от нас, детей, выросших в «благополучных семьях», правда скрывалась, да и наши родители сами не знали всю правду. Сейчас, когда мне самой уже семьдесят лет и я имею опыт жизни и работы в разных странах, я всегда говорю своим студентам, что от социализма в двадцатый век пришла *идея* социального равенства и защищенности, которая в наибольшей степени реализовалась в настоящее время в скандинавских странах или, скажем, в Австралии, хотя господствующий сейчас в мире режим неолиберализма вынуждает людей жить совсем по другой, волчьей, логике.

Детство и юность

Отец родился в Крыму, в городе Керчи, но вскоре семья переехала в Симферополь. Семья была, что называется, с революционными традициями. Дедушка по отцовской линии участвовал в подпольном движении еще до революции. Его фотография висе-

Юлия Михайлова родилась в 1948 году в Ленинграде. Окончила восточный факультет ЛГУ по специальности «История Японии». Имеет более ста научных публикаций. Несколько лет работала в Австралии. С 1996 года живет и работает в Японии.

ла в местном краеведческом музее города Керчи. Он был плотником, но зарабатывал, видно, не очень много, так как бабушке Юлии Дмитриевне, в честь которой я названа, приходилось подрабатывать и поденщицей, и чернорабочей на фабрике. Как вспоминал впоследствии отец, у них в доме часто собирались бывшие подпольщики, в том числе приходил П. В. Макаров, автор популярной книги «Адъютант генерала Май-Маевского», по которой спустя десятилетия был поставлен телевизионный фильм «Адъютант его превосходительства». Мальчиком отец всегда с интересом слушал их рассказы, так что идеи революции он усваивал с детства.

Среди родственников была некая Софья Германовна Хренкова, на могилу мужа которой семья ходила на Троицу. Перед отъездом отца на учебу в Ленинград Хренков-старший поведал сыну то небольшое, что было известно о ее деятельности как члена партии социалистов-революционеров, и наказал разузнать подробности. Отец выполнил наказ и собрал о Софье материалы. Она работала то школьной учительницей, то корректором в типографии, но также писала стихи, которые были широко известны членам революционного движения. Из-за своей революционной деятельности Софье часто приходилось переезжать из города в город. Эта мужественная женщина, имевшая к тому времени двух дочерей и воспитывавшая их одна (муж умер, и именно на его могилу ходили на кладбище в Симферополе), была среди толпы, вышедшей 9 января 1905 года к царскому дворцу. Она не раз арестовывалась, много времени провела в тюрьмах и покончила с собой в знак протеста против обращения с заключенными — сожгла себя в тюрьме, облившись керосином. Каково же было мое удивление, когда я увидела портрет нашей родственницы в американской книге «Россия в визуальных образах». Он приведен в статье, рассказывающей о том, как могли выглядеть образованные рабочие начала XX века. С овальной фотографии, явно предназначавшейся для того, чтобы поставить дома на комод или повесить на стенку, на нас смотрит скромно одетая женщина без всяких украшений и вычурности в прическе, но взгляд ее полон достоинства и самоуважения. Кажется, что она четко знает свою цель в жизни.

Уже в школьные годы проявились лидерские и организационные способности отца. В школе он был председателем учкома, совета старост, секретарем комитета комсомола школы, участвовал в пленуме горкома ВЛКСМ, увлекался изданием стенгазеты.

Тогда же в школьные годы у отца проснулась любовь к поэзии и, я бы сказала, даже какая-то одержимость ею. Ведь почти все его книги рассказывают о поэтах, которых он знал лично и с большинством из которых сдружился на дорогах войны. Как это часто бывает, интерес к поэзии у него пробудила учительница литературы, прочитавшая детям вступление к «Руслану и Людмиле». Сам отец, насколько я знаю, стихи не писал, за исключением нескольких стихотворений, адресованных близким по шуточным поводам. Однако он обладал стопроцентной памятью на стихи. Его способность читать стихи по памяти пригодилась сначала в школе, когда перед началом концертов отца выпускали на просцениум читать стихи перед всем залом, а потом на войне, когда он читал стихи бойцам в перерывах между боями. Любопытно, что уже в школьные годы отец был знаком с «Фартовыми годами» Виссариона Саянова, о котором он позднее напишет книгу.

В 1936 году способный паренек был направлен из Симферополя в Ленинград учиться в Коммунистическом институте журналистики (КИЖ) имени Воровского, находившемся на канале Грибоедова, 166. Каждый раз когда мы проезжали мимо здания института, расположенного в старинном особняке, отец вспоминал друзей студенческих лет. Запомнилось одно шуточное двустишие, которое у нас дома буквально стало присказкой, звучавшей каждый раз, когда следовало раскритиковать чью-либо писанину: «У журналиста Силина в мозгу одна извилина, и та из ж... Сажина как будто пересажена». Чаще всего отец вспоминал вечера поэзии, где выступали Б. Корнилов,

Б. Лихарев, Н. Тихонов, В. Саянов. Его любимым преподавателем был А. И. Шабанов, человек, учившийся в ленинской школе в Ложюмо, и член Ленинградского оргкомитета по подготовке I съезда советских писателей. Его предметом в КИЖе значилась история партии, но в действительности он скорее читал лекции по литературе, включавшие множество стихов, стремясь поднять культурный уровень студентов в целом. В своей книге о Николае Тихонове отец вспоминал, как именно эти занятия принесли ему понимание значимости Тихонова и Маяковского как поэтов, заложивших основы будущей советской литературы и, главное, определивших перспективы ее развития.

В 1939 году произошло важное событие в жизни отца. Его приняли кандидатом в члены ВКП(б). Из автобиографии и характеристик в партию можно узнать, что отец был не только способным студентом, но и редактором издававшихся в КИЖе «Литературной газеты» и «Литературного сборника», вожатым в одной из школ Октябрьского района, а в 1937–1938 годах работал референтом горкома ВКП(б). Можно сказать, что близкой по роду деятельности он и будет заниматься всю свою дальнейшую жизнь.

В том же году отец был направлен на журналистскую практику в Москву в газету «Правда», главным редактором которой был один из сталинских палачей Лев Мехлис. Однако отцу он однажды спас жизнь. Лев Гаврилов уже описал тот случай в своей книге «Это было однажды» (с. 70), но Мехлис в его рассказе отсутствует. Поэтому позволю себе изложить версию, которую я слышала не раз от отца.

В Москве происходила встреча руководства страны с интеллигенцией. Отец сидел в зале, смотрел и записывал, но вдруг ему приспичило пойти в туалет. Нашел он соответствующее заведение, но охранник не пускает туда — это, мол, для вождей. Известный своей настойчивостью Хренков все же прорвался, видать, нужда одолела. И вдруг он слышит голос: «Вожди тоже помочиться хотят», и в туалет входит Сталин. Естественно, отца тут же арестовали. Поскольку у него было удостоверение газеты «Правда», прежде всего связались с Мехлисом, и тот приказал, чтобы отца отпустили.

Прошли годы. В 1980-х годах отец ехал как-то раз на поезде из Комарова в Ленинград. В Дибунах вошла компания военных летчиков. Вдруг один из них, весь в орденах, подходит к отцу и говорит: «Из-за тебя, с..., мне десять лет дали. Хорошо, что война — попал в штрафной батальон». Он оказался тем самым охранником, который пропустил отца в туалет. «Лучше бы я наделал тогда в штаны», — заканчивал свой рассказ отец, но все же не каждый мог похвастаться встречей со Сталиным в туалете да еще остаться при этом в живых.

Впервые на фронте

В своей автобиографии отец писал, что когда начался освободительный поход Красной армии в Западную Украину и Белоруссию, совесть не позволила ему отсидеться в тылу, и он добровольцем пошел в армию, но попал уже на финский фронт¹.

Мне удалось найти запись в книге призывников за 1939 год Октябрьского военкомата Ленинграда, где указано, что в сентябре отец был направлен в школу политруков. Однако адрес его проживания стоит московский: Станция Башиловка, д. 30, кв. 35 (улица не указана), то есть в Ленинграде он не задержался и сразу же попал на фронт. Отец стал военным корреспондентом газеты 8-й армии «Ленинский путь» и оставался им до 1945 года, когда газета была упразднена.

За последние три десятилетия опубликовано множество воспоминаний участников так называемой Зимней кампании 1939–1940 годов, которые показывают не толь-

¹ ЦГАИПД, ф. 24, опись 202, дело 99, лист 1.

ко ход военных операций, но и чисто бытовые моменты, а также жестокость войны, неподготовленность к ней Советского Союза и, наоборот, продуманность действий финнов. Отец считал эту короткую войну более страшной, чем четыре года Великой Отечественной. Недавно я нашла маленькую записную книжечку отца времен Зимней кампании. Было трудно понять его почерк, многие слова расплылись из-за того, что писал он, видимо, урывками у костра поздно вечером, когда падал снег, а глаза слипались от усталости. За прошедшие восемьдесят лет бумага местами истлела. Сам отец не считал нужным опубликовать эти записки, но все же и не уничтожил их. Я подготовила их к печати, и они были опубликованы в июле 2017 года в журнале «Нева», главным редактором которого он был с 1979-го по 1984 год. Его записки не похожи ни на урапатриотические воспоминания советского периода (хотя патриотизма в них хватает), ни на критический взгляд на войну более поздних лет. Скорее, это личные переживания человека, впервые оказавшегося на войне, когда ему было двадцать лет, и мечтавшего со школьной скамьи побывать в боях. Он пишет, какое напряжение он испытывал, впервые пересекая границу Родины, о своем волнении в преддверии первого боя, думает о том, можно ли преодолеть страх от свистящих рядом пуль и разрывающихся снарядов. Страх вскоре пройдет, но боязнь за свою жизнь, как он признается, все же останется. Отец раздумывает, какова должна быть работа военного корреспондента. Можно, конечно, находиться при штабе, пишет он, и все новости узнавать там. Но всякий материал должен быть проверен, поэтому нужно самому бывать в частях на передовых позициях. Только это дает хороший материал, вызывает уважение к корреспонденту и газете. «Бойцы видят рядом с собой, под огнем, журналиста, значит, он свой, а поэтому с ним легко говорить». За три с небольшим месяца, что отец провел на фронте, он пришел к выводу, что самое важное в жизни — это чтобы рядом были товарищи, даже любимая девушка, может, и не так нужна. Этой заповеди он следовал всю свою жизнь, и книги его были в основном о друзьях-поэтах, с которыми его свела судьба на войне.

Великая Отечественная

22 июня 1941 года отец встретил в небольшом западнолатвийском городке Таураге, совсем недалеко от границы. С отступавшей Красной армией он прошел через Ригу, Псков, Ораниенбаумский плацдарм и в конце октября оказался на Невской Дубровке. Редакция «Ленинского пути» находилась в Колтушах. Оттуда отец делал постоянные «вылазки» в действующие части, а также навещался в Ленинград, часто бывал, например, у Н. С. Тихонова на Зверинской, 2. Пять раз он переправлялся на «Невский пятачок». Мне кажется, что слово «вылазки» как нельзя больше подходит к описанию его работы в те годы. Ведь вокруг Ленинграда сплошные болота, а через них были проложены так называемые лежневки, хождение по которым требовало особых навыков — того и гляди, соскользнешь и зачерпнешь голенищами сапог ржавую воду, а зимой бревна покрывались ледком, и было легко оказаться в болоте, не замерзавшем и зимой. И все это происходило под постоянным огнем врага.

Задача военного корреспондента состояла в том, чтобы найти факты, свидетельствующие об отважных действиях солдат, которые могли бы быть использованы для публикации в газете. Из записных книжек отца начала войны (в то время он находился на Ораниенбаумском плацдарме) видно, что он собирался писать повесть: «В голове почти созрел план повести. Это все та же тема, которую начал писать [Нигде не указано, какая именно — Ю. М.]. Только действие будет перенесено на фронт. Пусть будет слякоть, дожди, пробки, кровь, смелость и отвага — это фон, на котором при-

дется действовать Вадиму и Тоне. Иногда хочется писать так, что руки дрожат. Кажется, дали бы мне свободное время, и повесть была бы готова. Но стыдно так думать. И сейчас не смог бы писать. Когда люди воюют, самое страшное быть шалопаем».

Задуманную повесть отец так и не написал. Но каждая его корреспонденция в «Ленинском пути» выглядела как небольшой, можно сказать, лирический очерк. Впоследствии он создал книгу «Герои не умирают» (1987), которая была основана на корреспонденциях того времени, хотя среди них есть и послевоенные рассказы о том, как он находил «забытых героев»: одних — чтобы передать ждавшие их награды, других хотя бы просто для того, чтобы уточнить и подправить написанное ранее. Многие из этих людей становились его друзьями до конца жизни.

Но как же непросто было добывать факты! Так, другой раз стоило усилий добиться того, чтобы попасть в лодку, следующую на «Невский пяточок», или в экипаж танкистов, которым предстояло идти в бой. Сравнивая журналистов периода Финской войны и Отечественной в период отступления он писал: «Жизнь редакции сейчас резко отличается от той нашей жизни, которой мы жили в Финляндии. Мы больше стали чиновниками, почему-то не стало задора (хотя ясно, что во время отступления трудно быть задорным). Езда на передовые стала нудной обязанностью. Против желания и я поддался этому настроению. Стыдно писать об этом... Сам я не храброго десятка, но еще ни разу не отказывался от поездки и не приезжал без материала».

В этой же записной книжке есть страница, относящаяся, по-видимому, к зиме 1941 года: «Если б ноги могли рассказывать! Правда, может быть, мне тогда не стоило кончать институт, но все же. Более 60 километров я прошел в поисках интересного материала. Краем уха услышал, что одна из дивизий готовит интересную операцию: по льду Ладожского озера зайти в тыл к немцам. Операция абсолютно секретна. Никто не пожелал мне говорить о ней. Решили с Петровичем (возможно, имеется в виду А. П. Бакалов. — Ю. М.) действовать на свой страх и риск. Мы шли по горячим следам дивизии. Добрели до деревни, нам сказали: „Дивизия была, но ушла“. Шли голодные и злые. Наконец добрели до политотдела. Обогрелись и ночью отправились по какой-то лесной тропинке на озеро. Опять же на свой риск. Дивизию мы все-таки нашли. Часть ее уже была на льду. Плелись усталые и голодные всю ночь. Под утро у берега наткнулись на полынью. Потоптались, искали обхода. Тщетно! Штаб ушел на острова, а мы поплелись на берег, так и не найдя ни единой нужной строчки».

Конечно, тон и настроение корреспонденций стали совсем другими, когда Красная армия перешла в наступление. К осени 1944 года наша армия уничтожила или пленила остатки гитлеровских войск, оккупировавших Эстонию. В руках врага оставалось только два острова — Муху и связанный с ним дамбой самый большой остров в Балтийском море — Сааремаа. Отец участвовал в их взятии. Войска накапливались в Виртсу. Находившийся там член военного совета армии генерал Зубов разрешил отцу пойти на остров с десантом. Под сильным обстрелом торпедные катера, на одном из которых находился отец, устремились к острову. Вплотную приблизиться к берегу не удалось из-за валунов, нужно было прыгать в воду. Через сорок с лишним лет отец напишет в одной из своих книг: «Воды у берега было немного — где по пояс, где по грудь... но прыгать в воду мне не улыбалось. Отправляясь в Виртсу, я получил в военоторговской мастерской первую в жизни шинель, сшитую по фигуре, первые хромовые сапоги... Коль скоро я был и старшим по званию, и оказался у рубки [старший лейтенант] Шлисс бросил мне по-дружески: „Давай!“ Ох как не хотелось, как страшно было прыгать с надежной палубы в неизвестность». Командир батальона десантников Белов был убит. Между тем генерал Зубов требовал доложить по рации обстановку. Отец дважды докладывал, а в третий раз сделал это, вернувшись с острова на материк. Получилось, что он как бы руководил десантом. Когда через несколько дней

сотрудники «Ленинского пути» представлялись к наградам, отец — единственный из всех! — получил орден Красного Знамени.

Судьба повернулась так, что в последние годы жизни отца ему оказывала большую помощь моя подруга Хелью, родом с острова Сааремаа. Более пятидесяти лет назад она приехала в Ленинград учиться в медицинском институте, вышла замуж, родила детей, работает по сей день, хотя ей уже 76 лет, и нянчит внуков. Отец часто шутил, что, мол, не освободи он в 1944 году Сааремаа, Хелью не удалось бы попасть учиться в город на Неве и, вообще, ее жизнь сложилась бы по-другому. У отца было много друзей в Эстонии, ведь войну он закончил в Таллине и снимал комнату в эстонской семье в пригороде Ныммэ, где были индивидуальные дома и жили люди не бедные. Часто приходится слышать, что эстонцы не любят русских. Но с хозяевами дома Анитой и Хэйне отец крепко подружился. После войны мы не однажды ездили летом к ним в гости. Кажется, я до сих пор помню вкус испеченных Анитой булочек и сделанной ею простокваши.

У стен Петропавловки

В 1945 году отец вернулся в Ленинград. Вскоре его близкий армейский друг еще со времен войны с финнами Александр Бакалов познакомил его с моей матерью, Татьяной Аркадьевной Воловик, которая была школьной подругой жены Бакалова, Надежды Романовны Парфеновой. Впоследствии она стала известным в Риге акушером-гинекологом. На «смотрины» в квартиру бабушки и дедушки отец явился, неся завернутого в одеяло племянника Надежды Романовны. Мать потом шутила, что, мол, из-за ребенка было не видно жениха. Отец действительно был небольшого роста, что, вероятно, в молодости вызывало у него определенный комплекс. Однако моя бабушка, приводя пример Наполеона, утверждала, что таким мужчинам присуще стремление многого добиваться в жизни. Как видно, она была права. Дедушка сразу же нашел в отце интересного собеседника. Для мамы это был второй брак — первый муж погиб на войне, но выбор женихов у нее оставался и после войны: она была очень хорошенькая. Все же мать выбрала отца, может, не столько «по большой любви», сколько почувствовав в нем порядочного человека и надежную опору в жизни.

По рассказам семьи, мама лично ходила к главному редактору газеты «На страже Родины» Максиму Ильичу Гордону просить за папу: то ли за то, чтобы его взяли на работу в «На страже Родины», то ли, чтобы он остался в Ленинграде. Отношения с Гордоном у нашей семьи были очень дружеские, во всяком случае, так вспоминали родители, а с Прохвятиловым, который стал главным редактором после Гордона, они ограничивались рабочими. Вскоре отец получил маленькую двухкомнатную квартиру на Матятинном переулке, который находился с задней стороны сада Олимпия, сильно разрушенного в войну. Переулок был вымощен булыжниками, и ноги утопали в грязи или в снегу круглый год. В 1948 году, 23 февраля родилась я. Мама очень радовалась, что мое рождение пришлось на армейский праздник — это был подарок отцу. Так, всю жизнь меня поздравляли с днем рождения в «солдатский день». Из Керчи к нам приехала папина мама нянчить меня. К сожалению, она скончалась летом 1948 года, но ее портрет с прической Серебряного века висел у меня в комнате до тех пор, пока мы не переехали на другую квартиру.

В «На страже Родины» отец сначала работал в отделе партийной и комсомольской жизни. Его записные книжки 1946—1947 годов свидетельствуют о том, что он записывал и описывал буквально все в повседневной жизни армейских подразделений Ленинградского военного округа. Сюда входила и военно-строевая подготовка, и стро-

ительство военных и гражданских объектов, и работа на полях и огородах подсобных хозяйств. Однако особенное внимание отец уделял спортивным состязаниям, в частности стрельбе, возможно, потому, что они были наиболее зрелищным и интересным моментом в жизни солдат и офицеров. В спорте он видел большую организующую силу. Прочитав одну запись из записной книжки 1946 года: «На примере Е. Миронова можно убедиться, как спорт дисциплинирует и, если можно так сказать, облагораживает человека. Стройный, подтянутый, предупредительно вежливый — он является собой образец офицера. Безусловно, многие из этих качеств приобретены Мироновым в результате систематических занятий спортом. Именно систематических, ибо спорт — это воплощение организованности и порядка. Потому нам нужно заниматься систематически и организованно... В 1946 г. Миронов, уже немолодой спортсмен, смог добиться новых личных успехов». Однако сам отец увлекался спортом только как болельщик.

Отцу были по душе слова Горького, который писал, обращаясь к землякам-динамовцам: «Общество [Динамо] создано по инициативе железного рыцаря революции Ф. Э. Дзержинского. Греческое слово „дина“ значит „сила“, динамика — движение, а динамит взрывчатое вещество. „Динамо“ — это сила в движении, призванная взорвать и разрушить в прах и пыль все старое, гнилое, грязное, все, что затрудняет рост нового, разумного, чистого и светлого, — рост всепролетарской, социалистической культуры»². Эти слова отец цитировал в одной из статей. Он всегда старался привести как можно более подробные сведения об участниках соревнований, перечисляя, если это было возможно, их спортивные достижения чуть ли не с довоенных лет.

Среди спортсменов и, особенно, тренерского состава у отца появилось в те годы много друзей. Так, он близко сошелся с семьей Иссуриных. Старший, Зиновий Иосифович, был тренером по легкой атлетике, а младший, Александр Иосифович, был судьей по легкой атлетике и впоследствии стал судьей международной категории по спортивной ходьбе. Кроме того, начиная с блокады, он был одним из организаторов спортивной жизни Ленинграда и Ленинградского военного округа. А. И. Иссурин много ездил на международные состязания, в том числе побывал на Олимпийских играх в Австралии, Японии, Мексике, Канаде. Его впечатления о поездках в разные страны открывали нам совсем иной мир, который не каждый мог повидать своими глазами в то время. Именно его рассказы о Японии, о скоростных поездах, Токийской башне, карликовых деревцах *бонсай*, трудолюбивых и упорных японцах впервые заронили у меня интерес к стране, изучение которой стало моей специальностью.

Иссурин был очень остроумным человеком, знал много анекдотов, былей и небылиц и был непременным гостем в родительском доме, особенно в дни семейных торжеств. Другим острословом был радиожурналист Матвей Львович Фролов, друг отца еще с военных времен. Как и отец, он всегда считал наиважнейшим делом дать информацию о факте, а оценку оставить за читателем. Однако в годы перестройки я слышала от него фразу, которая подтвердила мою убежденность в том, что изучение Японии не является просто забавой, а чрезвычайно важно для России в целом. Фролов сказал примерно так: «Книги и выступления по телевизору Владимира Цветова [корреспондента в Японии] подготовили нас к перестройке». Тогда же он пригласил меня на радио выступить с рассказом о моей книге про японского мыслителя Мотори Норинага. Вскоре рецензия на книгу появилась в японском журнале «Советский Союз сегодня» и — как знать, — возможно, поспособствовала приглашению меня на работу в Японию.

В 1998 году отец, по-видимому, чувствуя, что собирает оставшихся в живых своих друзей в последний раз, решил отпраздновать свое восьмидесятилетие. Официально

² <http://gorkiy.lit-info.ru/gorkiy/articles/article-61.htm>

по паспорту он родился в 1919 году, но в действительности на год раньше. В бурные годы Гражданской войны родители, видно, не смогли сразу же зарегистрировать рождение сына. Это и дало возможность отметить юбилей. Конечно, праздник был «со слезами на глазах». Но все-таки было удивительно, как друзья отца пронесли свою дружбу через всю жизнь и стали также моими друзьями. В 1980-е годы я нередко приглашала их и на свои дни рождения, и они всегда были, что называется, украшением стола. Анекдоты и смешные рассказы о членах тогдашнего нашего Политбюро не умолкали.

Я не очень помню отца в ранние годы своего детства, то есть в то время, когда между детьми и родителями складываются отношения, основанные просто на физической близости и люди становятся родными. Отсутствие такой близости не было удивительным. Когда мне было два года, отца сослали в Чкалов, где он работал в газете «Сталинец». Чкалов был, по-видимому, местом ссылки, связанной с «ленинградским делом» 1949—1950 годов. По этому делу главный редактор газеты «На страже Родины» М. И. Гордон был осужден на 15 лет. То, что для отца это была ссылка, следует хотя бы из того, что он ни разу не приезжал в Ленинград, но мама ездила к нему.

Однако уже в 1952 году отца направили в Германию в газету «Советский танкист». Из Германии он всегда приезжал в отпуск, а мне писал письма в стихах. Сейчас помню только один отрывок:

Так-так-так — стучат колеса,
Поезд на ходу гремит,
Как большая папироса,
Паровоз трубой дымит.

Здравствуй, речка,
Здравствуй, поле!
Вот и встретимся мы снова.

Вернувшись в Ленинград, отец продолжил работу в газете «На страже Родины», но уже в качестве ответственного секретаря, дежурил в редакции по ночам почти через день. В 1950-е годы редакция газеты «На страже Родины» находилась на территории Петропавловской крепости, в стороне от собора, ближе к выходу на проспект Добролюбова. Дежурил он и в ту ночь, когда разразилось наводнение 1955 года, четвертое по уровню подъема воды (282 см) за всю историю города. Когда машина, развозившая работников редакции по домам, подошла к мостику, соединявшему территорию Петропавловской крепости с площадью Революции, поток воды перевернул ее. Отец сломал руку.

Редакция газеты находилась рядом с Петропавловским пляжем. Там можно было легко выйти прямо на берег Невы, и по воскресеньям в хорошую погоду мы ездили к отцу на работу. Часто с нами вместе бывал фотограф Николай Иванович Хандогин, знакомый отцу по войне и побывавший с ним вместе в Германии. Архив всех его негативов хранится сейчас в Берлине в музее Карлхорст. У меня же остались некоторые фотографии, в том числе с Петропавловского пляжа. Мы дружили семьями с Сергеем Сергеевичем Орловым и с Михаилом Александровичем Дудиным. Жена Дудина, Ирина Александровна, привозила мне из-за границы роскошные подарки, хотя это было уже скорее в 1960—1970-х годах. Так, она подарила мне первые «взрослые» туфли и мохеровый шарф — предмет зависти всех подруг.

Вообще, дома отец бывал мало и, соответственно, я почти его не видела. Только иногда мы взбирались вместе на тахту и сочиняли стихи. Вернее, сочинял, конечно,

он. Впервые я по-настоящему познакомилась с отцом «лично» во время путешествия семьи по Волге через канал Волго-Дон до его родного города Керчи. Мне тогда было 13 лет. Вечерами мы гуляли с ним по палубе, и он читал мне свои любимые стихи: Эдуарда Багрицкого, Иосифа Уткина, Николая Тихонова, Михаила Светлова и других поэтов. С его голоса я запомнила эти стихи наизусть. Особенно мне нравились «Смерть пионерки» и «Повесть о рыжем Мотеле». В Керчи и в Тамани я встретила со своими многочисленными родственниками — одних только двоюродных и троюродных братьев и сестер набралось 15 человек. Многие приехали специально для встречи с отцом из других городов Крыма, Южной Украины и России. Все они очень гордились отцом: ведь среди них он был не только самый образованный, но и, как считалось, добившийся наибольшего успеха в большом городе.

Хорошо помню, как в праздничные дни папа, мама и я шли пешком от Технологического института к Пяти Углам, где жили бабушка с дедушкой. Проходили мимо Витебского вокзала, украшенного портретами основоположников коммунизма и вождей народа. В 1956 году один из портретов исчез. На мой вопрос никакого вразумительного объяснения не последовало. Дедушка и папа, конечно, обсуждали XX съезд, но мне в тогдашнем моем возрасте это было невдомек.

Тема репрессий при мне дома почти не затрагивалась, хотя дедушке грозил арест по «делу врачей», и я запомнила атмосферу страха, чувствовавшуюся дома в те дни. Впервые я столкнулась с темой сталинских репрессий и реабилитации в начале 1960-х годов, когда к нам приехала из Симферополя подруга папиных школьных лет Любовь Яковлевна Бухбанд. Ее отец Яков Арнольдович в 1935—1936 годах был начальником Управления рабоче-крестьянской милиции НКВД по Крымской АССР. В 1937 году он был арестован якобы как член «правотроцкистской террористической организации» и расстрелян в 1938 году. Сама Любовь Яковлевна тоже была арестована за «недоносительство на отца», но отпущена в связи с отсутствием доказательств. Припоминая разговоры между отцом и Любовью Яковлевной и учитывая их разницу в возрасте (она была на два года моложе), я склонна предположить, что мой отец находился в дружеских отношениях с самим Яковом Арнольдовичем, тем более что тот был в 1935—1937 годах председателем Союза советских писателей Крыма. Возможно, именно он содействовал отправке отца на учебу в Ленинград. Поэтому приезд Л. Я. Бухбанд, ее рассказ о реабилитации отца, подкрепленный привезенными документами, был весьма значимым событием в жизни нашей семьи. Именно тогда я услышала от отца слова о том, что он впервые усомнился в Сталине, прочитав в поезде по дороге в Чкалов статью «Марксизм и вопросы языкознания». Будучи студентом Коммунистического института журналистики, отец учился у Н. Я. Марра, хотя вряд ли был осознанным «марристом» — языкознание лежало в стороне от его интересов. В статье Сталина его скорее поразило то, как последний грубо отрекся от ученого, которого до этого поддерживал. Личное знакомство с Марром лишь усугубляло это впечатление.

Война не отпускает

В конце 1960 года по ходатайству Ленинградского обкома КПСС отец был уволен из рядов армии и направлен на работу в редакцию газеты «Вечерний Ленинград» заведующим отделом литературы и искусства. Впоследствии он занимал такие ответственные должности, как главный редактор Лениздата и главный редактор журнала «Нева». Однако и на гражданке он как бы оставался военным корреспондентом. Хочется привести рассказ о том, как отец разыскивал бывшего ефрейтора 482-го стрелкового полка 131-й стрелковой дивизии Сабалака Оразалинова и боролся — другого слова не под-

берешь — за то, чтобы ему дали достойную награду. Дело было в том, что Сабалака, который повторил подвиг Александра Матросова, долгие годы считали погибшим или, как писал отец, он сам похоронил героя на страницах армейской газеты «Ленинский путь». Хотя отец кратко описал эту историю в своей книге «Герои не умирают», в его архиве имеется гораздо больше материалов, рассказывающих о ней.

Впервые отец повстречался с Сабалаком в 1944 году. Тогда он узнал, что выросший в детдоме казахский паренек стал проситься на фронт, когда ему было еще только 17 лет, да так настойчиво, что его послали в школу снайперов в Ашхабад. В начале 1943 года он уже оказался под Ленинградом и вскоре заслужил свою первую солдатскую награду, а с ней получил и первое ранение. Тогда-то отец и познакомился с ним; ему пришелся по душе этот молодой человек, еще не очень хорошо говоривший по-русски, но уже успевший заслужить уважение однополчан за свою доброту, старательность и чувство ответственности.

В ноябре 1944-го Оразалинов участвовал в ожесточенных боях за освобождение острова Сааремаа и полуострова Сырве. Там-то он и совершил свой подвиг. Вот как сам Оразалинов описывал в письме к отцу от 1 марта 1975 года то, что произошло 18 ноября: «Утром того дня в 1944 году бойцы нашего батальона получили задание после артиллерийского обстрела начать решительную атаку на врага.После сигнала к атаке наша рота пошла в наступление, Помню, мы прошли только что-то около километра, как наша рота напоролась на огонь пулемета немецкого дзота. Упали мои товарищи замертво под этим огнем. ...По цепи (дистанции) залегших однополчан я вызвался у старшего лейтенанта Климова уничтожить дзот врага. Схватив ручной пулемет, я где по-пластунски, где перебежками смог подобраться к дзоту на 8—9 метров и выпустил полный диск ручного пулемета в окно амбразуры. Затем быстро бросившись к этому окну (отверстия), прижался к нему, бросил вовнутрь дзота гранату. Дальше ничего не помню. Очнулся в 225 санитарном пункте».

Товарищи по роте, обрадовавшись предоставленной Оразалиновым возможностью, поднялись и стали продвигаться вперед. Они видели, что Оразалинова прошла очередь, и сочли, что ему уже ничем не помочь. Так и было написано в статье красноармейца Алексея Кузнецова, опубликованной в газете «Ленинский путь» от 6 декабря 1944 года. Однако бойцы следующего эшелона случайно раскопали тело Оразалинова, обнаружили в нем признаки жизни и отправили в санчасть, где его смогли поставить на ноги.

В преддверии празднования 20-летия победы отец вспомнил об Оразалинове и задумался, знают ли о его подвиге в Казахстане. Он послал письма в родной город Сабалака — Аягауз, в горком партии и военкомат, потом — министру внутренних дел Казахской ССР, в редакции разных газет. Письма пришли от множества людей: из Центрального архива Министерства обороны Союза ССР, из Архива военно-медицинских документов Военно-медицинского музея Министерства обороны ССР, Музея боевой славы средней школы № 5 города Аягауза Семипалатинской области. Об Оразалинове вспомнили и в «Истории ордена Ленина Ленинградского военного округа», его имя попало в обзор писем, опубликованных в «Известиях».

После того как в «Известиях» была упомянута фамилия Оразалинова (хотя ее ошибочно писали через «м»), кто-то из казахских журналистов сказал отцу, что Сабалак жив и живет в Алма-Ате. Его ранения, к счастью, оказались не смертельными, и после излечения он вернулся в родные края. Отец послал Оразалинову письмо с просьбой рассказать о себе и своей жизни. Он хотел исправить ошибку более чем двадцатилетней давности. Оразалинов ответил письмом, которое было процитировано мною выше.

Вместе с тем герой спрашивал: «Уважаемый т. Хренков! Не сочтите за нескромность — меня естественно одолевает обыкновенное человеческое любопытство — только ли для рекламы вызван Ваш розыск, или что-то ждет меня? Ведь мой подвиг ничем, кроме газетных статей тогда и после, не был отмечен».

И отец стал хлопотать о том, чтобы воздать должное герою. Это оказалось не просто. Так, в письме Военного комиссариата Казахской ССР от 21 февраля 1975 года говорилось: «Оразалинов Сабалак участвовал в боях в составе 482 СП 18 СД с 17.2.1944 по 18.11.1944 г. За боевые подвиги по представлению командования награжден двумя медалями „За отвагу“ (второй медалью награжден в апреле 1945 г., то есть после совершенного им описанного Вами подвига)... Представлению к награждению за ранение он не подлежит». На самом деле второй медалью «За отвагу» Оразалинов был награжден за взятие языка в сентябре 1944 года.

В январе 1975 года отец пишет очередное письмо, обращаясь на этот раз за содействием к А. Б. Чаковскому. Там, в частности, говорилось: «Я с удивлением узнал, что Сабалак Оразалинов, хотя и представлялся к званию Героя Советского Союза, но не получил никакой награды... Смысл моего длинного письма к Вам состоит в том, чтобы исправить ошибку, воздать должное Герою. ...Конечно, я мог бы написать обо всем этом в газету. Такая возможность не исключена. Но у Вас, как у депутата Верховного Совета СССР, видимо, есть более прямые пути к восстановлению справедливости. Тем более близится 30-летие нашей Победы».

27 января 1981 года в «Красной звезде» вышел очерк подполковника Ю. Романова «Батыр», рассказывавший о подвиге Сабалака Оразалинова. После него в газету пошел поток писем, авторы которых высказывали возмущение тем, что Сабалак до сих пор не был удостоен звания Героя Советского Союза

Далее, уже на посту главного редактора журнала «Нева», в 1984 году отец обратился в Главное управление кадров Министерства обороны СССР, в отдел наград. В своем обращении, рассказав о подвиге Оразалинова, он писал: «За свой подвиг на полуострове Сырве он никак не отличен. Начальник Главного Политуправления т. Епишев сообщил мне, что ошибка будет исправлена к 30-летию Победы. Увы! Выросли у Оразалинова дети, растут внуки, сам он стал человеком из легенды, а до сих пор не получил сколько-нибудь достойной награды. Я пишу Вам в преддверии 40-летия Победы. Может быть, на этот раз действительно найдется возможность воздать герою по заслугам?»

Об Оразалинове также был снят фильм «Всем смертям назло!», который демонстрировался 1 января 1985 года по казахскому телевидению. Трудно сказать, что именно сыграло определяющую роль, но все же 6 апреля 1985 года к 40-летию победы Сабалак Оразалинов был награжден орденом Отечественной войны I степени, хотя по степени важности эта награда ниже звания Героя Советского Союза. С отцом они постоянно переписывались: последние поздравительные открытки, которые я нашла, относятся к 1987 году. Столь длительная борьба за справедливость вызвала у отца, мягко говоря, чувство досады и разочарование системой, которой и он, и Оразалинов преданно служили всю жизнь.

Другой темой, связанной с войной и с которой отец не расставался, можно сказать, до конца жизни, было правдивое и полное изложение фактов о блокаде Ленинграда. В статье «Ты помнишь, товарищ», опубликованной 16 января 1990 года в газете «Вечерний Ленинград», он пишет о том, как добивался этого, будучи главным редактором Лениздата. Отец приводит, в частности, два факта, свидетельствующие о том, как партийные органы и в Ленинграде, и в Москве всячески выпячивали действия Ставки военного командования, занижая при этом роль самих ленинградцев. Книга об операции

«Искра», украшенная статьей маршала Г. К. Жукова, вышла в 1973 году, но в ней не удалось сказать все, что следовало. Так, не была названа точная цифра потерь (горожан и воинов), понесенных во время блокады, хотя она имеется. Другой пример. В 1974 году Лениздат подготовил сигнальный экземпляр книги «Великая победа под Ленинградом», и, как было положено в то время, этот экземпляр прежде всего был отправлен в Смольный. Тут же главный редактор был вызван «на ковер», после чего два года ушло на то, чтобы приглушить пафос рассказов о героизме ленинградцев и защитников города, убрать известные факты и подчеркнуть роль Ставки. Книга все же вышла в свет, опять же при содействии Г. К. Жукова, но уже называлась она «Славная победа под Ленинградом».

Много сил приложил отец для возрождения Музея героической обороны Ленинграда, который сразу после войны был создан в Соляном городке, но закрыт в связи с «ленинградским делом». В 1990-е годы писал отец уже мало, но постоянно выступал с лекциями и беседами именно в оставшемся зале этого музея.

Интересно, что одна из последних статей Д. Т. Хренкова была опубликована в газете «На страже Родины» 7 декабря 1991 года, то есть за несколько недель до распада Советского Союза. В ней он вспоминает как в 1942 году накануне готовившегося 8-й армией очередного наступления он шел с Невской Дубровки по заснеженному блокадному Ленинграду на квартиру поэта и писателя Н. С. Тихонова. Статья Тихонова была необходима газете «Ленинский путь», чтобы передать защитникам Ленинграда самое главное, что лежало у поэта в сердце, чтобы придать бойцам дух твердости и решимости, мужества и смелости. Статья была напечатана в газете уже на следующий день, и диктовал ее отец наборщикам, которые уже сверстали номер, — написанное Тихоновым было важнее других материалов.

К теме войны и блокады отец обращался в начале 1990-х годов для того, чтобы напомнить людям, что построение нового будущего должно твердо основываться на знании подлинной истории.

На гражданке. Работа в газетах и театре

Демобилизовавшись из армии в конце 1960 года, отец стал работать в газете «Вечерний Ленинград», возглавив там отдел литературы и искусства. Публиковавшиеся отделом статьи должны были прежде всего рассказать читателям о культурной жизни города на Неве. Пролыстывая подшивки газеты того времени, поражаешься широте затронутых тем. Среди них есть статьи, посвященные столетнему юбилею со дня рождения А. П. Чехова, картинам с портретами А. С. Пушкина, критическому разбору книг молодых поэтов, выпущенных Лениздатом. Публиковались периодические обзоры журналов «Звезда» и «Нева», обсуждались собрания в Союзе писателей, встречи писателей с читателями и библиотечными работниками. В 1961 году были напечатаны две большие статьи о мэтре ленинградской поэзии Всеволоде Рождественском, об Александре Прокофьеве, чья книга «Приглашение к путешествию» была выдвинута на соискание Ленинской премии. Большое внимание газета уделяла визуальным и зрительным жанрам, таким, как годичная выставка работ ленинградских художников, проходившая одновременно в залах ЛОСХа и в Русском музее, публиковались рецензии на спектакли Академического театра драмы им. Пушкина, рассказывалось о работе его отдельных актеров, в частности о Николае Черкасове, и о художественном руководителе театра Леониде Вивьене. Не были обойдены вниманием Театр оперы и балета им. Кирова, цирковые и эстрадные представления, в том числе Аркадия Райкина, работа ТЮЗа. Естественно, что в начале мая появилось много статей, воспо-

минаний и стихов о Великой Отечественной войне. Некоторые из этих статей были написаны самим отцом, публикация же других была им организована. Многие материалы были нацелены, как тогда говорилось, сначала «навстречу XXII съезду», а потом «на претворение его решений в жизнь». Однако перелистывая сейчас подшивку «Вечернего Ленинграда», убеждаешься в том, что отделу литературы и искусства удалось избежать излишней патетики в «следовании линии партии». Перечитывая публикации, я вновь окунаюсь в мир моей юности, как бы присутствуя заново на вечерах поэзии или проходя по залам Русского музея, где были выставлены картины А. Соколова, А. Мильникова и других художников. Для одной из них («Поэма»), кажется Соколова, позировал отец. На ней изображалось, как бойцы слушают стихи во время затишья перед боем. Что ж, тема действительно была отцовская, но на картине отец не был похож сам на себя.

В 1962 году отец вместе с поэтами Сергеем Орловым и Михаилом Дудиным и художником Алексеем Соколовым совершил путешествие по северным рекам вновь отремонтированной Мариинской системы, о чем было рассказано в трех статьях, напечатанных в самой газете, а наш дом украсила гравюра Рокуэлла Кента, изображавшая ангел-хранителя их судна: американский художник был другом Соколова.

У отца всюду были приятели военных лет, трудившиеся теперь на гражданке, так что попасть в кино или в театр проблемы не составляло. Благодаря «Вечерке» у него появилось много новых связей. Это были и люди старшего поколения, такие, как театральные критики С. Цимбал и Е. Гершуни, и молодые журналисты и литераторы, например, Владимир Торопыгин, Олег Шестинский, Виктор Ганшин, и просто люди самых разных профессий.

Статьи «Вечернего Ленинграда» об Академическом театре драмы им. Пушкина, видимо, были замечены обкомом партии. Когда на одном из его заседаний встал вопрос об «убыточности» театра, взоры присутствующих обратились на отца. Дело было в том, что в театре сложился замечательный актерский коллектив, который состоял из известных народных и заслуженных артистов с довольно большой по тому времени зарплатой. Требовалось уволить многих на пенсию и, кроме того, обновить репертуар, сменив, хотя бы частично, классику на современность. Отец уже тогда считался умелым организатором. Так, проработав в «Вечерке» только два года, с января 1962-го он был назначен директором Ленинградского Академического театра им. Пушкина. Вскоре последовали указания «сверху». Приказ заместителя начальника Главного управления по делам искусства от 14 декабря 1962 года гласил: «Руководству театра сократить с 1 января 1963 из штатного расписания режиссера 1 единицу с окладом 275 руб., 1 единицу с окладом в 225 руб., художника 1 единицу с окладом 250 руб., артистов 1 единицу с окладом 400 руб., 2 единицы с окладом 350 руб., 2 единицы с окладом 150 руб., 2 единицы с окладом в 125 и с окладом в 88 руб.»³. Отец вынужден был осуществлять на практике все эти сокращения, что, конечно, вызывало трения между дирекцией и коллективом театра, хотя личные отношения отца с актерами и режиссерами были хорошими. В театральной среде раздавались голоса о неуважительном отношении к театру со стороны партийного руководства. С другой стороны, молодым актерам было трудно работать в театре, где было столько корифеев. Так, Алиса Фрейндлих не смогла раскрыть там свое актерское дарование, однако успешно сделала это, перейдя в Театр Ленсовета.

При отце репертуар театра попробовали обновить за счет постановки пьесы американского драматурга У. Гибсона «Двое на качелях», рассказывавшей об одиночестве людей в большом городе. Однако партийные власти сочли ее не подходящей для со-

³ ЦГАЛИ, фонд 354, опись 2, дело 479, лист 8.

ветской действительности. В 1963 году был поставлен спектакль по пьесе другого американского драматурга Дж.-Г. Лоусона «Чудеса в гостиной», в котором прекрасно играл В. И. Чесноков, но в целом спектакль не пользовался популярностью у зрителей.

Считалось, что театр должен «выдать» современную советскую пьесу о молодежи. Выбор пал на пьесу З. Гердта и М. Луконина «Танцы на шоссе». Хотя сами танцы в туфельках на шпильках выглядели весьма привлекательно, тема конфликта поколений опять же не вызвала одобрения со стороны партийного начальства, и спектакль был снят. Новые критические статьи в адрес театра в «Ленинградской правде» и в журнале «Театральная жизнь» (одна из них называлась «Не теряя ориентиры») намекали на то, что театр должен идти в русле своей традиции, что и было прекрасно продемонстрировано постановкой «Маленьких трагедий» Пушкина.

Отец очень переживал по поводу неудач в театре, но он не принадлежал к театральному миру, живущему по своим законам. Подтверждалась та истина, что недостаточно быть просто «партийным» для удачного руководства в той или иной профессиональной сфере. Отец вздохнул с облегчением, когда в 1964 году его перевели из театра на должность заведующего корреспондентским пунктом «Литературной газеты» в Ленинграде, расположенном в Доме писателей им. Маяковского на улице Воинова, 18.

Однако работа в театре позволила нашей семье получить новую трехкомнатную квартиру, у отца появился свой кабинет, а стенные шкафы в коридоре были переделаны в книжные полки, и отец начал коллекционировать книги, которых к тому времени уже изрядно накопилось. Какими-то путями ему удавалось доставать и издания издательства «Посев». На стенах стали появляться картины. Кроме уже упомянутой работы Р. Кента, выделялась гравюра ярко-красного цвета работы Андрея Мыльниково под названием «Весна». Еще была авторская копия с литографии знаменитого портрета Анны Ахматовой работы Н. Альтмана, что-то из работ Николая Тырсы. Последняя, правда, была продана по безденежью в начале 1990-х годов, а портрет Ахматовой висит сейчас у меня в Японии. С гравюрами контрастировали небольшие по размеру картины Бориса Федорова, изображавшие милые сердцу волжские пейзажи. Рискну предположить, что эта скромная коллекция заронила интерес к коллекционированию живописи моим сыном Андреем, который стал владельцем художественной галереи сначала в Петербурге, а потом в Японии.

Творческая работа

Отличительной чертой начала 1960-х годов был небывалый взлет интереса к поэзии. В литературу вступило новое поколение молодых поэтов: Е. Евтушенко, А. Вознесенский, Р. Рождественский, Б. Ахмадулина. Вечера поэзии происходили в многочисленных концертных залах, домах культуры и даже на стадионах. Мы, школьники средних и старших классов, ходили на такие вечера поэзии чуть ли не каждый день. Этот «бум поэзии» говорил о том, что она, как никакой другой жанр литературы, была способна быстро реагировать на духовные запросы времени, отражала пришедшее с «оттепелью» обновление, освобождение людей от страха и их стремление к единению на новых началах.

Хотя отец всегда испытывал особую любовь к стихам, наверное, все же атмосфера «оттепели» в целом, интерес общества к поэзии и творческая обстановка в отделе литературы и искусства «Вечернего Ленинграда», к созданию которой приложил силы и сам он, способствовали становлению его как критика по поэзии и выбору им «своей темы». Неудивительно, что такой темой стала поэзия военных лет, а главными героями его книг оказались поэты-фронтовики, с которыми он прошел всю войну.

В 1960-е годы война и блокада были еще очень живы в нашей повседневной жизни и памяти, а многие блокадные привычки долго сохранялись: бабушка по-прежнему, боясь голода, сушила сухари; мы старались набить дровами сарай во дворах, хотя постепенно стало появляться паровое отопление, а ревматизм был самой распространенной детской болезнью, поскольку матери детей того времени пережили блокаду. Военная тематика легко находила отклик у людей, еще не забывших войну.

Жители Ленинграда почувствовали, что жизнь стала по-настоящему нормальной, наверное, лишь к двадцатилетию Победы в 1965 году. 9 мая на Дворцовой площади была поставлена белая с позолотой трибуна и открыт бесплатный буфет. Почему-то именно этот буфет отец будет часто вспоминать на старости лет, когда его тянуло к бутылочке, а я ему не давала. У него, как и у многих фронтовиков, сказывалась привычка военных лет обязательно выпить «наркомовские сто грамм». Как он нередко говаривал, таким образом Сталин спаивал людей.

Однако с 1964 года атмосфера в стране и ее культурной жизни стала постепенно меняться. Я это ощутила прежде всего по тому, как изменились занятия по истории и литературе в школе. В предыдущие годы наша учительница истории довольно подробно, но главное — откровенно и правдиво рассказывала нам о политических судебных процессах второй половины 1930-х годов. Новый учитель, пришедший в 1964 году, оказался весьма сдержанным и не выходил за рамки написанного в учебнике. А наш любимый преподаватель литературы, который раньше рассказывал много интересного из ее истории, стал учить нас писать шаблонные сочинения. Такая тенденция придерживаться указаний сверху стала проступать в жизни вообще.

Если в 1963 году в «Литературной газете» еще могли быть опубликованы мнения читателей по поводу выдвижения на Ленинскую премию «Одного дня Ивана Денисовича» и многие читатели выступали в поддержку Солженицина, то в 1964 году мы уже не найдем статей о суде над Иосифом Бродским, проходившем в Ленинграде. Отец отдавал должное поэтической музе Бродского, но, видать, он не находил в его поэзии близко-го себе чувства или предвидел, что публикация его стихов вызовет осуждение начальства, хотя и отец поэта, фронтовой фотограф, конечно, знакомый отцу, и Анна Ахматова просили его опубликовать стихи будущего нобелевского лауреата. Бродский не обладал той «гражданственностью», которую отец считал главным и естественным атрибутом поэзии. Все же примечательно, что Фрида Вигдорова, которая во время суда над Бродским вела записи, пока судья не запретил ей это делать, позднее писала, что если бы Хренков присутствовал в зале суда, он «вступился бы за меня» — она была сотрудником «Литературной газеты»⁴. Упомяну об отношении отца к Евтушенко и Вознесенскому. Он любил говорить, что их поэзия выросла из «одной строчки» Маяковского, но была лишена, опять же, гражданственности. На мой взгляд, это было несправедливо, по крайней мере, в отношении автора «Бабьего Яра». Однако отцу скорее была не по душе, как он говорил, «показуха» и «эстрадность», устраиваемая этими поэтами во время их выступлений.

Сам отец по-прежнему придерживался в своих публикациях военно-блокадной тематики, но в «Литгазете» их появилось немного. В одной рассказывалось о Никодиме Поддубове, который осенью 1941-го один с помощью двух бутылок горючей смеси смог поджечь фашистский танк на подступах к Ленинграду. В другой, также приуроченной к очередной годовщине снятия блокады, отцу удалось проследить судьбу Тани Савичевой, школьницы, имя которой, по крайней мере в те годы, знали все ленинградцы. В блокадную зиму 1941 года она вела дневник, в котором рассказала, как умирали один за другим все члены большой семьи Савичевых. Отцу удалось обнаружить, что

⁴ Яков Гордин, Дело Бродского, lib.ru.

умиравшая от голода Таня была все же вывезена из Ленинграда, но скончалась от дистрофии в 1943 году.

25 июня 1964 года было опубликовано интервью, которое отец взял у Анны Ахматовой в связи с ее семидесятилетием. Интересно, что Ахматова согласилась дать интервью «Литературной газете» только в том случае, если к ней придет Хренков. Это говорит о том, что у нее с отцом складывались дружеские отношения.

Отец редко посвящал домашних в свою творческую работу. Обычно по выходным он закрывался в своем кабинете, и тогда все должны были ходить на цыпочках. Работалось ему легко и быстро потому, что писал он о хорошо знакомых ему людях, а стихи помнил наизусть. Через несколько часов он выходил довольный из кабинета, говоря: «Не поесть ли нам картошечки с селедочкой?» Сам быстро чистил и то и другое и заправлял селедку горчичным соусом. До сих пор для меня эта простая еда остается самым большим лакомством.

Берггольц и Ахматова

В соответствии с военной тематикой, героями книг отца были, как правило, мужчины: Орлов, Дудин, Мустай Карим, Гитович, Лихарев, Саянов, Тихонов. Однако две книги составляют исключение. Они были посвящены женщинам: Ольге Берггольц и Анне Ахматовой. Может быть, именно поэтому они кажутся мне интереснее, чем другие, а может, потому, что каждая из этих женщин несла какую-то тайну. Хотя отец писал, что обе они были похожи своим внутренним духовным богатством, умением ждать и верить, но, думаю я, говоря так, он упускал один важный момент. Общей для них были те трагедия и боль, которую они испытали как женщины и матери. Советская система прошла по судьбе каждой из них тяжелым сапогом, лишив радости материнства.

Ахматова много лет жила, терзаемая болью за судьбу родного сына, Льва Гумилева, которого четыре раза арестовывали и ссылали в лагеря, тогда как сама Анна Андреевна провела семнадцать месяцев в тюремных очередях в Ленинграде. Когда же наконец Гумилев окончательно освободился, людские пересуды осложняли отношения между матерью и сыном.

У Берггольц, мало того, что две дочери умерли от болезней в раннем возрасте, в тюрьме после побоев случился выкидыш ребенка, которого она очень ждала и хотела, а сама она чуть не умерла от заражения крови. Вот что она писала в это время в стихах:

Двух детей схоронила
Я на воле сама,
Третью дочь погубила
До рожденья тюрьма.

Люди, милые, хватит!
Матерей не казнят.
Вы хоть к этим ребятам
Подпустите меня.

*(«Малолетки на прогулке».
Апрель 1939, Арсеналка, больница)*

В книге 1979 года о Берггольц «От сердца к сердцу» отец ничего не написал о ее жизни в трудный период конца 1930-х годов, когда ее дважды арестовывали и бросали в тюрьму. Писать об этом в открытую в то время было невозможно. Однако отец был знаком с дневниками Берггольц задолго до того, как они были впервые опубликованы в 2010 году. Ольга Федоровна показывала ему дневники выборочно, разрешая читать только «от сих и до сих». В архиве отца есть странички, которые, по-видимому, являются выписками из этих дневников. Вот они:

«Чуть ли не сразу по выходу из тюрьмы 6 сентября 1937 года она записывает в дневнике:

Я чувствую, как ни печально мне сейчас, — я еще буду радоваться, буду победителем. И я напишу много книг о молодежи и ее радости, и главную из них — заставу (имеется в виду Невская застава, где Берггольц родилась и жила в молодости. — Ю. М.). И отделаюсь от давящей все время мысли о своей и всеобщей смерти и тленности, и страха этой своей смерти. Или умирать сейчас же, или жить хотя бы в надежде на эту радость.

Никогда, никогда не сольются
День и ночь в одну колею.
Никогда не умрет революция,
Не закончив работу свою».

Следующие выписки относятся к 1939 году: «15 июля 1939 г. на второй день после выхода из тюрьмы, где провела (слово-то какое!) 171 день, Ольга записала: „Я еще не вернулась оттуда, очевидно, еще не поняла всего“. 6 сентября 1939 г. в 2 часа ночи снова записывает: „Я с вами, товарищи, я с вами, я с вами, бойцы интернациональных бригад, томящиеся в концлагерях фашизма. Я с вами, все честные и простые люди: вас миллионы, тех, кто честно и прямо любит родину, с поднятой головой и открытыми устами!“ 15 октября 1939 г.: „Да, я еще не вернулась оттуда...“ 14 декабря 1939 г.: „Ощущение тюрьмы сейчас, после 5 месяцев воли, возникает во мне острее, чем в первое время после освобождения“. И дальше там же: „Я покалечена, сильно покалечена, но, кажется, не раздавлена... Это не изменило моего отношения к нашим идеям и к нашей родине и партии...“»

«Не раз она вспоминала, — продолжает конспектировать отец, — о своем выступлении 23 декабря о Сталине, во время которого читала в тюрьме „свой стишок о вожде... Как этот слабый стишок был любим!“».

И далее: «Ей захотелось написать Сталину о том, как относятся к нему в советской тюрьме. „О, каким сиянием было там окружено его имя! Он был такой надеждой там для людей. Это даже тогда, когда я начала думать, что он все знает, что это его вина, я не позволяла себе отнимать у людей эту единственную надежду“».

В своих комментариях к дневникам отец замечал: «Не сразу найдешь, кого можно сравнить с Берггольц в умении так старательно и прилежно записывать собственную жизнь. Но дневники — не просто летопись. Это — борьба сомнений и правды. Мы давно и по достоинству оценили все, что написано Берггольц, что живет вместе с нами в ее книгах. Но, как это ни кощунственно может прозвучать, утверждаю, что образ Берггольц, наша любовь к ней многократно возрастут, когда будут опубликованы ее дневники, ее бесконечные ночные беседования с самой собой».

Судьба Берггольц была не безразлична каждой семье, пережившей блокаду. Не только отец, но и дед помнили наизусть многие ее стихи, звучавшие в те годы по радио. Еще в начале 1930-х годов дед лечил, но не вылечил от тяжелой болезни сердца первую дочь Берггольц, Ирину, и всю жизнь как бы чувствовал перед Ольгой Федо-

ровной свою вину. В 1960-х годах они стали соседями по Черной речке. Приходя к бабушке с бабушкой в гости, отец непременно навещал Ольгу Федоровну, а возвращаясь, рассказывал о ее жизни. Берггольц жила вместе с сестрой, но часто впадала в депрессию, причиной которых были не только болезни. Потеря троих детей, причем одного, как метко заметил Гранин, «вытоптали на допросе», а потом любимого человека (мужа Н. Молчанова) могли сломать не только такую сильную личность, какой была Берггольц. Вот и приходилось часто искать забвение с помощью алкоголя.

Как отмечалось выше, с Ахматовой отец познакомился во времена его работы в «Литературной газете» и сошелся потом более близко благодаря Александру Гитовичу. Это произошло в Комарово, где все трое жили в летнее время на даче. Став в 1965 году главным редактором Лениздата, отец задумал издать книгу ее произведений, но такую, которая привнесла бы новый взгляд на Ахматову и была бы отличной от изданного в том же году издательством «Советский писатель» «Бега времени». С этой целью в книгу не только была включена проза Ахматовой, но в предисловии к сборнику, издание которого заняло девять лет, отец писал: «Мне хочется рассказать об Ахматовой во дни торжеств и бед народных, о гражданственности ее поэзии, ее национальном, русском характере». Действительно, до тех пор об Ахматовой так никто не писал.

Однако сразу после смерти Ахматовой он было не решался думать об издании полновесной книги в партийном издательстве. Все же Лениздат был менее свободным, чем «Советский писатель». Поэтому, чтобы обком не зарезал идею на корню, отец решил просить одобрение чинуш на издание небольшой книги Ахматовой. Стержень ее должны были стать патриотические циклы «Ветер войны», «Победа», «Луна в зените» и «Поэма без героя». Однако он все же сумел доказать в Смольном необходимость наиболее полного издания Ахматовой, что явилось бы доказательством свободы советской печати и лояльности знаменитой поэтессы.

А тогда, в 1965 году, приходя с писательского участка к нам на дачу, отец передавал свои впечатления о встречах с Ахматовой. Главным его слушателем был дедушка, но что-то долетало и до меня. Отец ценил, что Ахматова относилась к нему, человеку, возглавлявшему партийное издательство, все с большим и большим доверием. Он с волнением повторял якобы ее слова: «Я человек Хренкова», свидетельствовавшие о том, что ей хотелось быть опубликованной в партийном издательстве. Самой мне не довелось увидеть Ахматову, но, по рассказам отца, как и многих других, она выглядела царственно величавой. С этим обликом никак не вязался один эпизод, рассказанный отцом. Приходит он как-то раз на писательский участок в Комарове и видит, что Ахматова и Гитович шарят в кустах и под деревьями. Оказалось, они вечером спрятали где-то шкалик водки на опохмелку, но никак не могли его найти.

В 1989 году, уже выйдя на пенсию, отец напишет книгу «Анна Ахматова в Петербурге—Петрограде—Ленинграде». Эта книга пользовалась большой популярностью среди жителей города, и его постоянно приглашали на всякие мероприятия, связанные с Ахматовой, а после перестройки, когда отец оказался не у дел, эти встречи скрашивали его жизнь.

Лениздат, «Нева» и цензура

Пожалуй, должность главного редактора Лениздата, которую отец занимал с 1965-го по 1979 год, была главным из «постов» в его жизни. Именно здесь наилучшим образом проявились его организационные способности, умение придумывать и воплощать в жизни новые идеи, в частности, такие, как серия «Выдающиеся деятели науки и культу-

ры в Петербурге—Петрограде—Ленинграде», «Повести ленинградских писателей», и не в последнюю очередь способность бороться с партийным начальством за публикацию работ писателей и поэтов, которых он считал нужным издавать.

С начала 1970-х годов я стала жить отдельно от родителей своей семьей, занималась воспитанием сына и писала диссертацию. Другими словами, я не имела возможности наблюдать отца постоянно в повседневной жизни, а тем более видеть его в работе. Поэтому я попросила тех немногих друзей, которые сейчас еще помнят отца и атмосферу застоя, в которой он работал, написать о нем небольшие воспоминания. На мою просьбу откликнулись корреспонденты ЛенТАСС Олег Сердобольский и Лев Фролов, а также многолетний соратник и друг отца по Лениздату и журналу «Нева» Борис Григорьевич Друян. Сердобольский сначала назвал свою заметку «А где вранье, Дмитрий Терентьевич?», но потом опубликовал ее на сайте Союза журналистов Санкт-Петербурга и Ленинградской области под названием «Его вулканичество Хренков». Такое название, по-моему, как нельзя лучше отражает характер отца. Ниже я привожу написанное Сердобольским с его согласия.

Дмитрий Терентьевич Хренков вспоминается мне как человек бури и натиска, несомненный лидер, человек, необычайно стремительный в своих решениях, владеющий стратегией и тактикой борьбы за свою идею. Ростом он был с генералиссимуса Суворова, носил такую же, как полководец, прическу с хохолком на макушке и обладал пронзительным голосом, в котором преобладали жизнеутверждающие нотки.

Война кидала его на одни позиции, мирная жизнь — на другие. Но чем бы он ни руководил — отделом ли армейской газеты, Пушкинским ли театром, Лениздатом или журналом «Нева», везде он был несомненным вожаком не по должности, а по существу, как бы сейчас сказали — креативщиком (хотя в его времена это слово еще не было в моде). К нему притягивались люди, ощущавшие мощь его силового творческого поля. Он фонтанировал идеями. А когда он отошел от активной общественной жизни, то и тогда не поддавался своей участи пенсионера. Как литературовед, близко знавший объекты своего исследования, он всегда был в работе за писательским столом.

С Дмитрием Терентьевичем меня познакомил радиожурналист Матвей Львович Фролов. Они были друзьями, питерцами одного поколения да к тому же людьми одного общественного темперамента. Хренков, услышав от друга мою «производственную характеристику», тут же включил меня в свою символическую картотеку, как человека, который в какой-то ситуации может ему понадобиться. И в начале 1980-х такой случай представился.

Звонит мне среди дня в редакцию ЛенТАСС знакомый пронзительный голос. Я сразу узнал Дмитрия Терентьевича, который был в тот момент главным редактором серьезного партийного издательства — Лениздата. И без всякого разгона Хренков предлагает мне написать книгу о боевом и профессиональном пути фотокорреспондента газеты «На страже Родины» Николая Хандогина.

— Я Колю Хандогина сто лет знаю, еще с войны. У него сохранилась куча военных фотографий. Напишите о нем книгу, а мы ее издадим, проиллюстрируем снимками.

По ходу разговора у меня родилось встречное предложение: сделать книгу не об одном, а о пяти военных корреспондентах, которые были живы, здоровы и доступны для общения. Хренков быстро согласился, но предупредил: времени мало потому, что все надо успеть сделать к победной дате. К тому времени у меня уже сложился хороший авторский дуэт с моим другом — тассовцем Виктором Ганшиным, который был на одиннадцать лет старше меня и успел подростком хлебнуть горькой доли на оккупированной фашистами территории.

Как делали мы книгу в паузы между репортерской работой — это отдельная история. Но в жесткий график мы, как ни странно, уложились и в назначенный день по-

ложили на стол главного редактора Лениздата объемную рукопись под названием «Одна секунда войны». Он был ее первым читателем и первым рецензентом, который не заставил нас долго ждать. И когда спустя дней пять он мне позвонил, то вместо ожидаемого «молодцы, спасибо, здорово сработали!», в трубке раздалось:

— Ну, вы, ребята, даете!.. Вы врете, врете, да знайте меру!..

— А где вранье, Дмитрий Терентьевич? — поинтересовался я.

— И вы еще спрашиваете, где вранье! Зачем вы придумали блокадные дневники Хандогина? Да Коля, к вашему сведению, двух слов связать не может. А вы цитируете какие-то его дневники!

Пришлось нам звать на помощь самого Николая Ивановича. Принес он нам свою тетрадочку с дневниковыми записями блокадных лет, которые поначалу не решался нам показать: стеснялся своих грамматических ошибок. Этот-то дневник мы и предъявили Хренкову в качестве вещественного доказательства. Что и говорить, Дмитрий Терентьевич был просто ошеломлен такой неожиданностью! За «Одну секунду войны» мы были отмечены премией Союза журналистов СССР. Книга стала библиографической редкостью. На нее ссылаются исследователи как на документ времени. И как не вспомнить, что началось это со звонка в редакцию, со светлой идеи, сверкнувшей в голове замечательного человека, прошедшего всю войну.

Вторая история, связанная с Дмитрием Терентьевичем, случилась в середине 90-х гг. Не стало старейшего питерского журналиста Матвея Фролова. И мне поручили сделать книгу, составив ее из воспоминаний коллег и друзей. Все эти мемуарные страницы сложились в «репортаж-воспоминание», где вместе с журналистами сказали свое слово Михаил Аникушин, Андрей Петров, Даниил Гранин, Кирилл Лавров, Алексей Баталов, Лев Додин...

Дмитрий Хренков написал для этой книги воспоминания «У микрофона — его величество факт», вспомнив очень яркий эпизод боев в районе Невской Дубровки 1941 г. Подписался он под своими заметками как журналист и писатель. Но лично для меня, как редактора-составителя, не менее ценным вкладом Дмитрия Терентьевича был листок со стихотворением «Вольный сын эфира». Это была страница, как бы извлеченная из толстого академического издания, с текстом стихотворения, посвященного Матвею Фролову.

Сын Льва, родитель терпеливый Львенка¹,
О снизойди к нам, дай ответ,
Как ты при этой работенке²
Сумел дожить до столь преклонных лет?

Как девственница, напряжен эфир,
В мольбе и страхе, в радости он снова,
На всю страну, на весь подлунный мир
Летит, не умолкает голос М. Фролова.

Не зависть — прочь изыди, суета,
Пусть старость над тобой не будет властна,
И коль тебе не хватит ста³,
Возьми, пожалуйста, все полтораста!

Все будет так. В истории мирозданья
Об этом скажут красною строкой:
Неутолимый демон, дух изгнанья
Витал над грешною землей⁴.

А сноски в виде академических литературоведческих примечаний были такие:

1. Речь идет о Матвее Фролове, известном радиожурналисте.

2. В штурме Зимнего не участвовал, но не раз сотрясал Дворцовую своими репортажами.

3. «Не хватит ста» — труднопереводимое журналистское выражение, имеющее двойное значение. В данном случае — не хватит ста граммов спиртного.

4. Строки, заимствованные у ближайшего предшественника М. Фролова М. Ю. Лермонтова (1814—1841). См. у последнего «Демон», «Валерик» и др.

Когда-то этот сюрприз был сочинен к дню рождения Матвея Фролова и украсил дружеский капустник. Ну, а для меня это была лучшая подсказка для названия будущей книги. Так что с чувством юмора у Дмитрия Хренкова было все в порядке. А сама презентация книги «Вольный сын эфира» — первой в городе персональной книги об одном журналисте! — стала общим праздником для всех, кто вложил в нее частицу своего труда — труда благодарной памяти.

Доводилось мне и в других эпизодах так или иначе пересекаться с Дмитрием Терентьевичем. Однажды, зайдя в редакцию журнала «Нева» на Невском, я стал свидетелем кипучей жизни его редколлегии. Видимо, сдавался очередной номер, кипела работа, все были очень озабочены. В разгар этой редакционной круговерти раздался звонок. Хренкову звонил балкарский поэт, Кайсын Кулиев. Надо было слышать, как сердечно, по-братски говорил с ним Дмитрий Терентьевич! («Кайсын, дорогой! Все получил, не волнуйся. Приезжай в Питер, всегда тебе рады»). Если не ошибаюсь, речь шла о подборке стихов, которые планировалось опубликовать в переводах Михаила Дудина. Такими же теплыми были отношения главного редактора «Невы» с другими народными поэтами большого Союза — Расулом Гамзатовым, Мустаем Каримом, Давидом Кугультиновым...

В 1976 году Дмитрий Терентьевич познакомил меня с поэтом Всеволодом Александровичем Рождественским, попросив его прочитать мои стихотворные опусы. Мэтр, окруженный густым табачным дымом, прямо при мне прочитал целую пачку моих стихов, что-то предложил вычеркнуть, что-то добавить и сказал под конец: «Пишите побольше о нашей современности, о человеке труда, не прячьтесь в кусты от реальности». Конечно, для меня это была очень важная встреча. Намечалась первая журнальная публикация в «Неве», где Рождественский, если не ошибаюсь, вел отдел поэзии. Только вот переделывать и переписывать я почему-то ничего не стал. Мне важнее было сделать для себя кое-какие выводы.

Но именно в те 80-е, во времена редакторства Хренкова, в «Неве» могли быть впервые напечатаны мои детские стихи. Там многие годы выходила страничка для детского чтения. Я подготовил подборку, ее проиллюстрировал великий карикатурист и книжный график Владимир Александрович Гальба, который очень тепло ко мне относился. Уже эти стихи с черно-белыми картинками стояли на заветной страничке, и я получил от редактора отдела письмо, в котором сообщалось в каком номере подборка будет напечатана. Но судьбе было угодно, чтобы именно с этого номера детская страничка выходить перестала. Оказывается, Дмитрий Терентьевич страничку эту не любил, давно собирался ее закрыть. И так совпало, что закрыл он ее именно на моих стихах. Но это мне вспоминается сейчас, как забавный анекдот из прошлого.

Дмитрий Терентьевич Хренков был ровесником моего отца. Я преклоняюсь перед этим отважным поколением с его неиссякаемым запасом жизненного оптимизма.

А вот что вспоминает о системе отношений между редакторами издательств, журналов и газет во времена застоя друг моего детства и тоже корреспондент ЛенТАСС Лев Фролов, отец которого упоминался выше.

Как-то раз главному редактору журнала «Нева», которым в то время был мой отец, необходимо было решить кое-какие вопросы с самым главным человеком в городе. Таковым был в то время Лев Николаевич Зайков, бывший до недавних пор председа-

телем исполкома Ленгорсовета, а еще раньше генеральным директором научно-производственного объединения.

В один прекрасный день из аппарата первого секретаря обкома КПСС раздается звонок:

— Дмитрий Терентьевич, Лев Николаевич примет вас в такое-то время, в такой-то день.

«В назначенный час я был в приемной», — рассказывал Хренков.

— Сейчас о вас будет доложено, — сказал помощник, скрывшись за массивной дверью кабинета на третьем этаже Смольного.

— Проходите, Лев Николаевич ждет вас.

«Я вошел в кабинет, — продолжал Хренков, — его хозяин поднялся с кресла, сказав: „Здравствуйте, товарищ Хренков. Читал, читал, знаете ли, ваши повести и новеллы. Хорошо, надо сказать, написано, ярко. Ну, рассказывайте, как дела в журнале, какие планы, проблемы“...»

Любопытно, что, со слов Дмитрия Терентьевича, в его творческом портфеле данные литературные жанры практически отсутствовали, но об этом, вероятно, главный партийный начальник города знал лучше автора...

Лев Фролов раскрыл более подробно и тему взаимоотношений «обком-журналисты». Визит руководителя одного из городских СМИ в Смольный, подобный хренковскому, далеко не единичный. Традиционно руководители газет были в элите партийного начальства, членами или кандидатами в члены бюро обкома или горкома, избирались главами соответствующих изданий. К примеру, главный редактор «Ленинградской правды» был членом бюро обкома КПСС, «Вечернего Ленинграда» — бюро горкома КПСС, молодежной «Смены» — бюро обкома ВЛКСМ. Причем в обязательном порядке, вне зависимости от личности, главное — носитель должности. Так что редакционное начальство было, что называется, регулярно вхожи в верхи партийной власти, с соответствующими льготами и привилегиями (дачи, продуктовые заказы, спецлечение в поликлинике и больнице имени Свердлова). Меньшими «дарами», но все же существенными льготами пользовалось и мелкое редакционное начальство: члены редколлегий газет, спецкоры, руководители отделов, выпускающие ЛентАСС.

Вот еще один примечательный факт, подтверждающий действенность альянса «партия-журналисты». На старинный особняк девятнадцатого века в самом центре города на Невском, 70 после того, как оттуда выехало некое закрытое КБ, было полно желающих. Причем весьма солидные и авторитетные фирмы хотели занять здание. Однако именно тогдашний первый секретарь обкома Г. В. Романов распорядился отдать его под Дом журналиста и Союз журналистов Ленинграда — эти общественные организации занимают особняк по сей день.

Несмотря на такие «тесные» отношения между сотрудниками СМИ и партийным начальством, у моего отца (да и не только у него) происходили постоянные столкновения с органами, ведавшими цензурой.

Подробно и интересно написал Борис Григорьевич Друян о том, как они пробивали в печать книгу «Анна Ахматова. Стихи и проза. Лениздат, 1977»⁵. Именно из-за проблем с цензурой на издание книги ушло девять лет, в течение которых скончалась сама Ахматова, потом Корней Иванович Чуковский, который должен был написать предисловие, произошел разрыв с Лидией Корнеевной Чуковской, комментировавшей поэтический раздел книги, но книга все-таки вышла.

Еще будучи главным редактором Лениздата, ссылаясь на приближение официального пенсионного возраста, отец написал в мае 1979 года письмо Г. В. Романову с прось-

⁵ См.: Б. Г. Друян. Неостывшая память. СПб.: Геликон, 2013, с. 199–236.

бой освободить его от обязанностей главного редактора и дать возможность заниматься собственной литературной деятельностью. Я не уверена, что письмо действительно дошло до адресата, так как в архиве отца хранится его первый экземпляр. Но так или иначе, из Лениздата он ушел в 1979 году, но не на пенсию, а стал работать главным редактором журнала «Нева», к чему стремился довольно долгое время. Однако проблемы с цензурой только усилились.

Вот эпизод, относящийся уже к работе в журнале «Нева», рассказанный тем же Друяном, о том, как отец пытался пробить публикацию стихов В. Высоцкого.

В конце 1980 года в Ленинград приехала давняя знакомая Друяна из Западного Берлина Ингеборг Голлерт. Зная его любовь к творчеству Высоцкого, она привезла в подарок большую пластинку с профессиональными записями песен в авторском исполнении в сопровождении оркестра. На черном глянцевоом конверте был изображен выразительный фотопортрет Владимира Семеновича и — крупно: Vladimir WISSOTSKI «Von der Erde» und andere Lieder. Внизу — мелким шрифтом: (P) 1980, Dortmund.

Всего на пластинке было записано четырнадцать песен. Их тексты, напечатанные на русском и немецком, были вложены в конверт. Именно здесь он увидел впервые стихи Высоцкого, набранные типографским способом. (Самая первая, посмертно изданная книга Высоцкого «Нерв» вышла в свет поздней осенью 1981 года.) В новогоднюю ночь 1981 года компания друзей Друяна слушала у него дома прекрасно записанные песни Высоцкого.

Именно в это время по приглашению отца как главного редактора журнала «Нева» Друян перешел работать в «Неву» заведующим отделом поэзии. Вскоре возникла необходимость найти для майского, победного, номера журнала что-то значительное, новое. И тут его осенило: а не попытаться ли напечатать Высоцкого? Чем черт не шутит — вдруг да и выгорит, — думал Друян. Но для начала нужно было убедить в этом главного редактора. Он перепечатал на машинке тексты четырех с давних пор любимых песен, которые сами по себе свидетельствовали о незаурядном поэтическом даровании Высоцкого: «Песня о земле», «Он не вернулся из боя», «Сыновья уходят в бой», «Братские могилы». Фамилию автора стихотворений он не указал.

На следующий день Друян пришел в кабинет главного редактора и молча положил перед ним на стол листки со стихами. Отец, по словам Друяна, быстро прочитал стихи, снял очки и порывисто встал из-за стола.

— Какие замечательные стихи! Обязательно — в майский номер! Слушай, но я где-то вроде бы читал их... Точно читал, только вот не помню где. Кто их написал?

— Не могли вы их читать. Честное слово, не могли, — взволнованно начал Борис Григорьевич, — а вот слышать — слышали много раз. Высоцкий это.

— Ну да, ну да, — как-то обескураженно произнес Д. Т. — Конечно, слышал. Замечательные стихи!.. Жаль, напечатать не сможем.

— Да как же так, вы же сами говорите, что стихи замечательные. Смотрите, какой редкой красоты строки: «Отражается небо в лесу, как в воде, и деревья стоят голубые!» Да и стихи эти о вашем поколении фронтовиков, о моем отце, который в сорок четвертом не вернулся из боя. Ну что в них вредного, антисоветского, в конце-то концов?!

— Подожди, подожди, не горячись, сядь, успокойся. Я тебе говорю: ничего у нас не выйдет. Высоцкий в черном списке, а список составили на самом верху, понял?

— Ну и что, а вы все же попробуйте в обкоме объяснить, что Высоцкого из этого списка надо вычеркнуть. Ведь они с вашим мнением считаются.

— Не так уж они и считаются, сам знаешь... Ишь, хитрец: объясни им. Да никакими объяснениями их не возьмешь.

— Вы просто дрейфите говорить с ними о Высоцком, — использовал Борис Григорьевич последний козырь, намеренно передергивая: в чем-чем, но только не в трудности можно было бы обвинять Д. Т. (так отца все называли в редакции. — Ю. М.), и Друян это отлично знал.

— Ну что мне с тобой делать? — притворно нахмурился Д. Т. — Не забывай, что я все-таки тут главный редактор.

— А кто главнее: главный редактор или редактор главного редактора? — нашелся Друян, имея в виду то обстоятельство, что несколько книг Д. Т. были отредактированы им.

— Конечно, ты главнее, — заулыбался Главный. — Но даже ты бы их не убедил, поверь мне.

Разговор был окончен. Уходя из кабинета, Борис Григорьевич задержался в дверях и вполголоса прочитал:

Наши мертвые нас не оставят в беде.
 Наши павшие — как часовые.
 Отражается небо в лесу, как в воде,
 И деревья стоят голубые.

— Погоди, — вдруг сказал Д. Т., — давай стихи, поеду, попробую.

Отец всегда все решал и делал быстро, не откладывая на потом.

Из Смольного он вернулся смурной, нахохленный:

— Знал я, знал: ничего не выйдет, просто съездил для очистки совести. Да и ты бы глядел косо, если бы не поехал, знаю я тебя... Ладно, не будем делать из этого трагедии. Знаешь поговорку об обухе и плети? То-то, — и неожиданно предложил: — А не пройтись ли нам сегодня по «гуренковкам»? («Гуренковками» в компании отца назывались коньячные в честь его друга, редактора «Вечернего Ленинграда» Михаила Николаевича Гуренкова. — Ю. М.)

...После третьей «гуренковки» на Невском, рядом с Литейным, отец и Друян оживленно беседовали о поэзии, бережно поддерживая друг друга и по очереди читая стихи Высоцкого.

На улице Маяковского около них остановилась «Волга». Из нее вышла редактор популярнейшей в те годы газеты для детей «Ленинские искры» Людмила Анищенко — красивая чернобровая женщина. Она картинно всплеснула руками и весело пропела:

— Издалека заметила, что вы что-то не очень твердо двигаетесь по земле-матушке, руками размахиваете. Давайте я вас до дома подброшу на машине.

— Нет! — заупряился Д. Т. — Мы с Борей в полном порядке. Вот только зайдем на Салтыкова-Щедрина в «гуренковку» и — домой. Хочешь, пойдем с нами, мы тебе стихи читаем.

Людмила сочла за благо откланяться, а они продолжили путь к намеченной цели. Нечего говорить, с каким напряжением мама каждый раз ждала возвращения отца домой, опасаясь, что когда-нибудь он просто свалится с ног в очередной коньячной.

Все же отцу не раз удавалось добиваться своего в борьбе с цензурой и партийным начальством. Например, он упорно отстаивал публикацию произведений Валентина Пикуля. Хотя они не всегда были написаны красивым литературным слогом, отец считал, что эти книги способны пробудить у читателей интерес к отечественной истории, выходящей за пределы требований партийности. Боролся он и за публикацию книг Ильи Штемлера, прозванного «нашим Артуром Хейли» просто в силу схожести тематики ряда их книг. Штемлер писал интересно и увлекательно, хотя никаких «идейных» тем не поднимал.

Зато графоманам, которые пытались пропихнуть свои «труды», прикрываясь их идеологической выдержанностью, отец всегда давал отпор. Работавший вместе с ним в журнале «Нева» Анатолий Петров также вспоминал, как отцу приходилось сражаться с графоманами и цензурой. «Как-то на страницах „Седьмой тетради“, — писал Петров, — было решено реанимировать полузабытые имена Зошенко, Хармса, Аверченко, Олейникова, Булгакова... Хренкова тотчас вызвали на ковер в Смольный и устроили взбучку. Однако Д. Т., бесстрашный как Чапай, особо-то не расшаркивался. Д. Т. говорил: „Нам нужна литература, понимаете вы это или нет?“ — и не терял оптимизма...

Д. Т. почти всегда шел на прорыв. Он так и представляется до сих пор — Чапай на коне с сабелькой наголо и развевающейся буркой. Естественно, никакие инстанции подобного поведения не одобряли, да и вообще ни на каких идеологических уровнях управление печатью о „Неве“ добрых слов не произносило, „Неву“, как правило, ругали, а сотрудников лишали премий».

Наконец, не выдержав бесконечных нервотрепок с цензурой, отец все же вышел на пенсию в 1984 году, чему партийное начальство, наверное, было только радо. Последней каплей, переполнившей чашу терпения, стал скандал вокруг публикации прозы Валерия Мусаханова, правдиво рассказывавшей о тогдашней жизни.

Во второй половине 1980-х годов здоровье отца стало сдавать, и он периодически ложился в больницу. После какой-то операции даже привычные «сто грамм» стали для него слишком большой порцией. Когда отец пьянел, он обязательно читал стихи Николая Гумилева «Шестое чувство»:

Прекрасно в нас влюбленное вино,
И добрый хлеб, что в печь для нас садится,
И женщина, которую дано,
Сперва измучившись, нам насладиться.

Тогда домашние понимали, что свою норму он уже «принял». Вспоминается один смешной случай. Вскоре после выхода из больницы отец сбежал в Дом журналиста. Вдруг нам звонят оттуда по телефону и сообщают, что его разбил паралич и они вызвали «скорую». Мой муж тотчас поспешил на машине к отцу. Но когда он туда прибыл, оказалось, что того уже увезли на «скорой» в «старую Свердловку». Однако оттуда врачи решили направить его в специализированную больницу на Авангардной, и подоспевший муж вместе с врачом пересели в другую машину. Отец лежит без движения, но вдруг раздается: «Прекрасно в нас влюбленное вино...» Мужу становится понятным, что никакой это не паралич, а просто состояние опьянения. Однако отбить отца у врачей не удалось. В шесть часов утра раздается звонок, и отец кричит в трубку: «Вы бы меня еще в Таллин отправили. Забирайте скорее да сто грамм привезти не забудьте».

В силу своего служебного положения отец пользовался многими привилегиями, о которых написал выше Лев Фролов. Однако при этом он всегда был готов помочь другим. Одним он помогал устроиться на работу, другим — получить квартиру или садово-огородный участок, третьим — купить «по блату» книги.

Отец, что называется, был человеком «системы», и он прекрасно понимал, что «система» зашла в тупик. Ведь он сам как издатель не раз мог убедиться в ее косности, особенно когда сталкивался с цензурой. Подвергал ли он серьезному сомнению ценности, на которых выросли он и многие люди его поколения — вопрос более сложный. Правильнее было бы сказать, что он допускал критику отдельных моментов, но не выходил на уровень обобщения. Думаю, что как честный человек он должен был задавать, а возможно, и задавал себе те же вопросы, что мучили Берггольц по выходе из тюрьмы: «Где, когда и как мы выскочили из колеи?»

90-е годы

Отец не вписался в новую систему. С одной стороны, это можно объяснить тем, что изменились обстоятельства повседневной жизни в нашей семье. С моим отъездом сначала в Австралию, а потом в Японию, который отец очень переживал, на него легла обязанность заботиться о маме, не отличавшейся хорошим здоровьем. Она с детства плохо слышала, а с годами ее глухота усиливалась. С другой стороны, инфляция, неразбериха и криминальная обстановка в городе дезориентировали всех, но особенно пожилых людей. Отец сразу же стал никому не нужным — одни друзья умирали, другие поуждали, третьи все же как-то приспособились. Он же наотрез отказался уезжать из своей страны. В одном из его писем ко мне говорилось: «Писать ничего не могу потому, что никто не хочет печатать таких людей, как я, с такими убеждениями, интересами и пр. Жизнь круто изменилась даже на этом фронте. От этого жизнь труднее, замкнутее, мрачнее». И в другом письме он повторял почти то же самое: «Теперь тебе нужно думать только о собственной семье, работе и жизни. Мы же будем только доживать, ибо, как выяснилось, я уже не способен к нормальной работе, да и обстоятельства в стране и городе сложились так, что никто из нас, бывших, не нужен никому, кто владеет властью, журналами и пр. Конечно, иной раз можно с любопытством пройтись по улицам и увидеть то, что происходит: город во власти бизнесменов и жуликов».

И все же отец нашел себе занятие — стал помогать в работе мне. Именно он подсказал мне новую тему исследования — заняться изучением русско-японских отношений и, в частности, взаимных представлений друг о друге, будучи уверенным, что эта тема еще не разработана и что каждый, кто обратится к ней, может сказать первое нужное слово. Отец оказался полностью прав.

Он помогал мне собирать материалы по русско-японским отношениям в Российском государственном архиве Военно-морского флота, в Публичной библиотеке, делая своими воспоминаниями о писателях и журналистах, которые были причастны к Японии. Когда же он приехал в гости ко мне в Японию, ему предложили выступить с лекцией и рассказать о своей работе в Советском Союзе. Интересно, что, даже не зная японского языка, он мог «разговориться» с японцами прямо на улице, собрать вокруг себя компанию японских девушек, которым был интересен «русский старичок». А с моим деканом профессором Хираи Томоеси, советологом по профессии, который и пригласил меня на работу в Японию, они просто стали друзьями. Таким образом, отец вновь почувствовал свою востребованность, и его деятельная натура на время ожила. Но если мама легко привыкла к жизни в Японии — лишь бы я была рядом, то отец не мог жить, как он говорил, «без гранитных камней Ленинграда». Пришлось везти назад сначала его, а потом и маму, благо Япония все же соседка России. К счастью, исследование русско-японских отношений позволяло мне ездить в Россию по три раза в год. Отцу Япония была интересна своей необычной культурой, организованностью жизни, тем, как японцы возродили Хиросиму. Однако душа его принадлежала России, какой бы она ни была.

К 200-ЛЕТИЮ И. С. ТУРГЕНЕВА

Ирина ЧАЙКОВСКАЯ

ЧЕХОВ И ТУРГЕНЕВ. ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ СХОДСТВО ДВУХ ПЕРСОНАЖЕЙ

Антон Павлович Чехов писал пьесы на протяжении всей жизни. Этот жанр, где автор скрыт за персонажами, был для него очень органичен. Он создал свой театр, сильно отличающийся от театра его российских предшественников. Но какими-то нитями Чехов-драматург бесспорно был с ними связан¹. Думаю, никто не будет отрицать, что, скажем, студент Петя Трофимов из чеховского «Вишневого сада» (1903), напивавшись идеями нового века, пришел туда из пьесы А. Н. Островского «Таланты и поклонники» (1881). И общее у них не только имя, но и звание студента, демократические взгляды, учительская позиция по отношению к героине, девушке, которую они оба любят и «просвещают», да и «недотепистость» их роднит.

Ирина Чайковская — автор рассказов, повестей и пьес. Критик и публицист, редактор интернет-журнала «Чайка». Родилась в Москве. По образованию педагог-филолог, кандидат наук. С 1992 года на Западе: сначала в Италии, с 2000 года — в Америке. Публиковалась в журналах «Вестник Европы», «Нева», «Звезда», «Знамя», «Октябрь», «Вопросы литературы» (Россия), «Новый берег» (Дания), «Чайка», «Слово/Word», альманахах «Побережье», «Связь времен» (США). Автор книг: «Карнавал в Италии» (2007), «Любовь на треке» (2008), «Какие нынче времена» (2008), «Старый муж» (2010), «В ожидании чуда» (2010), «От Анконы до Бостона: мои уроки» (2011), «Ночной дилижанс» (2013), «Три женщины, три судьбы. Полина Виардо, Авдотья Панаева, Лиля Брик» (2014), «Афинская школа» (2017), «Мария Маркович и Иван Тургенев. История отношений» (2017). Лауреат премии журнала «Нева» в номинации «критика» за 2015 год. Живет под Вашингтоном.

¹ См.: Е. В. Тюхова. Тургенев и Чехов: преемственность и типологические связи. Спасский вестник, 2005, № 12.

В своей статье я хочу обратиться к одному из героев пьесы Чехова «Три сестры» (1901), доктору Чебутыкину, обычно относимому к так называемым «второстепенным персонажам». Хотелось бы, чтобы мой анализ поколебал это мнение и показал, какую важную, весьма значимую роль играет Чебутыкин в пьесе Чехова. Показать это мне поможет сопоставление этого чеховского героя с центральным персонажем пьесы Тургенева «Нахлебник» (1848), — Василием Семеновичем Кузовкиным.

Для начала приведу цитату из письма Чехова жене, Ольге Леонардовне Книппер-Чеховой, от 23 марта 1903 года. В это время на сцене Художественного театра ставились пьесы Тургенева.

«Тургеневские пьесы я прочел почти все. „Месяц в деревне“, я уже писал тебе, мне не понравился, но „Нахлебник“, который пойдет у вас, ничего себе, сделано недурно, и если Артем не будет тянуть и не покажется однообразным, то пьеса сойдет недурно»².

Артем, упомянутый в письме, — актер Московского Художественного театра Александр Родионович Артем (А. Р. Артемьев, 1842—1914). Сын крепостного, он состоял в труппе со дня основания и считался «любимым актером Чехова»³. Для нашей темы важно, что именно для Артема, который в тургеневской пьесе должен был играть Кузовкина, Чехов написал роль Чебутыкина в «Трех сестрах». Эту роль артист исполнил на премьере «Трех сестер» в Художественном театре в 1901 году. К слову скажу, что в 1903 году по какой-то причине «Нахлебник» в Художественном сыгран не был. Первый акт пьесы театр сыграл только в 1912 году, а всю пьесу — через год. В постановке 1912 года Василия Кузовкина играл Артем.

Уточним еще один момент. Чехов пишет жене, что прочел почти все тургеневские пьесы. Значит ли это, что в 1903 году он читает их в первый раз? Конечно, нет. Тургенев ушел из жизни в 1883 году, Антону Чехову было в это время 23 года, он учился в Московском университете и отличался любовью к книгам и к театру. Бесспорно, что, еще учась в таганрогской гимназии, он не мог не прочитать тургеневские произведения, уже тогда считавшиеся «классикой».

Полагаю, что пьеса «Нахлебник» была Чехову хорошо известна и до весны 1903 года.

Но давайте разберем сюжет «Нахлебника» и рассмотрим его главного героя, чтобы затем обратиться к пьесе Чехова и к доктору Чебутыкину.

В наследственное имение приезжают давно отсутствующие хозяева — Ольга Петровна, 21-летняя помещица, покинувшая этот дом шесть лет назад и недавно вышедшая в Петербурге замуж, и ее муж, петербургский чиновник Павел Елецкий. В доме — на хозяйских хлебах — уже много лет живет Василий Семенович Кузовкин, он радуется приезду Ольги Петровны, подходит к ней с поздравлением, но она сначала его не узнает, а потом путает его имя-отчество. Постепенно выясняется, что Кузовкина старый барин держал «для потехи», заставляя его петь и плясать во время застолий. Но с того времени прошло больше двадцати лет.

Между тем во время попойки в честь приезда нового барина местный помещик Тропачев и его сподручный, спаивая Кузовкина, всячески его унижают, пытаются снова сделать его шутком, и в конце концов нацепляют ему на голову дурацкий колпак. Все хохочут. Кузовкин же, захмелевший, давно отвыкший от унижений, рыдает и обращается к новому помещику, для которого разыгрывается весь этот спектакль: «...покойный ваш тесть за даровой кусок хлеба да за старые жалованные сапоги вволю надо мной потешался — так и вам того же надо? ..стыдно, стыдно, батюшка!» У него есть козырь, есть средство заставить всю компанию себя уважать: «...а знаете ли, кто она, Ольга-то Петровна? Она... она моя дочь!» Сама Ольга как раз на этих словах появляется в дверях, она слышит признание Кузовкина — и исчезает.

² Источник: <http://chegov-lit.ru/chegov/letters/1902-1903/letter-4050.htm>

³ См.: Любимый актер Чехова. Театр и драматургия. М., 1935, № 2, с. 17—25.

Первое действие на этом кончается. И как кажется, второе — уже не более как до-весок, включающий долгий рассказ Василия Семеновича Ольге, как ее мать, обижен-ная и униженная своим неверным и грубым мужем, провела ночь с ним, Кузовкиным. Правда, есть во втором действии удивительная сцена, когда Кузовкин кричит в лицо черствому и расчетливому мужу дочери: «Я столбовой дворянин. Вот кто я-с!» — и за-тем отказывается от предложенных ему 10 тысяч рублей. Это что-то неслыханное на русской сцене, настоящий бунт, попытка униженного человека обрести достоинство. И пусть нас не смущает словоерс — оно употребляется Кузовкиным по привычке.

Комедия Тургенева, однако, кончается счастливо для всех. Нахлебник, неудобный для Елецких, отселяется — помещики выдают ему деньги для выкупа его деревушки Ветрово, за которую шел нескончаемый суд между Кузовкиным и соседями. В итоге Кузовкин деньги берет. Хороший конец не мог обмануть цензуру. Пьеса считалась крамольной. Ее запретили печатать в «Отечественных записках» в 1849 году, и в печать она попала только через восемь лет и под другим названием («Чужой хлеб». «Совре-менник, 1857. № 3). С постановками на театре было еще хуже. Впервые комедия была поставлена в Московском Большом театре в 1862 году и игралась в бенефис уже по-жилого Михаила Семеновича Щепкина, для которого она была написана за 14 лет до того.

Жанр «Нахлебника» Тургенев определил как комедию. Между тем чисто коми-ческого там не так много, так что все зависит от художественного решения. Пьесу с равным правом можно ставить как водевиль, как мелодраму и как драму, причем с трагическим отсветом. Что-то похожее мы видим в пьесе Чехова «Три сестры». Ав-тор определил ее жанр как драму в четырех действиях. Но при общении с руководи-телями МХАТа, которым он отдал пьесу, он говорил, что написал комедию и даже во-девиль⁴. То же повторилось и с «Вишневым садом»⁵, с той только разницей, что Че-хов считал его комедией, в то время как пьеса обычно воспринимается как драма. Ее жанр, как и жанр «Трех сестер», как и жанр пьесы «Нахлебник» Тургенева, тесно при-вязан к тому, каким образом ее поставят, на чем сфокусируют внимание. Скажу как зритель: все три произведения много теряют в глубине и силе воздействия, когда ключом к их постановке становится чисто комический подход. И трудно поверить, что Тургенев и Чехов этого не чувствовали и не понимали. Но в русской драматур-гии за несколько десятилетий до них существовала пьеса, которую принято называть «бессмертная комедия», — «Горе от ума» Грибоедова. Не эта ли пьеса, написанная в 20-х годах XIX века, в которой показан «милльон терзаний» главного героя, задала тон для обозначения в дальнейшем жанром комедии произведений драматического и даже трагического плана? И не ориентировались ли все названные авторы на значе-ние слова «комедия» в таких названиях, как «Божественная комедия» Данте⁶, а позд-нее «Человеческая комедия» Бальзака?

⁴ По словам Станиславского, Чехов «был уверен, что он написал веселую комедию, а на чтении все приняли пьесу как драму и плакали, слушая ее. Это заставило Чехова думать, что пьеса непонят-на и провалилась» (Станиславский, т. 1, с. 235). Немирович-Данченко вспоминал, что после чте-ния пьесы Чехов «боролся со смущением и несколько раз повторял: я же водевиль писал <...> В кон-це концов мы так и не поняли, почему он называет пьесу водевилем, когда „Три сестры“ и в ру-кописи называлась драмой» (Из прошлого, с. 169). Источник: <http://chegov.niv.ru/chegov/text/tri-sestry-primechaniya.htm>

⁵ Современный критик Всеволод Сахаров пишет: «В элегической музыке „Вишневого сада“ звучат бетховенской силы удары судьбы в двери тургеневской усадьбы» (см. его статью «Высота взгля-да (Тургенев и Чехов)». Источник: <https://ostrovok.de/old/prose/saharov/essay010.htm>

⁶ Данте писал, что комедией называется всякое поэтическое произведение с устрашающим началом и благополучным концом.

«Три сестры» Чехова были написаны в 1901 году, и в том же году поставлены Художественным театром. Судя по названию, пьеса посвящена трем сестрам. Действительно, Ольга, Маша и Ирина Прозоровы в центре действия, мы следим за изменением их судеб, за возникновением и крахом их надежд, за их реакцией на людей и события. Но есть в пьесе персонаж, который жил в доме Прозоровых еще тогда, когда были живы родители трех сестер и их брата Андрея. Этот человек знает молодых Прозоровых с детства, и какие-то тайные нити связывают его с младшей из всех четырех — Ириной. Говорю о докторе Чебутыкине. Чебутыкин — военный доктор, по-видимому, он служил под началом генерала Прозорова, умершего за год до начала действия. В город он пришел вместе с бригадой, месяцев за восемь до начала действия, с нею же отправляется в Польшу на новую дислокацию в конце пьесы, через два года после прибытия. Но в отличие от прочих военных, Чебутыкин расположился как свой в доме сестер, на первом этаже. Считается, что он платит за проживание, но из реплик сестер мы узнаем, что старик доктор живет, в сущности, бесплатно, как член семьи.

М а ш а . Вот пришел (Чебутыкин. — *И. Ч.*). Он заплатил за квартиру?
И р и н а (*смеется*). Нет. За восемь месяцев ни копейки. Очевидно, забыл.
М а ш а (*смеется*). Как он важно сидит!

Обратим внимание на то, что сестры воспринимают неуплату Чебутыкина за квартиру с юмором. Скорее всего, это он сам настаивал на том, что будет платить как обыкновенный жилец. Но они-то знают его с детства и воспринимают почти как родственника. И, скорее всего, с детства привыкли видеть в нем «чудака» и слегка над ним подтрунивать. Маша в этом смысле злее Ирины. Это она замечает: «Как он важно сидит».

До этого обмена репликами следует ремарка: «Чебутыкин, только что вставший с постели — он отдыхал после обеда — входит в залу и причесывает бороду⁷, потом садится там за стол и вынимает из кармана газету». Здесь целый ритуал: причесывание бороды, занятие места, вынимание газеты из кармана — и все это делается серьезно и важно. И сидит он важно, словно дело делает, а на самом деле бессмысленно читает газету, время от времени произнося вслух отдельные газетные сообщения: «Бальзак венчался в Бердичеве» или «Цицинар⁸. Здесь свирепствует оспа». Отрывочные фразы звучат смешно и нелепо. У чудака доктора роль в этом обществе своеобразная, едва ли не шутовская. Он и сам не прочь сыграть эту роль, да и окружающие норовят его на нее вывести. Весельчак подпоручик Родэ может обратиться к нему с громким, рассчитанным на внимание остальных вопросом. «Р о д э (*громко*). Доктор, сколько вам лет?»

И Чебутыкин ответит ему с привычной невозмутимостью: «Мне? Тридцать два». Следует ремарка «смех», именно на такую реакцию были рассчитаны вопрос и ответ.

Этими своими шуточками, своей песенкой «та-ра-ра-бумбия... сию на тумбе я», своей присказкой «все равно» Чебутыкин может раздражать. Вот он попался под горячую руку Маше, когда она, расстроенная уходом Вершинина, просит окружающих: «Раз я злая, не говорите со мной, не трогайте меня!» Чебутыкин, верный своей шутовской роли, смеется: «Не трогайте ее, не трогайте...» — и получает отповедь от разгневанной Маши: «Вам шестьдесят лет, а вы, как мальчишка, всегда городите черт знает что».

⁷ Чебутыкин — военный доктор. Я решила выяснить, можно ли было в царской армии носить бороду. Оказывается, да. Чехов и здесь остался верен истине. В последние два царствования, Александра III и Николая II, носить бороду разрешалось. А носить бороду «нижним чинам войск гвардии и генералов» даже предписывалось (см. «История усов в русской армии»).

⁸ Цицинар — город в Китае. Там в начале XX века действительно свирепствовала оспа.

Как говорится, получил по голове. Конечно, это не те унижения, которые терпит «нахлебник» Кузовкин, и все же...

Но тут следует сказать о двойственной роли Чебутыкина и в доме Прозоровых, и в пьесе Чехова. Его воспринимают как чудака, временами как шута, но одновременно он — хранитель дома, его «домовой», последнее связующее звено детей с родителями. Уже в начале пьесы, а она начинается в день годовщины кончины отца и именин Ирины, в ответ на возгласы по поводу подаренного им Ирине дорогого подарка — серебряного самовара — Иван Романович говорит прочувствованно: «Милые мои, хорошие мои, вы у меня единственные, вы для меня самое дорогое, что только есть на свете. Мне скоро шестьдесят, я старик, одинокий, ничтожный старик. Ничего во мне нет хорошего, кроме этой любви к вам, и если бы не вы, то я бы давно уже не жил на свете». С самого начала обнаруживается какая-то особая любовь Чебутыкина к младшей из сестер, Ирине, какая-то особая связь между ними. Вот Ирина окликает его так, как никого не окликает: «Иван Романыч, милый Иван Романыч!», а он отзывается на это с удивительной нежностью: «Что, девочка моя, радость моя?» Ирина продолжает, обращаясь именно к нему: «Скажите мне, отчего я сегодня так счастлива? Точно я на парусах, надо мной широкое голубое небо и носятся большие белые птицы. Отчего это? Отчего?» И ответ Чебутыкина с ремаркой: «*целуя ей обе руки, нежно*). Птица моя белая...»

Старый доктор, как мы увидим дальше, не слишком сентиментален, про смерть барона Тузенбаха скажет «...одним бароном больше, одним меньше — не все ли равно?» Но к сестрам, и именно к Ирине, он относится по-особенному, нежно, трогательно: «Милая, деточка моя, я знаю вас со дня вашего рождения... носил на руках... я любил покойницу-маму». Вот он зовет ее к себе: «Ирина Сергеевна! — Что вам? — Пожалуйста сюда. *Venez ici*⁹. И Ирина покорно идет и садится за стол. А Чебутыкин заключает: «Я без вас не могу».

Откуда такая привязанность? Не коренится ли ответ в словах доктора «Я любил покойницу-маму»?

Старшему брату сестер Андрею Прозорову, с которым доктор проводит время в клубе за карточным столом, он признается: «Жениться я не успел, потому что жизнь промелькнула, как молния, да и потому что безумно любил твою матушку, которая была замужем». Жизнь знает примеры, когда замужние дамы уступали безумно влюбленным в них поклонникам. Не было ли и здесь такого случая?

Маша, старшая из сестер, которая видела Чебутыкина все свое детство, реагирует на него нервно, ей хочется знать, что связывает его с их домом, почему он так по-хозяйски здесь сидит, читает газету, поет «тара-ра-бумбю». Вот их короткий разговор незадолго до конца пьесы:

М а ш а . Сидит себе здесь, посиживает.

Ч е б у т ы к и н . А что?

М а ш а (*садится*). Ничего.

Пауза.

В ы л ю б и л и м о ю м а т ь ?

Ч е б у т ы к и н . Очень.

М а ш а . А она вас?

Ч е б у т ы к и н (*после паузы*). Этого я уже не помню.

⁹ Венеция здесь (*лат.*).

В сущности, он признался. Реплика «после паузы» говорит сама за себя. Маша застала его врасплох, он в замешательстве. На вопрос Маши можно ответить «нет» и «да». Чебутыкин не говорит «нет». Но он не хочет и сказать «да», то есть сознаться в своей связи с матерью сестер — как человек чести, как военный. О том, что он не хочет говорить правду, свидетельствует пауза. Я уверена, что Маша понимает этот ответ как признание.

Автор нас не оповещает, что Ирина — дочь Чебутыкина, но на это прозрачно намекает.

Если в «Нахлебнике» этот мотив становится определяющим, то в «Трех сестрах» он спрятан в подтекст.

Почему же Чебутыкин при такой любви к Ирине не протестует против дуэли Тузенбаха с Соленым, участвует в ней как врач, а затем вполне равнодушно отзывается о смерти барона? Ведь ему хорошо известно, что барон — жених Ирины. Здесь нужно принять во внимание два обстоятельства. Инерция и ритуал военной жизни, в которой дуэли были элементом, хотя и архаическим, отстаивания чести. И второе. Чебутыкин выработал в себе жизненный принцип: все равно. Несчастный случай — смерть пациентки, в которой он чувствует себя виновным, выводит его из нормы, он уходит в запой. А после — его восприятие действительности притупляется и «все равно» уже не сходит у него с языка.

Несколько слов о «философии» Чебутыкина, которую пьяный доктор развивает перед не выспавшимися из-за пожара обитателями дома: «...может быть, я и не существую вовсе, а только кажется мне, что я хожу, ем, сплю. (*Плачет.*) О, если бы не существовать!» Чуть позже, разбив фарфоровую вазу, он снова вспомнит свой «субъективный идеализм»: «Может быть, нам только кажется, что мы существуем, а на самом деле нас нет». Конечно, в устах пьяного философский пассаж звучит смешно, и пьяные слезы, сопровождаемые репликой «О если бы не существовать», могут вызвать смех, и, однако, это еще один штрих в портрете героя, получившегося весьма объемным. Чебутыкин совсем не прост. Да, он не читал Шекспира и Вольтера и все забыл из своей врачебной науки, но он может сам себе ужаснуться и заклеить себя словами «Пошлость! Низость!», и его уму не чуждо философствование.

Здесь есть смысл сказать о Чебутыкине как о враче. Чебутыкин-врач — образ, доведенный до последней степени гротеска. Врач, не только не умеющий лечить, но постоянно об этом твердящий. «Кое-что знал лет двадцать пять назад, а теперь ничего не помню. Ничего...» Нечто похожее он говорит и в пьяном виде: «Черт бы всех побрал... подрал. Думают, я доктор, умею лечить всякие болезни, а я не знаю решительно ничего, все позабыл, что знал, ничего не помню, решительно ничего». На вопрос Андрея «Что мне делать, Иван Романыч, от одышки?» доктор отвечает: «Что спрашивать? Не помню, голубчик. Не знаю». Трудно поверить, что практикующий врач полностью все забыл и не знает, как лечить такое часто встречающееся недомогание, как одышка. Пусть даже не лечить — хотя бы дать житейский совет. Чебутыкин у Чехова — до предела утрированный тип врача, уставшего от своей профессии, не желающего ею заниматься, просящего, чтобы окружающие от него отстали. Чебутыкин устал от жизни, от пациентов, от эксцессов, он ждет долгожданной пенсии, которая будет через год. А пока он выработал себе принцип — не отзываться на поступающие «сигналы» внешней жизни. Потому он и повторяет свое сакральное «все равно», потому в любой ситуации и напекает свою бессмысленную шутовскую песенку.

Между тем жизнь то и дело исторгает из него реакцию, не совпадающую с принципом «все равно».

Вот он вытирает глаза перед уходом из города.

Вот в третьем действии, ночью во время пожара, сильно напившись, он проговаривает вслух одну из самых горьких истин пьесы. В сущности, это кульминация «Трех сестер». Пьяный Чебутыкин, уходя к себе, открывает сестрам глаза на то, что происходит в их доме, в семье их брата Андрея:

Чебутыкин (*у двери*). Что смотрите? У Наташи романчик с Протопоповым, а вы не видите... Вы вот сидите тут и ничего не видите, а у Наташи романчик с Протопоповым. (*Поет.*) Не угодно ль этот финик вам принять¹⁰ (*Уходит.*)

При всей водевильной концовке этого короткого монолога он весьма серьезен. Сестры, живущие в своем мире, возвращены Чебутыкиным на землю, к тому событию, которое касается непосредственно их брата и их и которое в долгосрочной перспективе выживет их из родного дома.

А незадолго до этой кульминационной сцены пьяный Чебутыкин берет в руки фарфоровые часы и рассматривает их. Они падают у него из рук и разбиваются как раз на словах Ирины «И мы уедем». Чебутыкин: «Вдребезги!» Не так ли, как эти часы, вдребезги разобьются мечты сестер о совместном отъезде «на родину», в Москву? Часы принадлежали «покойной маме». Уж не Чебутыкин ли ей их подарил и не потому ли он так пристально их рассматривает? Сцена явно символическая. Бьются часы. Причем не просто часы — дорогая семейная реликвия. И бьются они в тот момент, когда выясняется, что батарея из города уходит и сестрам нужно задуматься о будущем. В этот момент рвется еще одна нить, связывающая обитателей дома с прошлым, и в то же время звучит грозное предупреждение о будущем. Прошлое уйдет, дом опустеет, сестры не уедут в Москву. И эта символическая сцена тоже связана с Чебутыкиным, вожатым в прошлое и невольным прорицателем будущего.

Для Андрея Прозорова Чебутыкин — «друг» и «единственный человек, которому можно открыть душу». Так сам Андрей говорит доктору. Они вместе играют и проводят время в клубе. Подающий надежды Андрей, женившись на Наташе, забросил научную карьеру, скрипку, поступил на службу в земскую управу под начало любовника жены Протопопова; он игрок, игрок неудачливый, в поисках денег он бесчестно поступает с сестрами, заложив их общий дом в банке... Деньги в результате присваивает его хищная жена Наташа, постепенно захватившая власть в доме, вытесняющая из него сестер. Хороший по своим задаткам, но слабый, поддающийся чужому влиянию, Андрей запутался, потерялся.

И единственный, кто может наставить его на путь, — Чебутыкин. Вот что он говорит Андрею на прощание: «Завтра уезжаю, может, никогда не увидимся, так вот тебе мой совет. Знаешь, надень шапку, возьми в руки палку и уходи... уходи и иди, иди без оглядки. И чем дальше уйдешь, тем лучше».

Чебутыкин дает Андрею единственно верный совет: чтобы спастись от погружения в трясины, нужно резко поменять жизнь. Неизвестно, ступит ли Андрей на кардинально новый путь, но Чебутыкин верно уловил, что прежний ничего хорошего его младшему другу не сулит.

Есть в пьесе еще одно место, где вроде бы циничный и равнодушный доктор становится красноречивым и чувствительным, словно это и не он. Это место связано с Ириной, с ее планами после венчания с бароном (которое не состоится, ибо назавтра Тузенбах будет убит на дуэли) поехать на кирпичный завод и начать новую жизнь —

¹⁰ На запрос И. А. Тихомирова, предположившего, что эта фраза взята «из какого-нибудь романса или куплетов» (14 января 1900 г. — ГБЛ), Чехов ответил: «Это слова из оперетки, которая давалась когда-то в Эрмитаже. Названия не помню...» Источник: <http://chekhov.velchel.ru/index.php?cnt=9&sub=9&part=6&page=12> Комментарии к пьесе «Три сестры», сноска 15.

в школе, учительницей. На это Чебутыкин откликается необычно. Он не просто обращает к Ирине слова любви и ласки: «Славная моя, хорошая... Золотая моя», но и приветствует в ее лице все молодое поколение: «Далеко вы ушли, не догонишь вас. Остался я позади, точно перелетная птица, которая состарилась, не может лететь! Летите, мои милые, летите с богом!»

Как уже говорилось, Чебутыкин в пьесе — связующее звено детей с родителями, он «хранитель дома», знавший и любивший маму сестер и брата Прозоровых. Кому, как не ему, напутствовать молодых? Но привычная маска циника и шута не предполагает таких речей. Недаром сразу за его пафосными словами у Чехова следуе Пауза, а затем доктор, устыдишись своего пафоса, сбавляет тон и в обычной манере обращается к Кулыгину: «Напрасно, Федор Ильич, вы усы себе сбрили».

Нужно сказать, что Чебутыкин в этой своей речи подписывает себе приговор одиночества, того самого одиночества, о котором он говорил Андрею: «Как там не философствуй, а одиночество страшная штука, голубчик мой».

В его планах через год, выйдя на пенсию, вернуться сюда, в этот дом: «Через год дадут мне отставку, опять приеду сюда и буду доживать свой век около вас. Мне до пенсии только один годочик остался».

Но если все «улетят», то ему не к кому будет возвращаться. В конце пьесы в разговоре с Андреем он уже менее уверен, что вернется:

А н д р е й. Навсегда?

Че бут ы к и н. Не знаю. Может, через год вернусь. Хотя черт его знает... все равно.

Можно предположить, что через год в доме Прозоровых останется одна Наташа, навещаемая Протопоповым. Ольга, ставшая начальницей, давно уже живет в гимназии, Маша с Кулыгиным также живут отдельно, Ирина после смерти Тузенбаха собирается одна уехать учительствовать. Андрея, если он послушает совета Чебутыкина, здесь тоже не будет. А если не послушает и останется, что ближе к реальности, то Чебутыкин вряд ли сумеет обосноваться в доме, где хозяйка Наташа. Да и зачем? Ведь из этого места вместе с сестрами улечутится все, что давало ему ощущение семьи и дома.

Любопытно сравнение Чебутыкина с Кулыгиным. Оба принадлежат к старшему поколению, оба на службе, один врач, другой учитель. Оба не прочь произнести латинскую фразу. Но Чебутыкин — военный доктор, забывший всю врачебную премудрость, запойный пьяница, циник и полусут, Кулыгин же — гимназический учитель, очень довольный собой, своей карьерой, своим начальником и своей женой Машей. Кулыгин не столько учитель, сколько чиновник. Он чувствует свое превосходство над Чебутыкиным хотя бы потому, что он, Кулыгин, — человек положительный, непьющий, а доктор пьет. Его это веселит: «Как нарочно, у доктора запой, пьян он ужасно. Как нарочно!.. *(Смеется.)* Экий какой, право... Я спрячусь. *(Идет в угол к шкапу.)* Этакий разбойник».

Этому «педагогу» приятно понаблюдать над пьяным Чебутыкиным, посмеяться над ним. Вот он выходит из своего укрытия и обращается к Чебутыкину:

Ку лы г и н *(смеется)*. Назюзюкался, Иван Романыч! *(Хлопает по плечу.)* Молодец! In vino veritas¹¹, говорили древние.

В четвертом действии Чебутыкин, размышляясь, что через год вернется и коренным образом изменит свою жизнь, говорит о себе «изменившемся»: «Стану таким ти-

¹¹ Истина в вине *(лат.)*.

хоньким, благо... благоугодным, приличеньким». В сущности, это портрет Кулыгина, «образцового чиновника», настолько преданного начальству, что, став инспектором, в подражание директору гимназии сбривает усы.

Кулыгин реагирует на чебутыкинскую песенку «Тарара... бумбия... сижу на тумбе я...» репликой: «Неисправим, Иван Романыч! Неисправим!» А тот с иронией парирует: «Да вот к вам бы на выучку, тогда бы исправился». Старый шалун и пьяница знает цену Кулыгину и соответственно к нему относится.

Чебутыкин, со всеми своими пороками, но имеющий живую, еще до конца не угасшую душу, гораздо ближе к миру сестер Прозоровых, чем довольный собой, ограниченный и пошлый чиновник Кулыгин.

В конце пьесы именно Чебутыкину выпадает сказать Ольге и — главное — Ирине о смерти барона. Легко ли ему это дается, если помнить, что к Ирине, невесте барона, он относится по-отцовски? Скорее всего, нелегко. Но Чехов этого впрямую не показывает. Чебутыкин отходит от Ирины, которая, вероятно, плачет, и «в глубине сада садится на скамью». Он устал, что и констатирует: «Утомился». О сестрах говорит: «Пусть поплачут», но сам плакать не собирается, привычно вынимает из кармана газету и привычно напевает: «Та-ра-ра-бумбия... сижу на тумбе я». Это — его очередная попытка уйти от внешних воздействий, в этот день особенно нестерпимых. Дуэль, на которой он присутствовал в качестве врача, гибель Тузенбаха, необходимость рассказывать, что барон убит. Спасти от наступающего страдания ему, человеку пожилому, у которого нет прочной опоры в жизни и чье будущее неопределенно, можно только в маске абсолютного равнодушия.

«Все равно» Чебутыкина становится контрапунктом к высказываниям трех сестер. В финале пьесы они стоят, прижавшись друг к другу, и в словах каждой — Маши, Ирины и Ольги — звучит мотив «надо жить», «надо надеяться». Тузенбаха, жениха Ирины, уже нет на свете, любимый человек Маши, Вершинин, уходит с бригадой, и все же они сейчас вместе, и каждая, словно в утешение сестрам, говорит что-то ободряющее. «Кажется, еще немного, и мы узнаем, зачем мы живем, зачем страдаем... Если бы знать, если бы знать!» — вслед за сестрами произносит Ольга. Последняя реплика пьесы — Ольгино «Если бы знать, если бы знать!» — накладывается на произнесенные до этого слова Чебутыкина: «Все равно. Все равно!» Конечно, это столкновение не случайно. Чехов показывает жизнь как «человеческую комедию», где все перемешано — высокое и низкое, надежда и равнодушие, человеческие страдания и желание от них укрыться за маской цинизма.

Мы постарались рассмотреть роль Чебутыкина в пьесе Чехова, проанализировав смысл его присутствия в каждой сцене. Этот герой проходит через всю пьесу Чехова, с ним связаны кульминация третьего действия и контрапункт финала.

Доктор представляется нам совсем не второстепенным персонажем. На нем держится тема «дома», он, по всей видимости, негласный отец Ирины, он осуществляет связь прошлого и настоящего семьи, именно Чебутыкин наставляет «детей» Прозоровых и отдельно Андрея на «уход», на поиски своей судьбы. Не называя Чебутыкина главным героем «Трех сестер», признаем его присутствие в пьесе корневым, фундаментальным.

Бесспорно чеховский Чебутыкин гораздо объемнее героя пьесы Тургенева «На хлебник», Василия Семеновича Кузовкина, да и сама пьеса «Три сестры» ничем не напоминает комедии Тургенева. И, однако, Чебутыкина и Кузовкина сближает положение в доме: оба живут «на хлебах» хозяев. Чебутыкин — военный врач, продолжающий практиковать и могущий делать дорогие подарки, но при этом он не платит за проживание и, по-видимому, по-родственному столовается у сестер.

Двух этих героев роднит и мотив тайного «отцовства», который в «Нахлебнике» выходит на поверхность и становится определяющим в развитии действия, а в «Трех сестрах» остается в подтексте и на поверхность не выводится.

Кузовкин — главный, «титульный» герой пьесы Тургенева, Чебутыкин обычно рассматривается как лицо второго ряда, но, по нашему мнению, он, как и Кузовкин, играет определяющую роль в некоторые ключевые моменты течения пьесы — в кульминации третьего действия и в финале.

На примере этих двух персонажей можно видеть, как по-разному авторы выстраивают своих героев.

Тургенев изначально любит и жалеет Кузовкина, и зрители ни на минуту не перестают ему сопереживать, а те сцены, где его поднимают на смех и над ним издеваются, как правило, вызывают негодование и слезы зрительного зала.

Чебутыкин же — герой амбивалентный. Его легко причислить к тем забывшим азы профессии врачам-невеждам, которых в таком количестве изображал автор «Ионыча». Но этой стороной образ Чебутыкина не ограничивается, он гораздо объемнее и сложнее, чем Кузовкин, и каждая новая сцена с ним добавляет что-то в понимании этого персонажа. Он и шут-потешник, и «философ», и циник, равнодушный ко всему, и нежнейший, причем потаенный, отец, и человек, проливающий слезу при расставании. Сложно сказать, с каким знаком этот персонаж, еще сложнее, как относится к нему автор. И только глубокий анализ каждой сцены в их связи с прочими может дать нам какую-то путеводную нить в понимании этого образа. Не претендуя на последнее слово в объяснении этого персонажа, мы предложили свою трактовку, в создании которой отталкивались от неожиданно замеченного типологического сходства чеховского Чебутыкина и тургеневского Кузовкина. Это сходство и стало импульсом к написанию статьи.

Литература:

А. П. Чехов. Три сестры. Полное собрание сочинений и писем в 30 т. Сочинения. Т. 13. М.: Наука, 1986.

И. С. Тургенев. Нахлебник. Полное собрание сочинений и писем в 30 т. М.: Наука, 1978. Т. 2. С. 113–172.

<http://chegov.niv.ru/chegov/text/tri-sestry-primechaniya.htm>. Примечания к пьесе «Три сестры»

<http://chekhov.velchel.ru/index.php?cnt=9&sub=9&part=6&page=12>. Комментарии к пьесе «Три сестры»

Всеволод Сахаров. Высота взгляда (Тургенев и Чехов), Островок, 2000: <https://ostrovok.de/old/prose/saharov/essay010.htm>.

Любимый актер Чехова. Театр и драматургия, М., 1935, № 2.

Е. В. Тюхова. Тургенев и Чехов: преемственность и типологическая связь. Спасский вестник, 2005, № 12.

А. Г. Головачева. Тургеневские мотивы в «Чайке» Чехова. Филологические науки. 1980, № 3.

А. П. Чудаков. Мир Чехова. М., 1986.

ИСКУССТВО ЧТЕНИЯ

Геннадий КАЦОВ

ПОРТРЕТ
НЕОПОЗНАННЫХ
ПРИШЕЛЬЦЕВ
НА ФОНЕ МОЛЧАЛИВОГО
УШЕЛЬЦА
О Викторе Сосноре

Ветр рождается и сдувает с краев земли Гео архитектуру. Я видел у моря свыше миллиона молящихся с головами. Вдруг дунуло и сняло им головы и куда-то дело. А они ушли, воздев руки. Отчего?

В. Соснора. Дом дней

Ох, тошно мне на чужой стороне! Чужая сторона — Земля.

В. Соснора. Дом дней

По одной из теорий происхождения человека, родственной теории происхождения жизни — панспермизму, инопланетяне пришли на Землю и здесь поселились. Таким образом, у сторонников эволюции по Дарвину или Ламарку отпадает необходимость в поиске того самого недостающего звена между обезьяной и человеком.

Мы — потомки пришельцев. Мы удачно на нашей голубой планете мимикрировали, но в каждом поколении всегда найдется тот особый *genius loci*, и он не один, кто несет в себе генетическую память о предках с родной Альфа-Центавры или двойной звезды Мицар и Алькор в созвездии Большой Медведицы. И кто только внешне по-

Геннадий Кацов — поэт, прозаик, эссеист, журналист. В середине 1980-х был одним из организаторов легендарного московского клуба «Поэзия» и участником московской литературной андеграундной группы «Эпсилон-салон» (отцы-основатели — Н. Байтов и А. Бараш). Автор девяти прозаических и поэтических книг. Совладелец нью-йоркского издательства «KRiK Publishing House». Стихи вошли в антологию современной русской поэзии «Самиздат века». Постоянно публикуется в периодических изданиях США, России и Европы. Живет в США.

хож на людей, но по параметрам своего внутреннего мира чужой среди прочих сородичей. Такой пришелец запросто напишет: «Я смотрю с интересом: / кесарь я или слесарь?» — и все окружающие земляне должны небеса благодарить за то, что фраза столь внятно артикулирована и легко принимается читательским разумом.

...Я вижу ложку, она новенькая, как линкор, круглая, длинная и стальная, как птица. На ложке к нам едут м. и ж., жено-мужи... Мы знакомимся, они люди, мне далеки. Что ж делать?.. Говорить придется о рельсах, о морском свете, о рыбах с лимфой для питья, об семитизме (анти). Но ложка приковывает мой взгляд. Если б я знал, что я рожусь, то я родился б в ложке, едущей по морю и живущей по-простому, с хвостом...¹

По одному из вариантов все той же теории, инопланетяне прибыли на Землю, встретили здесь первобытных полуобезьян-полулюдей, сконструировали из этого уroda современного человека, дали ему знания и представления о Вселенной, после чего ушли восвояси, на ту же двойную Мицар и Алькор. Таким образом, ушельцы создали человечество, оставив нас сиротами, и только немногие среди наших современников знают, помнят об этом и способны в своем затворничестве хранить поэтизированные инопланетные сны и тайны. Им, потомкам ушельцев, запросто написать в силлаботонике: «И если это человеки вкруг, / Я отрекаюсь: я — не человек», — после чего никак не тяготиться тем, что связь с внешним миром для них — все реже и тише.

Я здесь чужой, и люди мой не чтут
высокий слог, уныл у нас Солярис,
и лгут, и бьют лежачего... На что
я, говорящий ясными словами?²

Есть еще одна трактовка все того же взгляда на историю человечества, по которой инопланетяне периодически, вроде челноков, посещают Землю и находятся — здесь и сейчас — среди нас. Эти командировочные влезают во все сферы планетной жизни, включая политику и управляя землетрясениями, но мы не в состоянии их обнаружить, поскольку они наши точные копии, наши клоны. В случае провала они запросто могут съесть пуд френч-фрайза в «Макдональдсе», лишь бы доказать, что никакие они не жители все той же Мицар и Алькор. Я предлагаю называть их, по типу пришельцев и ушельцев, сейшельцами, раз они в любой момент времени, сейчас, могут оказаться нашими соседями, а то и коллегами по работе. Хотя, терминологической чистоты ради, в этом случае регулярно придется пояснять, что речь не идет о труженниках Сейшельских островов. Сей-шелец, как и при-шелец, так и у-шелец — не «ч-к».

...Море — оно, и яйцо — оно, оба рождение. Третье — солнце. А то, что водит от луны до луны, это лиризм. Я видел ноги святых, лежащие на телеге, но я ж не плачу, как ч-к; рисую. Среди железобетонных игл современности я — один, жесток, животное, и раз в день, суров, рисую. Господи, — говорю я, — неужели я видел напрасно? Неужели опять скажут — он основатель новой школы форм? Это я, кровавый?...³

¹ В. Соснора. Дом дней. Пушкинский фонд, 1997.

² В. Соснора, anno iua, 45, из сб. «Мартовские иды», 1983.

³ В. Соснора. Дом дней. Пушкинский фонд, 1997.

Пришелец

Виктор Соснора родился на третьей по счету планете от Солнца в 1936 году. Это все одно поколение: Александр Кушнер (1936), Леонид Аронзон (1939), Иосиф Бродский (1940). Разница между поэтами и поэтом Соснорой, уже на этапе рождения, была в двух знаковых вещах. В фильме Владимира Непевого «Пришелец» (2011), посвященного Сосноре, дикторский текст сообщает зрителю о том, что герой фильма был вскормлен молоком львицы, то есть, надо понимать, рожден быть свободным; кроме того, появился на свет с двумя головами.

О том же Соснора сообщает и в главе «Рождение» его прозаической книги «Дом дней»: о своем необычном явлении земному миру — скрупулезно («Ну, это нарыв, мозговой нарыв, в медицине „вторая голова“ называется...»), с мелкими подробностями, как свидетель, уже неоднократно выступавший на процессе по делу о собственном рождении: «Я родился с двумя головами. Одну я ношу, а вторая была — вздувшаяся, кое-где обозначены глаза и рот, безногая, уши нарисованные, бескостная, из хрящей, но в ней много мозга, было. Ампутировали. Втайне, инквизиция могла б направить мое тельце в колбу или в кунсткамеру. Вторая росла из темени моей, оставшейся в живых, и шейка была, с лепестками. Я был обезглавлен, помню, как резали, без наркоза, а я рукой грозил хирургу, он дурак. Если нужно, я расскажу трибуналу, а писать об этом не буду. Та была полна крови и вен. Остался от нее рубец, на темени. Так и рос я, человекен к братьям нашим меньшим — к людям. А ум обдумаем после, лежась среди звездной пыли, с бокалом».

Как говорит пословица, «снявши голову, по волосам не плачут». Сегодня остается только гадать, ту ли голову Сосноре оставили хирурги — самую ли рассудительную из пары, ч-ловечную, одухотворенную и одаренную? И что было бы, случись наоборот? Вполне вероятно, та, с нарисованными ушами, подошла бы «слесарю», и тогда русская литература недосчиталась бы одного из самых невероятных поэтов и «кесаря» русского постмодернизма. При том, что слесарь бы вышел супер, в чем можно не сомневаться. Как и все у Сосноры: высшего, шестого слесарного разряда.

Хотя оставленная после операции голова нахлебалась «помоев» да наелась всего земного и земляного досыта. Так судьба ее накормила, что оставалось только позавидовать той, после родов отсеченной. Если описать в жанре романа лишь первые десять ужасающих лет жизни Виктора Сосноры, то вышла бы гремучая смесь из современных российских бестселлеров, вроде «Венериного волоса», «Дня опричника», «Взятия Измаила», «Автохтонов», «Висельника» и «Возвращения в Египет». Добавить по вкусу немного «Осени в Декадансе», «Трепанации черепа» с «Голубым салом» — и загустевшее, по-книжному червивое варево порадовало бы гурмана, в самый раз перед заворотом у него кишок.

Я рос среди пуль, как гений-музыкант,
В кружочках нот, и что ж держа на сердце? —
один расстрел, одну в законе казнь,
наркот и две клинические смерти⁴.

До семи лет, по его собственным словам, Соснора ровным счетом ничего не помнит: «Потому что до семи лет, когда меня на Кубань... я очнулся верхом на свинье, в степи. Ну, скакали там с мальчишками. И вот с этого момента я помню абсолютно все, а до этого, до семи лет, полный ноль, темнота. Видимо, блокада вышибла. Если

⁴ В. Соснора. Возвращение к морю. III Из сб. «Мартовские иды», 1983.

я пишу об этом в „Доме дней“, то с рассказов матери и бабушки. Я пишу там, что помню, как родился — это мне мать рассказывала, что я заговорил чуть ли не сразу, как родился, буквально через неделю. А через две недели уже операция была..»⁵

Зато *vita memoriae* позже восторжествовала, на десятилетия оттолкнувшись от семилетнего отпрыска, не помнившего о том (странно, если бы помнил), что родился в год назначения Ежова на должность наркома внутренних дел; что отца арестовали костоломы из НКВД, но затем отпустили. Совсем не осталось воспоминаний и о блокадной зиме 1941—1942 года, и о том, как его, маленького Витю с хронической амнезией, вывезли из блокадного Ленинграда по «Дороге жизни» на Большую землю и уже там отправили к родственникам на Кубань. Как пишет во вступительной статье к сборнику Сосноры «Всадники» академик Дмитрий Лихачев: «Он очутился на Кубани и был со спасшей его бабкой захвачен немцами. В семилетнем возрасте он трижды побывал в гестапо, а затем жил в партизанском отряде, которым командовал его дядя. Этот отряд и его командир были расстреляны фашистами на глазах у мальчика. Он спасся только потому, что за четверть часа до расстрела сам был ранен в голову осколком мины. Он видел расстрел отряда сквозь застилавшую ему лицо кровь...»⁶

...А потом отец меня забрал. Он был уже в Войске Польском, и спецсамолетом из Махачкалы или из Ленинграда, я точно не помню, переправил меня к себе в Польшу. Отец командовал корпусом, и он меня хотел откормить, а получилось... он же был совершенно бешеный человек, и он поставил меня снайпером. Сначала дал мне дамский револьвер, чтобы я учился стрелять, и я начал сходу, с первого же раза, бить в десятку. Врожденный снайпер. Он созвал свой штаб, хвастаться. И я пулял. Мне достали легкую английскую винтовку, и я стал снайпером, и войну прошел не при штабе, а в окопах, с солдатами⁷.

Любопытно: при столь цепкой памяти, видимо взявшей реванш после семи первых лет чего-то такого, сродни анабиозу, помнит ли Соснора лица своих жертв? Со знанием дела, с гордостью и нескрываемой бравадой взрослый Соснора рассказывал, что стрелял метко, а снайперского терпения у него было не меньше, чем у львицы, подстерегающей жертву в засаде. И в том самом светлом возрасте от семи до десяти лет, укладывая он немцев намертво, с удовольствием, мол, когда они во время отдыха, сняв тяжелые и неудобные каски, высовывали головы из окопов.

Вероятно, детская психика способна без видимого для себя ущерба, ночных кошмаров и дневных фобий это выдержать (расстрел партизанского отряда; отстрел немцев, ежедневно и планомерно). Ведь мир для хладнокровного, отчаянного семи-восьмилетки — это игра, опасная, но тем и забавная; это смерть повсюду, поскольку игра называется «война» и рядом погибают взрослые дяди и тети. Это из них вытекает липкая кровь, как из крупных кукол с рваными дырочками, а если погибший взрослый оказывается из твоего отряда, то тебе, «сыну полка», светит дополнительная порция порционной каши:

...в жизни ж я застрелил не многих, да и тех от скук,
говорят, что сейчас 600000000 граждан-стран,
вычеркиваем из пулемета нули и оставляю 6.

⁵ А. Скидан. Я все время воюю. Виктор Соснора о языке, русских поэтах и снайперской стрельбе. Журнал «Критическая масса», 2006, № 3.

⁶ Дмитрий Лихачев. Поэт и история. Вступительная статья к сборнику В. Сосноры «Всадники». Л., 1969.

⁷ А. Скидан. Я все время воюю. Виктор Соснора о языке, русских поэтах и снайперской стрельбе. Журнал «Критическая масса», 2006, № 3.

Время — всего лишь тиктаканье, так на так,
и ничего у этого «время» нет, кроме вымысла — вымя слов⁸.

Все, что миновало якобы психику мальчика возрастом до десяти лет, годы спустя высказал, выкричал, выхрипел до немоты его взрослый двойник, пролив на белые листы бумаги чернила, настоянные на едком сарказме, которые не высыхали, а с возрастом все больше приобретали фактуру то ли желудочного ядовитого сока, то ли побочного продукта, покидающего организм, когда его тошнит, рвет и выворачивает наизнанку. Если это перевести в параметры лингвистической науки, то инверсий такой силы — по всему семиотическому спектру; такого смешения частей речи, близкого к безумию пишущего (перехлестывая, к примеру, «Стихи о неизвестном солдате» Мандельштама), когда исчезают не только связи между наречием и глаголом, но и сами глаголы, существительные и прилагательные; такой предсмертной на протяжении ряда лет морфо-фонетико-физической судороги (большей цветаевского, на разрыв: «Я не верю стихам, которые льются. Рвутся — да!») и муки — русская поэзия не знала.

И март их ртам наполнит новым быль
о человеке, друге, полководце.
Во всей Москве — ни козы, ни закат,
ни то, ни се, и ус, как уд, ежовый.
На родине рояли не звенят,
и горя много, больше, чем в Европе.
И что уж этот ужас и усы,
все — впереди, и по досье — наука,
на Красной башне в полночь бьют часы,
Иосиф Виссарионович, — ну, как Вам?
Теперь, куда ни плюнь, — и волк, и сед,
жор рож вокруг, живем ужасней казни.
Я Вас любил. Я был солдат в семь лет
в той русской и пятиконечной каске⁹.

Пришелец-2

По окончании войны отца назначают комендантом разнесенной снарядами и разбомбленной в пух и прах Варшавы. В дальнейшем Соснору-старшего переводят по службе из города в город, он с сыном кочует по военным гарнизонам. Школу Виктор заканчивает во Львове. В 1954 году возвращается к матери, в Ленинград. Работает грузчиком на Невском машиностроительном заводе. С 1955-го по 1958 год служит в армии (артиллерийские части), а демобилизовавшись, возвращается на завод, где трудится слесарем-электромонтажником. С 1962 года заочно учится на философском факультете Ленинградского университета, через три года уйдя с последнего курса.

«Учился заочно и зарабатывал себе на хлеб. Работал до 63-го года, даже после того, как был принят в Союз писателей»¹⁰. Первое стихотворение было опубликовано в 1958 году, а первая стихотворная подборка, на тему Древней Руси, была помещена

⁸ В. Соснора. Двери закрываются, 2001.

⁹ В. Соснора. Мартовские иды, IV. Из сб. «Мартовские иды», 1983.

¹⁰ «Последний всадник глагола». Интервью с Виктором Соснорой в «Литературной газете», № 3, с. 5, 15.01.1992.

в газете «Литература и жизнь» в 1960 году. Она сопровождалась комплиментарной статьей Н. Асеева, который с восторгом писал о своеобразии поэтики, о высочайшем даровании молодого автора. И первый стихотворный сборник Сосноры «Январский ливень» (1962) выходит с предисловием влиятельного в то время Н. Асеева. Центральное место в сборнике занимает цикл «За Изюмским бугром. По мотивам „Повести временных лет“ и „Слова о полку Игореве“».

Слуцкий... принес Асееву мою свежую поэму «Слово о полку Игореве»... Эти могучие старики ждали своих детей, их не было. И так прошло мучительных 30 лет. И вдруг, как бы в один миг взошло множество талантливейших внуков. Старые львы оживились и бросились пестовать юных львят. Эти внуки прошли блокады, войны, и к 23-м годам это уже были зрелые и непримиримые мужи. С нами ожили Шкловский, Сельвинский, Каменский, Крученных и даже такие, как Катаев, Паустовский, Твардовский и пр. И вот я сижу в своей коммуналке, после рабочей смены (я зарабатывал на хлеб на заводе). Звонок. В трубке: «Говорит Асеев! — (как «Говорит Москва!») Это был октябрь 1959-го. — Немедленно приезжайте в Москву. Я занимаюсь вашим «Словом»».

И он занялся. К Новому году он уже выступил по всесоюзному радио и дал интервью Герберту Маршаллу (Англия), Иржи Тауферу (Чехословакия) и другим крупнейшим поэтам Европы, да и культуртрегерам, в том числе и Арагону. Началась война. Он собрал всех. И перечисленных мною выше, и тех, с кем поссорился 30 лет назад, он стал мириться и подключил Лилию Юрьевну Брик со всем ее громадным международным фейерверком, и А. Л. Дымшица, очень влиятельного и неоднозначного... Затем Асеев взял в когти члена правительства Поспелова, академика Д. Лихачева, личного секретаря Хрущева Лебедева и зятя Хрущева — редактора «Известий» Аджубея, гл. редактора «Огонька» Софронова и др. К чему я? Время! Ни Запад, ни современные молодые слюни не поймут. Почему ради мальчика такой государственный шум? Да потому, что Хрущев разрушил сталинский ГУЛАГ, но отнюдь ничего не хотел менять в своем ГУЛАГЕ, что и доказал через 4 года — позорной войной с культурой, до судебных процессов и тюрем. Но по самодурству характера, по какому-то неписанному двойничеству он дал «щелочку» все ж свободы, и старые воины понимали, что эта «оттепель» вот-вот заледенеет и нужно пользоваться каждой минутой, чтоб подышать. Вот и шла война за молодежь. За четыре месяца я стал знаменит, распечатан в самых верхнепартийных изданиях и вошел в первую четверку поэтов страны. Что еще ему удалось? Выпустил первую книжечку моих стихов и буквально бичом загнал в Союз писателей. По тем временам неслыханно много, хотя он считал, что ничего не сделал.

А потом начались другие дела. Асееву готовили Полное собрание сочинений, он был выдвинут на Ленинскую премию, он был полон энергии и абсолютно убежден в этих штуках. И в 62-м году все это рухнуло. Сочинения выбросили из издательства, премию не дали, и на него полетели листья во всех газетах, хамили, как умеют. Между тем он был уже двадцать лет серьезно болен туберкулезом — две пункции в неделю, он не выходил из дома 20 лет, даже форточку не открывал. Тюрьма. Полный пыла и надежд, после удара он сник... Через месяц он попал в больницу уже с легочным кровотечением и через два — умер...¹¹

Известность ленинградца Виктора Сосноры в считанные месяцы достигает пика и по популярности соперничает с поэтической, эстрадной славой москвичей Андрея Вознесенского, Евгения Евтушенко, Роберта Рождественского, Беллы Ахмадулиной. Фольклорное начало, замешенное на барочной избыточности и фонетически про-

¹¹ Письма Николая Асеева к Виктору Сосноре. Вступительная заметка и публикация Виктора Сосноры. «Звезда», 1998, № 7.

чувствованной архаике, мастерски переосмысленные Соснорой техники футуристов с проникновением, как у будетлянина, в корневые начала языка, алогичная семантика уже на уровне этимона по отношению ко всему содержанию слова, да и манера язвительного, ернического, оскорбительного высказывания — все это не могло оставить равнодушным поколение «политехнического», то есть поэтических фанов «оттепели». И, безусловно, вызывало ревностный интерес у коллег по литературному цеху вперемешку с неизбежной в таких случаях завистью. Плюс «процентов 30–40 его необыкновенной популярности тех лет — это его манера чтения. Это было такое пение, невычурное, там не было никакого позерства. Его внешность в некотором роде соответствовала тому, что он читал»¹².

Стремительный взлет Сосноры к литературному олимпу был труднообъясним для многих в начале 1960-х, и эхо того изумления, недоверия к эстетике самих поэтических текстов, поиск неких связей в СП, правительстве, ЦК, влиятельных спонсоров где бы то ни было доходит и до наших дней. Так, совсем недавно, после публикации мною фрагмента одного из стихотворений Сосноры в фейсбуке:

...Ты, Родина, тебе молясь,
с тобой скитаясь,
ты — хуже мачехи, моя,
ты — тать святая!

Совсем не много надо нам,
увы, как мало!
Такая лунная луна
по всем каналам.

В лесу шумели комары,
о камарилья!
Не говори, не говори,
не говори мне!

Мой лес, в котором мед и яд,
ежи, улитки,
в котором карлики и я
уже убиты¹³, —

я получаю комментарий от одного уважаемого мною поэта, литературоведа и критика: «Да, дети крупных партийных боссов такие стихи писали и даже печатали с напутствием Асеева». С Асеевым мы уже разобрались выше, но наличие в родословной Сосноры «партийных боссов» было для меня загадкой. Его отец до войны работал в цирке акробатом-эквилибристом, после войны — совсем не в маршалском звании служил в армии, а мать (на Невском машиностроительном заводе работала технологом, позднее — инженером-методистом) не подпустили бы к тайным спискам партийных начальников и на пушечный выстрел.

Однако разного рода легенды пристают к искуснику-поэту Сосноре с тем же успехом, с каким и к похожему на него внешне виртуозу-скрипачу Паганини. Оказы-

¹² Яков Гордин. Поощрение «Поэтом». Интервью на Радио «Свобода». 15 апреля 2011. <https://www.svoboda.org/a/3557942.html>

¹³ В. Соснора. Последний лес, 1973.

вается, «голубой крови» принадлежность к партийным боссам имеет объяснение: «...а дальше уже легенда, потому что когда в 1960-м я стал знаменит — меня Асеев напечатал, — по Москве стали ходить слухи, что я внук Молотова. Потому что — с какой вдруг стати, в двадцать четыре года, и сразу в печать. Сам Асеев никогда ни о чем меня не расспрашивал, он же был из столбовых дворян, страшно богатых. Но тут и он мне говорит: то вы евреем были, когда вас не печатали, то поляком, теперь вот — внук Молотова, вы уж как-то определитесь. (Смеется.) Я ему паспорт показал... А Молотов откуда взялся? Я ведь почему в Алушке родился, потому что семья отца была акробатами-эквилибристами в Ленинградском цирке, областном. И они по всей стране колесили. И мать с ними. И у них подрабатывали актеры, крупные. И подрабатывал Чирков, любимый племянник Молотова, когда не снимался в кино. Знаменитый, вот в „Юности Максима“ он играл. А его любимая племянница, Вера Чиркова, вышла замуж за моего дядю, вот и все родство. Есть еще другие линии, но про них я сейчас не хочу рассказывать. Но Молотов... Когда отца посадили в 37-м и год пытали, мать поехала к Вере Чирковой, схватила нас под руки и поехала. Та позвонила Борису Чиркову, племяннику Молотова. Чирков позвонил Молотову, так и так, друга Сашу, который кормил меня в цирке, посадили. Тот: фамилию скажи, и имя-отчество, завтра перезвоню. И на завтра уже матери позвонили, чтобы она приходила забирать отца. Тот от пыток почти ходить не мог. Оклемался, он же акробат был, о чем разговор. Воевал»¹⁴.

Вслед за первым сборником увидели свет «Триптих» (посвященный Н. Асееву, 1965) и «Всадники» (1969). В полный голос зазвучали темы старорусские, славянская церковная и низовая архаика с поднятыми ею, как с илистого дна, юродством, уродством и жестокостью («Калики»), насмешничеством, переходящим нередко в глумление («Рогнеда»), похотью («Скоморохи») и казнями («Песни Бояна»), кровавыми сечами и распятыми под пытками — как врагами, так и своими. Жуткие времена полуязычества, скоморошеств, традиции мучить и издеваться, себя не жалеть, защищая дом от врага, и народа своего не щадить, не сдаваясь супостату ни при каких условиях. Ведь жить становилось все легче, все веселее! Ведь если враг не сдастся, его уничтожают! И все это актуально-древнее, как кровью, было пропитано визжащими, стонущими аллитерациями, неумолимо перетекающим от строки к строке точно настроенным синтаксисом, завораживающими повторами, анафорами, рифмами, которым позавидовали бы футуристы; силлабикой, на коей настояны речь автора «Слова о полку Игореве» и ритмы древнеславянских виршевиков XVI—XVII столетий.

Нельзя не отметить, что за несколько поколений от Сосноры в том же «археологическом» направлении рыл словесную руду, на новогреческом, великий Константинос Кавафис (1863—1933). За исключением гомосексуальной любовной лирики, вся его поэзия — это монологи или сценки из истории эллинистического мира на пересечении христианства и язычества, написанные лапидарно-простым языком с вкраплениями архаизмов и современной лексики.

Для поэтического дебюта Сосноры, которому в 1960 году исполнилось 24 года, маргинальные темы с остросоциальными мотивами, литературными провокациями (постмодернизм?!) и манера/форма их исполнения были, со стороны казалось, не самым лучшим выбором в соцреалистическом СССР. Но это, цинично говоря, сработало, привлекло внимание, привело к славе. Стихи сразу получили признание и поставили Соснору в особое положение по отношению к остальным поэтам, оглушавшим в те дни стадионы.

¹⁴ А. Скидан. Я все время воюю. Виктор Соснора о языке, русских поэтах и снайперской стрельбе. Журнал «Критическая масса», 2006, № 3.

И грустить не надо.
 Даже
 в самый крайний,
 даже
 на канатах
 играйте, играйте!
 Алёнушка,
 трудно?
 Иванушка,
 украли?
 Эх, мильонострунно
 играйте, играйте!
 Или наши игры
 оградим оградой?
 Или —
 или — или!
 Играйте, играйте!
 Расторгуйте храмы,
 алтари разграбьте,
 на хоругвях храбро
 играйте, играйте!
 На парных перинах
 предадимся росту!
 Так на пепелищах
 люди плачут,
 поэты — юродствуют¹⁵.

Особо надо выделить то, что на фоне всех описываемых убожеств, древнерусских тягот и бессмысленных зверств того времени постоянно звучит некая лирическая, сострадательная, высокая в своей вере искупительная нота, словно стремящаяся очистить от грехов и просветлить души. Удивляет то, что в многочисленной современной критике о раннем поэте Сосноре я нигде не нашел сравнения этих его невероятных по мощи, с воплем о человечности, надежде и спасении, стихотворений с исторической кинодрамой А. Тарковского «Андрей Рублев». Фильм 1966 года — ровесник сосноровских «Триптиха» и «Всадников». В фильме — восемь черно-белых киноновелл о княжеском раздразе на Руси XV века, которые наблюдает монах-иконописец Андрей Рублев. Внутри царящих беззакония и грязи своей эпохи, он пишет удивительной красоты и гармонии картины. Княжеские междоусобицы, ослепленная всадниками князя Василия артель мастеров-резчиков по камню, избитый до полусмерти скомо-рох, монах с залитым кипящей смолой ртом, униженный юноша-самородок, отливающий колокол, — все это тягостное русское черно-белое средневековье завершается у Тарковского цветными кадрами икон Андрея Рублева и его золотисто-голубой палитры, истекающей ярким светом и добром величественной «Троицы».

Любовь — не та, не нота ностальгии,
 не Лотта-с-Гетта за ездой, борзую ль? —
 где соловей уже не нахтигаль...
 О, не любовь, а ты пройдешь, безумец!¹⁶

¹⁵ В. Соснора. «И грустить не надо...». Из сб. «Всадники», 1969.

¹⁶ В. Соснора. Возвращение к мору (попытка). IV. Из сб. «Мартовские оды», 1983.

При чтении древнерусских циклов Сосноры остается то же ощущение: черные буквы на белых листах бумаги, нервное, грубое, лексически не сдержанное повествование о лютых временах, о муках души и греховной плоти, в какие-то мгновения словно обретают цвет и свет; словно вопреки тому, что с остервенением написано в рифму, говорят о всеобщей любви — сквозь страдания и тернии, через проклятия и нескончаемые жертвы. Здесь — о Любви, которая всем лишениям назло.

Слышишь: свист от подземных искр
И до заоблачных верхов...
Как бы ни было тошно, а свист
Над Россией — испокон веков!¹⁷

Д. С. Лихачёв отметил: «Соснора поэтически домысливает летописные сказания». И в дальнейшем его исторические романы, именуемые автором «литературные варианты исторических событий», которые безответственно сравнивали, особенно о периоде царствования Екатерины II, с романами В. Пикуля, — это импровизации по поводу той или иной исторической эпохи (вспомнился современник Сосноры — Сергей Довлатов, короткие рассказы которого о реальных событиях являлись, по сути, авторским вымыслом, всегда обусловленным неким произошедшим в действительности фактом). И древнерусские поэмы Сосноры — никак не переложение, дословное или вольное, того же «Слова». Это самостоятельные произведения, в которых поэт задействовал известных летописных, легендарных персонажей. Собственно, и «Андрей Рублев» — никак не калька с рублевского времени, а взгляд на него из XX века, да и герои фильма говорят без славянизмов, на современном русском языке, в чем Тарковского, кстати, неоднократно упрекали.

Соснора предупреждает: «Меня нужно читать, как я пишу, — книгами. Я не пишу отдельно поэм, новелл, комедий, я ничего не пишу или — книгу»¹⁸. Сегодня это стало знаковым отличием постмодернизма: писать сборниками, циклами, поэмами. Поэтому приводить в статье цитаты из произведений Сосноры — неблагоприятное дело. Все равно как цитировать Хлебникова, который создавал не столько отдельные тексты, сколько собственную, со своими планетами, белыми карликами и черными дырами, лингвистическую индивидуальную Вселенную, при этом скромно именуя себя, то есть уменьшая собственный масштаб, Председателем Земного шара. Всего-то.

Для Хлебникова метафора — не столько поиск общего смысла/признака среди разных предметов и явлений, сколько обозначение законов природы. И благодаря новым метафорам рождаются новые законы природы, которые системно переходят из текста в текст, образуя единый и единственный Текст как сумму интертекстов. В этом они с Соснорой похожи: и в поиске новых смыслов в языке, и в поиске, на основе этих смыслов и звучаний, праязыка, и в том, что все это — постижение законов Универсума, а значит, и приближение к тому самому «первослову». Living in the Universe — значит жить внутри всеобъемлющего Текста. Universe — это uni, всеобщее, единое, главное-первое; и verse, слово, строфа, стих, версификация, то есть то самое Слово из первой строки Евангелия от Иоанна. Даже на бытовом уровне произнеся Universe, англоязычный человек, повторяя *universum* Цицерона, соприкасается с Первотекстом. Со «все есть текст» Дерриды, с представлением структуралистов о речи-тексте, которая высказывает себя через нас. С вынесенным в заголовок сборника определением человека по Бродскому: «Часть речи».

¹⁷ В. Соснора. Соловей-разбойник. Из сб. «Всадники», 1969.

¹⁸ В. Широков. Виктор Соснора. Верховный час, «Знамя», 1998, № 9. <http://znamlit.ru/publication.php?id=579>

У Сосноры, как и у Хлебникова, неясные места в стихотворении расшифровываются в стихотворениях последующих; поднятая тема находится в развитии и получает продолжение в других частях сборника и в других книгах; а трудности прочтения конкретных текстов исчезают, если познакомиться со всем их массивом. И не стоит удивляться, коль иные тексты таким образом становятся комментариями к соседним либо удаленным, что уже совсем позволяет записать Соснору в классики постмодернизма.

БЫЛ АВГУСТ

с уже леденяще еще дешевизна дождем.

БАЛЛАДА:

шел дождь и дрожал наш египетский дом.

А В ДОМЕ

спираль-кипятильник вываривал чай.

ОДНО МНЕ

— грустил фараон, иероглиф писал про Китай.

ИЗВЕСТНО:

он чай чифирил, иероглиф из нефти — не пить.

ИЗ МЕСТИ

он зелье варил — заклинанье от всех нефертить.

ОДНАЖДЫ

узнал он проклятье клейма о любви и разбил свой бокал.

ОДНА ЖЕ

ходила по комнатам хутор-дворца и ее целовал.

ХОДИЛА

вся в каплях купанья, босая, со взором в глазах.

ХОТЕЛА,

как и китайки, а как-то: ответствий в звездах¹⁹.

Очевидно, можно выделить несколько основных этапов в творчестве Сосноры. Первый в общем, за неимением здесь места, мы уже обозначили — древнерусский, с решением задач, сходных с поставленными Хлебниковым-будетляниным. Хлебников выходит за границы рифмы в белый стих, в верлибр, в метрическую прозу (у виршевиков слова «рифма» не существовало, она называлась «краесогласие», что совсем уже богоугодное дело — гармония, сведение краев воедино. Хлебникову этого явно было недостаточно, поскольку Творец, каковым он себя ощущал, — это тот, кто сам создает границы и сам определяет края). Этот путь проходит и Соснора, от книги к книге все дальше удаляясь от силлаботоники, раешника, тактовика, дольника в сторону аллитерированной прозы и верлибра.

С другой стороны, в нем все четче проявляется зачин футуриста. Давид Бурлюк, прочитав сборник Сосноры, восхищенно провозгласил: «Ты — настоящий Он! Жми! Я вырастил весь футуризм, я вырастил двух гениев на В., и вот вырос другой, без меня, но наш. Не третий, а другой...»²⁰ Как и Маяковский, который всегда — на контрасте, не столько синтез, сколько анализ, Соснора — в поиске новых строительных материалов, из которых создает необычные ритмы, рифмы, сравнения. «У меня каждая книга — разная, то есть в моей сфере — открытие. Я не могу себя повторять. Если

¹⁹ В. Соснора ***. Из сб. «Верховный час», 1979.

²⁰ Русский футуризм: Стихи. Статьи. Воспоминания / Сост. В. Н. Терёхина, А. П. Зименков. СПб.: ООО «Полиграф», 2009.

я написал книгу — все, она для меня единственна. Так же писать, как она написана — для меня запрет. Мысли мои начинают крутиться в другую сторону, отталкиваясь от этой формы, избегая ее, мысли помнят, что это неудобно хозяину, и в конце концов наталкиваются на что-то иное, для меня. Открытие. Новая книга. А писать в одном, найденном стиле, который якобы соответствует натуре автора, всю свою жизнь, год за годом, как Толстой, Тургенев, Набоков и прочие, какая скука, какое занудство, какой ужас! Да мне лучше повеситься!»²¹

Та же позиция у еще одного постмодерниста-сверстника, прозаика и поэта Саши Соколова, который свой творческий принцип заявляет столь же безапелляционно: каждая новая книга — в ином стиле. И здесь никакого противоречия: писать единый и единственный Текст, книгу за книгой, и при этом писать так, чтобы книга на книгу была не похожа — объяснимо не только диалектически, но и исторически: это то, что отличает футуристов от будетлянина, но, с другой стороны, ставит их на одну ступеньку по отношению к прочим литературным «измам». Обе стороны одного и то же, два друг друга дополняющих паллиатива, что позволяет как можно целостнее и полнее раскрыться автору на дистанции огромного размера — его судьбы и творческой биографии.

Соснора, с одной стороны, создает элитарные тексты, сложные по всем лингвистическим параметрам и по этическим меркам, что в среде неофициальной, андеграундной советской культуры создает ему репутацию неангажированного поэта. С другой стороны, членство в СП СССР, периодически выходящие в советских издательствах сборники, поездки за границу наводили, что называется, тень на плетень и делали его положение неясным как в неофициозе, так и за его пределами. В 1970 и 1979 годах он читает лекции по древнерусской поэтике и русской литературе XVIII века в Париже. Много ли вы знаете советских поэтов, которые получили возможность в брежневское время читать лекции в Париже? Возвращаясь к теме «партийных боссов», видимо, отсюда и растут ноги тех самых слухов: либо у Сосноры влиятельные покровители, либо родственники не менее чем в аппарате ЦК КПСС.

Прощай, Париж!
Летают самолеты, —
большое небо в красных параллелях,
дожди, как иностранные солдаты,
идут через Голландию в Берлин.

Прощай, Париж!
Я не уеду боле
туда, где листья падают, как звезды,
где люстры облетают, как деревья,
на улицы квартала Бабилон.

Прости за то, что миллион предчувствий
в моей душе, как в башне Вавилона,
прости мои монгольские молитвы,
монашество мое и гамлетизм.

Прости за то, что не услышал улиц,
моя душа — вся в красных параллелях.
Кто мне сулил исполненное небо?
Такого неба нет и не бывало.

²¹ В. Овсянников. Прогулки с Соснорой, «13 апреля 1995 года». СПб.: Скифия, 2013.

Как убывают люди и минуты!
 Атлантов убаюкали моллюски.
 Как я умру, не зная, кто из граждан
 мне в уши выливал яд белены?
 Прощай, прощай и помни обо мне...²²

Однако и этот фрагмент его биографии на удивление легко объясним: «...у меня был вечер в московском Театре сатиры, и после сразу же подошла пара: рыжеволосая женщина с громадными впадинами глаз и элегантный армянин. Они представились: Л. Ю. Брик и В. А. Катанян. До меня как-то не дошло, кто это, но я был легок на подъем, и они пригласили на ужин к себе, мы и поехали. На ужине же Л. Ю. сказала, что любит мои стихи и знает их и без Театра сатиры, цитировала, ей приносил Слуцкий, и читали статьи Асеева в „Огоньке“, „Правде“, „Литературе и жизни“ и пр. и т. д. Что слава моя громче, чем думает Асеев, и им привозили мои рукописи из Сибири, Чехии, Югославии и т. п. Я удивился, потому что я никогда не распространял себя. Но тогда уже списывали с магнитофонов. Что за время было! Стихомания!.. Кажется, это было в начале 1962-го. И затем — семнадцать лет! — она опекала и берегла мою судьбу и была мне самым близким, понимающим и любящим другом. Таких людей в моей жизни больше не было. Она открыла мне выезд за границу, ввела меня в круг лиги международного „клана“ искусств — кто это, я частично писал в книге „Дом дней“, — весь мир»²³.

Если кто-то не в курсе: проживавшая в Париже писательница и переводчица Эльза Триоле, супруга дадаиста и сюрреалиста Луи Арагона, была родной сестрой Лили Брик. Как после этого можно было не оказаться Сосноре в Париже? Безусловно, можно было и не оказаться, поскольку ОВИР не всех поклонников Лили Брик выпускал за пределы СССР, тем более в капстрану. Насколько я понимаю, в этом деле сыграл значимую роль друживший с Брик влиятельный писатель Константин Симонов — и дорога молодому советскому лектору в буржуазный Париж была открыта.

Тем не менее это было странно, поскольку к тому времени Соснора уже был опубликован в тамиздате, а в 1967 году открыто выступил в поддержку письма А. Солженицына IV Всесоюзному съезду писателей СССР против диктата советской цензуры, как политической, так и эстетической. Соснора уже открыто идет по пути не только творческого нонконформизма, но и свободного существования, что в условиях советского реализма во всех смыслах было и вызовом, и негласным признанием в антисоветчине. Было очевидным, что Соснора всеми силами пытался выйти из коммуникативного пространства, избавиться от внешнего внимания к своей персоне. Он провозглашает принцип неангажированности искусства и объявляет свое место — на периферии общественного интереса. Что сродни Диогену, нашедшему свое «я» в пределах одной бочки.

Аудитория — огул
 угодливых холуев Хама.
 Аудитория — аул
 татар,
 в котором нету храма,
 где одинаково собак
 и львов

²² В. Соснора. Прощай, Париж! Из сб. «Темы», 1965.

²³ Переписка Виктора Сосноры с Лилей Брик. Публикация Ярославы Ананко. Вступительная заметка Виктора Сосноры. «Звезда», 2012, № 1. <http://magazines.russ.ru/zvezda/2012/1/pe11.html>.

богами назначают.
 Аудитория — судьба,
 моя судьба,
 мое несчастье.
 В аудиториях — в аду
 (ад продан по абонементам!)
 я провоцирую орду
 на юмор и аплодисменты.
 На сцене струйкою стою...
 Мои глаголы награждает
 неандертальский лай старух
 и малолетних негодяев...²⁴

Заявленная позиция: мне абсолютно все равно, читают меня или нет. Мне не важно, есть у меня читатель, а если есть, то кто он. Вообще, стихи — самодостаточные монады, и сам по себе вопрос «Есть у стихов читатель?» абсурден. В стихотворении «Хутор потерянный» «читатель стихов» — то самое нелепое, что без сарказма не стоит и обсуждать. «Я самый элитарный изгнанник русской литературы, и мою ситуацию можно трактовать шире, как изгнание из жизни», — пишет Соснора в это время, публикуясь все реже, все больше продолжая писать в стол.

Создается впечатление, что затяжная тяжелая болезнь, потеря слуха в 1981 году, в дальнейшем клиническая смерть — это, как ни прискорбно, закономерное следствие того, к чему поэт с упорством стремился: уединение, желание не принадлежать Истории, а побыстрее из нее выпасть (почти по Сэлинджеру, за исключением того, что Соснора продолжал писать и издаваться). В конце концов, несколькими словами это можно определить, как «гибель при жизни».

Выхожу один я. Нет дороги.
 Там — туман. Бессмертье не блестит.
 Ночь, как ночь, — пустыня. Бред без Бога.
 Ничего не чудится — без Ты.
 <...>
 Нет утрат. Все проще — не могли мы
 ни забыться, ни уснуть. Был — Бог!
 Выхожу один я. До могилы
 не дойти — темно и нет дорог²⁵.

Ушелец

«С 83-го года я не написал ни одной поэтической строчки. И не считаю себя поэтом. Впрочем, никогда и не считал: постоянно писал прозу, чуть-чуть порисовывал, был спортсменом, мастером спорта. Бросил спорт — перестал считать себя спортсменом. Самое ужасное — когда человек выдавливает из себя, как из тубика, стих, другой...»²⁶

В 2011 году Виктору Сосноре была присуждена престижная национальная ежегодная премия «Поэт». И это ни у кого практически не вызвало возражений. Тот са-

²⁴ В. Соснора. Парус. Из сб. «Темы», 1965.

²⁵ В. Соснора. ***. Из сб. «Тридцать семь», 1973.

²⁶ «Последний всадник глагола». Интервью с Виктором Соснорой в «Литературной газете», № 3, с. 5, 15.01.1992.

мый повод произнести: полный консенсус. То, что Соснора Поэт как по авангардным, так и по традиционным меркам, очевидно; то, что он достоин премии — нет сомнений, тем более что такой номинант мало кого мог бы обидеть: он давно вне контекста, называемого литпроцессом; заслуженный человек и патриарх по возрасту; сам себя предал забвению, никуда уже много лет не выходя и никаких мероприятий не посещая. Я где-то прочитал: «О нем все знают, но мало кто помнит».

Ушелец. Он давно живет в добровольном заточении, в одном из самых захудалых спальных районов Петербурга. Лето проводит *par excellence* на даче. Автоэпитафия им написана почти сорок лет назад — «Посмертное», из сборника «Хутор потерянный» 1979 года. Сей текст заканчивается словами: «Человеком вторично („Восход“! „Возрождение“!) — не желаю!.. Пусть умрет ум и мир мой, только — не во чловецех, я — ничей не ловец! / Маски метаморфоз — возьмите и возрождайтесь!.. Жил он так, как желал, умер так, как умел...»

В свои 82 года Виктор Соснора сегодня — никак не ч-к. из его же текстов. И не человек вовсе, поскольку ушелец не может, да и не желает быть Человеком. Как и у всякого ушельца, у Сосноры остались на Земле толпы литературных потомков, немало продолжателей его поэтики, замороженных этим инопланетным видением и вчувствованием — с неожиданными ассоциативными сращениями и неземной звуковой плотностью, с космической чистоты синтаксисом и обновленным поэтическим языком, затягивающим, словно межгалактический вакуум.

...Угас у гроз вопрос за молью лет,
не вешняя! Всевышняя — у бедных!
Я к вам пишу вишневой кровью львят,
тех, топающих тут, не убиенных.
У них язык лилов, они — Слова,
я — им Отец, они — щенки, пернаты...²⁷

«Та львица разорвала меня на куски...» — звучит в «Пришельце» дикторский голос. Поневоле начинаешь видеть в этом сквозном образе львицы родную речь. Соснора не произносит в фильме ни слова: он совершенен в своей глухоте, при этом ничуть не страдая. Человечий язык его не беспокоит — и слава инопланетному Богу! А остальной шум, с его плеском, свистом, шорохом, скрежетом, гудением, паузами, аффрикатами и афазиями, всегда при нем, и его тело отзывается мембраной на все это звуковое богатство.

Соснора не произносит в фильме ни слова: он совершенен в своей немоте, и в случае если бы он заговорил, помочь его понять смог бы разве что М. В. Панов — фонетист, которому удалось реконструировать произношение даже Петра I. Но Панов скончался в 2001 году, поэтому Соснора молчит, методично выкуривая одну сигарету за другой.

Он ушел в себя, и только хрипловатый вдох курильщика со стажем да пневматические движения тела делают его похожим на тех, кого он называет ч-к. Вряд ли эти ч-ки догадываются о том, что стихи ушельца и есть те самые сейшельцы, только внешне подобные гуманоидным поэтическим формам. Они живут среди нас, они влияют на нас и порождают другие сейшельские тексты. Тревожные, поразительные, непонятные. И от этого совсем не страшно. Даже спокойнее. И, говоря по-сейшельски, благодарнее.

²⁷ В. Соснора. Возвращение к морю (попытка). IX. Из сб. «Мартовские иды», 1983.

традицию. Вопросов, на которые свой ответ дает автор, много. Почему у Беллини младенцы похожи на лоснящихся резиновых пупсов? Как климат повлиял на любовь Рубенса к женским телам с роскошной плотью? Как связаны работы художника-сюрреалиста Магритта и иприт, впервые примененный германскими войсками в 1917 году? Не раз в своих уточнениях Э. Лимонов вступает в противоречие с традицией. Спасский собор (1357 год) Андроникова монастыря, где работал Рублев, появился раньше Москвы, заложенной Дмитрием Донским (согласно теории А. Фоменко) лишь в 1382 году на месте Куликовской битвы. Девочка, забеременевшая от Духа Святого, не была женой плотника. Это ущербный перевод сделал «наггара» Иосифа плотником, а в Талмуде «наггар» значит образованный человек, эрудит. Традиционно неправильно толкуется сюжет «Адам и Ева» как познание женщиной и мужчиной друг друга. «Написано в книге Бытия, что отведали плодов с Древа Познания, так следует прямо и понимать, что обрели сознание, сознание дает Разум». Автор поясняет, что вызвало возмущение в картине Э. Мане «Олимпия» у посетителей парижского Салона в 1865 году: Мане показал нового кумира, новую сексуальность мегаполиса — тощую, вызывающе вульгарную пролетарскую шлюшку. Спорит с самим Мунком: в знаковой картине человечества «Крик»: крик исходит не от Природы, как утверждал Мунк, а от человека, раздавленного тем миром, который он сам создал. В основе текстов — личные впечатления писателя, полученные в музеях Москвы, Рима, Вены, Нью-Йорка... Значимые совпадения: в юности Лимонов попал в знаменитую лечебницу для душевнобольных в Харькове, в Сабурку, пациентом которой когда-то был Врубель. В 2001—2002 годах писателя возили в Лефортовский суд в двух сотнях метров от Андроникова монастыря, позднее писатель жил неподалеку от монастыря. И таких «соприкосновений» с героями книги немало. Что объединяет художников столь разных, великих мастеров прошлого и художников нового времени? О жизненном пути последних, их слабостях и пороках известно много больше, чем об их предшественниках. Среди художников нового времени — прерафаэлит Россетти, А. Беклин, повлиявший на формирование немецкого символизма и югендштиля, модернист Г. Климт, гений набросков и поразительных линий Э. Шиле. А также утонченный и эротичный О. Бердслей, один из самых мрачных художников XX века Ф. Бэкон, которого сам Лимонов мрачным не считает, новый иконописец Э. Уорхолл, заглянувший в бездну будущего П. Беленок. Не только музейные маршруты и пристрастия автора объединяют столь разных мастеров. Но и стремление показать, как перетекают художники один в другого, как идет «переселение душ». Увидеть прошлое в настоящем, а в прошлом настоящее. Современный комикс в загадочной картине флорентийского художника П. Уччелло (1397—1475) «Святой Георгий и дракон»; ультрасовременное понимание красоты у Пьеро делла Франческа (?—1492), современного американского генерала в кондотьере Беллини; в обезлюженных пространствах городов конструктора тайн Кирико (1889—1978) — предвестников мрачного скопления отростков в «Москва-Сити». Размышления Э. Лимонова о выдающихся художниках, о любимых, поражающих его картинах очень отличаются от привычных искусствоведческих исследований. И, возможно независимо от воли автора, в них ясно видно движение живописи от гармонии к гротеску, порой очень мрачному.

Патрик Барбье. Полина Виардо. Пер. с франц. Н. Кисловой.

СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2017. — 480 с.

Полина Виардо (1821—1910) знаковой фигурой в русской культуре стала благодаря ее долголетнему роману с Иваном Тургеневым. Не лишены таинственности отношения автора «Отцов и детей», певицы и ее мужа — один из самых известных

романтических треугольников XIX века. Сказано об этом немало. Но известный музыковед и историк музыки Патрик Барбье существенно меняет наше представление о Виардо. Его Виардо предстает как одна из главных театральных величин XIX века, самоценная и влиятельная фигура европейской культуры своего времени. Блестящая драматическая певица, обладавшая исключительным голосом; ученица Листа, профессионально играющая на рояле; композитор, сочинивший несколько оперетт на либретто Тургенева, опер и два альбома песен. В ее музыкальных салонах в Бадене и в Париже собирались выдающиеся музыканты, писатели, художники. Она умела длительное время поддерживать дружеские отношения. Среди ее друзей, поклонников, близких знакомых были Жорж Санд и Шопен, Клара Шуман и Мендельсон, Массне и Лист, Делакура и Доре, Флобер и Ренан... Она способствовала карьере других. Работала с Мейербером над постановкой оперы «Пророк». Для Виардо писал заглавную партию Сен-Санс в опере «Самсон и Далила». Она вдохновила Гуно на создание его первой оперы — «Сафо», к работе над которой был привлечен и Тургенев. Вместе с Берлиозом воссоздала оперу Глюка «Орфей» — новое прочтение стало одним из величайших триумфов столетия. П. Барбье подробно рассказывает о развитии музыки, обстоятельствах создания и постановки опер, в которых пела Виардо, особенностях ее исполнения и трактовки, дает красочные описания спектаклей, костюмов. Ей пришлось выступать чаще на зарубежных сценах, чем на отечественной. Причина — не только обиденные театральные интриги, но и политика. Ее муж и она сама были близки к республиканско-либеральным политическим течениям своего времени: не поддерживая имперский режим и не мирясь с ним, они вынуждены были периодически уезжать из Франции. Многочисленным гастролям и триумфальным выступлениям по всей Европе, в том числе в особо любимой певицей России, приемам в самых высших кругах аристократии, вплоть до монарших, посвящено немало страниц. Уже в сорок три года Виардо покинула сцену, но ее концертная деятельность продолжилась. Она заново открыла для европейской публики старинную музыку: шедевры Перголези, Марчелло, Глюка, Генделя, Баха. Делала переложения Шумана и Брамса. Сочиняла музыку к песням на слова немецких и русских авторов, в том числе на стихи Пушкина. Знакомила западную публику с русской музыкой, в частности с музыкой Римского-Корсакова. На «закате своего творчества» стала лучшим педагогом по вокалу своей эпохи. П. Барбье вместе со своей героиней проживает большой период истории музыки, изобразительного искусства, литературы, общественной мысли. Книгу населяют живые люди со своими проблемами, страхами и страстями: нервный и ранимый Шопен, властная Жорж Санд, ревнивая жена Шарля Гуно, увлекающийся Берлиоз. А еще — большая артистическая семья Гарсиа: отец певицы — знаменитый тенор и постановщик, вывозивший свою труппу в далекую Америку; ее старшая сестра, своенравная мировая звезда оперы Малибран, трагически погибшая в двадцать восемь лет; брат Мануэль, изобретатель ларингоскопа. Из тени выведен муж певицы Луи Виардо, директор Театра Итальян, оставивший должность ради карьеры жены, интеллектуал, знаменитый испанист, переводчик «Дон Кихота». На протяжении всей жизни он оставался другом своей жены, старше которой был на двадцать один год. Искренняя дружба связывала его и с Тургеневым, страстные охотники, они объединились и в творческий союз: Луи помогал Тургеневу с французскими переводами его произведений, а также основных произведений Пушкина и Гоголя. Луи Виардо и Тургенев умерли почти в одно время (первый — в мае, второй — в сентябре 1883 года). Болея перед смертью, оба находились в особняке Виардо, и Полина за ними ухаживала. Описывая бурные жизни своих героев, Барбье умудряется быть целомудренным. Был ли роман длиной в сорок лет Тургенева и Полины Виардо лишь платоническим? Ничто, повторяет и повторяет Барбье, не свидетельствует напрямую о том, что это не так. Барбье

широко использует письма — а в XIX веке много писали, то комментируя значительные события литературной, художественной или политической жизни, то изливая душу или делаясь мелкими повседневными невзгодами, использует дневники, воспоминания, статьи в печати — критику и восторги в адрес певицы. Противоречивы отзывы о ее внешности, не соответствовавшей критериям красоты той эпохи, но единодушно признание ее таланта, очарование манер, грации, ума, интеллекта, образованности. Книга П. Барбье — первое полное жизнеописание знаменитой певицы, возлюбленной Тургенева, на фоне перипетий художественной жизни романтической эпохи.

Ив Готье. Владимир Высоцкий: крик в русском небе. Пер. с франц. Елены Клоковой. М.: Центр книги Рудомино, 2018. — 240 с.

Ив Готье, французский писатель, переводчик, филолог, считает, что, несмотря на то, что о Владимире Высоцком (1938—1980) написано так много, исчерпывающей его биографии нет. И решил показать масштаб его личности и творчества. Автор последователен. Биография поэта: бурное детство на московских улицах, где скрыт исток будущего бардовского искусства; учеба в школе-студии МХАТ, первые шаги в актерской профессии, когда начинающего актера уволили из Театра им. А. С. Пушкина за профнепригодность. А дальше — насыщенная творческая жизнь. Кинематографическое восхождение во времена, когда кино было почти религией, искусством культовым, массовым: от крошечных эпизодов, от начального дебюта в 1959 году в фильме «Сверстницы» и прорыва 1967 года в фильм «Вертикаль», где прозвучала культовая песня «Если друг оказался вдруг», до последующих, значимых ролей. Автор дает краткий обзор всех сорока пяти фильмов, в которых так или иначе участвовал Высоцкий: анализ ролей, мнения, отзывы. Со встречи с режиссером Таганки Юрием Любимовым началась яркая театральная эпопея: Высоцкий играл главные роли: Галилея, Гамлета, бунтовщика Хлопушу. С гастрольями и концертами поэт объездил всю Россию — от Калининграда до Владивостока, побывал во всех пятнадцати республиках СССР. Две страницы занимают перечисления мест, где выступал Высоцкий. Обширна и «киногеография» актера: Кавказ (Эльбрус), Сибирь, Одесса. В 1973 году перед поэтом распахнул свои ворота Запад. Автор пишет о путешествиях поэта от Варшавы до Таити, о гастролях, впечатлениях зарубежного зрителя и самого Высоцкого. По мнению автора, главное, что определяло творчество и жизнь Высоцкого, — синкретичные связи с родной землей. И. Готье использует в своей работе воспоминания, мемуары, интервью тех, кто близко знал поэта и певца: С. Говорухина, Ю. Любимова, В. Золотухина, М. Шемякина, М. Влади. Многого, личного, автор касается деликатно, помня, что поэт писал «Я не люблю, когда мне лезут в душу». И. Готье широко использует и тексты самого Высоцкого, его стихи и песни. Автора интересуют реальные жизненные обстоятельства, в которых складывались песни, влияние мест, где происходили съемки, людей, которые окружали актера. Так, только в краю золотоискателей, в Сибири, во время съемок «Хозяина тайги» (1968 год) могла родиться песня «Растопи ты мне баньку по-белому...». Не вошедшая в фильм, она вошла в вечность. Отбывавшему срок в лагерях В. Туманову, другу актера, посвящены две поэмы-песни: «Был побег на рывок...»; «В младенчестве нас матери пугали, суля заслушание Сибирь...». И. Готье анализирует особенности стихосложения Высоцкого: ритм, размер, ударения, словоупотребление. Его интересует феномен голоса певца, тайна баритона с хрипотцой, искусство фонетической лепки. Удивительно, но приводится даже научная разгадка техники пения Высоцкого. Автор дает и свой подробный разбор смыслов трагических, невероятно напряженных стихотворений Высоцкого. Например, гибель под-

лодки («Спасите наши души») прочитывает как аллгорию жизни. А в «Охоте на волков», «Охоте с вертолета», «Беге иноходца» находит аллюзии, которые в них сокрыты: отношения Поэта с Властью, преодоление барьеров, Властью налагаемых. «Свою судьбу он восславил в песне „Бег иноходца“ (1970): „Я скачу, но скачу я иначе, / По полям, по лужам, по росе.../ Говорят: он иноходью скачет, / Это значит иначе, чем все“. Иноходец обыграл человека, как волк — охотника, вырвавшись за красные флажки. Господа цензоры! Не пытайтесь взнудать поэта или убить его, не получится». Как не получилось замять похороны поэта в 1980 году, благодаря усилиям Ю. Любимова и вопреки мнению ЦК КПСС состоявшиеся публично и широко. Отрицательно к Высоцкому относилась не только власть (хотя и слушала записи его песен в своих кабинетах), но и русские диссиденты: для них он был недостаточно радикален, а актуальных проблем вообще не касался. Он не любил многое, пишет И. Готье, инакомыслящий, писал и пел свои серьезные песни, зная, что каждая из них могла бы стоить ему этак лет восемь тюрьмы, но был не заряжен ненавистью к стране. Поэт, не укладывающийся в общепринятые культурные, а порой и общественные стандарты своего времени, не получил признания и от собратьев по перу. Единственный, кто назвал Высоцкого поэтом еще в 1977 году, — И. Бродский. И подарил Высоцкому, когда тот был в Нью-Йорке, свою книгу с дарственной надписью: «Лучшему поэту России, как внутри ее, так и извне». И. Готье прожил в России с начала 80-х годов более двадцати лет, здесь работал, много путешествовал. В 1977 году был на одном из концертов Высоцкого в Париже, песни Высоцкого произвели на него огромное впечатление, побудили выучить русский язык. «Его творчество — это фреска, на которой запечатлена эпоха. Если „Евгения Онегина“ называли „энциклопедией русской жизни“, то же самое можно сказать и о песнях Высоцкого. Те, кто его слушают, понимают Россию, а также душу, в которой связаны русскость и бесконечность... Я хотел показать его масштаб, силу, значение, русскость и вселенскость». Вселенскость — это и частые сопоставления творчества и жизни Высоцкого и французских певцов и поэтов. Приводятся слова Шемякина о том, что нрав гуляки и песни, сочащиеся мукой и горечью, делали Высоцкого похожим на дерзкого насмешника, жившего в средневековой Франции, Вийона, а также Бодлера, Верлена, певцов мест, пользующихся дурной славой, разбитых сердец, исковерканных судеб. Неважно, считает Готье, убили Высоцкого вредные привычки или нерадение эскулапов. Высоцкий-поэт сжигал себя изнутри. Разве мог один человек воплощать в себе душу народа одновременно с его пороками и не взорваться? В дополнении к основному тексту — хронология жизни Высоцкого, краткие данные о его друзьях, знаменитостях, с которыми он общался, его гитарах, музеях его имени в разных странах.

Лев Клейн. Воскрешение Перуна. К реконструкции восточнославянского язычества. СПб.: Евразия, 2017. — 480 с.

Победившее христианство хорошо поработало над славянской языческой религией: информация о восточнославянских языческих богах скудна и обрывочна. Сохранились обрывки знаний, пережитки, трансформированные языческие обряды, смыслы которых давно утеряны. Известный русский археолог и филолог Лев Клейн создает, наверное, исчерпывающую картину того, как зарождалось и шло изучение славянского язычества: в Европе — с эпохи Возрождения, в России — с петровского Просвещения. Толчком в обоих случаях послужил интерес к античным богам, а от него — и к родным дохристианским явлениям. Л. Клейн показывает, как осваивали русские историки и поэты пантеон отечественных древних богов, какое влияние на восприя-

тие прошлого оказывали государственная идеология, общественные настроения, усиление или ослабление позиций православной церкви, какую лепту в изучение проблемы внесли зарубежные исследователи. Он подробно рассматривает основные концепции славянского язычества, появившиеся в нашей стране в XX веке: системы В. Проппа, Н. Толстого, В. Иванова—В. Топорова, академика Б. Рыбакова, чей труд и по сей день остается у нас самым влиятельным. Ярый норманист, Л. Клейн на протяжении всей книги полемизирует с Б. Рыбаковым, инкриминируя ему сознательное «удревнение» славянства, уподобление древнерусского язычества христианскому монотеизму, возведение несуществующего бога Рода в верховного бога всех славян. Эти теории, по мысли Л. Клейна, дают пищу современным неоязычникам, ультрапатриотам, националистам. Споря с одними выводами ученых, соглашаясь с другими, автор предлагает и свои концепции. В своем исследовании он обращается к наработкам коллег, данным археологии, этнографии, летописным источникам, топонимике, фольклору. И — сведениям об обрядах, сохранившихся в разной степени у восточнославянских народов в Белоруссии, на Украине, Польше, на Балканах и, конечно, в России. Проводит сопоставления с отправлением языческих культов у древних греков, балтов, скандинавов, германских народов. Обращается к русским сказкам (в частности, о царе Салтане), поверьям о ведьмах и русалках. Для реконструкции восточнославянского язычества в данной работе ученый использовал новый источник — чечено-ингушский фольклор, в котором сохранились мифические предания о Перуне. Они были занесены на Кавказ тысячу лет назад при переселении славян во время арабских завоевательных походов. Прожив долго в чуждой среде и лишившись там религиозного значения, эти мифы не сильно трансформировались ни под варяжским воздействием, ни под влиянием христианизации. В реконструкции Клейна главным богом славян предстает Перун, умирающее и воскресающее божество, схожее с Озирисом, Таммузом, Аполлоном и связанное с сексуальным культом плодородия. Характерной чертой в культах подобных божеств было отправление их женщинами. Своя «свита»: ведьмы, льющие воду на землю, русалки, то ли зеленоволосые красавицы, то ли безобразные старухи, имелась и у Перуна. С его почитанием связаны сохранившиеся и поныне праздники: Масленица, день Ивана Купалы, «Петровки», русалии, «Ярилки», «похороны Костромы», Святки. Все они приходились когда-то на солнцеворот: летние знаменовали умирание, зимние — воскрешение. Имитация умирания и воскрешения означала магическую поддержку возрождения растительности. В конечном счете все праздники были призваны сохранять нормальную смену дня и ночи, лета и зимы, поддерживать цикличность в природе, кругооборот жизни. Другое дело, доказывает автор, что с утверждением новой веры языческие обряды сместились во времени из-за христианских праздников и постов: эротически окрашенные обряды не допускались. Единая логическая цепочка языческих празднеств была разорвана. Л. Клейн восстанавливает смыслы, заключенные в обрядах, варианты обычаев разных народов, ход действий, значение атрибутов, их сопровождавших: водруженное на столб колесо, бочка на шесте, сжигаемые чучела. В своей книге Л. Клейн выступает не только как исследователь восточнославянского язычества, его реконструктор, но и как борец с современным неоязычеством. Анализируя современные течения неоязычества, он указывает, что их адепты основываются не на истинном знании реального славянского язычества, не на научных реконструкциях, а на фальшивках (к ним он относит и «Велесову книгу»), на массовом ширпотребе типа фэнтези, на псевдонаучных изысканиях. Впрочем, о реалиях восточнославянского язычества ученые спорят и по сей день, в том числе критикуя и самого Клейна.

Николай Золотницкий. Цветы в легендах и преданиях.**СПб.: Деметра, 2015. — 384 с.**

В начале века эта книга имела огромный успех в читающей России и в короткое время стала настольной книгой для десятков тысяч детей и взрослых. Вышла в свет перед Первой мировой войной — и с тех пор не переиздавалась. Быть может, осторожных советских редакторов отпугивало обращение автора к религиозным сюжетам. А можно ли было согласиться с тем, что примула — отпечаток ключей Царствия Небесного? Подобных замечаний немало. Уникальный материал об эстетической и эмоциональной роли самых популярных цветов в жизни стран, в поэзии разных народов, в судьбах конкретных людей собрал Николай Федорович Золотницкий (1851—1920). Математик по образованию, знаток языков и мировой литературы, он принадлежал к замечательному племени, которое одни торжественно именуют естествоиспытателями, а другие — просто чудаками. По его инициативе было создано Московское общество любителей аквариума и комнатных растений, которое выпускало журнал, устраивало выставки, проводило заседания с сообщениями крупнейших ботаников и зоологов Москвы. Каждая глава, посвященная одному из двадцати двух наиболее известных и распространенных в мире цветов, переносит читателя из одного уголка земного шара в другой, знакомит с интереснейшими историями о любви и верности, злодействе и предательстве, с легендами и суевериями, библейскими сюжетами и историческими фактами. И каждая из них — целая поэма, которая поражает как широтой географии, так и богатством фактов. В исторических эпизодах, легендах и сказаниях, то веселых, то грустных, то поэтических, реальные факты переплетаются с вымыслом и народной молвой. Цветы играли важную роль у всех народов, начиная с самых отдаленных времен: в войнах и в пиршествах, в торжественных погребальных процессиях и религиозных церемониях, в домашнем обиходе. Они служили для украшения алтарей и жертвоприношений, являлись волшебными и целительными травами, охранителями домашнего очага и домашних животных... Мы встречаемся с ними у древних евреев, персов, египтян, греков, римлян и арабов, встречаемся у индусов, китайцев и мексиканцев. И у каждого народа существовали свои поэтичные предания о сотворении цветов. Например, по словам одной восточной легенды, скромная фиалка возникла из слез благодарности Адама, когда в бытность его на острове Цейлон архангел Гавриил принес ему радостную весть о прощении ему Господом его грехов. Фиалка стала символом счастья для Жозефины Богарне и Наполеона, страстной поклонницей фиалки являлась знаменитая Сара Бернар, у которой вся квартира и все платья были пропитаны запахом фиалок и круглый год в будуаре и во всех комнатах стояли букеты фиалок. Среди любителей этих цветов несчастный французский король Людовик XVI, Шекспир, Шелли, Гёте и наш великий писатель И. Тургенев. Хотя последний называл своим любимым цветком нарцисс, цветок в России начала XX века довольно редкий, указывает автор: встречался обыкновенно на Пасху в цветочных магазинах. А Шекспир воспевал и маргаритки, и нарциссы. «Цветочным пристрастиям» знаменитостей посвящено немало страниц. Одни и те же цветы в разные времена имели разные значения у разных народов. Так, на царицу из цариц — розу, символ божественной тайны у восточных народов, первые христиане сначала смотрели как на цветок разврата и гибели, помня чрезмерное увлечение розами римлян времен упадка. Прошло несколько столетий, и святые отцы, забыв ее значение в дни упадка Рима, объявили ее райским цветком и даже посвятили Пресвятой Богородице. Золотой розой папы награждали добродетельных людей. А гиацинт, пришедший в Европу из Малой Азии, для одних народов являлся цветком смерти, для других — цветком радости. Автор пи-

шет о празднествах, которые устраивались в честь цветов. Описывает феерический праздник тюльпанов (цветка биржевых игр в Европе) в серале — для султана лестное доказательство любви своих жен; роскошный и осенний праздник цветения хризантем, символа солнца у японцев; европейские праздники и массовые сборы ландышей, фиалок, незабудок в Европе, несущие отголоски средневековых обычаев и поэтических состязаний. От древнейших легенд, от истории распространения чужестранок в Европе и выведения новых сортов автор переходит к отношению к цветам в начале XX века, к современности. Кое-что удивит. Так, давно уже взяты под охрану многие виды пионов, лилий, первоцветов, о широком сборе которых на букеты рассказывает автор. Отсутствуют главы о таких сейчас популярных цветах, как гладиолусы и ирисы, — в то время они не были столь распространены. Но зато представлена провозвестница весны сирень — цветок наших старинных дворянских гнезд, дан совет, как добиться ее цветения в комнатных условиях зимой. Осторожно нужно относиться к рецептам лекарственных средств на основе цветов и приворотных зелий, не готовить любовный напиток из примулы, не пробовать одолевать нечистую силу и недуги с помощью кувшинок, одолень-травы. Хотя гадать на маргаритке «любит, не любит», как это делали с незапамятных времен, и притом не только в одном каком-либо отдельном государстве, а почти во всех западноевропейских, исключая разве Англию, наверное, безопасно. А по большому счету — в книге вскрывается огромный пласт духовной культуры, без которого не постичь ни истории, ни искусства.

Публикация подготовлена
Еленой ЗИНОВЬЕВОЙ

Редакция благодарит за предоставленные книги
Книжную Лавку Писателей
(Санкт-Петербург. Невский пр., 66, т. (812) 640-44-06,
www.lavkapisateley.spb.ru)

Архимандрит Августин (НИКИТИН)

О ПОЧИТАНИИ СВ. ВЕЛИКОМУЧЕНИКА ГЕОРГИЯ

ЛИВАН

Русские паломники, направлявшиеся к Святой Земле, еще будучи в Бейруте, посещали места, связанные с почитанием св. великомученика Георгия. Один из таких богомольцев — архимандрит Антонин (Капустин) пишет (1868 г.): «Был в соборной церкви святого великомученика Георгия, новой постройки, здании весьма обширном, но ничем не украшенном; был и в так называемой *русской* церкви Богоматери, построенной, как гласит молва, на русские деньги под ведением нашей Иерусалимской миссии»¹. А согласно местному арабскому преданию, к северо-востоку от Бейрута (ныне — в черте г. Джуния) произошел поединок св. Георгия со змеем. В тексте из собрания «Житий святых» святителя Димитрия Ростовского, источником которого служили «Acta Sanctorum», также сообщается, что этот городок расположен неподалеку от Берита (соврем. Бейрут). Здесь находится пещерная церковь Св. великомученика Георгия.

Из записок русской странницы (начало 1860-х гг.)

Мы шли дорогой или, лучше сказать, по аллеям, усаженным, по обеим сторонам высокими кактусами, как бы составляющими зеленую ограду или толстую стену, которая иногда пересекалась промежутками, выходившими на эти очаровательные поля, где мы останавливались и делали себе великолепные букеты; так дошли мы до того места, где св. Георгий поразил змея. Это место находится у турок в большом почете, потому хранится у них под занавесой с турецким знаменем, и не иначе позволяют подойти, как сняв башмаки или сапоги еще у входа дверей, как к святому месту.

Предание о нем вот что гласит. В древние времена, когда Бейрут был погружен в идолопоклонство, в одном месте жил чудовищный змей, который ежедневно пожирал людей. Измученный народ прибегает наконец к своему царю, прося его совета, что надо делать им. Царь отвечал: я спрошу своих богов, что они мне скажут, то открою вам. Боги их, сидевшие в истуканах, отвечали ему: чтобы удовлетворить

Архимандрит Августин (в миру — Дмитрий Евгениевич Никитин) родился в 1946 году в Ленинграде. Окончил физический факультет Ленинградского государственного университета. В 1973 году принял монашеский постриг с именем Августин. Пострижен в монастыре митрополитом Никодимом в Благовещенской церкви его резиденции в Серебряном Бору в Москве. В 1974 году рукоположен во иеродиакона и иеромонаха. Окончил Санкт-Петербургскую духовную академию, преподаватель, доцент Санкт-Петербургской духовной академии.

¹ Антонин (Капустин), архимандрит. Пять дней на Святой Земле и в Иерусалиме в 1857 году. М., 2007. С. 186.

змея, надо ежедневно ему приносить человека в жертву. Царь немедленно повелевает это исполнять по очереди, которая, наконец, доходит и до самого царя. Царь отводит на роковое место свою единственную дочь-красавицу; толпа народа с участием глядит; с поникшей головой уже стояла жертва: час смерти ее приближался. Вдруг видит она, скачет к ней воин на белом коне.

— Что плачешь дева? спрашивает ее незнакомец.

— Я жертва змея, отвечает она печальным дрожащим голосом и вместе умоляет незнакомца удалиться. Воин! поспеши отсюда, поспеши! говорит она ему, не подвергай себя опасности, вот змей идет!

— Не бойся дева, отвечает воин, только веруй в Истинного Бога нашего, я избавлю тебя от смерти во имя Его.

С этими словами святой Георгий Победоносец устремился на своем коне к морю, поднял десницу свою, вооруженную копьем со знаменем креста, ударил им в отверстие, яду исполненную пасть змея; причем конь попирает его своими копытами. Когда змей обессилен, св. Георгий повелел девице перевязать его своим поясом и вести в город. Народ, увидев, что царевна влечет чудовище в город, в ужасе бежит прочь; но св. Георгий говорит им: не бойтесь, но уповайте на Господа нашего Иисуса Христа и веруйте в Него: Он послал меня, избавить вас от змея. Змей лишен своего губительного и ядоносного жала; теперь вы сами можете умертвить его безбоязненно и легко. Народ ободрился, приблизился к чудовищу, и, поругавшись над ним, извлек за город и там предал его сожжению. Царь и весь народ, видев чудо, уверовали в Господа нашего Иисуса Христа и в тот же день крестились все.

На том месте, где святой Георгий победил змея, царь воздвиг большой храм во имя святого Георгия Победоносца. Под алтарем этого храма впоследствии явился источник, который привлекает к себе поклонников, — вода его подает в различных болезнях исцеления. Теперь этот храм обращен в турецкую мечеть. Место бывшего алтаря завешено зеленой матерью с такой же дверью, а под ней написано по-арабски, «во имя Бога всемилостивого и всемилосердного»; ниже другая надпись: «заванесь сия в воспоминание пророка Георгия, да будет над ним мир»...²

Из записок Евгения Маркова (1885 г.)

Недалеко от северной окраины города показывают памятники, освященные и глубокой древностью, и глубоким христианским чувством. Подле дороги стоит что-то в роде обычной «уэлли» магометан, четырехугольная часовенка из массивных камней, без купола и крыши... С ¼ версты в сторону от часовни высятся и старая турецкая мечеть, обращенная из той самой христианской церкви, которая, по преданиям, построена здесь в IV веке во имя св. Георгия Победоносца, в память его подвига. Красавица царская дочь Верита, говорит предание, была по жребию обречена на съедение чудовищу, которое ежедневно приползало из своего логова на эти камни и пожирало приготовленную ей человеческую жертву...

Прекрасная дева уже готовилась с кротостью покориться горькой участи своей, как вдруг около нее появляется верхом на белом коне юноша поразительной красоты, в богатом уборе, с копьем в руках... Юноша дожидается появления страшного змея, с молитвой к Богу бросается к нему навстречу и одним могучим ударом копья поражает его в раскрытую пасть... Пленный змей торжественно сожигается им на глазах восторженного народа на высоте холма, где ныне находится главная православная церковь Бейрута во имя св. Георгия...

Недалеке от мечети этой проходит к морю от подножия Ливана глубокая лощина, бывшая прежде руслом реки... Немного не доходя до морского берега даже показывают в ней омут, в котором будто бы гнезился чудовищный змей...

Вообще все финикийское побережье Средиземного моря, да и вся Сирия полны легенд о св. Георгии; хотя главное место его подвигов и место его теперешней

² Путешествие в Иерусалим на поклонение святым местам. (Путевые записки странницы). СПб., 1866. С. 60—62.

гробницы — палестинский город Лидда, почти по дороге из Яффы в Иерусалим, но, тем не менее, множество других мест Сирии, особенно прибрежной, присваивают себе его имя и освящают себя его памятью...

Св. Георгий — идеальный представитель восточного христианства в его вечной борьбе против магометан. Если магометанство и успело победить теперь, то святой воин-победоносец, во всяком случае в будущем, пронзит своим копьём мусульманского дракона и раздавит его в прах копытами своего белого коня. Эта всеобщая вера создает всеобщее богочитание Георгия на азиатском востоке, на южных окраинах Европы — везде, где было историческое поле борьбы христиан с мусульманством. Но, конечно, в основе предания о геройском подвиге св. Георгия могло лежать и действительное событие. Я думаю, что несколько легкомысленно со стороны ученых скептиков относить так широко распространенные народные сказания и такую глубоко укоренившуюся память о святом подвижнике, пережившую ряды веков и проникнувшую во все народы, исключительно к области поэтического вымысла. Почему не допустить, что поводом этих благочестивых преданий послужил и в самом деле подвиг спасения народа от какой-нибудь великой опасности популярным героем его...

Самый рассказ о гигантском змее, даже о крылатом драконе не имеет в себе ничего невозможного, невероятного, ничего противоречащего учению о природе. Если и до сих пор уцелели на земле крылатые ящерицы, хотя и не огромного размера, если палеонтология открыла нам скелеты и отпечатки громадных плезиозавров, весьма близко подходящих к сказочному описанию драконов, если на наших глазах робкие индусы еще на днях выставляли, а, может быть, и теперь выставляют в глухих местах, добровольные человеческие жертвы пожирающим их тиграм, если мудрые египтяне в историческое время поклонялись, как богам, истреблявшим их крокодилам, и весь древний эпос Греции, Кавказа, славянства и многих других народов полон рассказами о единоборстве богатырей с гигантскими змеями и драконами, то что же противоестественного и противоисторического заключают в себе предания, подобные преданиям о св. Георгии?..³

Архимандрит Мефодий, настоятель Никандровой пустыни Порховского уезда Псковской губернии, посетил столицу Ливана — Бейрут в 1892 году. «Город Бейрут, расположенный на прекрасной равнине, простирающейся до подошвы Ливана, замечателен по своей величине и красивым постройкам, — пишет о. Мефодий. — В Бейруте девять православных церквей; мы побывали в одной, во имя св. великомученика и победоносца Георгия. В полуверсте от нее мы посетили то место, на котором св. великомученик, явившись царской дочери, выведенной на съедение змею, избавил ее от смерти, поразив змея копьём и потоптав конем. Там, где совершилось сие чудесное избавление царской дочери, теперь турецкая молельня, обсаженная лимонными деревьями, а близ нее колодезь, у которого зажигают свечи в честь св. великомученика, покупаемые богомольцами»⁴.

Епископ Сухумский Арсений (Изотов), побывавший здесь в 1894 году, сообщает некоторые подробности. Согласно преданию, дочери местных жителей поочередно выводились змею на съедение. «Таким образом, очередь дошла и до царской дочери; но к ней явился св. великомученик и поразил змея, потом повелел царевне связать его поясом и влечь в город. Потом повелел людям труп змея выбросить за город и сжечь. Видя такое чудо, в тот день уверовали в Господа Иисуса Христа более пяти тысяч жителей»⁵.

³ Марков Евгений. Путешествие по Святой Земле. СПб., 1891. С. 461—463.

⁴ Мефодий, архим. Дневник палестинского паломника. СПб., 1893. С. 8.

⁵ Арсений (Изотов), епископ Сухумский. Святой град Иерусалим и другие святые места Палестины. СПб., 1896. С. 34.

СВЯТАЯ ЗЕМЛЯ

Монастырь Св. Георгия Бет-Джалского

В Палестине насчитывается 22 культовых места, имеющих отношение к св. Георгию. Наиболее известные храмы и монастыри, посвященные св. Георгию, — это церкви Св. Георгия в Лидде, в Рамле и монастырь под Бет-Джалой, у селения Эль-Хадр. Греческая церковь во имя Св. Георгия Победоносца с небольшим монастырем при ней находится на пути от Соломоновых прудов в Бет-Джалу, ближе к последней. Иногда монастырь так и называют — Св. Георгия Бет-Джалского. Виноградники и масличные сады на монастырской земле принадлежали некогда, по преданию, матери Георгия, которая владела, согласно Житию святого, крупными земельными угодьями в Палестине.

Об этом храме сообщает **Антонин из Плаценции (Пьяченца, Италия) (конец VI в.)**: «Мы направились к Диасполю, городу, который в древности назывался Азотом, и где почивает святой Георгий мученик. По середине дороги, не очень далеко от города, стоит мраморный столб, к которому перее вели Господа на бичевание, но столб, убегая, был поднят облаком и поставлен на это место. Об истинности этого свидетельствует то обстоятельство, что столб не имеет базиса, на котором стоял бы, но стоит просто на земле и двигается. На его вершине водружен железный крест, к которому поднимаются по ступеням, и там бывают светильники и воскурения. В этом месте очищаются бесноватые. Но и в самом округе блаженный Георгий являет много чудес»⁶.

Из дневника архимандрита Порфирия (Успенского) (1844 г.)

Игумен, простой непосвященный монах, встретил нас у ворот и через небольшой двор, весь заваленный тесаными камнями и извостью, ввел нас в церковь, освещенную во имя великомученика Георгия. Церковь с куполом — не велика, квадратна, убога, но чистенька. Низменный иконостас в ней устроен из местного белого камня. У правой стены в большом каменном киоте, обставленном с боков двумя безголовыми и безногими колоннами, поставлены две большие иконы великомученика Георгия, на которых копье во всю длину его обложено жостью или каким-то металлом, почерневшим от времени. Приложившись к иконам, я положил на блюдо 40 пиастров турецких, а митрополит тотчас приказал игумену спрятать их. Потом мы все вошли в алтарь. Лучшим украшением одного служила прекрасная икона святителя Митрофана, оставленная здесь на веки русской поклонницей г-жой Бекетовой. Жаль, что икона не имеет рам. Она писана на холсте и прибита к стене за престолом гвоздями.

У правой стены алтаря, в нише, показывали мне диковинный плитовый камень, разбившийся на несколько мелких частей. Митрополит и игумен рассказывали мне чудо об этом камне. За несколько десятков лет один священник служил обедню в здешней церкви, и во время последнего выхода с дарами при произношении слов *со страхом Божиим и верою приступите*, пролил св. Кровь Господню на камень, который, обыкновенно, полагается в самых царских дверях вроде малого амвона. Вдруг священник пал мертв, а камень разбился на мелкие части. И я видел красноватость в самых разломах камня. Народ благочестиво лобызает его, и так как многие стали отламывать от него частицы, то его скрыли в алтаре. По неимению иеромонаха, священник из Евфрафы иногда приходит служить здесь обедню.

⁶ Путник Антонина из Плаценции конца VI века // Православный Палестинский Сборник. Т. XIII. Вып. 3. СПб., 1895. С. 39.

Из церкви мы зашли на несколько минут в келью правителя монастыря, где он угощал нас сухим виноградом монастырским и кофеем. Он говорит по-русски ирландно, потому что бывал в России, а родом из болгар. Хотя он и говорит по-гречески, но едва ли умеет читать, и молитвенники его, часть Четвы-минеи и Платонов катехизис на славянском языке лежат на полке под караулом длинного ружья. Он жаловался, что турки его бьют. Сердечный! Быть может, и сам ты виноват бываешь! Впрочем, как видно, он порядочный эконо́м: наверху устроил две новые комнаты в прошедшем году, но еще не отделал их внутри: приготовил материалы для укрепления монастырской стены со стороны деревни каменным упором, но эпитроп Кирилл не дает ему позволения начать работу из опасения как бы не узнали турки, что без их позволения починается монастырь, и как бы не разорили монастыря. Мне кажется, что эта обитель, по разделу, досталась в удел преосвященному (епископу) Лиддскому. Она содержится виноградниками, кои обрабатываются за половину турками, живущими подле самого монастыря в бедной лачужной деревушке. Каменные лестницы внутри монастыря обставлены железными перилами. Это уже и роскошь. Монастырь должен быть очень древен. Одна стена его, кажется, восточная, давным-давно подперта каменными упорами: ибо они уже обросли мохом и травой, что бывает редко в жарких странах⁷.

Церковь, по описанию архимандрита Леонида (Кавелина) (1859 г.), «не велика и не богата; в ней у западной стены есть несколько цепей, которыми приковывают снаружи бесноватых и сумасшедших, и этим способом, как говорят, возвращают им здоровье. Монастырь этот пользуется громкой в этом отношении известностью у окрестных арабов всех вероисповеданий и содержится их приношениями»⁸.

А. С. Норов (1861 г.): «Мы направились на ночлег в монастырь св. Георгия, называемый также Петцала (Бет-Джала), а арабами ел-Хадер, находящийся на расстоянии около одного часа от Вифлеема. Настоятель этого монастыря о. Гавриил, природный араб, был нашим спутником. Этот православный арабский монастырь находится между холмами в плодородной долине, покрытой виноградниками, смоковничными и оливковыми деревьями. Безымянный автор de Josis Hierosolymitanis упоминает об этом монастыре около 1400 г. В конце столетия Фабри (1483 г.)⁹ говорит о нем, как о развалинах. Теперешний патриарх Иерусалимский Кирилл занялся прочным его обновлением при тщательной заботливости архимандрита Гавриила. Монастырь обнесен каменной стеной; небольшая, но красивая церковь накрыта куполом, который поддерживают четыре колонны. Живопись образов в роде суздальской, хотя образ св. Георгия очень древний.

Здесь особенно чествую цепи, в которые, как повествуют, был на этом месте закован св. великомученик Георгий; они привешены к стене, и об их чудотворном свойстве исцелять беснующихся, лишенных ума и лунатиков свидетельствуют многие древние путешественники, начиная с 1400 года, даже католики. Сами мусульмане посылают сюда одержимых сказанными недугами. К монастырю прилегает арабская деревня, пристроенная к развалинам прежних монастырских зданий. Мы нашли здесь самое теплое гостеприимство у настоятеля о. Гавриила, который пользуется во всей окрестности общей любовью как у православных, так и у мусульман»¹⁰.

Иеромонах Павел (Вертоградов) (1862 г.): «Из Вифлеема пошли к Мамврийскому дубу, но за дождем, прошли через сельцо Вежалово (Бет-Джала. — Авт.), вправо

⁷ Порфирий (Успенский), епископ. Книга бытия моего. Т. 1. СПб., 1894. С. 399–400.

⁸ Леонид (Кавелин), архимандрит. Старый Иерусалим и его окрестности. Из записок инока-паломника. М., 2008. С. 290.

⁹ Evagatorium in Terrae Sanctae, Arabiae et Aegypti peregrinationem. edit. Conr. Dieter. Hassleri. 1843.

¹⁰ Норов А. С. Иерусалим и Синай. Записки второго путешествия на Восток. СПб., 1878. С. 44–45.

по пути на Георгиевский монастырь греческий, верстах в 4-х отстоящий, где одна церковь с оградой, один архимандрит, да человек пять работников с певцами. Сей монастырь устроен, как говорят, по случаю пребывания здесь св. победоносца Георгия, во время жизни его. В этом монастыре пробыли двое суток: 3-е и 4-е числа февраля и две обедни мною совершены, с молебнами победоносцу Георгию и многолетием за всех православных; певцы были русские при достаточных голосах. Церковь во имя св. Георгия весьма обширна; посредине купол каменный с окнами; украшения особенного нет, кроме иконостаса; в алтаре есть каменная большая доска, которая была на престоле и от сосуда, нечаянно излитых Св. Таин при богослужении, треснула, стоит особо.

В сей церкви перед иконой св. Георгия в правой стене держат прикованных на цепях бесноватых, под стражей, кои и при нашем служении были, но только в тишине, подымаясь, стояли на ногах, а по отслужении литургий и молебнов св. Георгию — выпущены были. Здесь архимандрит принял русских ласково и два раза угощал всех горячей рисовой кашей, и прочим, за что всякий благодарил по состоянию его деньгами. Он весьма доволен остался служением, а особливо пением — стройным хором; а за то, что при поминовении на молебнах сверх русских: царя и всех русских, мы упомянули и патриархов греческих и его имя, он сам обратился на молитву и благодарил нас, говоря: „и я ваше служение передам патриарху; у нас такого праздника и службы русской еще и не было; просил и еще не оставить служением“»¹¹.

Архимандрит Антонин (Капустин) (1881 г.): «Среда, 25 сентября. Были в монастыре св. Георгия, осмотрели новые постройки в нем, церковь с цепью и недавним чудом, последовавшим с одним мусульманином стариком (60 лет), сидевшим на цепи и ночью пришедшим к игумену с рассказом, что св. Георгий снял ему с шеи цепь, и сказал (как? по-арабски? по-турецки? по-гречески??) „гайда вон“, отворив ему и двери церкви, которые найдены были незапертыми. (NB. Когда об этом рассказывал Евфимий, бывший в монастыре с матерью, то передавалось, что освобожденный от цепи был просунут в верхнее окно, что над дверью)»¹².

Архимандрит Павел (Леднев) (1881 г.): «На пути к Иерусалиму заехали обедать в патриарший древний монастырь св. Георгия. Когда стали подъезжать к монастырю, в нем зазвонили ко встрече патриарха. Патриарх сперва взшел в церковь, а потом в келью. Я в церкви у иконы св. великомученика Георгия увидел висящую железную цепь и спросил: для чего она устроена? Мне сказали, что тут, у иконы св. Георгия, приковывают приводимых ко св. Георгию для исцеления бесноватых. Я спросил: а кто приводит, — православные арабы? Мне ответили, что приводят и магометане; потому и они, получая исцеление от св. Георгия, почитают монастырь и приносят иногда свои приношения. Рассказали нам один случай, недавно бывший. Привели араба — магометанина бесноватого, или одержимого душевной болезнью. Его, по обычаю, приковали на цепь у иконы св. Георгия. Ночью св. Георгий явился ему, исцелил его, снял с него железа и, отворив ему запертую дверь церкви, велел идти к настоятелю и сказать, что св. Георгий исцелил его»¹³.

Архимандрит Киприан (Керн) (1930 г.): «12/25 января, суббота. До войны в Георгиевском монастыре было нечто вроде туземного прибежища для душевнобольных. Там есть какая-то комната с цепями в стенах, куда к этим стенам приковывают сумасшедших по их личному желанию (или их близких); оставляют им там циновку,

¹¹ Павел (Вертоградов), иером. Путешествие по святым местам на Святой Земле, во Святую Афонскую гору и в Палестину в 1862 году. Ч. 1. М., 1866. С. 62—63.

¹² Антонин (Капустин), архимандрит. Дневник. Год 1881. М., 2011. С. 165.

¹³ Павел (Леднев), архим. Краткое описание путешествия во св. град Иерусалим и прочие святые места. М., 1884. С. 44—45.

немного воды, еды, и кончено. Питайся как знаешь. Тут же справлялись и естественные потребности. Теперь англичане это запретили и прекратили такой примитивный способ психиатрического лечения. В турецкие же времена это было очень в моде»¹⁴.

РАМЛА

Особым почитанием св. вмчн. Георгия отмечено местечко Рамла¹⁵, расположенное на пути из Яффы в Иерусалим. «В 20 верстах от Яффы находится город Рамла, отечественный город благообразного Иосифа и Никодима, которые сподобились погребсти Пречистое тело Господа Иисуса Христа, — пишет иеромонах Серафим (1908 г.). — Здесь же есть греческая православная церковь во имя св. великомученика Георгия Победоносца и при ней мужской монастырь с удобным помещением для богомольцев. По преданию, тут был дом Иосифа Аримафейского»¹⁶. Русские паломники издавна находили здесь приют на пути в Иерусалим.

Из записок А. С. Норова (1835 г.)

Рамла живописно рисуется на плоской высоте, посреди садов; несколько разрушенных башен времен крестовых походов, вместе с малым числом минаретов высятся среди пальм и кипарисов над городом. Рамлу признают за древнюю *Аримафею*, где родился Иосиф, — тот праведный муж, который погребал пресвятое тело Спасителя. Здесь как бы затворяется перед нами Ветхий Завет, завет праведного Суда Божия, и открывается Новый, — завет Его милосердия.

Мы проехали обширное, запустелое предместье Рамлы, покрытое развалинами и садами, и достигли небольшого городка, который находится в их центре. После тяжкого пути сквозь пустыни, здесь в первый раз нашли мы сладкое отдохновение, в греческом монастыре. Этот монастырь, вновь отделанный, отличается от прочих зданий своим прочным и красивым построением. Настоятель был в отсутствии; нас принял гостеприимный эконоом. Мне отведена была келья на высокой террасе, над которой тихо развевалась роскошная пальма. Сама келья, с готическим сводом и окном, была окружена диваном и устлана коврами: она слабо освещалась узким окном и висящей посреди свода лампадой, против наддверной иконы Божией Матери. Трогательные чувства волновали душу мою, когда я остался наедине, в сладком спокойствии, против святой иконы. Дальность от родины, трудность пройденного пути, неверность возврата, — я все забыл в этой тишине затворнической — лишь близость Иерусалима была ощутительна сердцу моему, бьющемуся радостно¹⁷.

<...> На другой день я посетил греческую церковь во имя св. Георгия, в здании, прилежащем к монастырю. В нем несколько древних колонн; там показывают обломок мраморной колонны, озаменованной чудом св. Георгия. Святой великомученик Георгий пострадал при Диоклетиане в Лидде, которая отстоит на один час езды от Рамлы к северу, и где находится церковь, также во имя этого святого, построенная при Юстиниане. По сказанию Анны Комнен, мученичество св. Георгия происходило в Рамле. Тут есть также монастырь латинский, построенный Филиппом Бургундским; полагают, но без достаточных оснований, что он основан на том месте, где был дом Никодима.

¹⁴ Се восходим во Иерусалим. Иерусалимские дневники архимандрита Киприана (Керна). Октябрь 1928 — июнь 1930. Иерусалим, 2013. С. 117.

¹⁵ Рамле, или Рамла, — город в Израиле, расположен в 20 километрах к востоку от Тель-Авива, близ Лидды. Сегодня в Рамле интересны 30-метровый минарет мечети «Белая башня» (XIII в.), церковь Никодима и Иосифа (1902 г.) и уникальный подземный арочный бассейн.

¹⁶ Серафим, иеромонах. Путевые впечатления. СПб., 1910. С. 10.

¹⁷ Норов А. С. Путешествие по Святой Земле в 1835 году. Ч. I. Изд. 3. СПб., 1854. С. 82—83.

Тут показывали некогда крест, который, по некоторым преданиям, был работы Никодима и посвящен Пресвятой Богородице. Повествуют, что Никодим перед смертью завещал его Гамалиилу, а сей — св. Павлу; а потом переходил по завещаниям к Иакову, Симеону, Закхею. Этот крест долго находился в Бейруте, где проявил много чудес, и потом был перевезен в Италию, в город Лукку и поставлен в соборную церковь¹⁸. Одна из башен Рамлы, находящаяся теперь за городом, называется церковью 40 мучеников и принадлежит зодчеству крестоносцев. В Рамле показывают подземное водохранилище времен Елены; оно находится под сводами, которые замечательны своим построением. Здесь считают до трех тысяч жителей, из которых треть христиане.

Название Рамлы не древнее IX века; монах Бернард первый называет ее этим именем в своем путешествии в 870 году. Лидда и Рамла были принимаемы за один и тот же город некоторыми древними поклонниками по той причине, что оба эти города чествуют св. Георгия. (Поэтому игумен Даниил называет Лидду также именем св. Георгия)¹⁹.

Из записок архимандрита Порфирия (Успенского) (1843 г.)

19 декабря. Приезд в Рамлу в 5 часов. Гостиный двор, принадлежащий Иерусалимской патриархии, управляется монахом Захарией, болгаринном из Сливны, который с детства живет здесь. Этот двор обширен; много комнат: Захария вновь перестроил его с 1833 года по 1843 год, в правление Ибрагима.

Церковь во имя св. Георгия с приделом во имя пророка Илии стоит близ двора, но отдельно. Из надписи на камне, вставленном в левую стену, видно, что церковь построена при царице Ирине в 784 году. В 1798 году ее разрушили мусульманские поселяне: но она возобновлена в 1817 году; церковь невелика, чистенька, в ней к празднику Рождества Христова повешено много серебряных лампад пред иконостасом и посреди. Белый священник служит 5 раз в неделю <...> В Рамле считается 70 православных семей. Униатов нет. Армяне и латины имеют свои монастыри, в которых принимают богомольцев своего вероисповедания. По словам о. Захария, монастырь здешний не имеет имений.

NB. Стены церкви св. Георгия очень толсты. В ней сохраняется часть мраморной колонны, чудесно попавшей сюда из Мраморного острова. Жители и поклонники отламывают кусочки от этой колонны. Она довольно толста²⁰.

Местные христиане жили во враждебном мусульманском окружении, о чем сообщал архимандрит Порфирий (Успенский) (1853 г.): «В Рамле буйное юношество мусульманское собралось у ворот тамошнего греческого монастыря и кричало, что христиане хотят истребить мусульман. Мусселим разогнал негодяев. Однако, тамошние христиане не тревожатся и опасаются. Некоторые из них убежали в Яффу <...> Мусселим Рамлы известил иерусалимского пашу, что тамошние христиане от страха бегут в разные места, кто в Яффу, кто в Иерусалим. Посему паша сегодня советовал патриаршему наместнику писать к ним, чтобы они возвратились в свои дома и не тревожились пустыми страхами»²¹.

В 1852 году гостеприимством местных насельников воспользовался игумен Антоний (Бочков). «Местечко Рамла с пальмами и алойными огородами довольно приятно для глаз, хотя все здешние ландшафты требуют немногих красок, — пишет о. Антоний. — В монастыре св. Георгия останавливаются поклонники и приглашаются к игумену на кофе, и для записывания своих имен и родственников, живых и усопших, которые

¹⁸ Bonifac 7.— Cotovic. 139. Concilior. generalium. T. II. Ex serm. B. Patris nostri Athanasii.

¹⁹ Норов А. С. Указ. соч. С. 121—123.

²⁰ Порфирий (Успенский), епископ. Книга бытия моего. Т. 1. СПб., 1894. С. 348—350.

²¹ Там же. Т. 5. СПб., 1899. С. 130—131.

потом поминаются на литургии. Это общее греческое обыкновение вместо наших молебнов. Проводя ночь на легких циновках и под сводами здешних странноприимниц, в ожидании рассвета и последнего пути к Иерусалиму, редкие паломники смежают глаза, услаждаясь мыслями, что после полудня увидят Иерусалим»²².

Игумен Антоний ограничился упоминанием о кофе и синодиках, однако в монастыре Св. Георгия хранятся святыни, достойные поклонения. Афонский инок Парфений (1855 г.) кратко упомянул о некоторых из них: «Приехали в город Ремлю, по древнему Рама (*глас в Раме слышан бысть*). Тамо мы въехали в монастырь св. великомученика Георгия, и отвели нам гостиницу. Мы пошли в церковь и поклонились св. иконам; тамо хранится часть столба вдовицына, и мы его лобызали; в алтаре хранится одна древняя икона святителя Николая»²³.

«Столб вдовицын» требует отдельного рассказа; слово иеромонаху Серафиму (1908 г.).

В этой церкви хранится столб вдовы, получивший название по следующему преданию. Когда строилась в Рамле церковь во имя св. великомученика Георгия, одна вдова, жившая далеко, привезла столб к морской пристани и просила командира корабля, нагружавшего камень для строящейся церкви, перевезти столб. Командир корабля ей с гордостью отказал. Вдова, горько обиженная, заплакала, обратилась со слезами к св. великомученику Георгию и заснула. Во сне видит святого, начертавшего на столбе, чтобы его поставили с правой стороны церкви, после чего св. Георгий бросил его в море. Когда же капитан корабля с нагруженным камнем прибыл в Яффу, то на берегу увидал тот самый столб, который не принял от вдовы. Видя такое чудо, все изумились, а столб был взят и согласно найденной на нем надписи оставлен в церкви великого угодника Божия²⁴.

В записках иеромонаха Павла (Вертоградова) (1862 г.) содержится то же повествование, завершающееся словами: «В самоскорейшее время и прежде всех столб вдовицы поставлен был на месте своем. Часть столба сего поныне с аршин величиной хранится в церкви»²⁵.

В «чуде о колонне вдовы» речь идет о периоде, когда Палестина входила в состав Византии (до 637 года). Императором, приказавшим реконструировать храм великомученика, скорее всего, был Юстиниан I (527—565). После арабского завоевания Палестины этот храм был разрушен. В 784 году в Рамле был построен новый храм во имя великомученика Георгия. До настоящего времени в этой церкви показывают «колонну вдовы».

Русская страница (начало 1860-х гг.): «Мы доехали до Рамли или древняя Ариффея, родина того Иосифа и Никодима, которые погребали тело Христово. Теперь Рамля — небольшой турецкий город, имеет три дворя: греческое, латинское и армянское. Латинское, по преданию, на том месте, где был дом Никодима. Мы остановились в русском доме; я выбрала себе келью с балконом, осененным кругом пальмами. Благодаря нашего благочестивого русского Государя, палестинским поклонникам, где только они останавливаются, везде устроен приют; а если дают знать вперед о прибытии поклонников, то приготавливают и обед. Напившись чаю и отдохнув немного

²² Антоний (Бочков), игумен. Русские поклонники в Иерусалиме // ЧОИДР, октябрь—декабрь 1874, кн. 4, ч. II. С. 8—9.

²³ Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле постриженника святые горы Афонския инока Парфения. М., 1999. С. 7.

²⁴ Серафим, иеромонах. Путевые впечатления. СПб., 1910. С. 34.

²⁵ Павел (Вертоградов), иером. Путешествие по святым местам на Святой Земле, во Святую Афонскую гору и в Палестину в 1862 году. Ч. 1. М., 1866. С. 18.

здесь, мы ходили к вечерне. По окончании службы нас подвели к обломку мраморной колонны, ознаменованной чудом св. Георгия Победоносца. На этом обломке ветхая греческая надпись гласит, что самая колонна была пожертвована одной вдовицей, при сооружении храма, во имя св. Георгия Победоносца, и чудесно доставлена на место постройки»²⁶.

В 1892 году в Рамле, на пути из Яффы в Иерусалим, останавливалась группа русских паломников во главе с настоятелем Никандровой пустыни архимандритом Мефодием. «Расстояние от Яффы до Иерусалима шестьдесят верст; мы проехали целую ночь, сделав остановку лишь в Рамле, или Рамале для покормки лошадей, пишет о. Мефодий. — Рамля — отечественный город благообразного Иосифа и Никодима, которые сподобились погребсти пречистое тело Господа нашего Иисуса Христа. В Рамле есть греческая церковь во имя св. великомученика Георгия; при ней греческий монастырь, построенный, по преданию, на месте, где был дом Иосифа Аримафейского; а на месте дома св. Никодима (по преданию) — латинское подворье; там же находятся и другие подворья: греческое, русское и армянское»²⁷.

«Путеводитель по Иерусалиму» (СПб., 1863): «Рамля по-арабски значит «песок». Так названа эта большая деревня (почти город), может быть, вследствие песчаной местности, которую занимает. Думают, что Рамля есть древняя *Аримафея*, откуда был родом Иосиф Аримафейский. Происхождение Рамли, по словам арабского географа Абуль-Феды, мусульманское. Он утверждает, что этот город был основан в 711 г. по Р. Х. калифом Сулейманом, сыном Абдель-Мелека. Многие уверяют, что первыми материалами для основания Рамли послужили камни разрушенной Лидды. В 1099 году Рамля взята крестоносцами и отнята у них Саладином в 1187 г. Впоследствии здесь была главная квартира Ричарда Львиное Сердце, и Рамля оставалась затем во власти христиан до 1266 года, когда покорена опять султаном Бибарсом.

Жителей в Рамле около 4-х тысяч; из них мусульман 3.500. Остальные христиане, преимущественно православные, только 5 семейств латинских, один дом армянский, и один коптский. Греки, армяне и католики имеют по монастырю, из коих в последнем, католическом (основан Филиппом Добрым, герцогом Бургонским, в 1240 г., и впоследствии реставрирован Людовиком XIV), показывают комнату, где ночевал Бонапарт, отправляясь на осаду Акры. Главная мечеть, *Меджид-Эль-Абиад* (Белая мечеть), недоступна для христиан. Это есть ни что иное, как церковь крестоносцев, построенная в XII веке»²⁸.

В 1865 году на латинском подворье Рамлы останавливался отечественный палестиновед Д. Д. Смышляев. «В Рамле мы приютились в католическом монастыре, — пишет он. — Рамле — „песок“ — название, характеризующее местность, на которой построен город. Он окружен стеной, над которой красиво высятся минареты, плоские купола домов и главы монастырских церквей. На открытой местности перед городом разбросаны там и сям пальмы и маслины <...> В монастыре мы были приняты очень ласково. Патеры показывали нам комнату, находящуюся, по их уверению, на месте Никодимова дома»²⁹.

К концу XIX столетия число паломников, следовавших в Иерусалим через местечко Рамла, все более увеличивалось, а поскольку «спрос рождает предложение», то здесь, наряду с подворьями, появились частные пристанища. В начале 1890-х годов здесь нашла приют очередная группа русских пешеходцев. Вот что сообщал один из них:

²⁶ Путешествие в Иерусалим на поклонение святым местам (Путевые записки странницы). СПб., 1866. С. 78.

²⁷ Мефодий, архим. Дневник палестинского паломника. СПб., 1893. С. 11.

²⁸ Н. Б. Путеводитель по Иерусалиму. СПб., 1863. С. 24—25.

²⁹ Смышляев Д. Д. Синай и Палестина. Из путевых заметок 1865 года. М., 2008. С. 56—57.

«В местечке Рамли мы остановились в корчме, т. е. *лекандре*, которую держал здесь еврей, владеющий русской речью, заняли комнату и заказали самовар. Пока нам готовили чай и кормили лошадей, которые отдыхали у лекандры, мы успели пройти в католический монастырь, во внутрь которого нас, однако, не пустили. Затем осмотрели греческий монастырь св. Георгия Победоносца, где приложились к части мощей его — руке. Сопровождавший нас монах-грек сообщил нам, что монастырь этот был выстроен матерью царя Константина, св. Еленой, в бывшем здесь городе Аримафее. Тот же грек-монах показывал нам в церкви св. Георгия мраморную колонну, которая, как гласит предание, приплыла к берегам Яффы из Черного моря»³⁰.

Незадолго до начала Первой мировой войны в Рамле побывала группа русских епископов-старообрядцев. Сопровождавший архиереев мирянин С. И. Быстров ограничился краткой записью: «Интересна в историческом отношении Рамле с его шумными обитателями, раскинувшееся на равнине, носившее в древнее время название „Аримафей“. Эта „весь“ была родиной тайных учеников Христа: благообразного Иосифа и Никодима, оказавших последнюю услугу своему Учителю снятием со креста и погребением Его Пречистого Тела»³¹.

Краткость паломнических записей о Рамле объясняется тем обстоятельством, что большинство русских богомольцев устремлялись в Иерусалим, ко Гробу Господню. Но некоторые из них, посетив главные святыни Земли обетованной, на обратном пути отдавали дань памяти св. вмчн. Георгия в Лидде. «Из Рамли видны развалины *Лидды*, которая отстоит на два часа пути от нее к северу»³², — отметил в своих записках (1859 г.) тогдашний начальник Русской духовной миссии в Иерусалиме архимандрит Леонид (Кавелин).

ЛИДДА — ГОРОД СВ. ВЕЛИКОМУЧЕНИКА ГЕОРГИЯ

Город Лидда (по-еврейски «Лод», по-арабски «Лид») находится в центре Израиля, в непосредственном соседстве с международным аэропортом Бен-Гурион. Главной достопримечательностью города является храм Св. Георгия Победоносца.

Страницы истории

Лидда — город древний, впервые он упоминается в знаменитом «Перечне побед» фараона Тутмоса III в XV веке до Р. Х. Но письменные источники крайне скупы на его счет. В Ветхом Завете Лод упомянут как один из городов колена Вениаминова (1 Паралип. 8, 12; Неем. 11, 35); под именем Лидда — в книге Ездры (2, 33)³³. Иосиф Флавий говорит, что Кассий, римский правитель Иудеи, обратил жителей Лидды в невольничество³⁴.

Апостолы рано насадили христианство в Лидде, так как мы видим апостола Петра приходящим «к святым, живущим в Лидде». Там он исцелил расслабленного Энея, о чем повествуется в книге Деяний святых апостолов: «Лидда была близ Иоппии (Яффа); случилось, что Петр, обходя всех, пришел к святым, живущим в Лидде. Там нашел

³⁰ Аристов Петр. Путешествие в Палестину. СПб., 1894. С. 59.

³¹ Быстров С. И. По Востоку. (Путешествие старообрядческих епископов). М., 1916. С. 71.

³² Леонид (Кавелин), архимандрит. Старый Иерусалим и его окрестности. Из записок инока-паломника а. Л-а. М., 1873. С. 27.

³³ Лисовой Николай. Святая Земля: история и наследие. М.; СПб., 2015. С. 365.

³⁴ Н. Б. Путеводитель по Иерусалиму. СПб., 1863. С. 23.

он одного человека, по имени Энея, который восемь уже лет лежал в постели в расслаблении. Петр сказал ему: Эней! Исцеляет тебя Иисус Христос, встань с постели твоей. И он тотчас встал; и видели его все, живущие в Лидде и в Саронте, которые и обратилась к Господу» (Деян. 9, гл. 32—35).

В «Путеводителе по святым местам града Иерусалима» (Одесса, 1908) читаем: «Выйдя из Лидды по направлению к Рамле и проходя среди богатых сливами, фигами и абрикосами лиддских садов, путник встречает белый каменный столб, стоящий, по преданию, на том месте, где св. апостол Петр исцелил расслабленного Энея»³⁵.

Еще одно раннехристианское свидетельство — древнее предание о Лиддской чудотворной иконе Божией Матери.

...Апостолы Петр и Иоанн, проповедуя в городах, близких к Иерусалиму, основали и первую церковь в Лидде. Затем, отправившись в Иерусалим, они просили Пресвятую Богородицу прийти и благословить храм. Пречистая отвечала им: «Идите с миром: Я буду там с вами». Вернувшись в Лидду, апостолы увидели на одном из столпов храма не человеческими руками, но чудесным образом написанный лик Пресвятой Девы. С изумлением поклонились они нерукотворному образу и возблагодарили Бога. Вскоре после того приходила в город Сама Богоматерь и, увидев Свой образ на столпе, благословила его, даровав ему благодатную силу чудотворений. Праздник Лиддской иконы, перенесенной впоследствии в Рим, совершается в Православной церкви 12 марта³⁶.

В римское время, когда многие города были переименованы, Лидда получила название Диосполис (Божий град) — в честь Зевса-Юпитера. Это название встречается на монетах, которые чеканились в царствование римских императоров Септимия Севера и Каракаллы (конец II — начало III вв.). В первые века христианства в Лидде, относившейся к Кесарийской митрополии, была своя епископская (позже архиепископская) кафедра³⁷. Местные архиереи в соборных актах подписывались то епископами Лидды, то Диосполиса. Лиддский епископ Аэций участвовал в I Вселенском соборе в 325 году.

В 415 году в Лидде (Диосполисе) заседал поместный собор, созванный архиепископом Кесарийским для осуждения ереси Пелагия³⁸. Здесь же сам Пелагий осознал свое заблуждение и отрекся от своей ереси.

По местному преданию, из Лидды был родом св. великомученик Георгий Победоносец. Св. Георгий был римским воином, пострадал он при императоре Диоклитиане. Вот что пишет про «Егория-мученика» писатель-паломник Евгений Марков: «По народному преданию, в Лидде происходил знаменитый бой с драконом любимого героя Церкви христианской Георгия Победоносца, этого близкого русскому сердцу „Егория мученика“ о котором поется в русском духовном стихе:

А Егорий свет — Христу мученик,
Христу мученик, еще труженик...
По коленки ножки да в чистом серебре,
По локотки руки да в чистом золоте,
А волос да на нем что ковыль-трава,
А гласом гласит по-Евангельски,
А стихи поет Иже Херувимские.

³⁵ Путеводитель по святым местам града Иерусалима. Одесса, 1908. С. 42.

³⁶ Лисовой Николай. Указ. соч. С. 365—366.

³⁷ Там же. С. 366.

³⁸ Спутник паломника по святым местам. Париж, 1968. С. 45.

*Буйные ветры чудесно освобождают его
от глубоких погребов царя-мучителя.*

А Егорий-свет царишу враг — Демьянишу
Копьем грудь пробивал
Вот тебе, царище, за поруганьице,
За Христову кровь проливаньице!»³⁹

После мученической кончины св. Георгия 23 апреля 303 года в Никомидии, честные останки исповедника были перенесены его матерью в Палестину и похоронены в одном из ее имений в Лидде. Вскоре на этом месте был воздвигнут храм, — один из древнейших, посвященных св. Георгию Победоносцу⁴⁰.

«Из достопримечательностей Лидды необходимо указать церковь св. Георгия, построенную на развалинах древнего храма, времен Юстиниана, куда, после мучений в Никомидии и смерти, было перенесено его тело», — пишет С. И. Быстров, отмечая при этом, что «перед завоеванием Палестины арабами мощи мученика были вывезены христианами, чтобы не быть поруганными неверными»⁴¹.

Церковь Св. великомученика Георгия в Лидде

Древнейшее письменное упоминание об этой церкви встречается в итинерарии диакона Феодосия «О местоположении Святой Земли» (ок. 530 г.). Мы знаем из Месясцесловов точный день ее освящения — 3 ноября, но не знаем, какого года. По свидетельству Феодосия и пьенченского паломника (570 г.), от мощей великомученика происходили многочисленные чудеса. Большая базилика в Лидде изображена на мозаичной Мадабской карте (2-я половина VI в.). По одной из версий, строителем этой большой в имперском стиле базилики был св. равноапостольный Константин Великий, по другой — Юстиниан I. По преданию, записанному Вильгельмом Тирским (XII в.), церковь Св. Георгия была построена императором Юстинианом I⁴².

Так или иначе, в VI веке базилика во имя св. великомученика Георгия уже существовала, и даже город в церковных источниках именовался, по кафедральному храму, Георгиополис. Адамнан, со слов галльского паломника епископа Аркульфа (ок. 670 г. или 685 г.), повествует о мраморном столпе, у которого бичевали вмчн. Георгия и где осталось изображение святого. Храм не пострадал ни в нашествие шаха Хозроя (614 г.), так как персы не дошли до Лидды, ни при Сулеймане, сыне халифа Абд-эль-Малика, опустошившем Лидду в начале VIII века, так как мусульмане по-своему тоже почитали св. мученика — под именем Хадер («Зеленый»)⁴³.

Около 715 года халифом Сулейманом ибн Абд аль-Маликом в четырех километрах от Лидды была основана Рамла, ставшая главным городом провинции Палестина (Фаластин). Лидда превратилась в небольшое селение, но продолжала играть роль значи-

³⁹ Марков Евгений. Путешествие по Святой Земле. СПб., 1891. С. 22. См.: Кирпичников А. И. Св. Егорий и Егорий Храбрый. Исследование литературной истории христианской легенды. СПб., 1879; Верховец Я. Д. Подробное описание жизни, страданий, чудес св. великомученика и Победоносца Георгия. СПб., 1893; Бугаевский А. В., Владимир (Зорин), игумен. Житие, страдания и чудеса св. великомученика и Победоносца Георгия и св. царицы Александры. М., 1998.

⁴⁰ Лисовой Николай. Указ. соч. С. 366.

⁴¹ Быстров С. И. По Востоку. (Путешествие старообрядческих епископов). М., 1916. С. 70–71.

⁴² Лосева О. В. Георгия Победоносца великомученика церковь в Лидде // Православная Энциклопедия. Т. XI. М., 2006. С. 118–119.

⁴³ Лисовой Николай. Указ. соч. С. 366.

тельного религиозного центра. О существовании монастыря при церкви Св. Георгия сообщают паломники Епифаний Монах (1-я половина IX в.) и Берnard Монах (ок. 870 г.). Епифаний также упоминает о хранящихся в алтаре реликвиях: колесе, на котором пытали великомученика, и мраморном столпе, от которого происходили чудеса.

Несмотря на почитание вмч. Георгия мусульманами, в 1010 году церковь в Лидде была разрушена по приказу халифа аль-Хакима. Храм был восстановлен византийским императором Константином IX Мономахом. Возможно, работы были начаты еще ранее, при императоре Константине VIII. Сохранилось свидетельство, что в восстановлении храма принимал участие венгерский король Стефан (Иштван) I (1001–1038)⁴⁴.

Судьба храма вмч. Георгия удивительным образом связана с историей основания афонской Зографской обители, о чем повествует отечественный паломник Виктор Каминский (1857 г.): «Когда в IX в. пришли на Афонскую гору три брата, из рода царя Иустиниана, и стали на этой местности основывать обитель, не решив еще — чьему имени посвятить ее храм, то на приготовленной доске для написания местной иконы, начерталось само собой изображение св. великомученика Георгия. Тогда обитель назвали Зографом (Живописной), а храм посвятили памяти св. великомученика Георгия. Другая икона этого святого найдена была на зографской почве, — и в ней, пришедшие в то время из Палестины странники, узнали ту, которая стояла в городе Лидде, над гробом великомученика Георгия, и исчезла там, во время разорения сарацинами лиддского храма»⁴⁵. Лев Философ и царь болгарский Иоанн также привлечены были молвой на поклонение в Зограф чудотворному изображению св. Георгия и пожертвовали значительные вклады на достройку обители⁴⁶.

Разрушительные землетрясения в этом регионе произошли в 1033 и в 1067–1068 годах. В 1071 году Лидда была захвачена турками-сельджуками. Однако в 90-х годах XI века некое церковное здание существовало в Лидде, что следует из упоминания в «Истории Александрийских патриархов» Севира ибн аль-Мукаффы о том, что мощи великомученика находились под главным алтарем церкви⁴⁷. Перед тем как Лидду заняли крестоносцы (3 июня 1099 г.), церковь Св. Георгия была разрушена мусульманами, которые, по словам Вильгельма Тирского, боялись, что ее огромные балки будут использованы для сооружения катапульта и другой осадной техники во время штурма Иерусалима.

В эпоху крестоносцев Лидда, как и другие города Святой Земли, подчинялась в церковном отношении католическому Латинскому патриархату. Латинским епископом Лидды и Рамлы был поставлен Роберт Руанский, но греческое духовенство продолжало служить в церкви Св. Георгия на протяжении всего периода ее существования. В XII веке крестоносцы восстановили церковь, однако точная дата постройки неизвестна. Это произошло ранее 1177 года, наиболее вероятно, между 1150 и 1170 годами. Рядом находилась укрепленная резиденция епископа. Трехнефная готическая базилика с трансептом примерно совпадала по размерам с византийской базиликой. Она была сложена из блоков желто-коричневого известнякового туфа, капители колонн были изготовлены из белого с серыми прожилками мрамора, их базы — из белого мрамора⁴⁸. Согласно описанию церкви Св. Георгия паломника Иоанна Фоки (1185 г.), верхняя плита гробницы вмч. Георгия находилась в алтаре под св. престолом. Он рассказывает, что когда латинский епископ решил поднять плиту, то обнаружил под ней вход в пещеру с подлинной гробницей вмч. Георгия. Однако открыть ее не удалось, так как оттуда вырвалось пламя и опалило посланных епископом слуг.

⁴⁴ Лосева О. В. Указ. соч. С. 119.

⁴⁵ Каминский Виктор. Воспоминания поклонника Святого Гроба. СПб., 1859. С. 630.

⁴⁶ Христианство. Энциклопедический словарь. Т. 1. М., 1993. С. 146.

⁴⁷ Лосева О. В. Указ. соч. С. 119.

⁴⁸ Там же.

В 1187 году Лидду захватил Салах-ад-Дин (Саладин), который в 1191 году велел уничтожить церковь, но, видимо, она не была разрушена целиком, лишь серьезно повреждена. В 1192 году в Лидде был заключен мирный договор между английским королем-крестоносцем Ричардом I Львиное Сердце и султаном Саладином, после чего король повелел восстановить церковь Св. Георгия.

Из записок Вильяма Диксона (1860-е гг.)

Быть может, самым интересным событием в разнообразной истории Лидды было ее разделение Ричардом и Саладином на две части — христианскую и мусульманскую, при условии, что под покровительством св. Георгия, воинственного и героического святого, патрона храбрых, английский рыцарь и его сарацинский враг, который уже не был более врагом, — будут жить в мире и любви друг с другом, и что франк пользуется правом молиться в своей церкви, а араб — в своей мечети.

С другими временами явились и другие люди, — менее прямодушные рыцари, чем Ричард, — менее мудрые султаны, чем Саладин; но урок, данный этим прекрасным договором, был не совсем потерян. Англия признала своим патроном св. Георгия Лиддского, а сарацины не только продолжали питать уважение к церкви франков, но еще прибавили к своему собственному календарю имя нашего английско-го святого. В течение многих лет после удаления из Лидды последнего крестоносца, христианская церковь поддерживалась там на английские деньги, а когда деньги перестали доставляться в Палестину, тогда прелестные остатки ее получили охрану от разрушения и грабежа посредством сооружения в одном углу их крошечной мечети: в этом отношении латиняне благоразумно подражали сарацинам, применив такой же способ к развалинам Пантеона, Колизея и других зданий императорского Рима

<...> Над гробницей св. Георгия Лиддского была построена церковь уже в самые древние времена, — по словам некоторых, — при Юстиниане; около церкви устроился монастырь, и в течение многих столетий самый город был известен рыцарям-крестоносцам только под именем города св. Георгия. Во время первого отступления Саладина перед Львиным Сердцем стена и церковь Лидды были разрушены. Ричард долго жил в этом городе, а также в соседнем с ним Рамлехе среди лугов и виноградников, находящихся между обоими городами. Предание говорит, что он отстроил вновь церковь св. Георгия в Лидде; эта легенда носит на себе характер достоверности, который подтверждается прекрасными развалинами, находящимися и теперь близ мечети; уцелевший в этих развалинах свод смело мог бы составлять часть любого английского здания в Фернесе или Гластонбери⁴⁹.

В Англию культ св. Георгия проник еще до норманнского завоевания. Известна построенная в 1061 году церковь Св. Георгия в Донкастере. Во время 3-го крестового похода (1189—1192) Ричард I Львиное Сердце, который видел св. Георгия в блистающих доспехах во главе христианского войска, поручил армию крестоносцев покровительству святого. Видимо, с этого времени флагом английской армии становится знамя св. Георгия с красным крестом на белом фоне. В XIV веке св. Георгий был официально признан небесным покровителем Англии. В 1348 году английский король Эдуард III учредил орден Св. Георгия (орден Подвязки). На современном английском флаге изображен Георгиевский крест.⁵⁰

«Путеводитель по Иерусалиму» (СПб., 1863): «Ричард Львиное сердце особенно чтит св. Георгия и пожертвовал 12 тысяч золотых на построение во имя его церкви в Лидде, что и было исполнено. Развалины этой церкви, разрушенной Саладином, показывают донныне близ Лидды. Еще целы некоторые из абсид с пилястрами и мра-

⁴⁹ Диксон Вильям. Святая Земля. СПб., 1869. С. 334—335.

⁵⁰ Калинин Ю. В. Почитание св. Георгия на Западе // Православная Энциклопедия. Т. X. М., 2005. С. 679.

морными капителями. На южной стороне видна большая арка, подпертая колоннами, имеющими орнаментны капители. Половина церкви занята мечетью»⁵¹. Позднее камни от готического собора были использованы при строительстве моста в нескольких километрах к северу от Лидды⁵².

Из описаний паломников Людольфа Зудгейма (1336 г.) и Николая из Поджибонси (1346 г.) следует, что в это время церковь находилась в хорошем состоянии. Известно, что византийский император Иоанн VI Кантакузин выделял деньги на реставрацию храмов на Св. Земле. Николай из Поджибонси сообщает, что церковь была украшена фресками, а Людольф Зудгейм упоминает также мозаики и мраморную облицовку. Паломники XIV в. говорят о хранившемся в храме камне, на котором была усечена глава вмч. Георгия⁵³. Правда, и после этого храм неоднократно разрушался и вновь восстанавливался — со все более серьезными невосполнимыми утратами.

В 1442 году, при египетском султани Захире Сейф-ад-Дине Чакмаке, вспыхнуло гонение на христиан, и церковь св. Георгия была разрушена. Западная ее часть была отторгнута мусульманами и обращена в мечеть. Тогда же мусульмане захватили придел св. Иоанна Богослова и, разобрав его, использовали камни для сооружения моста через реку. А на месте придела был устроен сад при мечети⁵⁴. В 80-х гг. XV в. доминиканец Феликс Фабер описал развалины готического собора, упомянув построенную рядом с ним мечеть. В 1517 году в храме, от которого уцелела алтарная часть и крипта, было возобновлено православное богослужение.

Последний раз храм подвергался осквернению и разрушению во время восстания янычар в Иерусалиме в 1809 году⁵⁵.

Русские паломники у гробницы св. великомученика Георгия

В 1106 году игумен земли Русской Даниил кратко упомянул о Лидде: «От Ельмуса до Лидды четыре версты, иди все по полю. Тут был большой город Лидда, ныне же он называется Рамле. В Лидде апостол Петр исцелил Енея, лежащего на одре»⁵⁶.

Как явствует из приведенных строк, киевский пешеходец смешивает два названия: Лидду и Рамле. Кир Бронников, побывавший здесь в 1821 году, «поправляет» игумена Даниила: «Лида, небольшое местечко, от Ремлы отстоит не более пяти верст; в нем есть базарец и лавочки. Жители арабы и турки, магометане, есть также, только немного, правоверных арабов»⁵⁷.

Далее Кир Бронников описывает тогдашнее состояние храма и «усердие» русских паломников: «Церковь во имя великомученика Георгия от времени более половины обрушилась. Среди церкви, где положено тело великомученика, складено небольшое надгробие со сводом; в нем горит кандило (лампада) с маслом. Видно из всего, что в древности сия церковь была огромная, мастерства крепкого и красивого. Первый в ней престол в честь святого великомученика Георгия, второй — Божией Мате-

⁵¹ Н. Б. Путеводитель по Иерусалиму. СПб., 1863. С. 23.

⁵² Лосева О. В. Георгия Победоносца великомученика церковь в Лидде // Православная Энциклопедия. Т. XI. М., 2006. С. 119.

⁵³ Там же. С. 119.

⁵⁴ Лисовой Николай. Указ. соч. С. 367.

⁵⁵ Там же. С. 368.

⁵⁶ Житие и хождение Даниила, игумена Русской земли // Путешествия в Святую Землю. Записки русских паломников и путешественников XII—XX вв. М., 1994. С. 34.

⁵⁷ Путешествие к святым местам, находящимся в Европе, Азии и Африке, совершенное в 1820 и 1821 годах села Павлова жителем Кирием Бронниковым. М., 1824. С. 31.

ри, а третий — пророка Божия Илии. Алтарь, кроме покрова, цел, но большая часть церкви отгорожена на мечеть; а что церковь прежде была великолепная, то можно заметить из останков мраморных столбов и карнизов. Богомольцы наши из усердия отламывали мрамору и брали, сколько хотели. При нас пришел в церковь арабский священник и читал, по-видимому, канон святому Георгию и Евангелие; за что мы дали ему несколько пар. Пересмотрев все в церкви и поклонившись гробу великомученика часа за два до ночи возвратились в Ремлю»⁵⁸.

В начале сентября 1835 года в Лидде побывал иеромонах Аникита (в миру князь С. А. Ширинский-Шихматов); в тамошнем храме он молился у гробницы св. вмч. Георгия. «Приехали, по желанию нашему, в Лидду на гроб св. великомученика Георгия, над которым еще императрицей Еленой построен был великолепный храм, которого колонны и целые арки, и своды остаются еще не разрушенными и в котором тогда арабские священнослужители совершали вечерню, — пишет о. Аникита. — С благословения их, отслужил я со спутниками своими молебное пение св. великомученику Георгию на его гробе»⁵⁹.

А через два года, во время землетрясения (1837 г.), обрушились свод храма и северная апсида. В 1844 году этот храм посетил архимандрит Порфирий (Успенский). Вот его рассказ об увиденном. «7 августа 1844 г. Церковь во имя св. Георгия, судя по остаткам алтаря и первой внутренней арки (направо от алтаря), была великолепна, висока, широка и длинна. Столбы из полуколонн и пилястров поддерживали своды храма. Один из этих столбов уцелел. Каждый столб, очевидно, имеет форму креста. Арка уцелевшая — островата кверху. От противоположного столба уцелел один базис. Подле минарета заметен кусок южной стены церкви. Теска камней щегольская. Над арками был этажик с пролетными окнами»⁶⁰.

Архимандрит Порфирий (Успенский), тогдашний начальник Русской духовной миссии в Иерусалиме, оказывал большую помощь в этот трудный период в жизни лиддской общины. Об этом он упоминает на страницах своего дневника.

14 сентября 1852 г. Часов в пять пополудни являлись ко мне почетные христиане из Лидды (два старосты церковные и с ними еще человека четыре) и объявили, что у них с полгода нет учителя в школе, дети забыли и то, что знали, также нет риз в церкви, да и церковь весьма убога, и требуется новая. Если не удовлетворит патриарх нашим требованиям в течение месяца, то мы закроем церковь и отошлем ему ключи, — так примолвили они наконец. Я обнадежил их, что церковь будет им построена новая на старом основании, что ризы я сам изготовлю и пришлю им в непродолжительном времени (целуют мои руки) и учителя постараемся приискать. Они ушли от меня довольные⁶¹.

16 сентября 1852 г. В десятом часу был у меня старый и седой священник из Лидды, отец Иаков, и поведал, что паства его состоит из 400 душ (в этом числе, все — и старые и малые обоего пола, а платящих харадж, — подать, душ 70). Я дал ему рубль серебром и показал матерью на ризу, подризник и пр., кои намерен изготовить для Лиддской церкви⁶². Утром я был у патриарха и испросил у него благословение изготовить церковное облачение для священника в Лидде. Он благословил, но велел препроводить ризы чрез рамльского игумена Стефана. Я согласился и, покончив это дело, просил его определить учителем в Лидду молодого араба Георгия Даду, кото-

⁵⁸ Там же. С. 31–32.

⁵⁹ Путешествие иеромонаха Аникиты (в мире князь С. А. Ширинского-Шихматова) по святым местам Востока в 1834–1836 годах // Христианское чтение, 1891, ч. 1, май–июнь. С. 541.

⁶⁰ Порфирий (Успенский), епископ. Книга бытия моего. Т. 2. СПб., 1895. С. 341.

⁶¹ Там же. Т. 4. СПб., 1896. С. 298–299.

⁶² Там же. С. 300.

рый находится в услужении у греческого лекаря. Патриарх согласился и велел архимандриту Герасиму позвать его. Хорошо все строится!⁶³

8 февраля 1853 г. Я, дорожа утренней прохладой, отправился с переводчиком своим в Лидду. Нас провожал туда монастырский кавас Хассан. В Лидде мы застали обедню. Христиане пели по-гречески *Святый Боже*, когда мы вошли в их темный и убогий храм. Священник, убранный сединами, совершал жертву хваления в ризах, пожертвованных мною⁶⁴.

«10 сентября 1853 года. Четверток. Приятно мне было видеть малых арабиков в Лидде, куда я прибыл сегодня в девятом часу пополудни. Здесь школа помещается в церковном доме, близ развалин церкви св. Георгия великомученика. Учеников еще немного. Учитель у них один, тот самый, которого я прислал сюда из Иерусалима. Учебные пособия, как-то: аспидные доски, бумага, карандаши, азбуки, Часословы и Псалтири, столы и черная доска для арифметических задач, все это есть, новенькое, с молоточка. Отцы и матери рады, что у них началось порядочное обучение детей их»⁶⁵.

При этом следует отметить, что православная община Лидды была вынуждена жить во враждебном мусульманском окружении, о чем пишет о. Порфирий: «29 октября 1853 года. В Лидде магометане ночью под 22 день октября бросали камни в дома христиан, сожгли новые ворота в церковном дворе, взяли несколько камней из развалин церкви св. Георгия и перебросили их во двор смежной с нею мечети своей. Христиане пожаловались на них мусселиму. Он отыскал виновных и втюмил, а иерусалимский паша велел сослать их в ссылку. Однако лиддяне, по совету патриаршего наместника, простят их и упроят пашу помиловать их. Так это нужно в настоящее время, когда идет война турко-русская»⁶⁶.

Храм Св. Георгия по-прежнему пребывал в руинированном состоянии. В 1859 году в таком виде застал эту церковь тогдашний начальник Русской духовной миссии в Иерусалиме архимандрит Леонид (Кавелин). «Здесь находятся и донныне развалины великолепного храма, построенного Юстинианом в честь великомученика и обращенного впоследствии в мечеть, — пишет о. Леонид, добавляя при этом: — Лидда считается главным городом православного епископа того же имени. Титул этот в бытность мою в Иерусалиме принадлежал второму наместнику Иерусалимского патриарха архиепископу Герасиму, скончавшемуся в 1860 году; это был муж замечательный благодушным несением креста тяжелой болезни, которая по несколько раз в году повергала его на смертное ложе»⁶⁷.

Русская странница (начало 1860-х гг.): «Святой великомученик Георгий пострадал при Диоклетиане, в городе Лидде, которая отстоит на один час пути от Рамли, к северу. Там и отечество великомученика Георгия, там находится и церковь во имя его, построенная при царе Юстиниане. Теперь эта церковь разорена, и на том месте, где был алтарь, находится гроб великомученика Георгия. Подле этой разоренной церкви есть другая небольшая. В Лидде считают около 500 турок и до 100 православных христиан»⁶⁸.

В руинированном состоянии была эта церковь и в 1865 году, когда в Лидде побывал отечественный палестиновед Д. Д. Смышляев. «Из Рамле мы сделали пешком экс-

⁶³ Там же. С. 308.

⁶⁴ Там же. С. 394.

⁶⁵ Порфирий (Успенский), епископ. Книга бытия моего. Т. 5. СПб., 1899. С. 148–149.

⁶⁶ Там же. С. 160.

⁶⁷ Леонид (Кавелин), архимандрит. Старый Иерусалим и его окрестности. Из записок инока-паломника а. Л-а. М., 1873. С. 27.

⁶⁸ Путешествие в Иерусалим на поклонение святым местам. (Путевые записки странницы). СПб., 1866. С. 78.

курсию в Лидду, — пишет он. — Здесь родился св. Георгий Победоносец. Развалины церкви во имя этого святого, построенной в половине XII века и разрушенной Саладином, чрезвычайно живописны»⁶⁹.

В те годы францисканцы пытались претендовать на древние руины; в Лидде активную деятельность проявляли католические миссионеры. Д. Д. Смышляев познакомился с одним из них, о чем сделал запись в своем паломническом дневнике: «Случайно попали мы также к католическому миссионеру, так называемому prete di patriarcha⁷⁰. Человек он весьма гостеприимный, любезный и личность довольно интересная. Родом грузин, он был вывезен из Тифлиса в малолетстве в Рим, там обращен в католичество, воспитывался в академии Пропаганды (веры) и в настоящее время миссионерствует в Лидде, куда послан иерусалимским католическим патриархом. Угостив нас в своей грязной каморке кофеем и вином и поспорив с моим спутником о превосходстве католического исповедания перед англиканским, он вызвался показать нам Лидду. Прежде всего мы прошли к месту, где, по преданию, находился дом Энея, исцеленного апостолом Петром (Деян. 9, 32—34). Теперь тут хороший садик, принадлежащий турку»⁷¹.

Церковь Св. Георгия простояла в руинах до 1870 года, когда после спора между греками и францисканцами святыня была признана греческим владением. В 1871 году Иерусалимский патриарх Кирилл II обратился с воззванием к российским кавалерам ордена Св. Георгия с просьбой о пожертвованиях на восстановление храма. Активное участие в этом деле принял тогдашний начальник Русской духовной миссии в Иерусалиме архимандрит Антонин (Капустин). Так, в письме к графу Н. П. Игнатьеву от 28 мая 1870 года он писал: «В дело лиддское нам, русским, не следовало ли бы вмешаться прямо от своего лица? Св. Георгий принадлежит нам и по „Юрьеву дню“, и по государственному гербу, и по ордену»⁷².

5 июня 1871 года архимандрит Антонин (Капустин) в своем письме архимандриту Леониду (Кавелину) сообщал очередную новость: «Патриарх (Кирилл II Иерусалимский) теперь превитает в Лидде. Начинается возобновление храма святого великомученика Георгия, оспаривавшееся столько времени франками»⁷³. По высочайшему повелению императора Александра II из сумм капитула ордена было отпущено 3 тысячи рублей. На средства, выделенные российским правительством, была возведена новая церковь, освященная 3 ноября 1872 года. О. Антонин участвовал в освящении храма⁷⁴.

Но еще ранее, в письме от 14 ноября 1871 года, архимандрит Антонин сообщал графу Н. П. Игнатьеву: «Нас же поздравьте с окончанием лиддской церкви. Вышла вещь очень хорошая. Денег ухлопано на нее тоже хорошая куча, а именно около 7000 турецких лир. Патриарх ждет не дождется великодушных жертв от победоносного русского ордена Святого великомученика Георгия, богатейшего, как говорят, из всех орденов целого света»⁷⁵.

⁶⁹ Смышляев Д. Д. Синай и Палестина. Из путевых заметок 1865 года. М., 2008. С. 57.

⁷⁰ Итал.: священник (иерусалимского) патриархата.

⁷¹ Смышляев Д. Д. Синай и Палестина. Из путевых заметок 1865 года. М., 2008. С. 57.

⁷² Переписка архимандрита Антонина (Капустина) с графом Н. П. Игнатьевым 1865—1893. М., 2014. С. 153.

⁷³ Цит. по: Гнутова С. В. Святые места Иерусалима в паломнических реликвиях // Святая Земля. Историко-культурный иллюстрированный альманах. Издание Русской Духовной миссии в Иерусалиме. № 1, ч. 1. 2012. С. 183.

⁷⁴ См.: Антонин (Капустин), архимандрит. Низложение Иерусалимского патриарха Кирилла (Из дневника покойного архимандрита Антонина) // Сообщения ИППО. 1901. Т. XII. Вып. 1. С. 75.

⁷⁵ Цит. по: Гнутова С. В. Указ. соч. С. 175—176.

А незадолго до освящения храма гробницу св. Георгия посетил великий князь Николай Николаевич, о чем сообщал один из участников этого паломничества: «Утром, 31-го октября (1872 г.), при превосходной погоде, выехали мы из Рамле и сделали небольшой крюк, чтоб заехать в город Лиду, куда пригласил нас патриарх осмотреть вновь выстроенную церковь на могиле св. Георгия, на сооружение которой поступило немало русских денег. Постройка эта исполнена весьма добросовестно. Его Высочество, приложившись к могиле угодника, устроенной весьма роскошно из белого мрамора, под церковью, продолжал путь далее»⁷⁶. Другой участник этого путешествия дополняет предыдущее сообщение: «Утром выступили в 8 часов на Лидду, родину св. Георгия Победоносца. Город лежит в трех милях на восток от Яффы; с IV столетия в нем была епископская кафедра, зависевшая от Иерусалимского патриарха, и церковь в честь св. Георгия Победоносца, построенная Юстинианом. Крестоносцы восстановили храм и кафедру, уничтоженную с распространением владычества магометан. В настоящее время церковь разделена пополам между греками и магометанами, которые также почитают св. Георгия святым и потому в их половине устроена мечеть. Греки недавно заново отделали церковь и мраморную раку, в которой под спудом покоятся мощи св. Георгия. Патриарх Кирилл благословил Великого Князя частицей этих мощей»⁷⁷.

О гробнице св. Георгия в своих записках упоминает архимандрит Павел (Леднев) (1881 г.): «В Лидде гроб св. великомученика Георгия. О Лидде, или паче сказать, о гробе св. великомученика Георгия мне в Иерусалиме сказывал русский консул В. Ф. Кожевников, что когда общим тщанием он и блаженной памяти патриарх Иерусалимский Кирилл получили разрешение возобновить храм св. великомученика Георгия, то поставили новый мраморный каменный гроб на старом мраморном гробе св. Георгия для сохранения сего ветхого гроба»⁷⁸. В том же 1881 году храм Св. Георгия посетил архимандрит Антонин (Капустин). Его дневниковая запись предельно краткая: «30 мая. Суббота. Лидда. Сходим к могиле»⁷⁹. Я пою *Величаем ты* и пр. и говорю краткую ектенью»⁸⁰.

В начале 1880-х годов в Лидде побывал отечественный палестиновед В. Н. Хитрово. Вот его краткий рассказ о храме Св. Георгия: «Дошли мы до церкви святого великомученика Георгия. Она недавно, лет 10, как выстроена на месте древней церкви; внизу под престолом в небольшом приделе стоит мраморная гробница св. великомученика, приложились мы к ней, потом к образам. Прежняя церковь гораздо больше была, да турки половину ее под свою молельню взяли. На Святой Земле особенно почитают св. Георгия и пророка Илию — и не только православные, но и латиняне, и турки. Невдалеке от церкви, в поле, показывают белый каменный столб, стоит он, говорят, на том месте, где св. апостол Петр исцелил расслабленного Энея»⁸¹.

При осмотре храма бросается в глаза его архитектурная фрагментированность, искажающее воздействие окружающей мусульманской застройки. В византийскую эпоху он находился в центре монастыря, со множеством часовен вокруг, одна из которых сохранилась до нашего времени. Но и сегодня храм производит величественное впечатление. Несмотря на утраты, он довольно большой (20 м в длину и 17 в ширину)

⁷⁶ Сипягин В. Путешествие его императорского высочества государя великого князя Николая Николаевича Старшего по Турции, Сирии, Палестине и Египту в 1872 году. СПб., 1873. С. 86.

⁷⁷ Скалон Д. А. Путешествие по Востоку и Святой Земле в свите великого князя Николая Николаевича в 1872 году. СПб., 1881. С. 258.

⁷⁸ Павел (Леднев), архим. Краткое описание путешествия во св. град Иерусалим и прочие святые места. М., 1884. С. 17.

⁷⁹ Имеется в виду гробница (кенотаф) великомученика Георгия в крипте храма.

⁸⁰ Антонин (Капустин), архимандрит. Дневник. Год 1881. М., 2011. С. 103.

⁸¹ Хитрово В. Н. К животворящему Гробу Господню. М., 2003. С. 83–84.

и высокий (высота сводов 15–17 м). Колонны сложного профиля увенчаны коринфскими капителями. Элементы византийские, эпохи крестоносцев и XIX века мирно сосуществуют, не нарушая единства литургического пространства. Основной объем стен и сводов — эпохи крестоносцев. Главная базилика (47 x 24 м) имела три нефа и три апсиды. Современный храм двухпрестольный. Центральный придел посвящен св. Георгию, левый — празднику Введения во Храм Пресвятой Богородицы. Раньше существовал и третий (правый) придел, который был посвящен св. Иоанну Богослову. Но он был позже разобран мусульманами⁸².

В записках епископа Сухумского Арсения (Изотова), побывавшего в Лидде в 1894 году, содержатся краткие сведения об этом городе и о храме Св. Георгия. «Недалеко от железной дороги по левую сторону показывается селение с православной церковью; это бывший древний город Лидда, в котором св. апостол Петр исцелил Энея, восемь лет лежавшего на одре в расслабленном состоянии (Деян. 9, 22–35), — пишет владыка Арсений. — Этот город замечателен еще тем, что в нем родился св. великомученик Победоносец Георгий, пострадавший в Никомидии во время гонения Диоклитиана. Мощи его были перенесены на родину его и погребены в сокровенном месте, а с распространением веры христианской во вселенной, они были благоговейно положены в храме, построенном равноапостольным царем Константином, а потом еще более украшенном во времена Иустиниана. Ныне видимый храм, красивый и богатый, построен недавно, только в 1872 году, на развалинах того древнего храма иустиниановой эпохи. В настоящее время в селении до трех тысяч жителей, из коих целая треть православных христиан-арабов, а остальные все магометане»⁸³.

Паломники, посещающие Лидду, могут видеть в этом городке храм Св. Георгия и мечеть, которая с XV столетия занимает западную часть храма. К югу от Георгиевской церкви расположен комплекс строений, примыкавший к западной части южной стены главной базилики. Юго-западную часть этого комплекса занимало здание другой, меньшей по размеру трехнефной базилики (17 x 11 м), превращенной впоследствии в мечеть. На месте южных апсиды и нефа был разбит принадлежащий мусульманам сад. С восточной стороны малой базилики позднее было возведено небольшое квадратное строение (4 x 4 м) с куполом на цилиндрическом барабане. Предполагают, что первоначально здесь был баптистерий⁸⁴.

В Лидде сосуществуют приверженцы трех авраамических религий, и это отметил Влас Дорошевич в своей книге «В Земле обетованной. (Палестина) (М., 1900). Вот отрывки из ее 3-й главы под названием «У гробницы Георгия Победоносца».

Лидда — крошечный городок неподалеку от Рамле. Ее посещают, чтобы поклониться гробнице Георгия Победоносца. Мы подъезжаем к отворенной церкви, из которой слышатся греческие напевы. Небольшая церковь, и, показывая нам ее, монах-грек говорит:

— Здесь был очень большой храм. И колонны, которые теперь рядом в мечети, были колоннами этого храма.

Несмотря на ранний час, в храме масса молящихся арабов. Я не знаю более трогательной толпы поклонников, чем эти арабы-прозелиты, быть может, плохо понимающие, во что они верят, но верящие глубоко, искренно, страстно, всей силой своей детской души. Нищие они приходят сюда, чтобы поставить святому свечу, которую они покупают, отказывая себе в последнем. У входа в храм меня встретил

⁸² Лисовой Николай. Указ. соч. С. 368.

⁸³ Арсений (Изотов), епископ Сухумский. Святой град Иерусалим и другие святые места Палестины. СПб., 1896. С. 42.

⁸⁴ <http://guide-israel.ru/attractions/24368-cerkov-sv-vmch-georgiya-v-lidde>

нищий, протягивавший руку, смотревший на меня такими жалобными, такими умоляющими глазами и твердивший с такой мольбой:

— Бакшиш... Бакшиш...

Получив мелкую монету, он послал мне воздушный поцелуй и пошел в храм. Обходя церковь, я увидел его перед образом Георгия Победоносца. Он ставил маленькую свечку. И на лице его было столько радости. Он, вероятно, исполнял обещание, данное перед святым.

Их женщины, рано стареющиеся, печальные, молчаливые, приводят сюда своих детей, грязных, одетых в рубище и все-таки красивых, становятся на колени перед образом святого и учат молитвам. Этим странным арабским молитвам, искаженным, неузнаваемым, но полным веры во святость каждого слова. Как они молятся, с каким благоговением они слушают эти непонятные им слова греческих молитв и песнопений. Может быть, то, что эти слова непонятны, и вызывает особое благоговение к ним. Они кажутся таинственными словами Божества, недоступными простым смертным. Недаром араб, знающий немного по-гречески, пользуется особым почетом у своих: он знает язык, на котором говорят с Божеством!

Монах зажигает свечу, и мы спускаемся в подземелье, где в небольшой пещере стоит отделанная сероватым мрамором гробница Георгия Победоносца. На ее доске рельефное изображение святого. Церковь разрушали много раз. Но гробница всегда оставалась нетронутой. Самые свирепые, самые фанатичные победители, неистовствовавшие там, наверху, спускаясь сюда, во мрак этого подземелья, падали ниц перед гробницей, освещенной трепетным светом факелов. Перед гробницей всадника, победившего дракона. Этой гробницы касались только устами — люди, с обгренными по локоть кровью руками. Имя Георгия Победоносца окружено таким же ореолом в глазах мусульман, как и в глазах христиан.

Из церкви, наполненной в этот ранний час женщинами и детьми, мы идем осматривать древние полуразрушенные колонны, среди которых молятся местные мусульмане. Это они называют своей мечетью, посвященной также памяти Георгия Победоносца. И здесь, несмотря на ранний час, среди развалин много арабов — мусульман. Накрывшись своими полосатыми бурнусами, они сидят, поджав ноги и раскачиваясь всем телом, бормочут молитвы в то время, когда мулла завывает перед нишей, сделанной в старой стене.

Нельзя представить себе религии более пестрой, более мозаичной, чем та, которую исповедуют мусульмане в Палестине. Все культы здесь сплелись вместе. Они поклоняются святым христианским, магометанским и еврейским наравне и одинаково. Христос, Моисей и Магомет для них священны почти в одной и той же степени. Магометанские женщины ходят молиться Божией Матери и поклониться могиле Рахили. Георгий Победоносец и Давид, победивший Голиафа, для них одинаковые святые, почти одно и то же лицо. Предания христианства, еврейские сказания и легенды Корана сплелись для них в одно целое⁸⁵.

В записках иеромонаха Серафима, побывавшего в Лидде в 1908 году, имеется существенное уточнение. В храме Св. Георгия есть крипта, куда можно спуститься по мраморным лестницам в центре храма. Здесь стоит мраморная гробница св. великомученика Георгия, устроенная при реставрации храма в 1872 году. Это — кенотаф. «Здесь в церкви св. великомученика Георгия есть пещера, где некогда почивали мощи св. великомученика, унесенные отсюда перед завоеванием Святой земли мусульманами, — пишет о. Серафим. — В настоящее время стоит тут мраморная гробница, в знак того, что тут почивали св. мощи угодника Божия»⁸⁶. На гробнице рельефное изображение великомученика. Неугасимая лампада теплится на мраморной плите. Часть

⁸⁵ Дорошевич В. В Земле обетованной. (Палестина). М., 1900. С. 16–19.

⁸⁶ Серафим, иеромонах. Путевые впечатления. СПб., 1910. С. 34.

мощей святого хранится в ковчеге в алтаре храма, и когда приходят православные паломнические группы, священник выносит мощи из алтаря для поклонения верующим.

Из записок архимандрита Пимена (Хмелевского) (1955 г.)

16.XI. Среда. Рано утром я, мать Гавриила, мать Викторина и супруга г-на Ксантопулоса поехали в Лидду на празднование святого великомученика Георгия⁸⁷. В Лидду прибыли около 8 часов 30 минут. Вошел я в алтарь и пришел в ужас: на горнем месте — вешалка, висят рясы, шляпы, зонтики. Перед престолом какая-то ступенька с вышербленными досками, покрытыми ковром пятивековой давности. Два священника были уже в облачении. Это облачение представляло собою нечто среднее между цыганским одеянием и одеждою клоунов в театре. На облачении из красного шелка заплата из белой материи — кривые и косые, как лохмотья. Из-под фелони тянутся какие-то веревочки и тесемки. На престоле, как обычно, лежат служебники, стоят ржавые подсвечники, лежит какое-то облачение, очки, записные книжки, портсигары, записки и прочее. Проскомидия была уже совершена. Вместо просфоры (она здесь одна, а не 5, как у нас) употреблена лепешка величиной с тарелку и толщиной в два моих пальца. Антитор ни на что не похож: какие-то куски бесформенные, общипанные. В алтаре ходило шесть или семь архимандритов: они переходили перед престолом, останавливались, разговаривали, шутили, проходили через царские врата. Со всеми я поздоровался: «Калимерас!»⁸⁸ Очень скоро мне разыскали «самое лучшее» облачение.

Все пошли на встречу митрополита, который оказался справа у колонны в стасидии. Кстати, в иконостасе не оказалось южных дверей, только северные. Взяли у митрополита благословение и пошли через царские врата облачаться. Мне нашли красивую палицу и пояс. Набедренников у греков не существует. Запели какую-то службу. Минут через 10 митрополит вошел в алтарь и стал здесь облачаться, затем он вышел через царские врата на свое место и сел там. Клирос продолжал что-то петь. Вдруг ко мне подошел один из священников и сказал: «Вы будете сказать „Благословенно Царство...“». Меня это несколько удивило: ведь в алтаре служило 4 архимандрита. Но при возгласе диакона «Евлогисон, деспота!»⁸⁹ я сказал «Евлогимени и Василиа...»⁹⁰. Затем поклонился митрополиту. Позже я убедился, что это дело вовсе не нужное. Никто священников после возгласа митрополиту не кланялся. Погречески же я произнес и «Яко подобает...». Позже выяснилось, что на престоле стоял маленький микрофон, и все богослужение транслировалось по радио. Позже монахини в Горнем говорили мне, что они по радио слушали всю нашу службу. Итак, совершенно неожиданно я стал исполнять роль протопресвитера. Далее, за мною стояли: архимандрит Нифон с Фавора, архимандрит Дионисий из Каны, архимандрит Ибрагим из Акко, архимандрит Феоктист из Крестного монастыря и какой-то слепой священник из Рамле (араб).

Евангелие читалось на греческом, арабском и славянском языках. По-славянски читал я. Возглас «Призри с небесе...» митрополит произносил на трех языках на три стороны. После последнего Евангелия арабский священник говорил проповедь, после которой митрополит сразу сказал: «Яко да под державою...», и началась *Херувимская песнь*. Когда пели «Святый Боже...» (12 раз), то на горнее место никто не ходил. На *Херувимской* кадил сам митрополит. Вход совершался через всю церковь. Мне дали нести потир. Митрополит поминал по-гречески все как надо, а затем по-русски сказал: «Всех вас православных христиан...». После ектении — «Верую...» читалось. Митрополит дал мне сказать «Поюще, вопиюще...». После причащения все стали разоблачаться. Литургию заканчивал один митрополит, да еще архимандрит

⁸⁷ Память Обновления храма великомученика Георгия в Лидде (IV в.).

⁸⁸ «Доброго дня!» (греч.).

⁸⁹ «Благослови, владыко!» (греч.).

⁹⁰ «Благословенно Царство...» (греч.).

Дионисий, потреблявший Святые Дары. Половину возгласов митрополит Исидор делал по-гречески, половину — по-арабски, возгласа 4 сказал по-русски.

После литургии митрополит долго благословлял народ, которому раздавался «антидор» в виде покрошенных больших лепешек, таких же, какая была употреблена для Агнца. Вдруг я увидел, что в алтарь вошли человек 7–8 девушек лет по 15–16, которые требовали просфоры. Они подошли к самому жертвеннику. Находившийся в алтаре араб в длинном халате подошел к скамейке, на которой стопочками лежали лепешки-просфоры. На их нижней стороне было что-то написано чернилами. Он смотрел на эти надписи и тут же раздавал девушкам их просфоры. По окончании благословения все духовенство во главе с митрополитом пошло в трапезную, предводительствуемое двумя кавасами с палками и в шапках. Своими жезлами они яростно стучали по каменному полу.

Затем по храму стал ходить какой-то полицейский с револьвером. Два рабочих-радииста убрали радиостанцию. А ведь во время литургии раздавался сильный крик, разговоры, стук, переключка какая-то. И все это шло в эфир! На банкете сначала пили коньяк (по 30 г, в рюмочке) с конфетами (над церковью, втором этаже), а затем перешли в помещение архимандрита, настоятеля этого храма. Это был тот самый, что съел у нас в Миссии кошерную пищу на столике в день Святого Духа. Во время банкета какой-то араб закатил речь на 25 минут. Слушали его д-р Варди, д-р Мендес, другие представители Министерства религий, греческий консул и другие высокие гости. Затем говорил речь отец Симон (минут 5–6), затем еще какой-то араб. Казалось, что каждый докладчиков разносил присутствующих в пух и прах — такой пафос был в их речах⁹¹.

Любовь Миллер (1989 г.): «6 октября мы поехали в двухдневную поездку по Галилее. Выехали автобусом рано утром. Первой нашей остановкой был город Лидда, где находится гробница св. великомученика Георгия Победоносца. На том месте, где был дом родителей св. Георгия, стоит греческий храм. Этот храм был построен в конце прошлого века на месте разрушенного первого храма VI века.

Гробница св. великомученика Георгия Победоносца находится внизу под храмом. Туда спускаемся по лестнице. Гробница мраморная и украшена рельефным изображением святого. Как нам сказали, гробница пуста. Мощи св. Георгия были давно оттуда увезены. Над гробницей горит неугасимая лампада. Мы пропели здесь тропарь и величание великомученику. Владыка Лавр помазал нас маслом из лампады и вынес из алтаря ковчег с частицей мощей св. Георгия. Мы все с благоговением к ней приложились. Наверху, в храме, хранятся цепи, которыми был скован святой Георгий. Все паломники, как положено здесь, три раза переступают эти цепи, обводя ими вокруг себя и мысленно молясь святому Георгию Победоносцу»⁹².

В рассказе **игумена Никона (Смирнова)**, посетившего Лидду с группой паломников в 1994 году, содержатся интересные сведения о храме Св. Георгия. «Храм монастырский древний (IV в.), с достроенными частями позднейшего времени. Посреди интерьера — огромный хорос, массивное греческое паникадило добротной работы, — пишет о. Никон. — Спускаемся в крипту: там надгробие из белого мрамора с рельефным изображением в пояс св. великомученика Георгия. Ежегодно, по рассказу матушки Марии, родители приводят сюда своих детей для благословения батюшки, причем дети в военной форме, которую они надевают потом раз в год, на память св. Георгия. Настоятель этого греческого монастыря иеромонах Анания благословил кому-нибудь из священнослужителей-паломников в епитрахили взять с престола ковчег со св. мощами великомученика и вынести на середину храма для поклонения. Мы с благого-

⁹¹ Пимен (Хмелевский), архиеп. Дневники. Русская Духовная миссия в Иерусалиме 1955–1957 гг. Саратов, 2008. С. 164–167.

⁹² Миллер Любовь. Египет, Синай, Святая Земля // Православная Русь, 1989, № 12. С. 11.

вением и с пением прикладывались к святыне. Паломники стали брать открытки с видом гробницы, маслице, крестики и земельку в упаковках, чтобы увезти домой: ведь на Руси тоже очень чтут великомученика Георгия. Герб Москвы, мы знаем, изображает св. великомученика Георгия»⁹³.

В храме возле одной из колонн находятся почитаемые верующими «святые узы» — железные кандалы с цепью, в которых, по преданию, святой был прикован в темнице. В храме Георгия Победоносца существует необычная традиция. Православные паломники, помолвившись, добровольно надевают кандалы. Говорят, что это вылечивает от любой хвори.

Напротив храма, через дорогу, находятся строения современного небольшого греческого монастыря. В Лидде есть три старые маслобойни, в одной из которых сохранились фрагменты эпохи крестоносцев, и, наконец, мост через реку Дахер, построенный в XV веке из камней разобранной части церкви⁹⁴.

* * *

Лидда жестоко пострадала во время первой арабо-израильской войны 1948—1949 годов и в основном была покинута жителями-арабами. Тем не менее на 2016 год в городе насчитывалось 50 тысяч жителей, в том числе 15 тысяч мусульман и 2 тысячи христиан (из которых $\frac{3}{4}$ православных). Население постоянно возрастает за счет новых еврейских иммигрантов из разных стран⁹⁵. В Лидде неподалеку от храма и мечети имеется синагога. Новый город строится в сторону Иерусалима, а также и аэропорта Бен-Гурион, лежащего в четырех километрах.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Диксон Вильям. Святая Земля. СПб., 1869. С. 335—336.

Так как св. Георгий сделался не только христианским, но и мусульманским святым, то Лидда заняла видное место в арабских преданиях. Турецкие аги и эффенди знают, что св. Георгий — покровитель воинов, и верят, что самая жестокая битва последних времен мира произойдет у ворот Лидды. Мусульманские предания говорят, что тогда на границах Сирии появится Ал-Даджал, одноглазый Кафир или антихрист, — что он низложит растленные земные царства, возьмет в свои руки власть над сушей и над морем и наведет страх на всю землю. Он будет ездить на осле в сопровождении персидских евреев и носить на своем челе печать Кафира.

В это время у белой башни, что близ Дамаска, послышится шум; Христос низойдет с неба на это место; потом, собрав, всех верных в свой стан, Он будет гнать перед собой Ал-Даджала, через Горан, через Иордан, через Галилею и Самарию в долину Шаронскую и, наконец, напав на кафира у ворот Лидды, он пронзит чудовище копьём. После этого, продолжает легенда, Христос пойдет в Иерусалим, прибудет туда при восходе солнца, в час утренней молитвы, и тогда имам уступит Ему свое место, и сам Христос совершит там раннюю молитву. Утвердив в Сионе свой трон, Он приготовит наступление Божия царства тем, что заставит всех соблюдать правосудие и повелит всем познать истину; все люди сделаются счастливыми и на целой земле водворится мир⁹⁶.

⁹³ Никон (Смирнов), игумен. От Галилеи до Фиваиды. Изд-во «Паломник», 1995. С. 41.

⁹⁴ Лисовой Николай. Указ. соч. С. 365.

⁹⁵ Там же. С. 365.

⁹⁶ Диксон Вильям. Святая Земля. СПб., 1869. С. 335—336.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

**Дорошевич В. В Земле обетованной. (Палестина).
М., 1900. С. 19–22.**

Маленькая Лидда окружена мусульманской легендой, в которой, несомненно, сказание о Христе смешано со сказанием о св. Георгии Победоносце, всаднике-победителе. У ворот Лидды, по мусульманскому преданию, Христос победил антихриста, как Георгий Победоносец поразил дракона. Я расскажу вам эту легенду так, как мне перевели со слов муллы, говорившего с восторгом, увлечением, почти с вдохновением, с твердой верой, что это будет именно так, как он говорит. Это будет в последний день мира. Утром того дня, в вечер которого пронесется по горам и долинам медленный печальный и страшный звук трубы архангела. Весь мир будет тогда лежать у ног антихриста, покрытый позором, бесчестьем, развратом, грехами и преступлениями. Царь гордости, упоенный славой, антихрист пойдет в Иерусалим, чтобы воссесть на Сионе и венчать себя короной всего мира.

В это страшное утро он подойдет к Лидде, «ключу Иудеи», чтобы взять всю страну и беспрепятственно пойти отсюда в Иерусалим. Он появится здесь, наводя страх и ужас на самую природу. Листья будут сохнуть, трава желтеть и камни дрожать при приближении этого страшного черного воина. Черный конь, дышащий огнем. Черный чепрак. Черные латы и шлем, с развевающимися на нем черными перьями. На его латах, словно кровь и слезы, будут сверкать рубины и бриллианты. И весь, убранный рубинами и бриллиантами, черный всадник будет весь казаться обрызганным кровью и слезами. На его челе будет всеми цветами радуги, словно звезда, сорванная с полуночного неба, сиять и нестерпимым блеском сверкать украшение, закрывающее печать его чела, печать проклятия, позорную и ужасную. На его бледных губах будет змеиться улыбка, презрительная и жестокая. А темные как ночь, надо всем издевающееся глаза будут смотреть смело и гордо. В руках его будет щит с камнями неслыханной величины, неслыханной ценности. Щит, наводящий ужас на врагов, потому что эти невиданные камни будут гореть, как разъяренные глаза дракона.

Следом за черным полководцем появится несметное войско, изо всех народов мира, такое же черное, так же осыпанное драгоценными камнями. Воздух будет наполнен ржанием черных коней, звоном оружия, криками, полными страшных богохульств, и песнями, полными бесстыдства. За войсками на слонах, на верблюдах, в богатых колесницах, в носилках, несомых невольниками, придут сюда красивейшие женщины мира. Богато одетые или обнаженные, пьяные от страсти, с глазами, дышащими грехом. Они придут сюда, чтобы насладиться видом крови, ласками наградить победителей и безумной оргией отпраздновать победу.

И подъедет это страшное войско к городу Лидде, чтобы взять «ключ Иудеи». И вдруг остановится все как вкопанное, как пораженное молнией. Навстречу ему выедет из города статный Всадник на белом коне, в белых, как снег, блистающих одеждах. Белокурые волосы будут падать по Его плечам, и глаза Его будут тихо и кротко мерцать, как весенние звезды; без лат и без шлема; только в руке Его будет серебряный меч, как молния блещущий при свете утреннего солнца.

И словно стаи лебедей, сверкая своими белоснежными крыльями, спустятся с неба в долину архангелы, ангелы, херувимы и серафимы. Все в белых одеждах, все с золотистыми волосами и голубыми глазами, которые будут светиться, как светятся васильки в золотистой спелой ниве, все они будут держать поднятые к небу блещущие мечи. И будут их вереницы казаться золотым бесконечным потоком, льющимся с неба.

Вздрогнет черное войско. Злобой исказятся черты антихриста. Вонзит он шпору в бока своего адского коня, и из раненных боков брызнут кровь и огонь. Беше-

но ринется конь, и в ту же минуту поднимет своего белого коня лучезарный Небесный Всадник. И столкнутся их кони с такой силой, что вздрогнет под ними земля. И целый день будет длиться этот страшный бой, от которого будет дрожать долина. Бой двух всадников, на который молча будут смотреть два войска: черное и белое. Когда же день будет склоняться к вечеру, тогда, словно молния, кровавым блеском от пурпурных лучей заката блеснет в воздухе меч Белого Всадника. И разрубит пополам страшный щит и насквозь пронзит рыцаря ада.

— Ты победил! — в ужасе воскликнет антихрист так громко, что его вопль будет слышен во всем мире и упадет на землю бездыханный. И потечет его черная кровь, темно-красным блеском отливая в лучах солнца. И ужас, и безумие охватят тогда черное войско. Обезумевшие от страха, они кинутся друг на друга, поражая друг друга мечами и копьями. И будут расти потоки их крови, подниматься выше колена, и в этой крови будут тонуть раненые. И заходящее солнце будет видеть эту кровь, последнюю кровь, пролившуюся в мире, — оно, которое так много видело крови, восходя и заходя. А легионы ангелов будут стоять с высоко поднятыми мечами над этим страшным, над этим последним побоищем и петь «Осанну» Всаднику-Победителю.

Такова мусульманская легенда.

Contents

Prose and Poetry

Daria Stakhanova. Poems • 3

Natasha Filimoshkina. Russian Apocalypse. *Short story* • 7

Nora Yavorskaya. Poems • 15

Elena Yange. Old Mirrors. *Novel* • 19

Andrey Logutenko. Poems • 159

The Universe of Childhood

Vera Kharchenko. „Why Do Not You Laugh? Laugh! Laughter!“ *About the Children’s Speech – Seriously!* • 163

Publicistic Writings

Yuliya Mikhailova. Khrenkov Dmitry Terentyevich (1918–2002). *Memoirs of His Daughter* • 169

Petersburg Bookman

To the 200-th Anniversary of I. S. Turgenev. *Irina Chaykovskaya.* Chekhov and Turgenev. Typological Similarity of Two Characters. **Art of Reading.** *Gennady Katsov.* Portrait of Unidentified Incomers on the Background of Silent Outcomer. About Victor Sosnora. **Book Island.** *Elena Zinovieva’s publication* • 195

Pilgrim

Archimandrite Augustine (Nikitin). On the Veneration of Saint Great Martyr George • 228

Издатель: Общество с ограниченной ответственностью «Журнал „Нева“»
Адрес редакции: Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 18
Почтовый адрес: 191186, Санкт-Петербург, а/я 9
Телефон: (812) 314-50-52
E-mail: nevaredaction@mail.ru; nevaredaction@yandex.ru

Сайт «Невы» в «Журнальном зале»: <http://magazines.russ.ru/neva>
Ресурс в сети Интернет: <http://nevajournal.ru>

*Проект «Наследники и первопроходцы»
реализован на средства гранта Санкт-Петербурга*

Подписку на журнал «Нева» на территории РФ осуществляет агентство «Роспечать» по каталогу ОАО «Роспечать», подписной индекс 73276.

Свежие номера журнала, а также отдельные номера за последние годы можно приобрести:

в Санкт-Петербурге — в редакции журнала «Нева» (наб. р. Мойки, 18, тел. 312-49-23); **льготную подписку** можно осуществить непосредственно в редакции журнала (наб. р. Мойки, 18, тел. 312-49-23).

За рубежом подписку на журнал осуществляет АО «Международная книга» (117049, Москва, Большая Якиманка, 39, телефакс: (495) 230-21-17, 238-46-34).

Оптовая и мелкооптовая продажа: Санкт-Петербург, ООО «Журнал „Нева“», e-mail: officeneva@mail.ru

Почтовую рассылку отдельных номеров журнала и книг издательства журнала «Нева» на территории РФ осуществляет редакция. Заказ можно оформить на сайте издательства: <http://nevajournal.ru/book.html>

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-34950 от 15 января 2009 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций.
Учредитель: ЗАО «Журнал „Нева“»

Подписано в печать 19.07.2018. Гарнитура «Октава».
Формат 70×108¹/₁₆. Объем 16 печ. л. Печать офсетная.
Тираж 1500 экз. Заказ № 58
Издательство «Журнал „Нева“»

Отпечатано в типографии ООО «ИПК БИОНТ»
199026, Санкт-Петербург, Средний пр., 86
Телефон: (812) 207-58-43